

ВАХТАНГ СУРГУЛАДЗЕ

ГРАНИ РОССИЙСКОГО САМОСОЗНАНИЯ

*Империя, национальное
сознание, мессианизм
и византизм России*

W. Bafing
Москва 2010

УДК 008 + 32.019.5 + 316.6 + 323.1 + 930.1 + 930.85

ББК 60.033 + 60.523 + 66.5 + 87.6 + 88.5

С 90

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой её части
воспрещается без письменного разрешения автора.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор
Финансовой академии при Правительстве РФ *Е.В. Зорина*;

доктор философских наук, профессор
Финансовой академии при Правительстве РФ *Р.П. Трофимова*

Сургуладзе В.Ш.

С 90 Грани российского самосознания. Империя, национальное сознание, мессианиззм и византизм России. 2-е изд., испр. и доп. – М.: W. Vafing, 2010. – 480 с.

ISBN 978-5-9902169-1-4

В книге на базе цивилизационного подхода к истории и рассмотрению общества анализируются особенности формирования и дальнейшей эволюции российского национального и культурного самосознания. Выявляются цивилизационные закономерности развития российского общества.

Книга адресована преподавателям, аспирантам, студентам, может быть полезна широкому кругу читателей, интересующихся социально-философской, исторической и политической тематикой, историей развития российского самосознания, развитием общественного сознания в целом.

УДК 008 + 32.019.5 + 316.6 + 323.1 + 930.1 + 930.85

ББК 60.033 + 60.523 + 66.5 + 87.6 + 88.5

ISBN 978-5-9902169-1-4

© Сургуладзе В.Ш., 2010

Ю.Ц. посвящается

*Выражаю благодарность
Инне Геннадьевне Ильиной и компании
«Принт Класс» за поддержку, благодаря
которой эта книга увидела свет.*

Об авторе

Сургуладзе Вахтанг Шотович – магистр экономики, кандидат философских наук. Родился в Москве, окончил магистратуру и аспирантуру Финансовой академии при Правительстве Российской Федерации. Стажировку проходил во Всероссийском научно-исследовательском институте внешнеэкономических связей Министерства экономического развития и торговли РФ. Учился в Дипломатической академии МИД РФ. Работал корреспондентом общероссийских и корпоративных изданий: «Независимая газета», «Деловой вторник», «Аэрофлот», «Мир Аэрофлота», «Business Match», «Ile de Beauté» и др.

Преподавал философию в Институте кредита Финансовой академии при Правительстве РФ (ныне Факультет финансов и кредита).

Автор двух монографий и статей, посвящённых проблемам развития российского общества и национального самосознания.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	8
Введение	14
Глава I. Становление национального самосознания.....	27
<i>Идентичность</i>	<i>27</i>
<i>Четыре подхода к рассмотрению национальной идеи</i>	<i>35</i>
<i>Легитимистский этап: религия и вассальная верность</i>	<i>43</i>
<i>Формирование национального литературного языка, грамотность населения и интерпретация истории</i>	<i>48</i>
<i>Классовый аспект национального самосознания: от аббата Сийеса до Иосифа Сталина</i>	<i>64</i>
<i>Проблема формирования российской гражданской национальной идентичности. Постимперский синдром и синдром жертвы</i>	<i>76</i>
<i>Воображаемые сообщества: национальная солидарность и деятельностная концепция нации.....</i>	<i>86</i>
Глава II. Русский византизм: миф и реальность.....	118
<i>Развитие национального самосознания в России.....</i>	<i>118</i>
<i>Тернистый путь к Третьему Риму.....</i>	<i>137</i>
<i>Византийское влияние на формирование российского культурного самосознания</i>	<i>155</i>
<i>Российско-византийские параллели.....</i>	<i>181</i>
<i>Византийское наследие: геополитический аспект Восточного вопроса</i>	<i>208</i>
Глава III. Империя: мессианский аспект российского самосознания	214
<i>Первый мессианский проект России</i>	<i>214</i>
<i>Комплекс «нового слова»</i>	<i>236</i>

<i>Правда «Вех»: феномен русской интеллигенции и исторический нигилизм</i>	244
<i>«Русская идея» В.С. Соловьёва: характерный пример кризиса национального самосознания</i>	266
<i>Евразийство: геополитический аспект российского самосознания</i>	272
<i>СССР: надцивилизационная и наднациональная советская идентичность. Второй мессианский проект России</i>	279
<i>Пагубность мессианизма</i>	294
<i>XXI век: Россия снова в поисках себя</i>	305
<i>Глобализация и идентичность</i>	328
<i>Заключение</i>	359
<i>Концептуальные основы исследования</i>	374
<i>Приложение</i>	390
<i>Литература</i>	391
<i>Указатель имён</i>	421

От автора

У всякого самого скептического логика и психолога есть такая точка, где критика умолкает и начинается вера, где даже самый строгий аналитик перестаёт применять свои методы – именно к себе самому по поводу вопроса о разрешимости, даже существования, своей задачи.

Освальд Шпенглер

В гуманитарном знании отрицать субъективность невозможно. Чем более зрелым становится научное знание, тем большее внимание уделяется мнениям, идеологиям и мифам, в хитросплетениях которых живёт человек. Возрастает и понимание того, что каждый текст отражает личность своего автора, его страхи, предубеждения, надежды, ценности и пристрастия, ему самому неизвестные глубинные подсознательные мотивы.

Поэтому с точки зрения приближения к недостижимому идеалу объективного научного знания справедливо, когда автор в первую очередь говорит несколько слов о себе. О том, почему он пишет и какого мировоззрения придерживается. Исходя из этих соображений, я скажу несколько слов о том, почему родилась эта книга.

В силу ряда причин, прежде всего в результате распада СССР, я достаточно рано столкнулся с вопросами идентичности. В какой-то мере это было похоже на историю психолога Эрика Эриксона, которого вопрос идентичности мучил с самого раннего детства и который, чтобы найти на него ответ, посвятил психологии большую часть своей жизни. Как и Эриксон, я пришёл к вы-

воду, что лучший способ разобраться в чём-либо, это написать об этом книгу. В моём случае кризис идентичности был вызван культурным разрывом с Грузией, которого не произошло бы без распада Советского Союза.

Родившись в Москве, воспитываясь в русской среде, будучи по рождению русскоязычным, я чрезвычайно интересовался историей Англии и Британской империи, пережил острую фазу того, что в истории русской мысли называлось западничеством. Весь пафос западного свободолюбия и либерализма в сочетании с образами героических средневековых английских королей и российских нестроений 1990-х годов вызывал отрицание и неприятие России. Классический путь западника XIX века, ставшего, в конце концов, славянофилом, своеобразный эквивалент внутреннего психологического перехода из «варяг» в «греки», от преклонения перед Западом к попыткам понять Россию, от экспансионистской агрессии англо-саксонского мира к эпике Византийской империи и древней и Святой Руси.

Всё подавляющий шум западной цивилизации не смог уничтожить постоянного ощущения какой-то ущербности и неправильности в этой невзаимной любви к Западу, ощущение того, что мировоззрение не полно и картина искажена. И прежде всего диссонансом выступала пропасть между историей Запада и России, *чувством истории* там и отсутствием его здесь. Почему почти в каждой английской книге есть место Великой Хартии Вольностей 1215 года? Почему история передовой на протяжении веков Британии выступает плавным и поступательным движением английского народа к свету? Почему в России отсутствует это *чувство* Истории? Почему оно так не глубоко и переживается не как живое, а как мифически-легендарное? Почему история так часто и кардинально переписывалась и не уважалась? Но самое главное, как могли допустить такое отношение к своей истории, стране и государству, при всех его застарелых пороках, люди, которые называли себя интеллигенцией и притязали быть радетьями народа? Бесконечная череда вопросов...

Моя дипломная работа в бакалавриате была посвящена Вестминстерской модели бюрократии и её реформам, магистерская диссертация – международным валютно-кредитным и финансовым отношениям, эволюции Лондона и Франкфурта как

международных финансовых центров в условиях глобализации. Я оставался верен себе – Британия и Запад доминировали среди моих интересов. Работа над магистерской диссертацией по мировой экономике привела к вопросам о том, почему у «Них» так, а у «Нас» иначе.

Медленно, но верно в круг интересов всё настойчивее стали проникать произведения по теории модернизации, о влиянии религии и географии на общество. Однако, всё это ещё был Запад «святая земля чудес» (как сказал когда-то о нём Достоевский) и «протестантская этика и дух капитализма», а не этика православия. Так постепенно вызревали мысли об этой книге. Некоторые из них были высказаны и защищены в качестве кандидатской диссертации по социальной философии, опубликованы в нескольких статьях и брошюрах. И всё же большая часть текста возникла потом, изменились и многие оценки.

Читая Бердяева, Достоевского, Данилевского, Леонтьева, Розанова и князей Трубецких, я постепенно изживал в себе западничество. Русские философские нравственные метания в сочетании с работами по-западному прагматичных Тойнби, Броделя, Хантингтона и глубиной Шпенглера сформировали тот идейный фундамент, на котором был предпринят этот труд. Особое значение имели также поездки, совершённые мною в качестве корреспондента ряда изданий. Знакомство (пусть и весьма поверхностное) с Китаем, Сингапуром, Малайзией, Вьетнамом, Цейлоном, другими странами сделало очевидным всю иллюзорность западных притязаний на универсальность, которая более чем очевидна подавляющему большинству населения земного шара.

Но самой важной и сложной задачей было проникнуть за завесу непонимания самих себя и тотальной предвзятости, которая давно накрыла русское образованное общество.

Я двигался «задом наперёд». История России открывалась передо мной с XX века, от которого постепенно шла вглубь веков. Но сам приход к русской истории был обусловлен Западом, познание России стало своеобразным «доказательством от противного», выяснением, почему Россия не Запад.

Нормальное восприятие современности невозможно без адекватного ощущения прошлого, которое всегда окрашено ми-

фом. Вопрос только в том, что на основе одного и того же мифа можно получить разные результаты. У некоторых стран, к числу которых принадлежит и Россия, мифы менялись кардинально и несколько раз, в результате чего в сознании общества не возникло целостной картины своего прошлого, а само это прошлое представляется не планомерным развитием, а фрагментарным калейдоскопом из отдельных эпизодов разных эпох. Причём эпох не столь далёких, потому что для большинства образованных людей России истории до Петра как бы не существует. Между тем, *чем глубже общество осознаёт свою историю, тем сильнее в нём развито самосознание, тем лучше и точнее определяет оно свои цели, задачи и интересы.*

Самосознание российского общества и его нелёгкая судьба – тема данной книги.

Я насколько мог, пытался быть объективным и во всяком случае стремился быть честным. Однако социальная память, самосознание общества, выражающиеся в национальных мифах и идеологиях, слишком подвижны, чтобы их можно было точно измерить и определить. Надеюсь, что обширность предмета, масса сопоставлений и противоречивость большинства рассматриваемых тенденций общественного развития извиняют некоторые неточности, которых невозможно избежать в подобной работе.

Вахтанг Сургуладзе

Выражение благодарности за помощь и поддержку

Я благодарен всем людям, которые взяли на себя труд познакомиться с рукописью и высказать целый ряд замечаний и предложений, оказывали моральную поддержку и вдохновляли в моменты сомнений:

Доктору философских наук, профессору *Азе Давидовне Иоселиани* – за невероятное терпение и внимание, проявленные к автору и его тексту, несмотря на различие научных интересов.

Доктору философских наук, профессору *Роксане Павловне Трофимовой* – за помощь в разработке структуры исследования, внимательное чтение рукописи и острые комментарии, с которыми мне часто было сложно согласиться, но которые всегда вызывались антиномичностью предмета и в итоге помогли более ясному осмыслению и изложению спорных мест.

Доктору философских наук, профессору *Елене Владимировне Зориной* – прежде всего за неоценимую моральную поддержку, без которой это исследование не было бы написано, чтение рукописи, помощь в осмыслении общей концепции работы и, к сожалению, нечастые и непродолжительные, но необычайно плодотворные, вдохновляющие, интеллектуально наполненные и интересные беседы.

Доктору философских наук, профессору, академику РАН, старшему научному сотруднику ИНИОН АН РФ *Марку Михайловичу Скибицкому* и кандидату философских наук, доценту *Анатолию Яковлевичу Климову* – за благожелательное отношение, моральную поддержку и комментарии отдельных частей этой работы.

Доктору философских наук, профессору *Дмитрию Александровичу Силичеву* – за плодотворные семинары, которые утвердили меня в решении предпринять эту работу.

Отдельную благодарность хочу выразить *Наталье Зурабовне* и *Александру Геннадьевичу Хлопониним* и доктору экономических наук, профессору *Михаилу Абдурахмановичу Эскинда-*

рову, благодаря содействию которых у меня появилась возможность предпринять этот труд.

Не могу не отметить ценных замечаний и интереса, проявленного к этой работе *Ниной Григорьевной Быковой*.

Большое спасибо Елене *Александровне Сургуладзе*. Ей, как никому другому знакомо, как сложно жить рядом с человеком, вскакивающим по ночам и бросающимся к письменному столу, обрывающим разговор на полуслове, чтобы записать пару «бесценных мыслей» и беспрестанно приносящим в дом терриконы книг, которые умножаются быстрее, чем возникают книжные полки, на которых их можно было бы расположить. Нужно большое терпение, чтобы переносить такой «несбалансированный» образ жизни и обусловленные творческим поиском перепады настроений с высшей точки энтузиазма, переходящие в тотальное неверие в свою способность правильно изложить свои мысли и донести их до читателя. Умение терпимо относиться к нашим увлечениям и всепоглощающим научным исканиям и страстям – бесценный дар, который могут принести близкие люди увлекающемуся любимым делом человеку.

Хочу также поблагодарить всех, кто принимал участие в обсуждении этой работы и проявил к ней внимание.

Введение

Всякий, кто считает какую-либо теорию верной и важной, обязан сделать всё, что может, чтобы распространить её.

Герберт Спенсер

Многовековая история развития российского самосознания прошла сложный путь развития, попытка проанализировать который предпринята в этой книге. Среди многочисленных факторов, формировавших российское национальное самосознание, особняком стоят такие феномены как империя, мессианизм и византизм, каждому из которых я старался уделить соответствующее внимание, показать их взаимообусловленность, связь и эволюцию, претерпевавшуюся данными феноменами с течением времени. Однако если значение имперского мышления для самосознания российского общества – факт, не нуждающийся в обосновании и общепризнанный, то выявление содержания и значения для него (самосознания) феноменов русского византизма и мессианизма представляет значительные сложности для осмысления. В случае византизма актуальность задачи его исследования обусловлена фактом постоянного и имеющего длительную историю интереса к этому явлению, который значительно усилился в последнее время.

Осмысление прошлого, а тем более настоящего России через призму византийских влияний, русского византизма может вызвать недоумение. И, тем не менее, понимая всю неоднозначность такого подхода, я придерживался его, так как история Византии и изучение вектора развития России, который в значительной степени был задан Византией, может многое объяснить в

закономерностях социокультурных трансформаций российского общества. Знакомясь с историей Византии, сложно не поразиться схожести её социальной психологии с российской. И хотя внешне различия российской и византийской истории непреодолимо глубоки, при внимательном рассмотрении явно проявляются внутренне схожие процессы. Прежде всего, интерес вызывает сравнительный анализ отношения византийцев и россиян к Власти, собственности (земельные отношения), их социальная организация и, более всего, особенности социального действия или, точнее, бездействия – отсутствие корпоративности (по терминологии А.П. Каждана), умения объединяться в группы и противостоять властям в отстаивании групповых интересов, общая для России и Византии тенденция к мощной «вертикали власти» и ведущей роли государства и чиновного аппарата в экономической и политической жизни общества.

Строгий историк может сказать, что историческая жизнь Византии и России очень различна, но философ обратит внимание на то, что чем далее отходила Россия от лет своей исторической юности, тем более напоминала она Византию времён могущества в её социальном строе и, более всего, социальной психологии своего народонаселения. Историк сказал бы, что в Византии власть императора была зыбкой и ненаследственной, и был бы совершенно прав, но был бы прав и тот, кто указал на безграничность этой зыбкой власти, ограниченной только традицией и собственными предрассудками государя. Да и наследственность властного титула совсем не означает обладания самой властью, долгим примером чему служит английская монархия. Тем более, заслуживающим внимания в данной связи кажется сближение форм власти в древней Византии и России после революции 1917 года в последней, когда сравнению двух государств уже не могла мешать наследственность российской монархии, а высший пост государства занимали всесильные избираемые, не наследственные генеральные секретари, а затем президенты. Упоминание последних в контексте «всесильности» может удивить, так как вспоминаются слабый первый и единственный президент СССР и первый президент России, правление которого было отмечено ростом демократических свобод, выразившихся в том числе (если не главным образом) в неконтролируемой властью деятельности

средств массовой информации. Но удивление это проходит, если учесть тот факт, что как в Византии, так и в России, слабость Власти всегда была аномалией, а не нормальным состоянием общества и расцвет этих государств был напрямую сопряжён с укреплением Власти и наоборот, упадок едиnodержавного принципа приводил к разрушению.

Закономерности развития российского общества можно было бы рассматривать, основываясь на данных исключительно российской истории, но стоит ли проводить новый опыт, для осуществления которого нет возможности по причине незавершённости развития подлежащего изучению организма, то есть российского общества, когда истории уже известен такой опыт и он завершён. Большое видится издаleка, так же и при обобщающем изучении общества желателен временный перерыв и завершённость процесса, которые содействуют целостному и более объективному восприятию изучаемого объекта. В сфере же общественных наук на помощь исследователю приходит опыт прошлых веков и метод аналогии. Мы не можем точно предугадать, что случится с современным обществом в будущем, но можем попытаться найти в прошлом такое общество, характер социальной структуры и социальной психологии которого в наибольшей степени напоминает нам интересующий нас объект исследования, на основании завершённого прошлого смоделировать возможное будущее. Выявление же российско-византийских связей и параллелей оправдано уже одним фактом несомненного культурного влияния Византии на Россию.

В современном мире с его рождёнными научно-техническим прогрессом проблемами метод исторической аналогии, тем более, когда он касается далёких эпох, может казаться устаревшим, но это только на поверхностный взгляд, так как глобальная информатизация только ускоряет и усложняет происходящие в обществе процессы, но глубинное их содержание по большому счёту остаётся прежним. Современные общества стали жить интенсивнее, пропорционально увеличилось и возможные угрозы их существованию, но социальная психология не меняется столь быстро.

Философские обобщения по природе своей антиномичны и вызывают противоречивые суждения. Например, если само со-

поставление Византии и России может не вызывать нареканий, то отдельные утверждения или выводы, его составляющие, могут вызвать возражения, что объяснимо, если учесть более чем тысячелетнее развитие византийского общественного организма, пребывавшего в постоянном развитии и отнюдь не статичного, как может показаться по прочтении обобщающих характеристик, при составлении которых авторы волей-неволей отталкиваются от какой-то субъективно избранной точки отсчёта. Так, за типичное выражение византизма можно принять иконоборческий период, правление Льва Исавра или Юстиниана Великого, а можно – поздневизантийскую эпоху Комнинов. Уже это отсутствие единства мнений относительно того, какой период византийской истории наиболее показателен, нагляден, выступает квинтэссенцией византизма, приводит к субъективности исследования. Точно так же и относительно основания социальной психологии современных россиян можно избрать вечевые демократии древней Руси, «наследие Чингисхана», русский византизм или что-то иное.

Возражение может вызвать словосочетание «русский византизм», эквивалентом которого могли бы выступить «традиционное общество», «аграрные», «территориально интегрированные» или «восточные» империи или «социалистические монархии», но Византия оказалась наиболее близким России общественным организмом в силу вероисповедания и культурных связей со славянами. Кроме того, русская философия и историческая наука всегда уделяли большое внимание «византийскому наследию» России. Именно поэтому сравнительный анализ Византии и России кажется оправданным, несмотря на то, что как в прошлом, так и теперь закономерности развития России уподоблялись не только византийским (особенно часто, применительно к СССР, в работах А.П. Каждана), но и вообще марксову «азиатскому способу производства» и Древнему Египту.

Наш прагматичный век требует от теоретических работ в области общественных наук рецепта практического применения, содействующего его развитию. С этой точки зрения апелляция к прошлому, оперирование его категориями часто вызывает протест, особенно когда основанные на философско-историческом анализе выводы говорят о культурно-исторической заданности трансформаций общества на макроуровне. Отличающая совре-

менность тенденция к ускорению изменений переносится и на общественные науки, вследствие чего от них требуют подобного же отражения скоротечных изменений настоящего, упуская из виду, что сиюминутные изменения не равны и не меняют больших циклов общественного развития. Так, в исконно монархическом обществе территориально интегрированной империи могут иметь место всплески демократии, но это отнюдь не означает, что они будут долговременными и не перекроются макроволной привычных авторитарных тенденций. В этих условиях желание получить готовый рецепт может привести к передёргиванию фактов в надежде найти искомое, часто заведомо предполагаемое, руководство к практической жизни в виде, например, определённого набора реформ, выбор которых обусловлен субъективными мотивами идеологии (может быть даже чужой идеологии), избранной в качестве руководства. Часто исследователи избирают именно этот путь готовых «рецептов», но, будучи понятным и оправданным, в ряде случаев он отвлекает от старой никуда не исчезающей тенденции, которую можно назвать культурно-исторической заданностью общественного развития и которая может очень раздражать своей фатальной неподвластностью человеку.

Когда-то Николо Макиавелли попытался на основании социально-политического анализа истории Древнего Рима дать своим современникам практическое пособие для политической жизни. Так родились «Размышления над первой декадой Тита Ливия». Макиавелли анализировал современные ему социально-политические процессы через призму опыта прошлого и в своём взгляде на современные события учитывал тот факт, что несмотря на смену эпох и изменение нравов некоторые побудительные мотивы в деятельности людей остаются неизменными, кроются в сфере психологии человека и вытекают из неё так же как и из других закономерностей общественного развития. Макиавелли коснулся в своём труде многих частных вопросов политического бытия общества и общественных отношений. Метод изучения общественных отношений на основании сравнительного анализа применим и сегодня. Современный уровень развития гуманитарных и общественных наук позволяет значительно расширить рамки исследования и углубить результаты, которые даёт сравни-

тельный анализ эволюции различных общественных организмов, на макроуровне – народов, государств, цивилизаций.

С точки зрения сиюминутных выгод выявление подобных тенденций общественного развития может представляться бесполезным, но вытекающее из подобных воззрений замалчивание этих тенденций, пренебрежение ими приводит к непониманию глубинных процессов развития общества. Замалчивание же обусловлено страхом перед практической невозможностью изменить эти процессы в желательном русле. Выявление культурно-исторических закономерностей развития общества приводит в тупик (с практической точки зрения) из-за невозможности произвольного изменения тысячелетних систем, неподконтрольностью их человеку.

Современного человека, привыкшего всё контролировать и пытающегося подчинять себе даже природу, которую он в реальности всё больше уродует, уничтожает, но не подчиняет, пугает фатализм времени и больших циклов общественного развития, повторяемость которых перемальвает сиюминутность современных истин и надежд. Но страх часто рождён незнанием. Закономерности общественного развития, пугающие по незнанию своею фатальностью, при должном изучении приводят к пониманию невластности человека над некоторыми сферами жизни общества и это понимание может помочь изменить общество к лучшему на основании имеющихся институтов, не ломая их до основания ради заведомо невозможной перестройки, не ставить перед обществом неразрешимых задач, впустую расточая его силы, так как человек не может произвольно менять будущее, прежде всего из-за того, что не в состоянии изменить прошлое, разве только переписать историю.

В распоряжении современных исследователей находится огромный массив всевозможных «современных» эмпирических данных, обилие которых выявляет тенденцию копить и собирать первичный материал не обобщая его. В первичном накоплении фактов и их интерпретации часто видят суть научной работы. Так копяты статистические данные и социологические исследования, среди которых появляется сравнительно мало обобщающих собранный материал работ, которые бы интерпретировали его не изолированно-сиюминутно, а в единстве прошлого, настоящего и

будущего. В конечном итоге, количество данных возрастает так быстро, что большая их часть вообще не поддаётся анализу и интерпретации.

Все «проблемы», которыми занимаются современные общественные науки, проистекают из поставленных перед ними задач. Так, проблемой демографии, с точки зрения общественного развития, является рост народонаселения или его отсутствие в связи с влиянием на рассматриваемое общество. В случае же социально-философского осмысления реальности проблемой может служить отсутствие понимания, например, отсутствие сложившихся представлений о себе – кризис самосознания (идентичности) или обобщения накопленного обществом исторического опыта, которое могло бы содействовать пониманию современности и своего места в ней. Именно такое обобщение опыта и его применение к анализу современности предлагает цивилизационный подход к исследованию истории и общества.

Каждое исследование субъективно. И честность исследователя требует указания на концептуальную основу его видения мира, которая, хотя об этом и не говорят, всегда основывается на индивидуальных предпочтениях.

Удивительно, как, прикрываясь «научностью», исследователи гуманитарных и общественных наук, по умолчанию, исходят из убеждённости в собственной объективности, хотя тип и темперамент их личности необходимо диктует избранный ими научный путь, накладывая на него отпечаток личности автора, его мнений и предпочтений, а часто и его *предвзятости*. Учитывая это, иногда полезно «переходить на личности». Желательно, чтобы сам автор оговаривал в исследовании концептуальные основы своего видения мира, так как это честно делает Джордж Сорос¹.

Материалисты верят в технический прогресс и детерминированность идеального материальным, очень предметно воспринимают мир, зачастую нерелигиозны. Странники либерализма основывают свои исследования на вере (хотя и не соглашаются с этим) в некие «универсальные» моральные ценности демократии и открытого общества, которыми обосновывают необходимость свободного рынка. Представители цивилизационно-

¹ Сорос Д. Мыльный пузырь американского превосходства. На что следует направить американскую мощь. Москва: Альпина Бизнес Букс, 2004. С. 179–189.

го подхода опираются на уверенность в исторической закономерности и заданности многих процессов развития общества, часто отличаются эстетическим восприятием общества, склонностью к романтизму, консерватизмом, *чувством истории*. В итоге получается, что в центре этих мировоззрений в разном соотношении находятся ощущения ценностей прогресса, морали и романтической эстетики.

Когда дело касается науки, говорить о вере не принято, но без веры в науку не было бы науки и не отстаивались бы научные идеи, гипотезы, теории. Понимание выраженных в вере ценностей автора важно, так как накладывает отпечаток на всю его работу. У авторов научных концепций всегда есть символ веры – принципы и ценности, на основании которых и для, во имя, которых они работают, если, конечно, речь идёт о людях честных, то есть занимающихся любимым делом и/или чувствующих то, что в протестантской теологии обозначают словом «призвание».

Так как цивилизации занимают тысячелетия человеческой истории, располагаются на гигантских просторах, многие из них безвозвратно погибли, а ныне существующие глубоко укоренены в прошлое, цивилизационный подход по необходимости, по определению историчен, немислим без исторического осмысления современности. Вследствие того, что предмет его (цивилизационного подхода) рассмотрения чрезвычайно велик, исследования предполагают значительное количество допущений и обобщений, потому что доскональное рассмотрение частных не всегда позволяет выявить общие тенденции. Можно сравнить цивилизационный подход с телескопом, он позволяет выявить длительные закономерности, рассматривать общество целостно, на макроуровне.

Проникнуть в прошлое и понять его всегда сложно. Для этого нужна немалая доля воображения и романтизма, *непредвзятости* и желания понять, а значит, в большинстве случаев, и полюбить изучаемую уже ушедшую культуру и её эстетику. Именно поэтому романтика и эстетизм восприятия мира чрезвычайно заметны в работах Освальда Шпенглера и Константина Леонтьева. И для того, и для другого первостепенное значение имеет самобытность культуры и развитие её потенциала. И тот, и другой рассматривают историю, даже «истории», народов пате-

тически, героически. Романтика и эстетика являются фоном всех рассуждений. И если либерального исследователя интересует некая «общечеловеческая мораль» и «общечеловеческие ценности», то в центре внимания выдающихся представителей цивилизационного подхода стоит художественная выразительность и уникальность культурно-исторических типов и цивилизаций. Выразительность, самобытность и яркость культуры рассматриваются как данность, факт жизни, не оцениваются с точки зрения морали. Цивилизационный подход плохо сочетается с верой в прогресс, как путь к счастью возможно большего количества людей на Земле, тем, что С.Л. Франк когда-то назвал механико-рационалистической теорией счастья².

Цивилизационный подход к рассмотрению истории и общества, быть может, наиболее философский, так как в первую очередь пытается понять культуру, идеи, идеалы, ценности, дух и душу различных обществ. Недаром одного из ярчайших представителей цивилизационного подхода причисляют к философии жизни, в которой субъект и объект сливаются воедино. Произведения Освальда Шпенглера носят явный литературный, высокохудожественный характер. У Шпенглера философия действительно становится искусством. Поражает охват предмета и богатство фактического материала, которые, несмотря на массу достоинств, вызывают целый ряд вопросов. Но важно в его главном произведении другое – образы культур с самодовлеющими законами развития, своими *уникальными* ценностями и представлениями о мире, собственным чувством Вселенной.

Часто приверженность эстетике приводит к недостаточности аргументации, обоснованности суждений. Так, К.Н. Леонтьев настолько проникся художественным наследием Византии, православием и пестротой османского общества, что в знаменитом произведении «Византизм и славянство» практически никакого внимания не уделил фактическому, чисто историческому аспекту далеко неоднозначной связи византийской и российской культур. В отличие от Леонтьева, Шпенглер намного внимательнее, но и он во главу угла ставит ценность культуры как таковой, и хотя не часто прямо говорит о своих предпочтениях, почти ка-

² Франк С.Л. Этика нигилизма (К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. Москва: Грифон, 2007. С. 248.

ждая страница его главного труда насыщена острым романтизмом восприятия жизни цивилизаций. И Леонтьев, и Шпенглер не верили в прогресс как источник блага для всех, но верили в подвиг, прославляли героизм народов: «История не на розовой воде делалась» (К. Леонтьев), рождённые в войнах и страданиях цивилизации достойны того, чтобы их принимали такими, какие они есть, не оценивали неуместными мерками чуждых культур.

В целом, такой романтизированный и эстетический подход к рассмотрению общества может вызвать протест с точки зрения исповедуемых «общечеловеческих ценностей», рождённых западной либеральной философией и ставшей её следствием идеологией, крайней точкой которой стал рыночный фундаментализм и не всегда осознаваемый социальный дарвинизм. Но если Леонтьева и Шпенглера можно отнести к романтическому течению, то к прагматическому относятся Н.Я. Данилевский, А. Тойнби, С. Хантингтон, Н.С. Трубецкой, Г.В. Вернадский, Л.Н. Гумилёв, сюда же можно отнести целую плеяду историков школы «Анналов» – Фернана Броделя, Жака Ле Гоффа, Андре Гийу и многих других исследователей. В результате, эти условные течения цивилизационного подхода дополняют друг друга – идеальное гармонично сосуществует с материальным.

Под цивилизацией можно понимать совокупность материальных достижений общества, народа, человечества, иногда называемую «материальной культурой», под культурой – комплекс духовных достижений и особенностей. Часто при широком словоупотреблении, говоря о цивилизации, включают в неё и культурную, духовную составляющую. Важно отметить, что при раздельном рассмотрении культуры и цивилизации выявляется их взаимообусловленность – материальная сторона жизни, цивилизация, отражает духовную сторону жизни, культуру, проявляющуюся в сфере вещественного, и наоборот, материальное, вещественное бытие в свою очередь определяет сознание.

Дух – культура и материя – цивилизация настолько взаимообуславливают друг друга, что в точности определить соотношение их влияния представляется невозможным. Антиномичность данного явления проявляется постоянно и неравномерно. Неравномерность взаимодействия духовной и материальной обусловленности процесса развития общества заключается в посто-

янным изменении соотношения побудительных мотивов действий – в разное время могут попеременно преобладать материальные или духовные стимулы. Ценности, вера, верования, предрассудки – явления духовного порядка, которые меняют материальную жизнь – двигают границы государств, приводят к войнам и перемириям ровно в той же мере, что и материальная обусловленность и необходимость.

С материальной точки зрения крестовые походы были обусловлены необходимостью снятия социального напряжения в средневековой Европе, давали возможность обогатиться бедным крестьянам и нищему рыцарству. В какой-то мере христово воинство представляло собой толпу оборванцев, которым было нечего терять, кроме жизни. Сколько бедных рыцарей, бывших младшими сыновьями, а потому не рассчитывавших на получение феода или хоть какого-то наследства, нашли на свои плащи крест. Но известно также, что были и те, кто действительно верил. Были случаи, когда распродавали имущество, разоряли собственные страны, как это было в случае с Ричардом Львиное Сердце, который подавляющую часть своего правления (девять лет из десяти пребывания у власти) провёл за пределами Англии и душил страну налогами, собирая деньги на поход. Другие убедили себя, что верят, рационализовав свои неприглядные с моральной точки зрения побудительные мотивы в пристойном свете.

Религиозные и идеологические войны, как противостояние «социалистического» и «капиталистического» блоков в XX столетии, сложны именно этой взаимообусловленностью, *неразрывностью материального и идеального*. Сложны неконтролируемостью индивидуальной воли, которая при некоторых обстоятельствах приводит к великим социальным последствиям, не отталкиваясь от какого-то конкретного символа веры, идеологии или рационального замысла, но двигаясь жадной власти ради самой власти, жадной действия ради самого действия, втягивается в водоворот, который не может контролировать, но при этом способствует его расширению. Именно таким, не слишком рациональным и осознанным путём шли многие молодые революционеры: от русских студентов-революционеров из разночинной молодёжи конца XIX столетия до латиноамериканских guerrilleros

heroicos³ XX века в лице Фиделя Кастро и Эрнесто Че Гевары.

Сложность и поливариантность мотивов социальных действий замечательно показал Макс Вебер, выделивший четыре типа социального действия:

– *целерациональное*, когда предметы или люди рассматриваются как средства для достижения собственных рациональных целей;

– *ценностно-рациональное*, определяемое осознанной верой в ценность определённого действия независимо от его успеха или личной выгоды;

– *аффективное*, определяемое эмоциями;

– *традиционное*, определяемое традицией или привычкой.

Данная Вебером классификация социальных действий может быть применена к целым народам, государствам, цивилизациям. Внешняя политика и мотивы войн точно так же определяются целым комплексом побудительных причин, часто далеко не рациональных или ценностно-значимых, но сложным переплетением побудительных мотивов, когда традиционность, аффективность, ценностное значение и рациональность сливаются воедино.

С естественнонаучной или марксистской точки зрения обратная связь между материей и духом не явна. Но формальная логика, жесткие схемы материалистической парадигмы не могут дать исчерпывающего ответа на законы функционирования общества, слишком много сложных явлений оставляют вне поля зрения своих теорий, вследствие чего и существуют такие области знаний, как религия, философия, психология, искусство, занимающиеся сферой неподдающегося точному математическому или химическому анализу духовного мира.

Сама постановка вопроса о душе культуры, а именно так ставил вопрос Освальд Шпенглер, и методах её выявления вызывает ряд вопросов методологического свойства: возможно ли эмпирическое выявление «души»? измерение степени «веры» и «религиозности»? научности таких категорий как «переживание» или «тайна»? и множество других вопросов, на которые невозможно дать однозначный ответ. В то же время, возникновение психологии как отдельной и развивающейся области знаний позволяет применять её методы познания не только к анализу пси-

³ Guerrilleros heroicos (исп.) – героические партизаны.

хологического типа отдельных личностей, но и этносов, народов, обществ, цивилизаций и культур. Если возможен анализ и интерпретация личности посредством графологической экспертизы текста, различных психологических тестов, то значит эти же методы выявления «души», или, выражаясь более научно, «психологии» и ценностей культур при помощи анализа архитектуры, скульптуры, живописи, литературы и письменности вполне обоснованны, хотя и постоянно сталкиваются с таким метафизическим понятием как душа.

Сравнивая доминирующую сейчас линейно-либеральную и цивилизационную концепции развития обществ, можно придти к заключению, что несмотря на изрядную долю идеализма, присущую отдельным представителям цивилизационного подхода, он значительно прагматичнее либерализма (который по сути основан на той же вере в линейное развитие и прогресс, как и марксизм), исходит из подчас трудно формулируемой, но действительной, фактической данности существующих обществ, которую не увязывает с верой в якобы универсальный характер либеральных ценностей и обязательно положительный и эффективный исход их принятия. Кроме того, основанный на культурно-историческом детерминизме (который значительно шире детерминизма экономического и включает его в себя), цивилизационный подход помогает понять другие культуры, что чрезвычайно важно в глобализированном полицентричном мире начала XXI столетия и исходит из понимания того, что человек и мир вокруг него намного сложнее, чтобы быть всегда рациональными.

Глава I

Становление национального самосознания

Движущей силой будущего является прошлое.

Освальд Шпенглер

Идентичность

Если Россия станет Западом, Православная цивилизация перестанет существовать.

Самуэль Филип Хантингтон

В результате распада СССР и исчезновения биполярного мира некоторые ушедшие в прошлое теории общественного развития вновь оказались актуальными и вызвали к себе неподдельный интерес современных исследователей. Прежде всего, указанная тенденция коснулась выдвинутого во второй половине XIX века Н.Я. Данилевским и развитого многими последующими мыслителями цивилизационного подхода, современным прочтением которого стала наделавшая много шума в 1990-х годах статья, а затем и книга Самуэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций». На этом примере хорошо видно, как, казалось бы, отжившая свой век теория обрела новую жизнь. Возросший интерес к вытесненному когда-то марксистской теорией и развившимся

на её основе экономическим детерминизмом цивилизационному подходу демонстрирует научную состоятельность и проверенную временем глубину теорий, оперирующих большими временными отрезками, что особенно важно в условиях современной эпохи, когда так популярны сиюминутные истины, дающие огромный эмпирический материал для изучения частностей, но часто совершенно бесполезные для понимания целого. В этих условиях обобщающие и хорошо объясняющие происходящие в обществе процессы концепции Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, Г. Спенсера, О. Шпенглера, П.А. Сорокина, А. Тойнби и Н. Элиаса приобретают особое значение.

Учитывая обилие существующих научных теорий, их дискуссионность, а также неоднозначность трактовки многих, применяемых в общественных и гуманитарных науках понятий, нельзя проводить исследование социокультурных трансформаций общества, предварительно не остановившись на методологии изучения вопроса и не оговорив значение используемых при этом терминов.

В целом, я бы предпочёл сразу приступить к интересующему предмету, не уделяя повышенного внимания определению «понятий», «слов», «терминов», понимая, что большая часть из них условна и им нельзя приписывать единственно точных значений. Несмотря на данные в этой главе определения я в большей степени полагался на то, что читатели будут в первую очередь исходить из общего контекста – ведь только так можно уловить суть написанного. Споры о словах слишком часто питают пустое умствование и горы ненужной литературы, полезной для получения учёных степеней, но не имеющей никакого отношения к науке. Тем не менее, подобные издержки споров о содержании слов (именно «слов», как предпочитал писать Освальд Шпенглер), не умоляют целесообразности уточнения некоторых терминов, тем более, что существует давно сложившаяся традиция предварительного определения понятий.

«Идентичность» – самосознание индивида или группы, определяется ответом на вопрос: кто? Противопоставлением всем остальным: «Мы» и «Не-мы», «Нас» и «Других». («Формой существования вида *Homo sapiens* – писал в этой связи Л.Н. Гумилёв – является коллектив особей, противопоставляющий себя

всем другим коллективам)»⁴. Особое значение для коллективной идентичности, самосознания общества имеет также наличие феномена Значимого Другого, той общности, с которой сравнивают себя представители «Нас». Часто в роли Значимого Другого выступают соперники-враги, питающие негативную коллективную идентичность, основанную на противопоставлении «хороших» «Нас» «плохим» «Другим». При этом политическое противостояние, питающее негативную идентичность общества, не означает, что Значимый Другой, с которым ведётся война или существует политическое противостояние, не привлекателен в каких-то других отношениях: культуре, науке, уровне жизни.

В разных странах процесс формирования коллективной идентичности протекал по-разному, но везде можно обнаружить противопоставление «Нас» «Другим»: французов – англичанам (в Столетнюю войну и эпоху наполеоновских войн), христиан-испанцев – мусульманам-маврам, византийцев-ромеев – варварам, советских людей – буржуям-капиталистам с Запада.

Существует множество идентичностей, но в рамках данного исследования в иерархии идентичностей в первую очередь интересна идентичность этническая, гражданская, национальная и культурная.

Идентичность важна потому, что определяет поведение не только индивидов, но и целых обществ. А отсутствие определённой идентичности, кризис идентичности выражается в растерянности, как индивидов, так и целых обществ, не понимающих, исходя из каких ценностей, представлений о себе и своём месте в мире строить отношения с другими обществами и людьми.

Существует множество определений идентичности. Выделяют два уровня идентичности – микро и макро. Говорят об идентичности половой, национальной, классовой и профессиональной, групповой или коллективной, культурной, цивилизационной, политической, геополитической, социальной, негативной, эго-идентичности или идентичности Я, даже технологической и неогуманистической и прочих.

Многие авторы предлагают свои определения, останавливаясь на которых не позволяет объём исследования и неуверенность в целесообразности уделять столько внимания бесконечным спорам о словах, вследствие чего представляется уместным

⁴ Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Москва: Эксмо, 2007. С. 57.

принять полностью отражающие, на мой взгляд, характеристики идентичности (самосознания), предложенные С. Хантингтоном. Тем не менее, приведу несколько определений идентичности из разных источников.

Словарь психолога-практика даёт следующее определение идентичности по Э. Эриксону: «Чувство самотождественности, собственной истинности, полноценности, сопричастности миру и другим людям»⁵.

Идентичность индивида по Эриксону основывается на ощущении «тождества самому себе и непрерывности своего существования во времени и пространстве и на осознании того факта, что твои тождество и непрерывность признаются окружающими»⁶. Общие определения идентичности предлагают словарь Лонгман и Оксфордский иллюстрированный словарь: идентичность – «Кто, кем-либо является. Качества, обладание которыми, отличает его или её от других людей»⁷, «индивидуальность, личность»⁸. Самое лаконичное определение: «the sense of self» – восприятие, чувство себя дано в словаре Вебстера⁹.

С. Хантингтон выделил пять отличительных черт идентичности:

1. Идентичностью обладают как индивиды, так и группы.
2. Идентичности конструируются людьми вынужденно или по собственному желанию.
3. Индивиды, как и группы, обладают множеством идентичностей.
4. Идентичности определяются взаимодействием конкретного человека или группы с другими людьми или группами, причём восприятие другими людьми или группами влияет на самоидентификацию человека или группы.
5. Значимость идентичностей ситуационна, то есть в зависимости от обстоятельств индивиды и группы подчёркивают ас-

⁵ Словарь психолога-практика / Сост. С.Ю. Головин. – 2-е изд., перераб. и доп. Минск: Харвест, Москва: АСТ, 2001. С. 230.

⁶ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. Москва: Флинта, МПСИ, Прогресс, 2006. С. 59.

⁷ Longman Dictionary of American English. Essex: Pearson Education Limited, 2004. P. 456.

⁸ Illustrated Oxford Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 403.

⁹ Webster's Desk Dictionary. New York: Gramercy Books, 1996. P. 223–224.

пекты собственной идентичности, которые связывают или отличают их от других индивидов и групп¹⁰.

Таким образом, идентичность – иерархический, то есть делящийся на целый ряд микроидентичностей психосоциальный феномен, носящий ситуационный характер, то есть меняющийся в зависимости от обстоятельств и возникающий в процессе социализации личности как комплекс субъективных образов объективной реальности внешнего мира, отражающихся в сознании и воле индивидов и групп.

Слово идентичность можно отнести к тому же комплексу чрезвычайно сложных и строго неопределимых динамичных, подвижных понятий как цивилизация, культура, нация. Без общего контекста, в котором они употребляются, эти слова невозможно предметно рассмотреть во всей полноте. Главное понятие вариативность этих контекстов – только в этом случае эти строго неопределимые слова перестанут быть «бесполезными» (как писал в связи с многообразием значений понятия «цивилизация» Фелипе Фернандес-Арместо).

Э. Эриксон отмечал, что чем больше пишешь на тему идентичности, «тем более широким и всеобъемлющим кажется содержание этого термина. Единственный путь определить его – попытаться понять, в каких контекстах без него нельзя обойтись»¹¹.

«Термины «идентичность» и «кризис идентичности» и в широком и в научном употреблении описывают нечто столь широкое и на первый взгляд самоочевидное, что, казалось бы, настаивать на точном определении означает придирааться; в то же время иногда они применяются столь узко, что общий смысл термина теряется и с таким же успехом можно было бы использовать какой-нибудь другой. ... Иными словами, многозначный термин стал употребляться ритуально»¹².

Цивилизационная или культурная идентичность – один из самых широких принципов объединения людей, который отличает их от представителей других культур и определяется как общими объективными факторами – языком, историей, религией,

¹⁰ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. Москва: ООО «Издательство АСТ», ООО «Транзиткнига», 2004. С. 50–55.

¹¹ Эриксон Э. Указ. соч. С. 20.

¹² Там же. С. 24.

обычаями, институтами, так и субъективной самоидентификацией людей, их желанием походить на кого-то, принадлежать к какой-то группе.

Существуют уровни идентичности. В случае индивидуальной идентичности житель Лондона при определённых обстоятельствах может определять себя в качестве лондонца, британца, англичанина, христианина, консерватора, представителя определённой профессии, европейца. Какая-то из этого комплекса идентичностей может преобладать, затемняя другие. На разных этапах жизни баланс идентичностей меняется, возникают новые идентичности. В семейной жизни это может проявляться в том, что идентичность отца, с возрастом вытесняется превалирующей идентичностью деда, в политической – в смене партийной принадлежности. Иерархия коллективной идентичности выражается в том, что члены государства могут сознавать себя жителями Ланкашира, англичанами, европейцами, христианами, людьми Запада, членами большей или меньшей группы людей.

Внешние воздействия могут привести к появлению новых факторов самоопределения личности и общества. Иногда это выражается в феномене негативной идентичности – укреплении самосознания личности и общества на отрицательном основании противодействия чему-либо, когда идентичность формируется не благодаря любви к чему-то *своему*, а вопреки, на основании ненависти к чему-то неизвестному, *чужому*.

Множественность и меняющаяся иерархия идентичностей порождает массу сложностей при выявлении доминантных её составляющих. Если говорить о проявлениях идентичности в поступках личности, то по большому счёту, не обладая знаниями обо всех аспектах биографии человека, становится сложно прогнозировать, какая из комплекса идентичностей станет доминирующей при определённых обстоятельствах. Иногда достаточно внешнего толчка, чтобы пробудить доселе «дремавшую» и не известную окружающим идентичность, которая может воплотиться в неожиданных действиях.

Понимание (часто интуитивное, неосознанное, не высказываемое, теоретически необоснованное) этой вариативности идентичности представителями власти на протяжении веков человеческой истории приводило к выделению групп «неблагона-

дѣжных» – людей, социальная, культурная, религиозная, национальная или политическая принадлежность и самосознание которых в критической ситуации могли возобладать над *декларируемой идентичностью*, лояльностью государству или правящему режиму. Эта боязнь вариативности идентичности в разные периоды истории приводила к репрессиям в отношении древних знатных родов императорского Рима, католиков Великобритании, неблагонадѣжных классов общества, так называемых «врагов народа» и членов их семей в Советской России, депортациям целых народов, геноциду.

Существует целый ряд факторов, определяющих идентичность: язык, религия, близость к традициям культуры своего народа, физический облик, общность исторической судьбы, гражданство, место проживания и т.д. При этом в каждом обществе и в разные исторические эпохи значение этих факторов различно. Например, в современном западном обществе идентичность уже не так связана с вероисповеданием как прежде, когда испанец был испанцем в силу своего католицизма, а русский – православия, и наибольшее значение приобрѣл фактор гражданской принадлежности. Ярким примером распространѣнности гражданской идентичности с доминированием англо-протестантской стержневой культуры могут служить Соединѣнные Штаты Америки. Однако в отличие от стран Запада, в странах арабского востока, в исламском мире значительно возрастает роль идентичности религиозной, укрепление которой проявляется, в частности, в панисламистских течениях и мечтах о всемирном халифате как альтернативной модели современности для глобализирующегося мира, в противовес западным либерально-демократическим концепциям.

С образованием национальных государств этническая идентичность приобрела первостепенное значение и, особенно в этнически однородных государствах, стала синонимом идентичности государственной, национальной, то есть гражданской, что отражено в английском слове Nation, означающем как государство, страну, так и народ, нацию. «Нации – отмечает Юрген Хабермас – это общности, связанные прежде всего происхождением, интегрированные географически – за счѣт расселения и соседства, культурно – за счѣт общего языка, общих нравов и тра-

диций»¹³.

В период глобального противостояния капиталистического и социалистического блоков двадцатого столетия возникли мощные наднациональные, классовые, во многом искусственные, основанные на идеологии, идентичности. Однако после распада Советского Союза большинство стран мира столкнулось с кризисом национальной идентичности, усилившимся глобализацией и возникновением феномена транснациональной идентичности или «давосской культуры».

Эти обстоятельства дают повод говорить о глобальном кризисе идентичности: «Дебаты по поводу национальной идентичности давно превратились в неотъемлемую черту нашего времени. Почти повсюду люди задаются вопросом, что у них общего с согражданами и чем они отличаются от прочих»¹⁴. В Европе данный процесс усугубился расширением и ускорением интеграционных процессов Европейского Союза, возникновением внутреннего конфликта идентичности общеевропейской и национальных идентичностей жителей государств – членов ЕС.

Одним из воплощений национальной идентичности выступает понятие «национальная идея», в которое вкладывается сложный комплекс представлений общества о себе, своей истории, ценностях и целях.

Среди многочисленных идентичностей современного человека особняком стоит идентичность национальная. Обычно именно национальную идентичность вспоминают прежде всего, когда говорят об идентичности.

«Национальный вопрос» – один из самых сложных для теоретического осмысления. Никакого «научного определения» нации, которое охватило бы всё многообразие этого феномена, разработать по-видимому невозможно.

¹³ *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. Санкт–Петербург: Наука, 2001. С. 204.

¹⁴ *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. С. 35.

Четыре подхода к рассмотрению национальной идеи

Главное в идее – это её способность быть воспринятой как абсолют без того, чтобы стать объектом критики. Это возможно, когда идея становится мнением, а в конце концов, убеждением; после этого никакие логические доводы или суждения не могут её поколебать.

Мустафа Кемаль Ататюрк

Выясняя содержание национальной идеи с научных позиций, целесообразно выделить четыре подхода к её рассмотрению, которые условно можно назвать «идеологическим», «фундаментальным», «спекулятивным» и «комплексным».

1. *«Идеологический» подход.* В рамках данного подхода национальная идея становится выражением идентичности, принадлежности к определённой культурно-исторической общности – народу, синонимом национальности или нации как оформившегося национального государства. Данный подход к рассмотрению национальной идеи широко распространён в исторической литературе применительно к описанию образования национальных государств и общностей людей, почувствовавших себя одним народом в рамках одного государства или территории. Особую роль в данном случае играет идеология, с которой обыденное сознание, как правило, связывает национальную идею. При таком подходе национальная идея складывается из нескольких формулируемых политическими институтами и самим обществом лозунгов, направляющих развитие общества, выступающих теоретическим основанием, идеологической рационализацией, его раз-

вития. В таком виде национальная идея ярче всего выступает в периоды бурного социально-политического развития и экономического роста. В периоды стабильного экономического роста национальная идея формулируется менее отчётливо, но сохраняется в массовом сознании первоначальные черты расцвета, составляя основу идентичности общества. Однако бывают времена, когда национальная идея исчезает. Это случается в кризисные и посткризисные периоды, после великих военных поражений, крушения надежд, во время медленной, «стабильной» экономической стагнации. Наступает кризис идентичности и скептицизм в отношении каких бы то ни было нематериальных, в том числе идеологических, ценностей, а словосочетание «национальная идея» отторгается разуверившимся в своих силах обществом. Похожие обстоятельства крушения надежд и исчезновения доминировавших в обществе ценностей, усталость от поражений и раздражение по отношению к неоправдавшей ожидания идеологии наблюдалось в России после поражения в Русско-японской войне, когда в российском обществе наступил период апатии и неверия в прежние идеалы православного византизма. Такое положение вещей имело место и в перестроечной, постсоветской России 1980–1990-х годов.

В рамках освещения идеологического подхода нужно указать на наличие в жизни общества своеобразных идеологических циклов или стадий (см. Приложение на с. 390). Отторжение идеологии в определённый момент сменяется потребностью в обеспечиваемых идеологией поведенческих установках и ценностях. И если государственная власть, институты гражданского общества, если они есть, не справляются с формулированием новых или обновлённых старых национальных целей, задач и ценностей, в которых нуждается социум, то на арену борьбы за духовную сферу общества выступают радикальные группы, готовые предложить идеологическую ценностную альтернативу. Примером таких добившихся большого успеха и значительно изменивших социокультурную структуру общества радикальных групп могут служить русские коммунисты, немецкие фашисты и фундаменталисты некоторых исламских государств, режимы которых не смогли заполнить имевшийся в социуме идеологический вакуум. Приведённые примеры показывают, как спад идеологического

напряжения и потребностей общества в идеологии сменяется их возрастанием.

Рассмотрение идеологического подхода очень дискуссионно в силу отсутствия преобладающего взгляда на значение идеологии в общественной жизни. Являясь с одной стороны воодушевляющей людей ценностью, излишняя идеологизация в то же время приводит к гипертрофированной идентичности, вызывающей много негативных последствий. В духовной сфере общественной жизни такими негативными последствиями чрезмерной идеологизации часто выступают крах мессианизма и постимперский синдром, чему существует немало исторических примеров. О негативных материально-практических последствиях данного явления хорошее представление дают многочисленные работы в области экономики, социологии, политологии, вышедшие в свет после крушения СССР.

Как бы то ни было, но крах системы ценностей, в качестве которой выступает идеология, воспринимается обществом болезненно.

Говоря о сменяющих высшие точки внешнеполитической и идеологической активности (они, как правило, совпадают) кризисах национальной идентичности, нельзя не отметить, что в истории человечества было немало катастроф, сопряжённых с ослаблением национального самосознания. Примеров много, одним из них может служить Византийская империя после Юстиниана. В Византии эпохи Юстиниана (как и в Советском Союзе при Сталине) был сделан невероятный, питаемый римско-византийским мессианизмом, рывок и до предела напряжены все, как духовные, так и материальные силы общества для достижения мировластительной мечты, которой не было суждено сбыться. Несмотря на всю тщетность, с точки зрения долгосрочной перспективы, произведённых усилий, неосуществимость поставленных задач и тяжёлые последствия попыток их осуществления, Византии после Юстиниана удалось просуществовать более 800 лет, но непосредственно за периодом правления этого императора последовал крайний спад идеологического и морального напряжения, общество устало, было нравственно истощено. Также истощена была Франция, пережившая крах глобального наполеоновского проекта.

Не проникнутое идеологией общество с точки зрения художественной, романтической, идеалистической не может быть героическим и воодушевляющим сторонних наблюдателей, но может соответствовать жизненной практике, обрести стабильность. То есть на определённых этапах истории отказ от масштабных идеологических установок может значительно способствовать выживанию общества, хотя на первых порах идеологический кризис часто воспринимается социумом как катастрофа.

Коротко говоря, можно сказать, что *национальная идея* – это то, что нация думает о себе, своей роли в мире, какие ценности считает своими. Во времена пика идеологического напряжения эти мысли выражаются громко и повсеместно, могут навязываться обществу политической и интеллектуальной элитой, имеющей доступ к средствам массовой информации, сверху. В результате спада идеологической активности в обществе может исчезнуть консенсус в виде разделяемого большинством (общества) представлений о себе, что может грозить политической стабильности государства и его целостности по причине возникновения новых альтернативных идеологических течений.

2. «Фундаментальный» подход. Суть этого подхода состоит в том, что национальная идея выступает в качестве наиболее общего, суммарного выражения отличительных особенностей развития общества. Идея выводится из всего исторического бытия народа и не привязывается к современности, являясь набором фундаментальных характеристик, направляющих развитие общества, связывается с «народным характером», менталитетом, цивилизационной матрицей данного общества. К таким характеристикам принадлежат: политические традиции, трудовая этика, коллективистский или индивидуалистический характер населения, его отношение к власти и т.д. В этом контексте национальная идея может быть выявлена и осознана только в результате глубокого анализа истории общества, на основе которого выявляются закономерности общественного развития, составляющие глубинную основу национальной идеи, культурной идентичности, истоки которых чрезвычайно неоднородны. Среди них можно назвать климат, географию, демографию и религию. Таким образом, фундаментальный подход, прежде всего, полезен в качестве инструмента для понимания общества и законо-

мерностей его развития, нежели для непосредственного внедрения в идеологическую практику, для которой он слишком сложен.

Фундаментальный подход представляется наиболее сложным, так как предполагает высокую степень метафизичности суждений. Так, если географический детерминизм достаточно поддаётся объективному исследованию, то определить «душу» культуры, её характер и побудительные мотивы намного сложнее, так же сложно поддаются интерпретации и неоднозначны для толкования, выражающие культуру произведения народного духа – живопись, архитектура, скульптура, литература. Здесь исследователь становится заложником того, что Освальд Шпенглер называл «переживанием глубины» культуры.

3. *«Спекулятивный» подход.* В качестве третьего варианта национальной идеи выступают различные мнения отдельных авторов, дающих своё, часто не многими разделяемое определение национальной идеи. Например, для В.С. Соловьёва национальная идея имела сугубо подчинённое, служебное значение. Соловьёв считал, что поскольку человечество едино и каждый отдельный народ принимает в жизни целого человечества непосредственное участие, то и идеей народа может быть только служение всему человечеству. При этом сущность национальной идеи по Соловьёву определяет Бог. Впрочем, спекуляции отдельных лиц могут перейти в первую группу и стать государственной идеологией, насаждаемой политическими институтами.

Первый взгляд, «идеологический» подход, на национальную идею лежит на поверхности и, как правило, общепринят. Второй, «фундаментальный» подход, – скрывается в глубине и неочевиден, хотя, если в первом случае идеологически оформленная национальная идея может менять свои формы, то во втором она остаётся практически неизменной и умирает вместе с обществом и цивилизацией, которой принадлежит, выступая в виде комплекса отличительных закономерностей их (цивилизации и общества) исторического развития. Третий подход, «спекулятивный» подход, – частность, которая может иметь, а может и не иметь практического значения. Однако набор таких частных мнений о национальной идее даёт обширный материал для исследования и помогает выявлению тенденций социокультурной

трансформации общества.

На практике все эти подходы часто смешиваются, магистральная линия исследования не выявляется и в работах, посвящённых содержанию национальной идентичности, в определённой пропорции присутствуют все три подхода. Так, в книге О. Шпенглера «Пруссачество и социализм» присутствуют ссылки на фундаментальные цивилизационные закономерности исторического развития Германии, идеологическое, в свете послевоенных лет, противопоставление идеала англосаксонского мирового порядка германскому, и собственный взгляд автора, приобретающий в определённых местах довольно умозрительный, субъективный характер.

На основании сравнительного анализа этих трёх подходов можно выделить *четвёртый, «комплексный» подход*, который всё же редко встречается в чистом виде, так как требует разработанной методологии и наиболее сложен для анализа. Кроме того, при таком подходе бывает сложно избежать схематичности, которая, имея некоторые плюсы, не всегда даёт наглядную целостную картину.

Сегодня, когда российское общество вновь столкнулось с кризисом самосознания, вступило в постсоветскую эпоху своего развития, социум склонен отвергать национальную идею в любом варианте. Довольно часто приходится встречать мнение, что её нет и не нужно. Действительно, ясно идеологически оформленной русской идеи сейчас нет, но это совсем не значит, что нет глубинной тысячелетней фундаментальной культурной идентичности, которую слишком часто путают с идеологией или просто о ней не подозревают, не осознают, не чувствуют.

Сталкиваясь со словосочетанием «русская идея», необходимо подчеркнуть, что это понятие представляет собой абстракцию, которая на протяжении ряда веков сбивает с толку исследователей национальной и культурной идентичности российского общества, так как в сознании многих предполагает лаконичный ответ в виде чёткой и ясной формулировки этой идеи, в то время как «русская идея» – только наиболее общее, абстрактное обозначение феномена национальной и культурной идентичности, который является чрезвычайно сложным комплексным явлением, не поддающимся однозначному определению и в самом общем

виде являющимся тем, что нация думает о себе и своей роли в мире.

Понимание описанных свойств понятия «русская идея» позволяет избежать вульгарной прямолинейности в поисках ответа на сложный вопрос о её содержании и обнаружить целесообразность замены данного словосочетания более общим и нейтральным понятием «национально-культурная идентичность», которое в условиях современного кризиса самосознания российского общества не вызывало бы отторжения. Тем не менее, несмотря на абстрактный характер данного понятия, словосочетание «русская идея» позволяет целостно рассмотреть структуру и динамику изменений комплекса представлений и ценностей общества, который формирует его национальную и культурную идентичность и состоит из более конкретных компонентов, служащих содержанием этого понятия. Именно поэтому русской идее посвящено столько работ классиков русской философской мысли.

В целом кажется более целесообразным говорить об идентичности, самосознании, а не идее, так как само слово «идея» подразумевает под собой известную долю метафизичности, трансцендентности, в силу чего в определённой мере сбивает с толку, приводит к поиску не всегда рациональных толкований, часто искусственных формулировок, похожих на мантру, заклинание, девиз, но при ближайшем рассмотрении оказывающихся лишёнными практического смысла, тогда как слова «идентичность» и «самосознание» вызывают достаточно конкретные ассоциации, не связанные с потусторонностью идеального бытия, непосредственно обращаются к представлениям индивида и общества о себе, к их самосознанию.

Сложность понятия нации и национальной идеи проявляется в том числе в отсутствии единства мнений относительно периодизации возникновения этих феноменов. Применительно к Франции точка отсчёта образования нации и национальной идеи варьируется от эпохи Столетней войны XIV–XV веков, образования централизованного французского государства XV–XVI столетий или Великой Французской революции конца XVIII века.

Неоднозначность трактовки понятия нация, его развитие и становление хорошо прослеживаются в словарях, государст-

венных документах и памфлетах Франции XVII – XVIII веков. Накануне Великой Французской революции во Франции сложилась обширная литература по национальному вопросу: «При том, что тема нации была одной из ведущих в предреволюционной публицистике, в слово *нация* различные авторы в зависимости от своих убеждений и пристрастий могли вкладывать какой угодно смысл: они могли называть нацией неотделимое от короля мистическое тело государства, Парижский парламент, Генеральные штаты, население Франции, полноправных французских граждан, третье сословие»¹⁵.

Таковыми же сложными перипетиями характеризуется становление наций и в других странах. Большинство словарей европейских государств демонстрируют медленную эволюцию понятия нации, прошедшую путь от чрезвычайно разношерстных определений к более-менее общему консенсусу о значении этого слова, которое стали считать выражением общности людей, живущих в одном государстве под одной властью и по одним законам. Однако ни одно из позднее возникших определений так и не стало исчерпывающим и универсальным.

Понятие нации настолько сложно и неоднозначно, что не представляющему какое-либо идеологическое направление исследователю подчас нелегко чётко и однозначно его трактовать, тем более, что в исследованиях национализма сложилась традиция считать, что сам феномен нации в современном понимании в более-менее осязаемых формах возник около 200 лет назад в Западной Европе, вследствие чего национализм иногда называют европейским феноменом, хотя содержание понятия «нация» понимают очень по-разному. Впрочем, представление о том, что национализм – западное «изобретение» очередная тенденциозность западноевропейского восприятия мира, наследие европоцентричной картины мира, которая досталась нам, в том числе благодаря поколениям историков, которые на волне прогрессистского научного оптимизма XIX столетия выделили такие стадии развития мира, как «новая» и «новейшая» история.

В вопросе национализма, как и во множестве других областей общественных наук, господствует повсеместный европо-

¹⁵ Пименова Л.А. Идея нации во Франции Старого порядка // Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории. Москва: ИКД «Зерцало-М»; Издательский дом «Вече», 2005. С. 153.

центризм и сложились определённые традиции рассмотрения проблемы, ссылки на ряд теоретических работ. Однако более конкретный исторический подход к рассмотрению процесса формирования национальных государств и национального самосознания в разных странах показывает, что этот процесс проходил далеко не однозначно и многочисленные критерии, определяющие нацию, в каждой стране формировались по-своему, исходя из комплекса исторических обстоятельств.

Хотя лавина образования национальных государств началась лет 200 назад в Европе и судя по всему продолжается до сих пор, национализм разных общностей, считающих себя нацией, существовал и в древности. Римляне, например, очень хорошо чувствовали национальные особенности народов, с которыми воевали, оставили блестящие описания их быта и нравов, примеры чему можно найти в произведениях Цезаря и Тацита.

Легитимистский этап: религия и вассальная верность

В целом донационалистический период европейской истории отличался главенством принципа легитимизма, то есть принципа законности и правомочности власти, который выражался в согласии людей подчиняться определённым социальным институтам – феодальной и церковной иерархии. Легитимность проистекала из двух взаимосвязанных начал – политического в виде феодальной иерархии и церковно-религиозного: «После падения западной Римской империи, при господстве феодализма, силой, слабо связующей различные страны Европы, была церковь (римская и византийская), представлявшая силу космополитическую и исключавшая национальность»¹⁶.

«Божьей милостью» короли Англии, Франции и других средневековых государств Европы имели династические права, которые в свою очередь поддерживались или не поддерживались

¹⁶ *Водовозов В.* Нация // Новый энциклопедический словарь. Петроград: Издание Акционерного Общества «Издательское дело бывшее Брокгауз-Ефрон», б/г. Т. 28. Ст. 121.

католической церковью. Господствовали представления о легитимности, никак не связанные с правами наций на самоопределение. Легитимным способом мирного расширения территории государства были династические браки. Элеонора Аквитанская принесла английскому королю Генриху II приданое в виде Аквитанского герцогства. Сам Генрих до того как стать королём Англии был графом Анжу и так им и остался после восшествия на престол. В результате этого брака английский королевский дом получал власть над значительной территорией Франции. Причём французские владения английских королей превышали по площади домен короля Франции. Наследовавший Генриху II Ричард I становился королём Англии, герцогом Нормандии и Аквитании и графом Анжу.

По этой же схеме расширялись границы власти других европейских властителей. Началом объединения Испании послужила династическая уния Кастилии и Арагона, брак между Фердинандом Арагонским и Изабеллой Кастильской. Причём их внук и его потомки с формальной точки зрения так и не стали королями Испании, потому что Испания была *географическим, а не юридическим* понятием: «Государство Габсбургов времён Карла V, Филиппа II и его потомков представляло собой конгломерат королевств, княжеств, графств, владений, которые не только находились в разных частях Европы и мира, но были самостоятельны с государственно-политической точки зрения. Объединяла их только личность правителя – государя, который юридически был королём в Кастилии и Леоне, эрцгерцогом в Австрии, герцогом в Брабанте и Милане, графом во Фландрии, Тироле и Барселоне, сеньором в Бискайе»¹⁷.

Таким же образом складывалась и судьба консолидировавшегося Российского Государства. Иван Васильевич Грозный был Божьей милостью великим государём и царём и великим князем всея Руси, Владимирским, Московским, Новгородским, царём Казанским и Астраханским, государем Псковским и великим князем Смоленским, Тверским, Югорским, Пермским, Вятским, Булгарским, Нижегородским, Черниговским, Рязанским, Ярославским, Белозёрским, Ливонским, Удорским, Обдорским и

¹⁷ Е.Э. Юрчик. Представления о нации и национальное сознание в Испании. XVI – начало XIX века // Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории. С. 232.

Кондинским, государем всей земли сибирской и северской...¹⁸ Титул русского царя включал и постепенно пополнялся всё новыми топонимами, названиями земель, на которые распространялась его власть.

Титулы западноевропейских правителей и русских царей демонстрируют особенности донационалистической эпохи, когда население всех перечислявшихся в титулах территорий отличалось особенной местной идентичностью, которая постепенно перерастала в более общее, объединяющее членов отдельных небольших сообществ, чувство национальной идентичности.

Западноевропейский феодализм и католическая церковь препятствовали обретению национальной идентичности, так как выдвигали на первый план с одной стороны чувство религиозной солидарности, а с другой чувство личной вассальной верности феодалу.

Принадлежность к наднациональной общности верующих-католиков питалась мощью папства. Единство общеевропейского языка науки и богослужения (латынь) позволяло католической церкви выступать в роли мощного информационного ресурса, первого общеевропейского международного средства массовой информации и транслировать свои идеи на всё покрытое её храмами и монастырями пространство.

Политическая феодальная раздробленность и монополия церкви на сохранение и передачу информации сделали религию основой средневекового самосознания европейцев: «Существовало отчётливо выраженное представление о том, что быть французом – это значит быть католиком и нельзя принадлежать к французской нации, не будучи верным сыном католической церкви. Родина – Франция являлась не только политической, но и религиозной общностью». «Французские патриоты-католики трактовали свой католицизм как национальную религию»¹⁹. Таким же образом воспринималась религия и в других обществах.

Феодализм и политическое влияние церкви ограничивали власть монархов, которым с трудом и с течением времени удалось утихомирить буйных феодалов, упразднить многочисленные независимые герцогства и графства, присоединяя их к собствен-

¹⁸ *Поссевино А.* Московское посольство // Иван Грозный и иезуиты: миссия Антонио Поссевино в Москве. Москва: Аграф, 2005. С. 194–195.

¹⁹ *Пименова Л.А.* Идея нации во Франции Старого порядка. С. 130, 132.

ным королевским доменам. Постепенно некогда независимые и гордые феодалы становились *придворными* – намного более зависимым, хотя и привилегированным и влиятельным классом.

Роскошь и удовольствия двора в виде «летучего эскадрона любви» шпионок-фрейлин Екатерины Медичи были необходимы не только для представительских функций величия королевской власти, но и для удержания знати подальше от родовых гнёзд, служивших когда-то оплотами независимости и угрозой центральной власти короля.

Параллельно с процессом становления абсолютизма и изменением характера феодализма в многочисленных войнах между народами Европы складывались представления о нациях, всё сильнее проступали национальные различия, люди начинали идентифицировать себя со страной, народом, национальностью или нацией, воплощённой в государстве.

Впоследствии монархи в качестве средоточия нации стали уступать место представлениям о гражданах, как членах нации. Лояльность монарху – отцу нации постепенно вытеснялась лояльностью родине, которая состоит или должна состоять из граждан республики.

Алексей Миллер приводит следующий пример трансформации представлений о коллективной идентичности и лояльности в рамках династической логики XVIII века, заменившихся новыми представлениями о лояльности народу и нации, воплощением которых выступало государство, а не монарх: «В «Былом и думах» Герцен описывает, как он подростком слушает разговор отца с гостем. Гость француз, генерал. Из разговора становится понятно, что этот генерал в войну 1812 года сражался в русской армии, и мальчик спрашивает: «А как же так, вы – против своих?» Отец ему отвечает: «Ты, сынок, ничего не понял: наш гость сражался в армии нашего императора за права своего короля, – то есть Бурбона, – против узурпатора»... А подросток Герцен уже откуда-то нахватался этой национальной идеи, что как же вы «против своих»²⁰.

Легитимистская логика XVIII столетия постепенно вытесняемая представлениями о национальном самосознании прослеживается и на другом примере. А.М. Горчаков, ближайший преемник Нессельроде, государственный канцлер и министр ино-

²⁰ Миллер А.И. Национализм и империя. Москва: ОГИ, 2005. С. 18–19.

странных дел при Александре II, рассказывал в частной беседе: «Знаете одну из особенностей моей деятельности как дипломата? Я первый в своих депешах стал употреблять выражение: государь и *Россия*. До меня для Европы не существовало другого понятия по отношению к нашему отечеству, как только *император*. Граф Нессельроде даже прямо мне говорил с укоризной: для чего я это так делаю. Мы знаем только одного царя, говорил мой предместник: *нам нет дела до России*»²¹.

Одним из оснований легитимной идентичности донационалистической эпохи мешавшим консолидации наций во многих странах выступал тот факт, что правящие слои государства часто ассоциировали себя с мифологизированными далёкими предками иного этнического происхождения, нежели большинство населения тех стран, в которых эти слои правили. Иноэтническая (или мнимо иноэтническая) элита обосновывала свои права завоеванием, сознательно дистанцировалась от непривилегированных народных масс.

Во Франции дворянство ассоциировало себя с франками, которые покорили исконное галльское население, в Англии дворянские роды черпали представления о легитимности своего права на власть в нормандском завоевании, вследствие чего каждый английский дворянский род старался выводить свою генеалогию от участников успешной экспедиции Вильгельма Завоевателя. В Польше XVIII столетия шляхта также обосновывала свою власть правом завоевания, сарматским мифом, который стал постепенно исчезать после поражения, не поддержанного широкими народными массами, восстания 1830 года²².

В Англии, в силу ряда исторических причин, благоприятствовавших относительно более раннему формированию национального самосознания, нормандский мотив вышел из политического употребления значительно раньше, чем во Франции франкский, а в Польше сарматский.

Апологет созидания французского национализма аббат Сийес в знаменитой брошюре «Что такое третье сословие?» выдвигал, в ряду аргументов за лишение дворянства политических

²¹ Рассказы А.М. Горчакова // «Русская старина», 1883. Т. 40. С. 168. Цит. по: *Тарле Е.В.* Крымская война. В 2 т. Москва–Ленинград: Государственное военноморское издательство НКВМФ Союза ССР, 1941–1943. Т. 2. С. 520.

²² *Миллер А.И.* Указ. соч. С. 46.

прав, в том числе и миф о иноплемённости этого дворянства по отношению к большинству населения Франции. В польском случае о необходимости изживания обоснованной иноэтническим мифом изоляции польского дворянства от всего народа в связи с поражением восстания 1830 года писал в статье «Почему не встают массы?» один из организаторов этого восстания Мауриций Мохнацкий.

Интересно отметить, что и в русской истории обнаруживается иноэтничный мотив, объясняющий происхождение правящей элиты – предание о приглашении варяжских князей. Разница в том, что в российском предании князя приглашали, а не обретали право власти завоеванием.

Развитие капиталистических отношений, укрепление социально-политических позиций буржуазии и утрату влияния феодальных институтов и представлений можно считать одним из основных этапов в начале пути формирования наций, когда характерные для средневековья множественные религиозные, сословные и местные идентичности человека начали постепенно сменяться ассоциированием себя с более широкой группой членов государства–нации.

Формирование национального литературного языка, грамотность населения и интерпретация истории

Развитие книгопечатания привело к появлению национальной литературы и постепенному снижению значения латинского языка, усилению местного самосознания. Пробуждающееся чувство национального самосознания поддерживалось местными светскими властями.

В XIV веке англичанин Джон Виклиф первым перевёл Библию на национальный язык. Примечательно, что если церковь осудила Виклифа как еретика и отлучила от церкви, то английский двор долгое время относился к нему сочувственно, так как непростые отношения английских королей с католической церковью имели к этому времени достаточно длинную историю.

В это же время в Англии творил «отец английской поэзии», один из создателей английской литературы Джеффри Чосер.

Идеи Виклифа распространились по всей Европе. В Чехии большой вклад в разработку национального языка и литературы внёс Ян Гус (конец XIV – начало XV века), в Германии на немецкий язык перевёл Библию Мартин Лютер (вторая половина XV – первая половина XVI века). В 1536 году Жан Кальвин издал на латыни свои «Наставления в христианской вере», которые затем перевёл на французский язык.

Укрепление централизованной власти, развитие национальной литературы, национальных языков, ослабление культурного влияния католической церкви привели к стремлению к образованию национальных церквей, которое воплотилось в массовом религиозно-политическом и культурном движении Реформации (XVI век). Религия являлась в этот период основным признаком идентичности и она же служила идеологической основой национально-освободительных движений, например, Нидерландской революции или войны за независимость от Испании (1572–1609, 1621–1648 годов).

Начиная с Генриха VIII, провозглашённого главою церкви Англии в 1534 году, одна за другой стали возникать независимые от Рима национальные протестантские церкви, а Европа в религиозно-политическом отношении разделилась на два противостоящих друг другу блока – католический и протестантский.

Несмотря на длительный процесс становления национального самосознания, просвещённый европейский абсолютизм XVIII века всё ещё исходил из принципа легитимности – династической политической системы и основополагающей роли религиозного самосознания. Можно сказать, что национальности возникли, но наций как национальных государств не появилось. Появление национальных государств (в условиях отсутствия принципа права наций на самоопределение), с точки зрения господствовавших политических воззрений эпохи казалось невозможным. Правовые нормы и политическое мышление государственных деятелей менялись медленнее социально-политических реалий. Нужно было время, чтобы осознать происходящее.

XIX век стал веком многонациональных империй и обо-

стрения национального вопроса. Это эпоха национально-освободительных движений: итальянского Рисорджименто²³, окончившегося вступлением итальянских войск в Рим в 1870 году и образованием независимой объединённой Италии Виктора-Эммануила, эпоха возникновения независимых от Османской империи Греции, Болгарии и Румынии, образования единой Германии Бисмарка и независимой Бельгии.

Национальные движения дали о себе знать и в колониях – Симон Боливар освободил от испанского господства Латинскую Америку.

Западноевропейский мир XIX столетия был преимущественно представлен империями – Британской, Французской, Испанской, Австро-Венгерской, Российской, Османской, в состав которых входило множество разных народов, но полнота прав признавалась за господствующими национальностями и вероисповеданиями.

Несмотря на то, что, например, Италия и Германия объединялись на почве этнического и языкового родства, принцип самоопределения противоречил политическому опыту империй.

Неравноправие народов в той или иной мере выражалось в языковой и религиозной дискриминации, отсутствии (или ограничениях) преподавания на национальных языках, ограничениях в приёме на государственную службу представителей не доминирующих вероисповеданий и национальностей. В то же время вопрос дискриминации не столь однозначен, как это представляется в работах Ленина и Сталина. Империи слишком разнообразны, сложны и достаточно долговечны и далеко не всегда последовательны, чтобы можно было однозначно определять вектор их национальной политики по отношению к подвластным народам.

Как и в средние века, принадлежность к государству продолжала определяться религией, между национальностью и религией стоял знак равенства. Точнее, религиозная идентичность человека представлялась более важной, чем идентичность национальная. Например, отец Карла Маркса Гершель Маркс Леви принял протестантизм и сменил имя на Генрих Маркс, чтобы получить возможность заниматься юридической практикой. Иудаизм и еврейская национальность не разделялись, становясь

²³ Рисорджименто (итал. – возрождение, обновление) – историографический термин, обозначающий период борьбы за политическое объединение Италии.

протестантом, человек уже не воспринимался как еврей, избегал дискриминации и мог заниматься практически любой профессиональной деятельностью. Точно так же, православие открывало дорогу к чиновной карьере в Российской империи, а ислам – в Османской.

Интересный, относительно современный пример сильной национальной идентичности, основанной на религиозной принадлежности, приводит Доминик Ливен: «При всём мощнейшем ассимилирующем воздействии китайской культуры сознание своей исламской идентичности среди этнического меньшинства ханьских мусульман (народность хуэй), не имеющих даже собственной территории, оказалось настолько сильным, что эти люди, говорящие на китайском языке и выглядящие как обычные китайцы, были официально признаны коммунистическим режимом отдельной национальностью – уникальный случай признания религиозной идентичности, ... полностью противоречащий официальному китайскому определению национальности, данному ещё Сталиным и рассматривавшему национальность исключительно как общность языка, территории, экономики и культуры»²⁴.

Являвшиеся частями империй зависимые национальности экономически консолидировались и становились нациями, *чувствовали* себя нациями и начинали борьбу за национальные государства.

В XIX – начале XX века национальных прав стали требовать мадьяры и славяне Австро-Венгрии, греки, румыны, сербы, болгары, армяне, албанцы и арабы Османской империи, поляки, малороссы, грузины, армяне Российской империи.

Компактно проживавшие народы требовали создания национальных государств, представители же рассеянных национальностей настаивали на предоставлении национального равноправия, возможности развивать свою национальную культуру и язык.

Мировые войны и повсеместный упадок религиозности привели к краху колониальных держав и возникновению десятков новых, некогда колониальных, а теперь независимых национальных государств. Отдельной вехой в истории самоопределения наций стал распад СССР.

²⁴ Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней. Москва: Европа, 2007. С. 53.

Вера в национализм и право народов на самоопределение питает огромное количество тлеющих на Земле конфликтов. Тенденции развития объединяемого глобализацией мира сопровождаются возрастающими требованиями политической независимости.

* * *

Национальная идея – одно из тех сложных, многозначных, абстрактных понятий, которым невозможно дать краткого и однозначного определения. На бытовом уровне В.В. Розанов в свойственной ему образной манере показал эту сложность следующим образом:

«Отчего «национальная идея» трудно усвояема полуобразованными людьми? И отчего она понятна только людям, «изучающим Гегеля и Гёте»?

Оттого, что это и действительно трудная идея.

Это есть идея *органическая*, в противоположность *механическим идеям*. Механические идеи в приложении к истории есть *космополитизм*. «Бери, откуда бы ни было, всё лучшее» – вот всеобъемлющая идея космополитического прогресса. Но это есть просто идея столяра, человека даже безграмотного, который одно делает из «палисандрового дерева», другое – из «красного», третье – из «ореха», и четвёртое из «берёзы». – «Из *всего* делаем», – говорят столяр и космополит. Но возьмите ореховое дерево: оно растёт только *на своём грунте*, вырастает из *зёрнышка* ореха же, не болеет только *в своём климате*. Тысячи причуд, прихотей, каприза. Но, живое ореховое дерево, выросшее на склонах Кавказа, можно ли сравнить с затхлой мастерской столяра, который мастачит мебель «из всех сортов»?

Национальная идея есть святая и чудная идея. Эта идея – аристократическая и гордая. Она не «всего хочет». Она – не собака. А космополитизм – именно собака, которая «ничем не брезгует»²⁵.

Сложное понятие национальной идеи связано с такими феноменами как патриотизм и идентичность.

²⁵ В.В. Розанов. Космополитизм и национализм // Нация и империя в русской мысли начала XX века. Москва: Скимень, Пренса, 2004. С. 133.

Чтобы понять, что такое национальная идентичность, национальное самосознание, национальная идея, нужно приложить немало усилий. Или вырасти в благоприятной для понимания этой идеи обстановке, получить соответствующее воспитание или образование. Причём в случае образования в данном контексте скорее выступает *самообразование*.

Национальная идея не лежит на поверхности потому, что состоит из массы составляющих компонентов, которые ассоциируются у людей с их родиной, страной, государством и теми ценностями, которые с ними (родиной, страной, государством) связаны и их олицетворяют. Чтобы говорить о национальной идентичности или идее, нужно знать то общество, ту «нацию», о которой идёт речь и именно здесь заключается сложность, так как далеко не все люди интересуются историей и культурой стран, к которым принадлежат. Но без этого знания, хотя бы без интереса к нему, без эстетической приязни или привязанности к формам быта и культуры народа, практически невозможно рассматривать вопрос о национальной идее.

Именно из-за этой сложности осознания национальной идеи правительства многих стран веками занимались распространением в массах исторических знаний (или, точнее, интерпретации истории), патриотическим воспитанием молодёжи.

Показателен в этом отношении опыт Германии. И.Г. Гердер внёс огромный вклад в стимулирование интереса немцев к своему прошлому, родному языку, преданиям, народной литературе. Немецкие романтики вдохновлялись национальной историей и пытались распространять знания о ней в народных массах. Немецкий исторический романтизм способствовал борьбе за независимость и объединение Германии.

Идеология объединённой Бисмарком Германии покоилась на мифе о Великом рейхе. Священная Римская империя германской нации, которая исторически была далеко не чисто немецкой в этническом отношении и изначально являлась конфедерацией суверенных государств, способных объединяться против внешней угрозы, в идеологии объединённой Германии предстала совершенно в ином свете, к ней апеллировали немецкие идеологи при создании централизованного национального немецкого государства. Впоследствии те же идеи о исторической преемственно-

сти по отношению к старому рейху легли в основание биологического национализма нацистского Третьего рейха.

В отношении положительной интерпретации своей истории и культуры, содействовавшей укреплению чувства национального единства, Германия может служить характерным примером важности интерпретации своего исторического прошлого для укрепления чувства национальной солидарности.

Если в Англии историческое самосознание наряду с традициями в силу благоприятных исторических обстоятельств развивалось достаточно плавно и самостоятельно, то в Германии национальное самосознание в значительной мере было сформировано целенаправленной мифологизированной в идеологических целях интерпретацией прошлого.

Осознание национальной идеи может быть *органическим* только при уважении к стране и её истории. Уважение же это или патриотическая любовь не всегда могут быть питаемы современностью, так как не всем людям везёт родиться в счастливые для своей страны дни, когда для любви к отечеству можно не прилагать усилий и есть объективные причины «за что его любить». С другой стороны бедствия и несчастья, экономические, военно-политические и иные кризисы обычно напротив не внушают уважения и любви, могут приводить к отторжению родины. В такие периоды только великое прошлое страны (хотя молодое поколение «неуспешных» с его точки зрения стран не хочет изучать это прошлое или вообще не догадывается о нём) и народа, а также его бытовая самобытность или религиозность могут поддерживать народный дух.

Именно этими обстоятельствами в предисловии к своему великому труду обосновывал необходимость для граждан изучать историю Н.М. Карамзин: «И простой гражданин должен читать историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали ещё ужаснейшие, и государство не разрушалось; она питает нравственное чувство и праведным судом своим располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества»²⁶.

²⁶ Карамзин Н.М. История государства Российского: XII томов в 4-х книгах. Москва: «РИПОЛ КЛАССИК», 2001. Кн. 1. Т. 1. С. 39.

Из-за отсутствия знаний о прошлом общества так сложна для осознания «национальная идея», понять, почувствовать которую можно только через знакомство с деяниями поколений предшествовавших людей, их культурой, фольклором, искусством. Приобретение же таких знаний требует большого труда и желания, отсутствие которых и имел в виду В.В. Розанов, говоря о полуобразованных людях, которым проще стать космополитами, чем полюбить родину.

Много позже Розанова, во второй половине XX века А.И. Солженицын назвал этот пагубный феномен непричастности к судьбам своей страны «образованщиной»: «Нет сочувственного интереса к отечественной истории, чувства кровной связи с ней. Недостаток чувства исторической действительности. Поэтому интеллигенция живёт в ожидании социального чуда». И не интеллигенция это совсем, а образованцы. «Недостатки, унаследованные посегодня»²⁷.

Незнание собственной истории лишает понимания социальной действительности современного положения, деморализует и дезинтегрирует.

Существует определение, гласящее, что «нация – это согласие в общем заблуждении по поводу своего исторического прошлого»²⁸. *Со-знание* общности исторических судеб является основополагающим фактором национальной идентичности, доказательством чему служат многочисленные попытки новой интерпретации истории в обществах, претерпевающих значительные социально-политические изменения, или новых государствах, вынужденных заниматься национальным строительством, выработкой критериев самосознания своей общности. Данные процессы проходили при формировании всех новых национальных государств или воссоздании государств, утративших когда-то независимость. Последние по времени примеры этих процессов представляют новые независимые государства бывшего СССР: Украина, Латвия, Эстония, Литва, Грузия, Азербайджан и др.

Необходимость обоснования правомерности национального государства, а то и его расширения всегда принимает форму исторического мифотворчества, основанного на благоприятной

²⁷ Образованщина // *Солженицын А.И.* На изломах: Рассказы. Крохотки. Публицистика. Москва: АСТ, 2009. С. 471–513.

²⁸ *Миллер А.И.* Национализм и империя. С. 5, 32.

для этого процесса интерпретации истории. Причём наличие этого мифотворчества отнюдь не означает, что миф совершенно безоснователен и сочинён «на пустом месте». В нормальной ситуации эволюционного развития общества основополагающие для мифа исторические события просто дополняются новыми событиями, как бы дописываются, миф становится более многоплановым и глубоким. Таким образом укрепляется чувство общности исторической судьбы, причастности к истории страны, национальное самосознание.

И напротив, совершенно губительно полномасштабное изменение системы исторических координат, переинтерпретация истории, основанная на новых принципах и создании новых мифов не на базе и в связи со старыми мифами, а вопреки им и отрицая их. Такие действия заставляют общество с чистого листа проходить путь национального мифотворчества, отринув уже проделанный многовековой путь. Именно таким образом складывалась история России в XVIII–XX веках. Правда, если модернизационный рывок, предпринятый Петром I, нельзя считать полномасштабным отречением от собственной истории, то большевистский переворот привёл к недвусмысленному и кардинальному переосмыслению прошлого.

Расколотовость российского общества (двойственность образов Востока и Запада, западничество и славянофильство), отсутствие в нём более-менее общепринятого консенсуса по поводу содержания «русскости» и национального самосознания, общности взглядов на место России в мире, прежде всего, объясняется догоняющим и кризисным характером процессов модернизации российского общества.

Стремление вестернизироваться, привитое российской элите Петром Первым, поломало чувство общности исторической судьбы, которое веками складывалось в обществе по мере развития Российского Государства. Ещё большую фрагментацию российского исторического мышления породил советский период российской истории.

Получилось так, что в российском обществе, в отличие, например, от общества английского отсутствует длительный исторический миф, который бы проходил сквозь века истории и консолидировал общество, будучи относительно неизменным.

В Англии таким мифом–источником чувства общности исторической судьбы выступают укоренившиеся в английском обществе представления о себе как о свободолюбивой нации.

Этот лейтмотив английского национального самосознания берёт начало в 1215 году, когда Иоанном Безземельным была подписана знаменитая Хартия Вольностей. Впоследствии этот национальный миф укреплялся благодаря опыту Английской буржуазной революции (середина XVII столетия), принятием в 1679 году Habeas Corpus Act'a – одного из важнейших конституционных актов Великобритании, который устанавливал правила ареста и привлечения обвиняемого к суду, предоставляя суду право контроля за законностью содержания и ареста граждан, Славной революции 1688 года. Уникальное стечение исторических обстоятельств, преемственность и поступательность развития английского общества сохранили силу этого английского мифа до сих пор. До сих пор Великая хартия вольностей 1215 года выступает фундаментом самосознания британцев, того, что бритт никогда не будет рабом:

Rule, Britannia!
Britannia, rule the waves.
Britons never, never, never shall be slaves.

Правь, Британия,
Британия, правь волнами.
Никогда, никогда британцы не станут рабами.

Так выразилась эта вера в национальное свободолюбие англичан в знаменитой британской патриотической песне «Rule, Britannia», неофициальном гимне Соединённого Королевства.

В эпилоге своей книги «Искусство управления государством» Маргарет Тэтчер отдала дань уважения этой традиции, питающей национальное самосознание англичан, назвав её бесценным даром английской нации всему миру: «Бароны, участвовавшие в переговорах в Раннимеде²⁹, были в большей мере французами, чем англичанами. Во всяком случае их родным языком был французский. Они представляли собой жестокую, воин-

²⁹ Раннимед – название луга, на котором Иоанн Безземельный подписал Великую Хартию Вольностей 15 июня 1215 года.

ственную группировку, не слишком обременённую ... средневековым эквивалентом общественного сознания. Но их упрямая неуклюжесть, заставившая своевольного правителя согласиться на ограничение своей власти, их требование править на основе закона, а не силы, их вдохновенная ссылка на более широкое общество полноправных граждан стали традицией, которая с тех пор сохраняется. Как и любая другая великая традиция, она значила для хода истории значительно больше, чем могли представить себе участники тех событий. Это не принижает Великую хартию вольностей, а наоборот, возвышает». «“Миф” о том, что интерпретация Великой хартии вольностей придала ей такой смысл, который в 1215 году в неё не вкладывался, демонстрирует лишь потенциал документа»³⁰.

Под Раннимедом, Раннимедом
О чём поёт тростник...
Нельзя лишить людей свободы,
Прогнать их с собственной земли...
А если чернь или монарх
Нарушат вековой обычай...
Вскипит упрямый дух английский,
Как в Раннимеде он вскипел!³¹

Без гармоничного развития исторического сознания сложно говорить о патриотизме и чувстве исторической общности людей. Англии в этом отношении чрезвычайно повезло. Генри Томас Бокль в «Истории цивилизации в Англии» справедливо указывал на Англию как на идеальную лабораторию исторического опыта: островное географическое положение позволяло этой стране развиваться максимально самобытно с минимальными, по сравнению с другими государствами Европы, внешними влияниями на ход внутренней истории развития общества.

Россия же являет собой радикальный контраст этому островному созиданию исторического мышления. Характер российской модернизации, огромные географические просторы, семьдесят процентов которых приходится на равнины и низменности,

³⁰ Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. Москва: Альпина Паблишер, 2003. С. 502.

³¹ Стихотворение Р. Киплинга. Там же. С. 502–503.

вовлечённость на протяжении всей российской истории в бесконечные конфликты осложняли восприятие населением страны общности исторической судьбы и чёткого географического восприятия родины. Тем более не могло выработаться такой ответственности в условиях чрезвычайно болезненных социальных экспериментов, пережитых российским обществом в петровский и советский период российской истории.

В сложных условиях насаждения западных культурных и бытовых стандартов отсекался один из важнейших истоков самосознания и чувства патриотизма – культурно-бытовая самобытность. До начала XX века эта самобытность долгое время сохранялась народом, крестьянами, но почти совсем ушла из слоёв элиты, а затем, в период урбанизации и декрестьянизации страны стала покидать и народ. И хотя подобное развитие событий совершенно закономерно для обществ индустриальной эпохи, оно, тем не менее, особенно негативно для стран со слабой исторической, культурной и национальной идентичностью, так как является одним из её источников.

Другим источником сохранения исторического самосознания выступают различные социальные институты: церковь, государство, политические партии, семья, средства массовой информации, наука и т.д. Однако в России многие из этих социальных институтов складывались уже после петровских реформ, а затем были коренным образом преобразованы советским правительством. Советское государство предпринимало попытку начать всё с чистого листа, погрязнув в переписывании, переинтерпретации или просто прямом искажении не только современной, но и прошлой истории России.

Уничтожение миллионов людей, целых социальных классов привело к утрате значительной части семейных преданий: выжившие представители считавшихся в СССР неблагонадёжными социальных групп не спешили делиться преданиями со своими детьми и внуками, скрывали своё происхождение. В результате, сегодня многие люди в России очень смутно представляют свою генеалогию.

Утрата профессиональных династий, семейных преданий тем более пагубны для самосознания общества, что семья быть может единственный социальный институт, который может со-

хранять историческую традицию даже несмотря на негативные трансформации других поддерживающих её (традицию) институтов. Показателен пример военных династий, представители которых из поколения в поколение служат стране, храня регалии, награды и воспоминания о своих предках – героях прошлых войн и сражений. В данном случае семья и есть живой источник традиции, чувства исторической общности и сопричастности жизни государства, который питает патриотизм и национальное самосознание.

Утрата культурно-бытовой самобытности и исторической семейной преемственности отразилась и на восприятии обществом общности исторической судьбы – одного из ключевых составляющих компонентов национального сознания.

Без культурно-бытовой самобытности, непрерывной исторической традиции, живущих века, передающихся из поколения в поколение мифов о национальном характере и таких же длительных во времени ценностей, коллективная идентичность общества неизбежно ослабевает.

На протяжении столетий носителями представлений о нации выступали представители немногочисленных привилегированных групп – дворянства и духовенства. Образованные классы транслировали свои идеи и представления о национальной общности на окружающий мир, но сила этих импульсов до изобретения книгопечатания, возникновения прессы, распространения массовой грамотности населения, а затем и телевидения и иных каналов массового распространения информации, была ничтожна. Если смотреть на вопрос формирования наций с точки зрения развития средств массовой информации и распространения грамотности среди населения, становится очевидным параллельное развитие этих процессов. Именно обнаружение этой связи побудило Бенедикта Андерсона считать нации «воображаемыми сообществами».

Современные государства обладают значительным населением, представители которого не имеют возможности знать друг друга лично (в отличие от того, как это было в древнегреческих полисах или городах средневековой Италии), а это значит, что чувство общности между ними возможно только на основе общих всем членам данного общества представлений о себе, ко-

торые формируются средствами массовой информации.

В самой явной форме подобный механизм формирования воображаемых сообществ наблюдался в государствах с мощной идеологией и пропагандистским аппаратом. Классическими примерами из относительно недавнего прошлого можно считать Советский Союз и Третий рейх. И в том, и в другом государстве, кроме обычной цензуры печатных изданий, большое внимание уделялось распространению информационных каналов, в первую очередь радио и нейтрализации альтернативных информационных ресурсов.

Анализируя слабость чувства национальной идентичности в царской России и Советском Союзе на раннем этапе его истории, Дэвид Бранденбургер пришёл к выводу, что разрыв между необразованными народными массами и образованной правящей и интеллектуальной элитой общества, прежде всего, проявлялся в отсутствии чувства общности исторической судьбы, которое объединяло бы всё население страны. В отсутствии средств массовой информации и системы, которая охватывала бы всё население государства, единого представления о критериях «русскости» так и не сложилось (в отличие от некоторых других этнических групп населения), у которых такие критерии были³².

Как и в Италии XVIII–XIX веков, в стране доминировали местные идентичности. И хотя в России не было мощной итальянской традиции «местного национализма» великих городов-государств, какими были Флоренция, Генуя или Венеция, некоторые сходные черты региональности самосознания имели место. Прежде всего, это касалось восприятия общности исторической судьбы. Как и в других странах «донационалистической» эпохи в России, прежде всего, доминировали представления о местной истории и местных великих событиях и лидерах, а не общегосударственных событиях. Из поколения в поколение передавались местные предания, имевшие значение для региона проживания этих поколений: «Фольклорная традиция демонстрирует, что существовал значительный распространённый в массах интерес к выдающимся правителям (Ивану Грозному, Петру Великому), царским генералам (Суворов, Кутузов) и крестьянским бунтов-

³² *Brandenburger D.* National Bolshevism. Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956. Cambridge: Harvard University Press, 2002. P. 11.

щикам (Разин, Пугачёв). Источники достаточно богаты, чтобы показать значительные региональные различия в оценках: Иван Грозный, судя по всему, воспринимался как «народный царь» на территории между Москвой и Казанью», тогда как в Новгороде он был увековечен как «бич Божий». Пугачёв, которого с любовью вспоминали в бассейне Волги, был значительно менее известен за пределами региона, в котором он возглавил народное восстание в восемнадцатом веке. Вообще говоря, тогда обычные россияне имели весьма широкий или варьирующийся набор героев, мифов и символов»³³.

Несмотря на объективное наличие факторов, которые могли бы питать коллективную идентичность русского населения, отсутствие сильного чувства общего наследия препятствовало возникновению массовой идентичности.

Неравномерность процесса формирования национального самосознания определяется в том числе тем фактом, что исторически носителями этого самосознания в первую очередь выступали не народные массы, а образованные круги общества – писатели, учёные, философы, поэты, то есть люди, которые могли возвыситься над местным патриотизмом до уровня патриотизма странового, кругозор которых позволял им почувствовать культурную и историческую общность с жителями одной с ними географической местности в масштабах не отдельной деревни или города, местности, а относительно большого национального государства, несмотря на политическую раздробленность и опираясь на достаточно широкое основание общих факторов, среди которых могли быть язык, религия и общность исторической судьбы. В условиях феодальной раздробленности только определённый уровень интеллектуального развития, кругозора, образованности мог дать людям возможность представить себя итальянцами, а не миланцами или генуэзцами, испанцами, а не кастильцами и андалусийцами, французами, а не гиенцами или госконцами. Точно так же и в древнерусской истории можно заметить уже в летописях мысль о единстве Русской земли, которая сложилась под влиянием кочевых набегов и нестроений раздираемой княжескими усобицами страны. Здесь, как и в других

³³ *Brandenburger D.* National Bolshevism. Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956. P. 11, 12.

странах, мысль о единстве в первую очередь возникала у интеллектуальной элиты – русских летописцев и книжников.

Наслоение легитимных для феодального строя представлений о праве определённых родов на власть над определённой территорией и питаемый объективными причинами окружающей действительности провинциальный кругозор подавляющего большинства населения средневекового мира, отсутствие всеобщей грамотности населения и средств массовой информации не позволяли транслировать на массы представления о национальном единстве, которые можно заметить у представителя интеллектуальной элиты древней Руси летописца Нестора уже в начале XII века.

Только постепенная эволюция обществ, достижение определённого уровня общественного развития позволили сформироваться европейским нациям. Во Франции поворотным пунктом в национальном строительстве, колыбелью французского демократического политического национализма и важным этапом на заре эпохи европейского национализма стала Великая Французская революция.

В Испании, Италии и Германии наряду с собственными, уникальными для каждой из этих стран путями формирования национального самосознания значительное влияние оказали наполеоновские войны. Французское вторжение в эти страны содействовало слому исторически сложившихся феодальных социально-политических институтов, мешавших распространению национального самосознания, значительно изменило социально-политическую систему координат оккупированных Францией стран, содействовало последующему реформированию абсолютных монархий в ограниченные конституционными рамками режимы и исчезновению значительной части независимых феодальных княжеств.

Классовый аспект национального самосознания: от аббата Сийеса до Иосифа Сталина

Временем формирования наций справедливо считают период развития капиталистических отношений, промышленных способов производства и отмирания феодальных институтов и значения дворянства и духовенства в жизни общества, вытесненных представителями третьего сословия, буржуазии.

В самых резких чертах классовая теория нации проявилась накануне и в течение Великой Французской революции, одной из самых заметных сторон которой было нарастание национального самосознания.

Французское общество накануне революции волновал вопрос представительства буржуазии в Генеральных штатах, их созвание или создание Учредительного собрания и выработка конституционных норм, которые способствовали бы выражению интересов третьего сословия, права которого повсеместно ущемлялись представителями духовенства, дворянства и военной аристократии. 5 июля 1788 года Людовик XVI издал указ, приглашавший каждого, кто знает как функционируют Генеральные штаты, последнее заседание которых состоялось в 1614 году, или может помочь в исследовании этого вопроса сообщить эту информацию Хранителю печати³⁴.

Одним из самых ярких выражений комплекса волновавших французское общество проблем стала увидевшая свет в начале 1789 года брошюра Эммануэля Жозефа Сийеса «Что такое третье сословие?» В брошюре рассматривались три основных вопроса, на которые давались категоричные ответы: 1) Что такое третье сословие? – Всё. 2) Чем оно было до сих пор в политическом отношении? – Ничем. 3) Чем оно желает быть? – Чем-нибудь³⁵.

³⁴ Ван Дейсен Г. Дж. Сийес: его жизнь и его национализм // *Аббат Сийес*. От Бурбонов к Бонапарту. Санкт-Петербург: Алетейя, 2003. С. 38.

³⁵ *Аббат Сийес*. От Бурбонов к Бонапарту. С. 155.

Мысли, изложенные Сийесом, далеко не были откровением и излагались в многочисленном потоке публицистики того времени, но именно Сийес стал самым известным выразителем этих мыслей благодаря чёткости, ясности и афористичности своего едкого больно разящего стиля и той роли, которую он играл в Великой Французской революции.

19 мая 1789 года Парижское собрание третьего сословия выбрало Сийеса своим последним (двенадцатым) делегатом в Генеральные штаты. Собрание третьего сословия впоследствии обрело название *Национального* собрания. В разные годы аббат занимал целый ряд должностей. Был французским послом в Берлине, активно занимался внешней политикой республики, был одним из пяти членов верховного органа исполнительной власти Франции Директории. После переворота 18–19 брюмера (9–10 ноября 1799 года) и лишения власти Директории Сийес вошёл в новое временное правительство во главе с Наполеоном Бонапартом (Первый Консул), стал одним из трёх консулов. Роль Сийеса в свержении Директории отразилась в народном куплете:

Сийес для Бонапарта подарок сделал: трон,
Республике устроив день пышных похорон;
А Бонапарт Сийесу именье Крона дал,
Чем отплатил и место указал.

В 1799 году Сенат избрал Сийеса своим первым президентом.

Сийес рассматривал нацию с точки зрения классовой структуры общества и того вклада, который каждый из этих классов вносит на благо государства.

Сийес разделил общественно полезный труд на четыре категории – сельское хозяйство, производство и обрабатывающая промышленность, сфера торговли, сфера услуг. Все эти виды полезной деятельности выполняет третье сословие, которому противостоит привилегированный слой людей, занимающих административные, военные, церковные и судебные должности и обладающих всей полнотой власти в государстве, хотя именно третье сословие выполняет «девятнадцать двадцатых» всей общественно полезной деятельности «с той лишь особенностью, что на него

возложено всё, что есть в ней самого трудного и от чего отказывается привилегированное сословие»³⁶.

По Сийесу только третье сословие, граждане, не запятанные никакой привилегией – целая нация³⁷, включает в себя всё необходимое для образования нации. Знать же «вовсе не входит в состав общественной организации» и может быть только бременем для нации: «нельзя найти места для касты знатных среди составных частей нации»³⁸.

Провозглашая классовый подход к пониманию нации, Сийес оговаривал и юридический аспект. Нация – «общество людей живущих под *общим* законом и представленных одним *законодательным* учреждением». «Только общее право и общее представительство составляет *одну* нацию»³⁹. Имеющие же привилегии не подчиняются тем же законам, которым подчиняется большинство, а значит, не имеют права считаться членами нации.

Выступая идеологом единства французской нации, аббат предлагал в своих законодательных проектах ряд мер по укреплению национального самосознания французов, стимулированию преданности родине, патриотизма граждан посредством учреждения системы праздников, всеобщей военной подготовки, введения системы общего образования, поддержания традиций как важного элемента в деле поддержания национальной гордости.

*«Каждый гражданин, – писал аббат, – есть солдат и там, где общество хорошо организовано, армия в запасе есть просто отряд великой национальной армии»*⁴⁰.

Образование французской Национальной Гвардии было одним из шагов на этом пути. В своём проекте школьного образования Сийес пытался ввести программу военной подготовки молодёжи, военных занятий под руководством офицеров Национальной Гвардии для мальчиков. Укреплению нации должно было содействовать и создание независимой от Рима национальной французской католической церкви, деятельность которой отвечала бы нуждам Франции. В целях моральной консолидации обще-

³⁶ Аббат Сийес. От Бурбонов к Бонапарту. С. 157.

³⁷ Там же. С. 156, 168. Ср. с. 176.

³⁸ Там же. С. 159.

³⁹ Там же. С. 160, 162.

⁴⁰ Цит. по: Ван Дейсен Г. Дж. Сийес: его жизнь и его национализм. С. 90.

ства нужно было также вывести из области ведения церкви вопросы образования.

Усиление единства Франции было одной из главных целей политики Сийеса. Именно его авторству принадлежит территориально-административное объединение страны, современное деление Франции на департаменты и образование унитарного французского государства.

До революции территориально-административная система королевства была чрезвычайно запутана. Францию раздирали конфликты между отдельными политическими и территориальными образованиями – избирательными участками, административными округами, общинами, епархиями и арендаторствами. В некоторых областях были ярко выражены сепаратистские настроения: «Суверенное графство Булонь хранило верность лишь самому королю; в Эльзасе и Лотарингии деревня за деревней втягивались в череду бесконечных переходов от Франции к Империи⁴¹ и обратно; Прованс жил сепаратизмом: многие его жители считали себя отдельной «нацией»; Наварра была связана с Францией очень слабыми узами; многие города провозглашали частичную независимость»⁴².

Национальное Собрание упразднило все местные привилегии, разделив страну на департаменты, округа и кантоны. Принятые меры были призваны содействовать уничтожению всех местных различий и образованию единой общности, однородной и компактной французской нации.

Если до Революции во Франции можно было встретить упоминание о *нациях* Франции (так же как в Испании говорили о *нациях* Испании), то есть об отдельных общинах, местных общностях, ассоциировавших себя с родной областью, провинцией, регионом, то теперь силы руководителей общества были брошены на консолидацию единой Франции и единой французской нации.

«Повторяю: Успокойтесь, – писал аббат, убеждая граждан в необходимости унитарных реформ, – “Да, но я же перестану быть бретонцем или провансальцем?” – “Нет, ты всегда будешь бретонцем, всегда провансальцем, но ты вместе с нами вскоре поздравитишь себя с обретением статуса гражданина;

⁴¹ Имеется в виду Священная Римская империя германской нации.

⁴² Ван Дейсен Г. Дж. Указ. соч. С. 94.

*скоро мы все станем носить имя французов и сможем прославить себя, потому что именно в наших населённых пунктах, а не в театре это название будет означать свободного человека»*⁴³.

Единая система школьного образования, армия независимых от церкви государственных служащих-учителей и единые учебники, продуманная система национальных праздников и мемориальных дней, распространение национальной культуры – всё это было призвано стимулировать в людях чувство принадлежности к великой национальной семье, приучить их к мысли о Франции как отечестве и родине.

Работы Сийеса представляют собой всестороннюю программу идеологического воспитания народных масс, идеологию созидания нации. И хотя только малая часть из задуманного аббатом была претворена в жизнь, его произведения хранят на себе отпечаток основного направления общественной жизни революционной Франции и иллюстрируют французский опыт образования национального государства, который на целое столетие стал образцом для других народов и общностей объединявшихся в новые национальные государства.

Идеи Сийеса иллюстрируют справедливость развитого марксистами взгляда на формирование наций, как на следствие захвата власти буржуазией и развития капиталистических отношений, сменивших феодализм с представлявшими его интересы сословиями духовенства и дворянства. Только после утраты духовенством и аристократией доминирующего влияния в обществе и выдвигения на первый план представителей буржуазии, после последовавшего за этим постепенного расширения гражданских прав, исчезновения содействовавшего сохранению позиций буржуазии имущественного ценза как показателя заинтересованности гражданина в общественной жизни (предполагалось, что так как имущим есть что терять, то именно они в первую очередь должны иметь право голоса и заинтересованы в осуществлении политических прав) возникло «четвёртое» сословие рабочих, которое постепенно обрело собственную социальную идентичность.

Социальная нормализация, выравнивание социальных прав и положения различных слоёв населения во Франции и других европейских странах стали зримыми признаками образования

⁴³ Цит. по: Ван Дейсен Г. Дж. Сийес: его жизнь и его национализм. С. 96.

гражданского общества и наций как общностей людей, консолидация которых основывается на значительно видоизменённой, национальной, а не вассальной и религиозной идентичности.

Отдельной вехой в понимании нации выступает теория пролетарского интернационализма, основанная на марксистском видении путей развития общества. В России и других странах, избравших для себя социалистический путь развития по советскому образцу, основным теоретиком данного подхода к нации выступал Иосиф Сталин.

Поскольку определение нации осложняется значительной субъективностью при подходах к её рассмотрению, определяющей исходными мотивами выявления её особенностей, в случае с трактовкой нации Лениным и Сталиным на первый план выступало марксистское представление о пролетарском интернационализме, выдвигались факторы, которые содействовали укреплению интернациональной, наднациональной, классовой идентичности граждан советского государства.

Принцип интернационального сплочения рабочих рассматривался как необходимый пункт в решении национального вопроса. «Для марксизма национальный вопрос был неудобным. Хотя классики социалистической теории не раз выступали против национального угнетения и в поддержку национально-освободительного движения в различных странах, они исходили из того, что у пролетариата нет родины. Национальный фактор считался архаичной обузой, который лишь мешал сплочению мирового пролетариата, пониманию пролетариями всех стран общности своих классовых интересов и примата этих интересов над их национальной природой»⁴⁴.

Большевики постоянно подчёркивали угнетение нерусских национальностей Российской империи, повсеместно провозглашали право наций на самоопределение, но при этом старались всеми силами воспрепятствовать такому ходу событий – сохранить Российское государство в прежних границах, осуждая национальный шовинизм, как сравнительно малочисленных народов России, так и самого русского народа.

В течение нескольких десятилетий написанная Сталиным работа «служила теоретической основой для любых высказываний в СССР по национальному вопросу, поскольку никаких об-

⁴⁴ *Емельянов Ю.В.* Сталин: Путь к власти. Москва: Вече, 2003. С. 226.

стоятельных работ по национальному вопросу у Маркса, Энгельса и Ленина не было».

До сих пор классическим определением нации в российской научной традиции выступает определение, данное И.В. Сталиным в написанной по поручению В.И. Ленина работе «Марксизм и национальный вопрос», впервые опубликованной в журнале «Просвещение» в марте – мае 1913 года: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»⁴⁵. Ленина интересовал опыт Сталина по работе в многонациональном Бакинском комитете (БК) РСДРП и многонациональной рабочей среде. В своём письме Горькому о Сталине Ленин «вспоминал прежде всего о том, как на «Кавказе с.-д. грузины + армяне + татары + русские работали *вместе* в *единой* с.-д. организации *больше десяти лет*». Поскольку революция 1905–1907 годов показала, что национальный вопрос в России имеет огромное значение, Ленин предложил Сталину написать теоретическую статью на эту тему»⁴⁶.

Работа была высоко оценена Лениным. Впоследствии, на II съезде Советов Сталин был избран членом ВЦИК и утверждён народным комиссаром по делам национальностей РСФСР (с 26 октября 1917 по июль 1923 г.).

Данное Сталиным определение в той или иной форме представлено в большинстве издававшихся в СССР и издаваемых в современной России справочных изданиях. Однако после разоблачения культа личности ссылаться на автора этого определения стало не принято. Между тем сталинское рассмотрение национального вопроса представляет интерес и теперь, так как исходит из необходимости гармоничного сосуществования полиэтнического общества и предлагает обоснования каждого выдвигаемого в качестве определяющего нацию фактора.

Иосиф Сталин выделил шесть основных характеристик нации.

1. Нация – не расовая и не племенная, а *исторически сложившаяся общность людей*.

⁴⁵ Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Сочинения. В 13 т. Москва: ОГИЗ, 1946–1951. Т. 2. С. 296.

⁴⁶ Емельянов Ю.В. Сталин: Путь к власти. С. 225–226.

«Итальянская нация образовалась из римлян, германцев, этрусков, греков, арабов и т.д. Французская нация сложилась из галлов, римлян, бриттов, германцев и т.д. То же самое нужно сказать об англичанах, немцах и прочих, сложившихся в нации из людей различных рас и племён»⁴⁷.

2. Нация – не случайный и не эфемерный конгломерат, а *устойчивая общность людей*.

«Великие государства Кира или Александра не могли быть названы нациями, хотя и образовались они исторически, из разных племён и рас. Это были не нации, а случайные и мало связанные конгломераты групп, распадавшиеся и объединявшиеся в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя»⁴⁸.

3. Национальная общность отличается от общности государственной наличием *общего языка*.

Так, чешская нация в составе Австро-Венгрии и польская в составе России были бы невозможны без общего для каждой из них языка, между тем целостности Российской и Австро-Венгерской империй не мешало существование внутри них кроме официально-канцелярских государственных языков целого ряда народно-разговорных языков. Однако наличие языкового фактора не означает, что различные нации всегда и всюду говорят на разных языках, а все, говорящие на одном и том же языке, обязательно составляют одну нацию. Например, англичане и жители Соединённых Штатов Америки говорят на одном языке, но не составляют одной нации, так как не проживают на одной территории.

4. Образование нации невозможно без *общности территории*.

«Нация складывается только в результате длительных и регулярных общений, в результате совместной жизни людей из поколения в поколение. А длительная совместная жизнь невозможна без общей территории»⁴⁹. Выселившиеся в Америку англичане образовали новую американскую нацию. Но одной общности территории недостаточно для образования нации.

⁴⁷ Сталин И.В. Указ. соч. Т. 2. С. 293.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

5. Нужна внутренняя экономическая связь, *общность экономической жизни*, объединяющая отдельные части нации в одно целое.

«Грузины дореформенных времён жили на общей территории и говорили на одном языке, тем не менее они не составляли, строго говоря, одной нации, ибо они, разбитые на целый ряд оторванных друг от друга княжеств, не могли жить общей экономической жизнью, веками вели между собой войны и разоряли друг друга, натравливая друг на друга персов и турок. Эфемерное и случайное объединение княжеств, которое иногда удавалось провести какому-нибудь удачнику-царю, в лучшем случае захватывало лишь поверхностно-административную сферу, быстро разбиваясь о капризы князей и равнодушие крестьян. ... Иначе и не могло быть при экономической раздробленности Грузии... Грузия, как нация, появилась лишь во второй половине XIX века, когда падение крепостничества и рост экономической жизни страны, развитие путей сообщения и возникновение капитализма установили разделение труда между областями Грузии, вконец расшатали хозяйственную замкнутость княжеств и связали их в одно целое»⁵⁰.

6. *Общность психического склада* людей, «национального характера».

«Нации отличаются друг от друга не только по условиям их жизни, но и по духовному облику, выражающемуся в особенностях национальной культуры. Если говорящие на одном языке Англия, Северная Америка и Ирландия составляют тем не менее три различных нации, то в этом не малую роль играет тот своеобразный психический склад, который выработался у них из поколения в поколение в результате неодинаковых условий существования. ... Сам по себе ... «национальный характер», является для наблюдателя чем-то неуловимым, но поскольку он выражается в своеобразии культуры, общей нации, – он уловим и не может быть игнорирован». Национальный характер меняется вместе с обществом и проявляется в культуре, общность которой выступает одной из характерных черт нации.

Сталинская концепция нации предполагает, что отсутствие хотя бы одного из этих признаков достаточно, чтобы нация перестала быть нацией: «Только наличие всех признаков, взятых

⁵⁰ Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос. Т. 2. С. 295.

вместе, даёт ... нацию»⁵¹ и «не существует никакого единственно отличительного признака нации. Существует только сумма признаков, из которых при сопоставлении наций выделяется более рельефно то один признак (национальный характер), то другой (язык), то третий (территория, экономические условия)»⁵².

Достаточно обоснованное и рациональное сталинское выделение признаков нации (хотя и с интернационалистических позиций) далеко не исчерпывает всей сложности национального вопроса и во многом слишком жёстко. Так, общность исторических судеб и языка на протяжении веков была неприменима к евреям, и тем не менее, несмотря на различие в языках и многовековое отсутствие общности исторической судьбы в рамках одной определённой территории евреи не утратили ясно выраженного национального самосознания. Однако и наличие общности экономической жизни не всегда выступает необходимой предпосылкой возникновения нации. Например, к моменту объединения Италии эта страна была экономически разобщена. Судя по результатам исследований современных итальянских историков, можно утверждать, что в середине XIX века «отсутствовали сколько-нибудь значительные экономические предпосылки политического единства страны. В 1855 г. внутриитальянская торговля составляла только 20 % всего торгового оборота государств полуострова. Более 85 % вывоза и ввоза Неаполитанского королевства и 90 % вывоза из Ломбардии приходилось на Францию, Англию, Австрию, Голландию. Сходный характер носила торговля Папского государства и Тосканского герцогства. ... С точки зрения торговых связей в это время не существовало «итальянской» экономики. ... Национальное движение не было порождено интересами уже созревших экономических сил, требовавших политических преобразований; напротив, государственное объединение Италии, являвшееся результатом этого движения, создало необходимые условия для формирования национального рынка»⁵³.

Предложенный Сталиным полифакторный и отрицающий этнический компонент подход к рассмотрению нации позволял

⁵¹ Там же. Т. 2. С. 297.

⁵² Там же. Т. 2. С. 301.

⁵³ В.С. Бондарчук. Национальная мысль и национальное сознание в Италии // Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории. С. 391.

сохранить многонациональное государство и по сути решал те же задачи, которые стояли перед правительством России до революции и перед РСФСР и СССР после неё.

В 1929 году Сталин вернулся к марксистской теории нации в работе «Национальный вопрос и ленинизм», в которой в качестве основных признаков нации отмечались: общность языка, общность территории, общность экономической жизни и общность психического склада⁵⁴.

Отмечая многообразие наций и разнообразие исторических обстоятельств, содействующих их возникновению, Сталин разделял *буржуазные* и *социалистические* нации: «Есть нации, развившиеся в эпоху поднимающегося капитализма, когда буржуазия, разрушая феодализм и феодальную раздроблённость, собирала нацию воедино и цементировала её. Это – так называемые «современные нации»⁵⁵.

Исходя из первостепенного значения, отводимого марксизмом в развитии общества экономике, Сталин как и Ленин считал, что нации не могли возникнуть и существовать до капитализма, в период феодализма, вследствие того, что «страны были раздроблены на отдельные самостоятельные княжества, которые не только не были связаны друг с другом национальными узами, но решительно отрицали необходимость таких уз». В отсутствие национальных рынков и культурных национальных центров не было факторов, которые «ликвидируют хозяйственную раздроблённость данного народа и стягивают разобщённые доселе части этого народа в одно национальное целое»⁵⁶.

Язык, территория, культурная общность докапиталистического периода развития общества составляли лишь предпосылки возможного образования нации в будущем в период развития капитализма с его национальными рынками и экономическими и культурными центрами. Следуя марксистско-ленинским путём экономического детерминизма, создание национальных связей рассматривалось Сталиным как создание связей буржуазных. Порождённые капитализмом буржуазные нации по Сталину оказались слиты с империализмом, стали пытаться расширить границы своих государств за счёт других наций. Теория нации русских

⁵⁴ Сталин И.В. Национальный вопрос и ленинизм // Там же. Т. 11. С. 333.

⁵⁵ Там же. Т. 11. С. 335–336.

⁵⁶ Там же. Т. 11. С. 336.

марксистов предполагала, что в мире буржуазных наций невозможно покончить с войной, но с падением капитализма буржуазным нациям наступит конец. Буржуазным нациям противопоставлялись другие нации – «новые советские нации, развившиеся и оформившиеся на базе старых, буржуазных наций после свержения капитализма в России, после ликвидации буржуазии и её националистических партий, после утверждения Советского строя»⁵⁷.

Предполагалось, что социалистические нации, в противоположность нациям буржуазным чужды национализму и империализму, утверждают дружбу между народами и принципы интернационализма. «Эти новые нации, – писал Сталин, – возникли и развились на базе старых, буржуазных наций в результате ликвидации капитализма, – путём коренного их преобразования в духе социализма»⁵⁸.

Марксистская теория нации исходила из экономического детерминизма и пренебрегала детерминизмом культурным. Нации без капитализма казались Сталину невыносимыми. Жизнеспособность же «социалистических наций» должна была обеспечиваться отсутствием в них классовых противоречий, «разедающих буржуазные нации». Вождь мирового пролетариата писал, что в стране диктатуры пролетариата «возрождённые нации являются уже не старыми, буржуазными нациями, руководимыми буржуазией, а новыми, социалистическими нациями, возникшими на развалинах старых наций и руководимыми интернационалистической партией трудящихся масс»⁵⁹.

Если советские теоретики пытались развить самосознание общества на началах интернационализма с надеждой на то, что в будущем возникнет новая историческая общность людей – советский народ, а на смену национальной гордости придёт «более широкое чувство общенациональной, общесоветской гордости советского человека»⁶⁰, то русская интеллигенция конца XIX – начала XX веков «обесцвечивала» себя (по выражению П.Б.

⁵⁷ Там же. Т. 11. С. 339.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. Т. 11. С. 353.

⁶⁰ Национальная гордость // Краткий политический словарь / Сост. и общ. ред. Л.А. Ониксова, Н.В. Шишлина. Москва: Политиздат, 1983. С. 212.

Струве) в «российскую»⁶¹. И в том, и в другом случае, попытки обоснования обширной надэтнической национальной общности обуславливались стремлением сохранить единую и неделимую многонациональную Россию.

Проблема формирования российской гражданской национальной идентичности. Постимперский синдром и синдром жертвы

Всплеск национального самосознания народов Российской и других многонациональных империй конца XIX – начала XX века привёл к мыслям о необходимости появления новой, *гражданской идентичности*, гражданского понимания нации.

Алексей Миллер справедливо отметил, что до 1906 года русская нация не являлась имперской в том смысле, в каком имперскими нациями были британцы или французы. Русская нация не правила в империи, так как у неё, в отличие от западных коллег по империалистическому строительству, не было парламентского представительства, которое юридически отражало бы неравноправие народов Российской империи: «Династия Романовых – в сравнении с другими династиями – эффективно и упорно, даже упрямо, сопротивляется национализации. ... Здесь присутствует очень сложная диалектика. С одной стороны, империя действительно мешала, ... можно назвать много аспектов, в которых она мешала реализации национального проекта. А с другой стороны, в каких-то вещах она очень помогала строительству этого национального проекта»⁶².

Предполагавшаяся когда-то синонимичность словоупотребления «русский» и «российский», которая очень заметна в работах М.В. Ломоносова и Н.М. Карамзина и других мыслителей XVIII – начала XIX века, стала вытесняться более нейтральным, в этническом аспекте, словом «российский», целенаправленным использованием слова «российский» вместо «русский» в публи-

⁶¹ Струве П.Б. Интеллигенция и национальное лицо // *Нация и империя в русской мысли начала XX века*. Москва: Скимень, Пренса, 2004. С. 221.

⁶² Миллер А.И. Национализм и империя. С. 30.

цистических работах. Если Ломоносов и Карамзин употребляли эти слова как синонимы, то в конце XIX – начале XX века, когда в Российской империи всё острее поднимался национальный вопрос, говоря о «российскости» наряду с русскими имели в виду представителей иных этнических общностей, проживавших в империи. Именно эту тенденцию отмечал П.Б. Струве в статье «Интеллигенция и национальное лицо».

В СССР национальный вопрос рассматривался иначе. Касаясь соотношений *гражданской* национальной идентичности и этнической национальной идентичности, нельзя не отметить одно чрезвычайно важное противоречие в советской действительности, которое не вписывалось в концепцию интернационализма и новой исторической общности людей – советского народа: это устойчивый этнический аспект рассмотрения идентичности в советском обществе, который унаследовала и современная Российская Федерация.

Здесь возникает несколько сложностей. Первая из них языкового характера, формирует и отражает представления людей об обсуждаемом предмете. Языковой аспект проблемы *гражданской национальной* идентичности в России хорошо охарактеризовал в начале XX века российский правовед В.В. Водовозов, который отмечал, что большую трудность для правильного понимания нации «представляет невыработанность и запутанность терминологии. В русском языке имеются четыре термина: нация, народ, национальность, народность. ... Нация – термин этнографический или социологический, и им обозначается совокупность людей, связанных единством национального сознания»⁶³. Во французском и английском языках слово «нация» означает совокупность граждан государства, независимо от их национального, этнического происхождения. В русском же языке, «слова «нация», «народ», даже «национальность» и «народность», в своём первоначальном и главном значении этнографического или социологического термина, употребляются почти как синонимы, отличаясь друг от друга только тонкими, едва уловимыми оттенками; но каждый из них имеет и дополнительный, вторичный смысл. В фразе: «русский народ ведёт войну с Германией», термин народ употреблён в государственно-правовом смысле, и под него подводятся и поляки, и евреи, и армяне и т.д.; но можно ска-

⁶³ Водовозов В. Нация // Новый энциклопедический словарь. Т. 28. Ст. 119.

зять также: «в России живут разные народы: русские, поляки, евреи, и т.д.». Слово нация звучащее по-русски, как слово иностранное, плохо усвоенное русским языком, обыкновенно применяется только к более значительным народностям. ... и тоже в обоих смыслах, государственно-правовом и социологическом: к самоедам, зырянам и т.д. этот термин не подходит. Но рядом с ними употребляются также термины «народность» и «национальность», особенно в применении к народам незначительным, для обозначения совокупности людей, объединённых единством национального сознания; в государственно-правовом смысле эти два термина не употребляются, зато они имеют ещё психологический смысл»⁶⁴.

Действительно, когда американец или англичанин задаёт вопрос «where are you from?» («откуда вы?»), он имеет в виду гражданскую принадлежность, *государство*, к которому принадлежит человек. Этническая национальность отступает на второй план. Слово Nation является синонимом государства и нации, как национальности, в том числе в какой-то мере как национальности этнической и, тем не менее, *государственно-правовое* содержание этого понятия преобладает. В русской же языковой практике вопрос о происхождении – прежде всего подразумевает этнический, а не гражданский аспект. В результате чего живущий, даже родившийся в России человек «нерусского» или «недостаточно» русского этнического происхождения, на заданный на русском языке вопрос «кто вы?» отвечает, к какой этнической группе он принадлежит. Или вообще затрудняется ответить, если ментальные и языковые связи с этой этнической группой утрачены. Но по-английски тот же человек ответит, что он «from Russia» или просто «I am Russian». Причём двойственность выбора «русский» или «российский» затрудняет ответить, таким образом, как это происходит в Соединённых Штатах, где человек может являться афроамериканцем или американским немцем. На русском языке сказать, что являешься русским кенийцем или русским немцем значительно труднее, так как есть ещё и «российский» выбор, быть не «русским», а «российским» кенийцем или немцем.

Данная языковая сложность, отмеченная П.Б. Струве и В.В. Водовозовым в начале XX века, казалось бы, должна была быть изжита идеологией советского интернационализма и насаж-

⁶⁴ Водовозов В. Нация // Новый энциклопедический словарь. Т. 28. Ст. 119–120.

давшейся концепцией гражданской нации под названием советский народ, однако этого не произошло. И причины неукоренённости гражданского понимания нации в России видимо, кроме проблемы языка можно объяснить историей и социально-политической практикой Советского Союза: введением графы «Национальность» (вместо имевшейся в паспортах Российской империи графы «Вероисповедание») и административно-территориальное деление страны.

Вытеснение религии в качестве основы идентичности и введение федеративного государственного устройства с автономными советскими социалистическими республиками и указание национальности в паспортах содействовало укреплению местных этнических национализмов и содействовало складыванию в сознании некогда населявших Российскую империю народов представлений о местной *географической идентичности*, закреплённой новым административно-территориальным делением страны. Например, при царе не существовало Татарской Автономной Советской Социалистической Республики, значит, не было и её границ, которые при создании автономии очертили рамки географических представлений о себе, содействовали закреплению ассоциаций татар с занимаемой ими территорией, выработке особого географического самосознания, ассоциирования народа с конкретным географическим пространством. Таким же образом складывалась ситуация и с другими советскими национальными республиками. В советский период произошла «территориализация ... национальных проектов. Когда в 1939 году Красная армия завоёвывает Галицию, она уже завоёвывает её под флагом воссоединения украинских земель – произошёл гигантский дискурсивный слом»⁶⁵.

В качестве автономных областей в составе РСФСР многие народы России закрепили в своём сознании чувство не только языковой и культурной общности, но и общности чётко административно очерченной территории. И хотя, многие границы проводились произвольно, разделяя этнически родственные народы, в целом федерализацию Советского Союза можно признать шагом на пути к децентрализации и сепаратизму, формированию национального самосознания у населявших империю народов.

⁶⁵ Миллер А.И. Национализм и империя. С. 30.

Важно отметить, что некоторая произвольность территориального деления империй по национальному признаку – отличительная черта всех, как территориально-интегрированных, так и морских империй, вследствие чего империи часто обвиняют в проведении в жизнь принципа «разделяй и властвуй», намеренном потенциально конфликтном проведении границ оставляемых или ещё удерживаемых территорий. Межэтнические конфликты по границам, проведённым ушедшими когда-то империалистами, наблюдаются сегодня в различных частях земного шара и являются наследием ушедших в прошлое империй: Британской, Османской, Французской, Российской и Советской. В то же время, говоря о советском опыте проведения национальных границ, нельзя не признать значительных усилий советских учёных, стремившихся проводить межевание границ территорий в максимальном соответствии с национальным сознанием населения. Иное дело, что на практике это не всегда удавалось и не всегда удовлетворяло исторические амбиции обретавших национальные границы народов. В случае с республиками Средней Азии доминирование клановой и племенной идентичности у людей, которых по целому ряду признаков можно было отнести к одной национальности и культуре, делало проведение собственно «национальных» границ практически невозможным, так как население этих территорий ещё не ощущало себя нациями.

Национальное сознание регионов империй, как правило, было развито очень неоднородно. Например, в составе Австро-Венгрии существовали две древние и когда-то независимые страны – Чехия (корона святого Вацлава) и Венгрия (корона святого Стефана). Понятно, что население этих областей имело намного больше оснований для желания национальной независимости и достаточно сильное национальное самосознание. Причём у венгров и чехов были достаточно ясные представления о территории и границах, которые должны быть у их государств. В сравнении с распадом Австро-Венгерской империи, уход европейских имперских держав с чёрного континента и проведённые этими державами границы государств Африки представляются совершенно произвольными. Стоит только посмотреть на карту, чтобы увидеть территориальное деление, буквально проводившееся при помощи карандаша и линейки.

Кроме территориального закрепления национальностей Советского Союза, населявшие СССР народы получили массовое среднее образование. Именно Советский Союз, а не Российская империя стал обществом поголовной грамотности населения, причём инструментами образования служили разные языки народов государства. Русский язык перестал быть монопольным в той степени, в какой он был таковым до революции. В прошлом безграмотные люди в результате кампании по ликвидации безграмотности научились читать и писать. И даже если они начинали читать по-русски, впоследствии тяга к национальной литературе и национальному языку становилась мощным источником национального самосознания.

Когда мощь государственной идеологии ослабла, наступил период гласности и перестройки, все эти изменения дали о себе знать. Советское государство стало распадаться по созданным в советское время административным границам. Сепаратистские настроения в большей или меньшей степени распространились по всем республикам, включая внутренние, не периферийные автономии, отделение которых с геополитической точки зрения было просто невысказанным в силу их окружённости Россией. Только катастрофа тотального распада государства, когда отпадают целые группы претендующих на государственность территорий, могла доставить им полную самостоятельность.

Примечательно, что подобный ход развития этнического национализма среди народов СССР предрекал в статье 1927 года «Общевразийский национализм» Н.С. Трубецкой, писавший, что революция вынудила русский народ пожертвовать своим положением единственного хозяина государства, чтобы сохранить государственное единство.

Национализм народов Российской империи был представлен высшими классами их обществ и на момент революции ещё не проник в народные массы, благодаря чему большевикам удалось объединить страну на основании пролетарского социального идеала, но этот идеал может быть только временным. С улучшением условий жизни пролетарская солидарность перестанет цементировать многонациональный Советский Союз: «Национализм отдельных народов СССР, – писал Трубецкой, – развивается по мере того, как эти народы всё более свыкаются со

своим новым положением. Развитие образования и письменности на разных национальных языках и замещение административных и иных должностей в первую очередь туземцами углубляют национальные различия между отдельными областями, создают в туземных интеллигентах ревнивый страх перед конкуренцией пришлых элементов и желание попрочнее закрепить своё положение. В то же время классовые перегородки внутри каждого отдельного народа СССР сильно стираются и классовые противоречия постепенно блекнут. Всё это создаёт самые благоприятные условия для развития в каждом из народов СССР своего национализма с сепаратистическим уклоном». Учитывая эти процессы «для того, чтобы отдельные части бывшей Российской Империи продолжали существовать как части одного государства, необходимо существование единого субстрата государственности. Этот субстрат может быть национальным (этническим) или классовым. При этом классовый субстрат ... способен объединить отдельные части бывшей Российской Империи только временно. Прочное и постоянное объединение возможно ... только при наличии этнического (национального субстрата). Таковым до революции был русский народ. Но теперь ... уже невозможно вернуться к положению, при котором русский народ был единственным собственником всей государственной территории. Ясно также, что и никакой другой народ, проживающий на этой территории, не может исполнить роль такого единственного собственника всей государственной территории. Следовательно, *национальным субстратом того государства, которое называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонациональная нация и в качестве такой обладающая своим национализмом*»⁶⁶.

Н.С. Трубецкой предлагал в качестве такого национализма концепцию евразийства, которое в контексте проблемы формирования в России гражданской национальной идентичности можно рассматривать как один из вариантов такой гражданской национальной идентичности.

Пример датируемых первой половиной XX века размышлений Н.С. Трубецкого тем более интересен, что демонстрирует актуальность изучения дискурса о национальной идентичности,

⁶⁶ Общеевразийский национализм // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. Москва: «Аграф», 2000. С. 499, 500.

представленного работами русских мыслителей Серебряного Века и русской эмиграции первой половины XX столетия.

Постсоветский период российской истории поставил перед обществом те же вопросы, которые стояли перед ним до 1917 года. В период перестройки конца XX века социальным мыслителям приходилось заново обдумывать те же проблемы национального строительства, модернизации и цивилизационной принадлежности страны, которые стояли перед Российской империей до революции. Огромная разница заключалась в том, что советская эпоха уничтожила длительную интеллектуальную традицию рассмотрения этих вопросов, которая была присуща русской социальной философии и её продолжателям в лице мыслителей русской эмиграции.

Незнакомство с интеллектуальными вершинами дореволюционной социально-философской традиции зачастую приводило к достаточно неглубоким социальным предположениям и проектам.

Империализм, который не всегда органично сочетается с национализмом, а подчас вообще воспринимается как противоречащий ему феномен, фактически содействовал, как ни парадоксально это звучит, формированию как империализующих, так и империализуемых наций, способствовал становлению их коллективной идентичности.

На фоне создания Британской империи англичане и шотландцы отвлекались от вековой вражды и, направляя общие усилия вовне, обретали общую британскую идентичность. Причём шотландцы, которые постоянно чувствовали на себе гнёт Англии, отличались особенным усердием на службе Империи. С другой стороны в противостоянии британскому имперскому проекту обретали общность многочисленные народности Индии. Британское владычество распространялось в этой стране, имея дела с разрозненными княжествами, но, уходя из Индии в 1947 году, колониальная администрация покидала уже новое государство. Из понятия географического Индия в итоге британского владычества стала понятием политическим⁶⁷.

Такие же процессы протекали в Российской империи и её преемнике – СССР. Распадаясь, Советский Союз выделил из себя

⁶⁷ *Ferguson N. Empire. How Britain Made The Modern World. London: Penguin Books, 2004. P. 366.*

целую плеяду новых национальных государств, «вызревших» в его рамках и никогда прежде не существовавших в современных границах.

Распад империи всегда наносит болезненный удар по самосознанию имперской нации, приводит к необходимости заново себя осознать и вписать в картину изменившегося непривычного мира. Земли, которые воспринимались своими, народы, которые ещё недавно считались «братскими», становятся открыто враждебными. Но кроме печали по утраченной империи, постимперского синдрома, носителям имперского сознания остаётся славное прошлое, которое при благоприятных обстоятельствах не омрачается синдромом жертвы – той особенностью, которой часто страдают подвергавшиеся когда-то колонизации и имперскому правлению народы. Именно этой особенностью механизма взаимодействия имперского и национального сознания в постимперский период объясняются все внешнеполитические сложности России, с которыми она сталкивается в начале XXI века на внешнеполитической арене во взаимодействии со странами, бывшими когда-то сателлитами или республиками СССР.

Синдром жертвы и национализм отделившихся частей империи сталкиваются здесь с постимперским синдромом страны, бывшей когда-то ядром империи. А.И. Миллер следующим образом охарактеризовал этот процесс: «Русские отличаются от всех других народов, живущих по соседству с ними, в одном очень важном элементе. В самосознании всех других народов очень большую роль играет мотив этнической виктимизации, то есть то, что они были жертвами какого-то «чужого» режима, – будь то Российская империя или поляки, которые сами в свою очередь стали жертвами... Но от Советской власти досталось заведомо всем. При этом у всех остальных есть мотив этнической жертвы, а у русских такого мотива нет. *Русские всегда воспринимали государство как своё, не как этнически чуждое*»⁶⁸.

Сложность взаимодействия имперского сознания России с самосознанием жертвы, присущим её восточноевропейским соседям, усиливается тем, что эта виктимность малых народов имеет

⁶⁸ Миллер А.И. Национализм и империя. С. 109, 110; Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. Москва: Новое литературное обозрение, 2006. С. 10–11.

длительную «дороссийскую» историю, была присуща этим нациям задолго до их вхождение в орбиту российского влияния.

Ещё в 1946 году из-под пера венгерского мыслителя Иштвана Бибо вышла работа под заглавием «О бедствиях и убожестве малых восточноевропейских государств», в которой рассматривались исторические корни *виктимного синдрома* малых наций Восточной Европы⁶⁹. Начиная с турецкой экспансии на Запад и заканчивая многочисленными разделами сфер влияния и территорий между Пруссией, Австрией и Россией, а затем Германией и СССР, Восточная Европа на протяжении 400 лет занимала положение между молотом и наковальней. Страх потери суверенитета и утраты своей культуры и самобытности стал в этих обстоятельствах неотъемлемой частью коллективного бессознательного.

Имперское российское самосознание снова столкнулось в конце XX – начале XXI века с самосознанием жертвы, характерным для окружающих Россию государств. Мыслительные образы империи и жертвы взаимоисключают друг друга в том смысле, что могут быть примирены только посредством комплексного разностороннего анализа, который по объективным причинам практически невозможно привить широким слоям населения, тем более, что *виктимный синдром* выступает во многих новообразованных независимых государствах в качестве основания формируемого политической и культурной элитой национального самосознания.

Понимание образа мира жертвы и образа мира империи необходимо для прагматичной и взвешенной внешней политики всех государств региона.

⁶⁹ О бедствиях и убожестве малых восточноевропейских государств // *Бибо И.* «О смысле европейского развития» и другие работы. Избранные эссе и статьи. Москва: Три Квadrата, 2004. С. 155–262.

Воображаемые сообщества: национальная солидарность и деятельностная концепция нации

Изучение процесса формирования наций демонстрирует чрезвычайное обилие теоретических работ, посвящённых этому вопросу. В каждой стране, которая переживала процесс становления нации, национального самосознания, существует собственная плеяда идеологов, мыслителей и поэтов, писавших на эту тему. Предельно общая постановка вопроса о сущности нации позволяет дать только один ответ: нация – это *представление общности людей о себе как о нации*.

Если рассматривать нации конкретно-исторически, по отдельности, в привязке к географии и конкретно-историческому прошлому, то в каждом случае портрет нации и её составляющие будут меняться. Соответственно разные акценты выдвигаются и авторами, обосновывавшими объективное существование этих наций, или необходимость их создания в будущем. В Германии, Италии, Англии, Франции, Португалии, Греции, Испании, Турции, Мексике, на Кубе, в Аргентине, в США, России и на Украине и во множестве других стран существует своя литература о нациях. Объединение этой литературы в один труд представляется невозможным и не слишком полезным, в то время как историческое сравнительное изучение общих и особенных черт процессов формирования наций, националистических дискурсов и обстоятельств образования условий, способствующих развитию национального сознания, – очень обширная и чрезвычайно полезная тема.

Уже Джон Стюарт Милль в «Рассуждениях о представительном правлении» высказал мысль о том, что нация это – прежде всего *чувство солидарности* между людьми: «О национальности можно говорить, – писал британский мыслитель, – когда известное число людей соединено между собой общими симпатиями, каких нет между ними и остальными людьми, когда они вследствие этих симпатий охотнее посвящают себя общей дея-

тельности, чем в союзе с другим народом, желают находиться под одним правительством и хотят, чтобы это правительство состояло из них самих или из известной их части». Такая национальная солидарность может питаться рядом причин: единством происхождения и расы, общностью веры и языка, географическими границами, но главная причина: «общая историческая судьба, одинаковая национальная история и, следовательно, общность воспоминаний, славы и бедствий, радости и скорби в связи с пережитыми вместе событиями»⁷⁰.

Как и многие исследователи, занимавшиеся размышлениями о становлении нации, Милль пришёл к заключению, что ни одна из перечисленных причин в отдельности не может считаться безусловно необходимой или достаточной.

То есть только комплексное и предметное рассмотрение генезиса конкретного национализма может дать более-менее положительный практический результат. Из ряда факторов способствующих развитию нации, многие являются переменными, а не универсальными и в равной степени подходящими каждой стране.

Дж. Ст. Милль выделил среди таких факторов общность языка и литературы, общность происхождения («до известной степени») и исторических воспоминаний, указал на связь образования наций и национальных государств с вопросом управления государством и общественным мнением. Если в обществе возникло чувство национальной солидарности, то такое общество начинает претендовать на образование национального государства, такого государства, которое состояло бы из подавляющего числа тех членов, которые разделяют это чувство солидарности. А без единства языка и интеллектуальной среды общество не может быть солидарным: «Если в народе нет чувства солидарности, если он говорит и пишет на различных языках, то не может существовать объединённого общественного мнения, необходимого для действия представительного правления. Условия, влияющие на взгляды народа и на правительственные мероприятия, различны в разных частях страны. Они избирают себе различных вождей и доверяют только своим вождям. Они будут читать различные книги, брошюры и газеты, слушать различные

⁷⁰ Милль Дж. Ст. Национальность и представительное правление // Рассуждения о представительном правлении. Челябинск: Социум, 2006. С. 314.

речи. Одна часть страны не будет знать, какие мнения в ходу в другой и каким влиянием она подвергается»⁷¹.

По Миллю генезис наций, растущее чувство солидарности среди общностей людей приводит к необходимости представительного правления и совпадения политических границ с национальными. Однако географические причины не всегда позволяют безболезненно разделить донационалистические государственные образования, так как различные национальности неравномерно расселены и не могут образовать отдельного национального государства. В таком случае нациям необходимо «примириться с необходимостью жить по возможности дружно, чтобы пользоваться равными правами и законами»⁷².

Отмечая этническую неоднородность большинства стран мира, Милль рассматривал смешение народов как положительный, препятствующий их вырождению процесс. Исходя из викторианской непоколебимой веры в прогресс, мыслитель считал, что примирить этнические различия и интересы может принадлежность к мощному государству, его военной славе, политическому покровительству и просвещению. «Наиболее однородная страна в Европе, – писал учёный, – Франция, имеет также посторонние примеси. Независимо от остатков иноплемённых национальностей в отдельных её частях она состоит, как свидетельствуют об этом исторические и лингвистические данные, из двух частей: одна занята почти исключительно галло-романским населением, а другая имеет значительную примесь франкских, бургундских и других тевтонских элементов». Особым самосознанием отличаются бретонцы и баски французской Наварры, которым, несомненно, «полезно проникнуться идеями и чувствами высоко цивилизованного народа, сделаться членом французской нации и равноправно участвовать в благодеяниях французской гражданственности, пользоваться преимуществами французского покровительства и присоединиться к достоинству и обаянию французского могущества»⁷³.

Подобные представления о целесообразности растворения малых народностей в могучих политических организациях других

⁷¹ Милль Дж. Ст. Национальность и представительное правление // Рассуждения о представительном правлении. С. 316–317.

⁷² Там же. С. 319.

⁷³ Там же. С. 320, 321.

этносов было широко распространено в литературе XIX столетия. Понятие цивилизации как синонима западного прогресса, цивилизованных стран как западных технически развитых, модернизированных государств. Вера в единственно верный западноевропейский взгляд на мир и представление о том, что только западная картина мира рациональна и приемлема, позволяла интеллектуалам середины XIX столетия искренне надеяться на принятие данных представлений многочисленным населением европейских колоний и малыми народами самой Европы.

С этой точки зрения баски и бретонцы Франции, валлийцы и шотландцы Великобритании не могли в конце концов не пожелать стать составными частями столь успешных и больших европейских наций, какими были Франция и Великобритания. Считалось, что быть частью великой империи рационально, принадлежность к империи несомненное благо, непонимание этого представлялось недоразумением и предрассудком, присущим «некультурным», «нецивилизованным» варварам.

Сегодня становится совершенно ясной империалистическая и узко сциентистская, провинциально-европоцентрическая, прогрессистско-оптимистическая и мессианская подоплёка подобных размышлений. Знамя свободы закономерно уступало в них место «прогрессу», носителем которого представлялись строители империи, те, кого Киплинг позднее назовёт белыми, обременёнными бременем. Немногочисленные, но несущие цивилизацию народы имеют право покорить менее цивилизованные, но многочисленные народы с тем, чтобы цивилизовать их. Подобное положение дел можно рассматривать как благодеяние до тех пор, пока подвластные народы не осознают, что отсутствие у них свободных учреждений для них оскорбительно. Для большинства англичан империя была «величайшей светской силой, известной своими благими намерениями», развитие которой «хотя и не было лишено ошибок, свойственных любому человеческому начинанию..., но изначально и преимущественно подразумевало чистую и величественную цель». Премьер-министр Англии лорд Розбери был уверен, что «любой, даже самый невнимательный и циничный человек узрит здесь руку божественного провидения»⁷⁴.

⁷⁴ Цит. по.: *Ливен Д.* Российская империя и её враги с XVI века до наших дней. С. 67.

Здравый взгляд на нацию как выражение солидарности общности сочетается в произведении Милля с представлениями о ценности распространяемого имперским мессианизмом света западных знаний. Милль действительно искренне верил, что «нет ничего, за исключением исторических воспоминаний и различия в преобладающей вере», что могло бы разделять в будущем ирландцев и англичан. Ирландцы, казалось Миллю, как менее многочисленный и менее богатый народ, не могли не преисполниться в будущем чувством благодарности к своим ближайшим соседям, «самым богатым, самым свободным, цивилизованным и могущественным из народов земного шара»⁷⁵.

Англичане действительно настолько верили в то, что принесённый ими прогресс примирит ирландцев с политическим порабощением, что даже перестали рассматривать Ирландию как колонию, хотя именно в Ирландии ещё в XVI веке были заложены основные принципы британского правления, подразумевавшие «идеологию цивилизационной миссии – глубокое (и, как правило, пренебрежительное) чувство культурного превосходства над аборигенами, а также доктрину terra nullius, предполагающую, что земля (и как следствие и другие экономические ресурсы), которую плохо обрабатывают отсталые местные жители, может быть законно экспроприирована более сильным и развитым захватчиком»⁷⁶.

Оговорённые Миллем в начале его размышления ценности, объединяющие людей в нацию посредством национальной солидарности, покоящейся на общности веры, языка, литературы и истории, в конце этого размышления отодвигаются на задний план, уступая место «вневременным» для «просвещённого» англичанина викторианской эпохи ценностям науки и западной цивилизации. Логически завершая эту цепочку размышлений, получается, что демократия, свобода и национальное государство существовали только для «цивилизованных» народов Запада, которым все остальные народы должны были подчиняться до тех пор, пока не приобщатся к сокровенным западным ценностям. Это западная мерка двойных стандартов, которая до сих пор наблюдается в международных отношениях и риторике представителей

⁷⁵ Милль Дж. Ст. Национальность и представительное правление // Рассуждения о представительном правлении. С. 324.

⁷⁶ Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней. С. 41.

Запада по отношению к странам остального мира. Экспорт «демократии» и борьба за «права человека» и «общечеловеческие ценности» – современное продолжение западных идеологических имперских тенденций эпохи золотого века европейского колониализма.

В такой форме западный национализм обосновывал свои колониальные притязания и право на империю. При этом интересно отметить, что в целом взгляд на созидательную роль империй в деле формирования наций кажется вполне отвечающим действительности. Именно в противостоянии империям и будучи составными частями империй, многие народы осознавали свою обособленность, обретали чувство национальной солидарности, становились нациями.

Выдающийся немецкий правовед Георг Еллинек в своей книге «Общее учение о государстве» определил нации следующим образом: «Нации суть не естественные, а историко-социальные образования... Нация не есть что-либо объективное. Нация есть нечто существенно субъективное, т.е. свойство определённого содержания сознания. Группа людей, сознающих себя объединёнными множеством общих своеобразных культурных элементов и общим историческим прошлым и потому отличными от других людей, образуют нацию. Однако ни одна из этих причин в отдельности не может считаться безусловно необходимой или достаточной»⁷⁷.

Еллинек, таким образом, практически сходится с Дж. Ст. Миллем в оценке нации, как воображаемого сообщества, основанного на общности исторической судьбы и ряда культурных особенностей, отличающих представителей одного сообщества от сообщества людей с другой коллективной идентичностью.

Вопрос содержания понятия нации нашёл отражение и в российской общественной мысли. Прежде всего, как уже отмечалось, он остро встал после революционных событий 1905–1907 годов.

Русский правовед В.В. Водовозов начинал рассмотрение нации с отрицания основополагающего значения расовой теории или «зоологического национализма», как тогда называли это явление в российской публицистической литературе, в связи с чем

⁷⁷ Еллинек Г. Общее учение о государстве. Санкт-Петербург, 1908. С. 84–86.

приходится остановиться на расовом подходе к рассмотрению нации.

Рассмотрение нации с этнических позиций исходит из сложившегося в XIX столетии деления человечества на несколько рас, которые разделены на «сотни или тысячи народов или наций, т.е. общественных групп, связанных общностью происхождения, общностью исторических судеб, исторических традиций, культуры, стремлений, национального характера, языка и во многих случаях также общностью религии и территории»⁷⁸. При этом многие авторы этнического направления были склонны выделять особый характер, дух народа. Нация, раса в таком случае наделялась целым рядом метафизических свойств, становилась предметом поклонения, а мировая история рассматривалась как борьба наций. Развитие расового подхода к рассмотрению нации и пик его «популярности» относится ко второй половине XIX – первой половине XX столетия, хотя истоки её принято связывать с именем французского аристократа, писателя и лингвиста графа Жозефа Артюра де Гобино, автора «Опыта о неравенстве человеческих рас».

Арнольд Тойнби следующим образом охарактеризовал возникновение его теории: «Когда французских дворян лишали поместий, изгоняли и гильотинировали, педанты от революционной партии, всегда не довольные, пока им не удавалось выразить современные им события в «классической» манере, заявили, что галлы после четырнадцати веков зависимости ныне изгоняют своих франкских завоевателей во внешнюю тьму по ту сторону Рейна, откуда они пришли во время *Völkerwanderung* [переселения народов], и забирают обратно во владение галльскую землю, которая, несмотря на длительную варварскую узурпацию, никогда не переставала быть их собственной».

На эту нелепость Гобино отвечал ещё более впечатляющей нелепостью. «Я принимаю вашу идентификацию. ... Давайте условимся, что простой французский народ происходит от галлов, а аристократия – от франков, что обе расы имеют чистую кровь и что существует определённая и постоянная взаимосвязь между их физическими и психологическими характеристиками. Вы в самом деле воображаете, что галлы поддерживают цивилизацию, а франки – варварство? Откуда же пришла та цивилиза-

⁷⁸ Водовозов В. Нация // Новый энциклопедический словарь. Т. 28. Ст. 120.

ция, которой достигли галлы? Из Рима. А что сделало Рим великим? Да, конечно же, первобытное вливание нордической крови, которая течёт в моих франкских венах. Первые римляне – так же, как и первые греки, гомеровские ахейцы, – были светловолосыми завоевателями, спустившимися с бодрящего севера и установившими своё владычество над более слабыми местными жителями расслабленного Средиземноморья. Однако, в конце концов их кровь была ослаблена и раса ослабла. Их власть кончилась, и слава закатилась. Пришло время для другого спасательного отряда светловолосых завоевателей спуститься с севера и заставить пульс цивилизации снова забиться, и среди них были франки»⁷⁹.

В произведениях Гобино социология, психология, культура подчинены заданности расовых характеристик народов, которые в соответствии с этим взглядом меняются только в результате смешения этнических групп и даже религия не может повлиять на характер социального поведения людей. Именно Гобино выделил «арийцев» в качестве образцовых представителей «высшей» белой расы. Учитывая роль расовых представлений в обосновании колониальной политики, интересно отметить, что Гобино выступал против неё, так как в результате смешения с покорёнными народами европейская белая цивилизация неминуемо должна будет погибнуть. Да и саму эту цивилизацию автор первой развёрнутой расовой концепции ставил не высоко. Примечательно, что концепция Гобино обратила на себя внимание не в самой Франции, где её автор умер в безвестности, а в Германии, в которой активно переводились и переиздавались его работы, ставшие впоследствии фундаментом идеологии Третьего рейха.

В целом, развитие биологических концепций расы связано со многими факторами и если бы эти идеи не привели к практике фашизма, потрясшей мир в XX столетии, мы вряд ли вспомнили бы о французском графе.

Теория естественного отбора Чарльза Дарвина, пристальное внимание науки XIX столетия к вопросам евгеники и антропометрии дали естественнонаучную основу для убеждённости ряда мыслителей в интеллектуальном превосходстве одних рас над другими. Данный подход применялся во многих областях человеческой деятельности. Так, итальянский врач-психиатр и

⁷⁹ Тойнби А. Дж. Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций. Москва: АСТ, 2009. С. 146–147.

криминалист Чезаре Ломброзо в исследованиях «Гениальность и помешательство» и «Женщина преступница и проститутка» обосновывал гениальность и склонности к преступной деятельности антропологическими свойствами человека. Ломброзо писал: «Между антропологией и психологией преступницы существует полная аналогия», «Значение расы в развитии гениальности, а также и помешательства видно из того, что как то, так и другое почти совершенно не зависит от воспитания, тогда как наследственность оказывает на них громадное влияние»⁸⁰. Итальянский исследователь дотошно сравнивал антропометрические данные гениальных людей и преступников. На этом характерном примере видно, что расовый подход в контексте обоснования национальной общности был достаточно прочно укоренён в научной мысли XIX столетия.

Если одни исследователи делали акцент на почве и климате, социальной истории развития общества, откладывавшей отпечаток на поведение, быт и традиции народов, то другие, используя те же отправные точки анализа, шли по пути акцентирования биологического различия рас, из которого якобы следовало их кардинальное отличие в ментальном, нравственном и интеллектуальном отношениях. Исторические и географические причины вытеснялись причинами биологическими. Причём в каждой стране биологические подходы к нации видоизменялись, в соответствии с потребностями исторического момента. Если Гобино говорил о первобытной «арийской» или «индоевропейской» расе, то в Германии «индоевропейская» раса превратилась в «индогерманскую». В зависимости от идеологических позиций в перечень арийцев произвольно включались те или иные народы и выдающиеся исторические личности: «Незадолго до вспышки войны 1914–1918 гг., – писал Арнольд Тойнби, – Хьюстон Стюарт Чемберлен, англичанин, влюблённый в Германию, написал книгу под названием «Основы девятнадцатого века», в которой к списку индогерманцев прибавил Данте и Иисуса Христа. Американцы также использовали «нордического человека» по-своему. Встревожённые несметной иммиграцией южных европейцев в четверть столетия, предшествовавшую 1914 году, такие писатели, как Мэ-

⁸⁰ Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство; Женщина преступница и проститутка; Любовь у помешанных: Сборник. Минск: ООО «Попурри», 2000. С. 53, 443.

дисон Грант и Лотроп Стоддарт требовали ограничения иммиграции как единственного способа сохранить не американские социальные нормы, но чистоту американской ветви нордической расы»⁸¹.

Если представители европейской цивилизации обосновывали своё духовное превосходство цветом кожи, то японские империалисты подошли к обоснованию своего биологического превосходства несколько иначе: «Случилось так, что тела японцев удивительно безволосы, а их соседями на северном острове оказались представители примитивной общины совершенно иного физического типа, не столь далёкого от среднего европейца, которых называют «волосатыми айнами». Отсюда вполне естественно, что у японцев отсутствие волос ассоциируется с духовным превосходством»⁸².

Арнольд Тойнби замечательно показал несостоятельность расовой теории с точки зрения обосновываемых ею положений о биологической обусловленности культурных свершений людей. Однако рассматривая особенности формирования национальной идентичности, упускать из виду эту концепцию нельзя. Не только из-за ужасных исторических событий, причиной которых она была, но и из-за того, что она демонстрирует полное соответствие определению нации как воображаемого сообщества, основанной на национальной солидарности общности людей, основана на мифе, вере, идеологии, а не фактическом положении вещей.

Опасность расовой национальной концепции заключается в том, что, выдвигая в качестве своего основания якобы объективный биологический фактор, она в отличие от гражданской и в какой-то степени в отличие от религиозной идентичности обостряет межнациональные отношения, способствует разрушению многонациональных государств. Если монотеистические мировые религии и гражданский патриотизм могут включать в себя людей различного этнического происхождения, то доктрина «чистоты крови» прикрываясь мнимой объективностью, вычёркивает из числа предполагаемой нации огромное число людей, которые могли бы ей служить.

⁸¹ Тойнби А. Дж. Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций. С. 147–148.

⁸² Там же. С. 148.

Мощным фактором, поддерживавшим расовый подход к рассмотрению нации, была колониальная политика европейских государств. Если Дж. Ст. Милль обосновывал моральную уместность европейских колониальных империй благом подчинённых народов, с точки зрения культурного превосходства европейцев над неевропейскими народами, то с точки зрения теории расового превосходства можно было обосновать это господство и работоторговлю «естественнонаучными» данными. Расовые обоснования западного империализма XIX столетия тем более интересны, если учесть, что до этого времени империализм европейских стран в подавляющем числе случаев обосновывался религиозными причинами – необходимостью просвещать покорённые народы христианством, а не наукой и расовым превосходством, сознание людей было в первую очередь религиозным, таким же было и мировоззрение, которое медленно менялось под влиянием научных достижений, постепенно вытеснявших религиозную картину мира.

На примере трансформаций империалистической идеологии видно, как легитимистский этап истории государств Европы, когда религия и вассальная верность играли решающую роль в существовании европейских государств и коллективной идентичности их населения, сменялся эпохой основанных на чувстве национальной общности национальных государств.

Джон Вильям Дрэпер привёл следующий пример христианского империалистического обоснования, основанного на прежде всего религиозной коллективной идентичности испанских строителей империи: «Святой Августин отрицал шаровидность земли и существование антиподов: как могут быть люди на том, что называют другою стороною земли, когда о них ничего не упоминается в писаниях. Люди, жаждавшие одного золота, очень охотно соглашались с этим заключением, и испанцы обращались с этими несчастными с ужасною жестокостью, как будто они вовсе и не принадлежали человеческому роду. Их земли и имущество были отняты в силу клерикальной власти. Затем захватили и их самих, под предлогом, что еретики отданы в наследство христианам»⁸³.

⁸³ Дрэпер Дж. В. История умственного развития Европы. Санкт-Петербург, 1866. Т. 2. С. 145–146.

Протестантскую сноровку и самооправдание верой, сознание собственного превосходства, выразившееся в империалистической политике, описал Карл Маркс: «Пуритане Новой Англии – эти виртуозы трезвого протестантизма – в 1703 г. постановили на своём ... Законодательном собрании выдавать премию в 40 ф. ст. за каждый индейский скаल्प и за каждого краснокожего пленника; в 1720 г. премия за каждый скаल्प была повышена до 100 ф. ст., в 1744 г., после объявления в районе Массачусетского залива одного племени бунтовщическим, были назначены следующие цены: за скаल्प мужчины 12 лет и старше 100 ф. ст. в новой валюте, за пленника мужского пола 105 ф. ст., за пленную женщину или ребёнка 55 ф. ст., за скаल्प женщины или ребёнка 50 фунтов стерлингов! ... Британский парламент объявил кровавых собак и скальпирование «средствами», дарованными ему богом и природой»⁸⁴.

Значение религиозного мотива в идеологическом обосновании империалистического характера первоначального накопления капитала и господства англичан в североамериканских колониях очевидно, так же как и изначальное доминирование религиозной, а не расовой дискриминации.

Если в XVIII веке акцент делался на том, что покоряемые народы – язычники, то в XIX веке большое внимание стало также уделяться их варварству, «некультурности», «нецивилизованности», «отсталости». Если первые испанские конкистадоры XVI столетия, как пишет в несколько тенденциозной биографии Эрнана Кортеса Кристиан Дюверже, были поражены уровнем цивилизаций Латинской Америки, то промышленная революция и мощный модернизационный прорыв, совершённый Британией, а также уничтожение многих местных культур и народов лишили колонизаторов будущих столетий этого почтения по отношению к древним западным культурам. Чудо западного прогресса укрепляло самосознание завоевателей как в религиозном, так и в расовом отношениях.

Карл Маркс следующим образом описал эти изменения общественного сознания Европы: «С развитием капиталистического производства в течение мануфактурного периода общественное мнение Европы освободилось от последних остатков сты-

⁸⁴ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Москва: Издательство политической литературы, 1967. Т. 1. С. 763.

да и совести. Нации цинично хвастались всякой гнусностью, раз она являлась средством для накопления капитала. Прочтите, например, наивную летопись торговли, составленную филистером⁸⁵ А. Андерсоном. Здесь превозносится, как высший триумф английской государственной мудрости, тот факт, что Англия при заключении Утрехтского мира вынудила у Испании по асьенто⁸⁶ право вести торговлю неграми между Африкой и испанской Америкой, тогда как до сих пор она вела её лишь между Африкой и английской Вест-Индией. Англия получила право вплоть до 1743 года поставлять в испанскую Америку 4800 негров ежегодно. Этим было создано в то же время официальное прикрытие для британской контрабанды. Ливерпуль вырос на торговле рабами. Последняя является его методом первоначального накопления. И до наших дней «респектабельное общество» Ливерпуля осталось Пиндаром⁸⁷ торговли рабами, которая ... «превращает дух коммерческой предприимчивости в страсть, создаёт славных моряков и приносит колоссальные деньги».⁸⁸

Там, где туземцы мешали интересам капитала, где, как, например, в Америке, в рабы они не годились, их просто систематически истребляли. Описывать зверства первоначального накопления и прикрываемого авторитетом церкви nepотребства можно бесконечно. История человечества вообще кровава и дело тут совсем не в вероисповедании. Важно другое, даже самые бесчеловечные действия оправдывались волей Бога. Так поступали столетиями: инквизиция, участники религиозных войн шестнадцатого столетия, крестоносцы, террористы, покорявшие христианскую Африку и Испанию арабы. Все эти факты демонстрируют подавляющее значение религиозной идентичности, характерное для донационалистического этапа мировой истории.

Усердное перечисление, вслед за Марксом, кровавых деяний раннего капитализма чревато опасностью оставить без внимания намного более обширное поле деятельности империализма, а именно созидательную деятельность метрополий на поко-

⁸⁵ Филистер (нем. Philister, собств. филистимлянин), презрительное название человека с узкими взглядами, обывателя.

⁸⁶ Асьенто (исп. Asiento – мирный договор, соглашение), договоры, по которым Испания в XVI–XVIII вв. предоставляла частным лицам или иностранным государствам монопольное право на ввоз негров-рабов в её американские владения.

⁸⁷ Здесь – хвалитель, защитник.

⁸⁸ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. С. 769.

рѐнных территориях. Англичане потопили в крови восстание 1857 – 1859 годов (восстание сипаев), но вплоть до 1947 года они создали в Индии, как и в других своих владениях, вполне эффективные бюрократические аппараты, которые и составили в будущем костяк правительств новых независимых государств, возникших после распада Империи.

До 1947 года англичане держали в повиновении крупнейшую империю, какую когда-либо знала история⁸⁹, и англиканская церковь наравне с идеологическими произведениями Киплинга снимала с них груз неправоты, помогала поверить в «бремя белых», обличая «язычников» и указывая на ужасы обряда сати (сожжение живой жены с телом покойного мужа на погребальном костре), убеждала в свете, который несёт христианство «диким» народам.

Особенно хорошо на английском примере описал прикладное значение религии для английской империалистической политики Джавахарлал Неру. Его мнение тем более ценно, что в качестве соратника Ганди, активного участника движения Несотрудничества и Неповиновения и лидера Индийского национального конгресса Неру своими глазами видел кровопролитие, к которому приводят религиозные противоречия, пользу, которую принесла британцам религия и удивительные последствия по сути своей религиозного движения, которое возглавил Ганди. Будущий первый глава независимой Индии очень хорошо чувствовал мотивы, двигавшие англичанами, на собственном опыте пережил острую стадию западничества, преклонение перед Западом, а затем и движение за независимость от него.

Высоко оценивая значение британского владычества в Индии для материально-технического развития этой страны, Дж. Неру писал о религиозной имперской идеологии англичан: «Пожалуй, самым наглядным примером религии, которую нельзя назвать религией в истинном смысле этого слова, является англиканская церковь. Отчасти это приложимо ко всем разновидностям протестантских церквей, но англиканская церковь, вероятно, пошла дальше, потому что она с давних пор стала политическим орудием в руках государства. В Индии англиканская церковь почти неотличима от правительства. Оплачиваемые государством

⁸⁹ Новый энциклопедический словарь. Петроград: Издание Акционерного Общества «Брокгауз-Ефрон», 1911–1916. Т. 8. Ст. 125–126.

(из индийских доходов) священники и капелланы являются, подобно высшим правительственным чиновникам, символами имперской власти. Церковь в целом представляет в индийской политике консервативную и реакционную силу и обычно противостоит реформам и прогрессу. Рядовой миссионер, как правило, поразительно невежественен в вопросах истории и культуры Индии и не даёт себе ни малейшего труда узнать, что они собой представляли или представляют. Он занимается обличением грехов и проступков язычников...» Многие из последователей англиканской церкви «несомненно, отличаются благородством, но всё же эта церковь удивительно ревностно служит целям английского империализма и даёт как капитализму, так и империализму оправдание с моральной и религиозной точек зрения. Прикрываясь высшими этическими нормами, она пыталась оправдать хищническую политику англичан в Азии и Африке и внушила англичанам удивительное и завидное чувство своей неизменной правоты. Церковь ли помогла выработать эту позицию самодовольной праведности, или же она сама является её продуктом – я не знаю. Другие, менее удачливые страны европейского континента и Америки часто обвиняют англичан в лицемерии – недаром Англию издавна зовут *коварным Альбионом*, – но это обвинение, вероятно, порождено завистью к успехам англичан, и, несомненно, ни одна империалистическая держава не имеет права бросить камень в Англию, ибо их собственное прошлое также не безупречно. Ни одна нация, которая сознательно лицемерит, не могла бы обладать таким запасом силы, какую неоднократно проявляли англичане, и исповедуемая ими разновидность религии, очевидно, помогла им в этом, притупив их моральную чувствительность в тех случаях, когда затрагиваются их собственные интересы. Другие народы и нации часто вели себя гораздо хуже англичан, но им никогда не удавалось в такой же степени превращать в добродетель то, что служит их выгоде. Все мы удивительно легко замечаем соломинку в чужом глазу и не видим бревна в своём собственном, но, пожалуй, англичане особенно отличаются в этом отношении.

Протестантство старалось приспособиться к новым условиям и хотело взять лучшее от обоих миров. В том, что касается этого мира, это ему блестяще удалось, но, с религиозной точки

зрения, оно, как официальная религия, оказалось на Западе между двух стульев, и религия постепенно уступила место сентиментальности и крупному бизнесу»⁹⁰.

Ш.Л. Монтескье писал, что англичане лучше всех народов мира сумели воспользоваться тремя элементами, имеющими великое значение: религией, торговлей и свободой⁹¹.

Британское могущество настолько сильно питало национальное самосознание британских империалистов, что никому не показалось странным, когда Г.Т. Бокль, сравнивая англичан с древними римлянами, писал, что с самого начала склад жизни римлян: «был так односторонен и несовершенен, что увеличение богатства, которое совершенствует цивилизацию действительно цивилизованных стран, было для римлян неисправимым злом; роскошь только развращала их, вместо того чтобы очищать их нравы. В наше время, сравнивая различные народы Европы, мы находим, что богатейший из них есть в тоже время и самый могущественный, самый человечный и самый счастливый. Мы живём в том передовом состоянии общества, в котором богатство есть и причина, и действие прогресса, между тем как бедность есть обильный источник слабости, бедствия и преступления; римляне же, перестав быть бедными, стали порочными»⁹².

Если Дж. Ст. Милль и Г.Т. Бокль напрямую не развивали расовой концепции нации и империи, то и у них заметно подспудно выраженное мнение о том, что отдельные народы изначально несовершенны. Религиозная и имперская идентичность тесно переплеталась с развивающейся национальной идентичностью, которая в политической и научной сферах стала доминировать в Германии второй половины XIX – первой половины XX столетий.

Упомянувшиеся выше английские мыслители не развили зачатки своих расовых идей. Но восхищавшегося слаженностью работы английской официальной пропаганды и церкви в направлении укрепления могущества Британии, Адольфа Гитлера они

⁹⁰ *Неру Дж.* Автобиография. Москва: Издательство иностранной литературы, 1955. С. 395–397.

⁹¹ *Монтескье Ш.Л.* О духе законов. Москва: Мысль, 1999. С. 285. Ср.: *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. Ивано-Франковск: Ист-Вью, 2002. С. 30.

⁹² *Бокль Г.Т.* История цивилизации в Англии. В 2 т. 2-е издание Ф. Павлёнкова. Санкт-Петербург, 1896. Т. 2. С. 447.

заинтересовали. Кроме того, следовавшая во второй половине XIX – начале XX веков череда националистических волнений, прокатившаяся по многонациональным империям, образование беспрецедентного ряда национальных государств, а затем последовавший после Первой Мировой войны распад Российской, Австро-Венгерской и Османской империй привёл к широко распространившейся в Европе того времени мысли о том, что в эпоху национализма «многонациональные и многоязычные государства обречены на гибель и только крупные государства с большими территориями, объединяющие однородные нации, могут выжить и диктовать свою волю на международной арене. Вот почему поборники империи в Британии в то время ратовали за создание «Большой Британии», другими словами, за создание федерации белых доминионов. Из этих же соображений гитлеровская Великая Германия (Grossdeutschland), или Великая Германская империя (Grossdeutsches Reich) должна была быть «стоимиллионным народом», однородным национальным сообществом и великой мировой империей, хотя она, конечно же, не подразумевала ни одного из тех либеральных принципов, которыми так гордились и которые считали воплощением «английскости» поборники Британской империи»⁹³.

Такого же подхода в построении национального турецкого государства в начале XX века придерживались младотурки. Турция должна была стать унитарным государством одного народа. Этих целей пытались добиться в том числе и этническими чистками. Впоследствии Турция и Греция обменивались населением: греческие турки уезжали в Турцию, а турецкие греки в Грецию⁹⁴. Чтобы подчеркнуть национальный характер Турции, Мустафа Кемаль Ататюрк провозгласил новой столицей Анкару – центр колыбели турок Анатолии. Космополитичный и блестящий Стамбул-Константинополь не только находился слишком близко к границе с потенциальными врагами, но и питал вредные для национальной республики имперские воспоминания о блестящих временах султаната и халифата османов. Правда, к чести Турции надо сказать, что национальное строительство основывалось, прежде всего, на культурном, языковом и мифологизированном историческом основании. Биология во внимание не при-

⁹³ Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней. С. 56.

⁹⁴ Там же. С. 558.

нималась, в первую очередь интересовало национальное самосознание, что, впрочем, не облегчало жизни курдов, греков и армян.

Смещение идеологического империалистического дискурса с религии на расовый аспект, точнее дополнение религиозной идентичности идентичностью расовой (которая, несомненно, обострялась у белых колонистов в далёких странах с небелым населением), демонстрирует описанный выше феномен постепенной замены религиозной идентичности идентичностью национальной общности, которая в какой-то момент стала ассоциироваться в отдельных странах преимущественно с расой.

Нельзя не отметить, что в Англии биологический подход к нации никогда не приобретал всё подавляющего влияния, как это было в Германии. У англичан был несоизмеримо больший опыт соприкосновения с небелыми расами и значительно более древняя государственность, чем у немцев. Случилось так, что биологический подход к рассмотрению нации в значительной степени стал особенностью сугубо немецкой национальной идеологии и концепции нации.

Здесь не место рассматривать историю расовых гонений, но нельзя не сказать, что биологический подход к пониманию нации принёс колоссальную массу жертв, воплотившись в ужасах массового уничтожения отдельных народов и дискриминации их представителей. Хотя исторические, этнографические, антропологические исследования позволяют говорить о действительном существовании рас и географических вариациях физического типа людей, в науке так и не возникло единства мнений относительно их классификации, числа, отличительных признаков. Деление же человечества на этнические нации или народы ещё труднее.

В.В. Водовозов писал о невозможности этнического обоснования национальной общности: «Не только современность, но даже древняя история не знает ни одного народа чистого, не смешанного. Древние египтяне, ассирийцы, евреи, греки уже в глубокой древности представляли собою результат смешения многих народностей, принадлежавших даже к различным расам. Процесс ассимиляции чуждых элементов в связи с потерей значительного числа членов своего народа ... следствие завоева-

ний, браков, продолжался непрерывно, до окончательного исчезновения народа с исторической сцены или до настоящего времени, если народ существует поныне. Так, греки ... восприняли немало славянской крови, так что едва ли правильно говорить о происхождении нынешних греков от древних эллинов; ещё менее нынешние турки, воспринявшие в свой состав путём завоевания, ассимиляции, браков очень много арийских элементов, могут считаться потомками того тюркского племени, которое в XIV веке начало свой завоевательный поход на Малую Азию и Балканский полуостров. То же самое можно сказать относительно всех без исключения народов, и потому нельзя считать общность происхождения основой нации. Общность исторических судеб важнее»⁹⁵.

Научная несостоятельность расовых теорий тем более очевидна, если учесть, что исторический опыт её проведения в жизнь показывает повсеместную произвольность оценок расовой принадлежности. Немецкий психолог Манфред Кох-Хиллебрехт в своей книге «Номо Гитлер: психограмма диктатора», пришёл к заключению, что все насаждавшиеся в Третьем рейхе расовые теории, кроме следования отдельным традициям естествознания XIX столетия, способствовавшим биологическому обоснованию нации, определялись субъективным эстетическим культом идеализированного светловолосого голубоглазого германца, «нордического человека», «белокурой бестии» – чисто внешними характеристиками человека, отвечавшими «художественным вкусам» фюрера. В данном случае снова солидарность общества в вопросе о критериях принадлежности к национальной общности выступает определением нации, пусть даже и биологическим, является таким же субъективным, как и другие представления о нации, но наименее научно обоснованным и наиболее противоречивым на практике.

Русский правовед, Д.Д. Муретов, как и И.В. Сталин впоследствии и Дж. Ст. Милль и Г. Еллинек, до него, считал нацию прежде всего историческим понятием: «В народе объединяются в некоторое единство не только люди, но целые поколения людей. Народ имеет не только объём, но и историческую глубину. Это есть единство, уходящее в прошлое и смотрящее в будущее. Народ не есть понятие социальное, но историческое. Он образуется

⁹⁵ *Водовозов В.* Нация // Новый энциклопедический словарь. Т. 28. Ст. 120.

лишь там, где возникает некоторое духовное развитие, культурно-исторический процесс, где поколение отошедшее продолжает жить в созданиях своего творчества среди сменивших его поколений и где живые творят и трудятся над тем, что пожнут им неведомые потомки»⁹⁶.

Как и В.В. Водовозов и многие другие исследователи, Д.Д. Муретов, отчаявшись найти универсальные отличительные признаки нации, которые бы объединяли всех её членов, выделил «*сознание своего единства и своей особенности*» в качестве *единственного* логически существенного признака народа: «Общий язык, особый от языка соседей, общая религия, сходные обычаи и хоть временная общая государственность – всё это необходимо для сложения народа, для того, чтобы собрание людей почувствовало себя единым народом и передало это сознание своим детям. Но всё это условия возникновения, а не признак, без которого народа нельзя мыслить. Без сознания же своего единства народ не мыслим. Это сознание не свойственно народу, но его составляет. Каждое по отдельности из условий возникновения может ослабляться или отпадать, лишь бы сохранилось выработанное уже понятие. Исторических фактов, это подтверждающих, можно найти сколько угодно. Перемена религии и замена её религией соседа не влекла слияния с этим соседом в один народ. Потеря национальной государственности, сколь ни тяжким является она испытанием для национального сознания, не влечёт однако, гибели этого сознания. Даже язык теряется иногда народом. Поэтому полным определением понятия народ должно быть следующее: *народ есть ряд поколений людей, связанных сознанием своего единства и своей особенности*»⁹⁷.

Носителями национального сознания всегда выступают индивидуальные сознания отдельных людей.

Бенедикт Андерсон выделил *три сложные* и так и *не разрешённые проблемы, встающие перед исследователем нации*:

1. Объективная современность нации в глазах рассматривающего её историка и субъективная её древность в глазах националиста.

⁹⁶ Муретов Д.Д. Правда нашей войны // *Нация и империя в русской мысли начала XX века*. Москва: Скимень, Пренса, 2004. С. 175.

⁹⁷ Муретов Д.Д. О понятии народности // Там же. С. 196.

2. Формальная универсальность национальности как социокультурного понятия, так как каждый человек, по-видимому, должен иметь национальность.

3. Политическое могущество национализмов и в то же время их философская нищета и внутренняя несогласованность.

Учитывая эти особенности, Андерсон определил нацию как: воображённое политическое сообщество, которое воображается как «что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное»⁹⁸.

Андерсон считает, что нация заменила собой религию в качестве инструмента, сплачивающего членов общества. И это справедливо, так как религия веками выступала наднациональной идентичностью множества очень разных по этническому происхождению народов. Можно сказать, что марксистская идеология с её стремлением к интернационализму, а впоследствии стремление правителей СССР к обоснованию новой исторической общности людей – советскому народу было в какой-то мере явлением того же порядка, стремлением к универсальности, не замыкающейся во всегда ограниченном национальном бытии.

Понятие нации настолько сложно и субъективно, что целиком обязано своим происхождением основанному на реальных, но подчас сложно уловимых, а часто и просто вымышленных идеологических предпосылках, приведших к возникновению национального самосознания, отграничивающего представителей одной «воображаемой общности» от другой.

Коротко говоря, можно сказать, что *нация образуется тогда, когда определённая группа людей почувствовала себя нацией*. Такой подход может вызвать протест своей субъективностью, но в то же время сегодня сложно отрицать, что многочисленные работы, посвящённые национальному вопросу, попытки его разложения на составные части и комплексного анализа так и не привели к лучшему пониманию феномена национальности.

Примечательно, что и Василий Водовозов в 1916 году, и Бенедикт Андерсон в году 1991 пришли к очень похожим выводам – нации определяются «общностью особого национального сознания, противопоставляющего их другим» (Водовозов), являются «воображаемыми сообществами» (Андерсон).

⁹⁸ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. Москва: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 30.

Ясно, что исходившие из научного марксизма В.И. Ленин и И.В. Сталин не могли принять такого «ненаучного», субъективного взгляда на национальный вопрос. Между тем, российский правовед Василий Водовозов прямо писал (причём практически одновременно со Сталиным) о субъективности понятия нация: «Нет ни одного объективного признака, который входил бы обязательно в состав понятия нация или народ. Тем не менее, нация есть вполне реальное явление; национальность имеет могущественное влияние на умы людей и является причиной очень многих и весьма важных политических событий; в этом смысле она – вполне конкретный исторический факт. Единственное звено, связующее людей в одну нацию и обязательно имеющееся налицо во всякой нации, это – национальное сознание, заставляющее данную группу людей чувствовать себя единой нацией и противопоставлять себя другим. Национальное сознание – явление субъективное; оно выработалось под влиянием различных исторических причин, в число которых входят все или некоторые из указанных ... объективных явлений – общность (действительная или предполагаемая) происхождения, исторических судеб и традиций, экономических интересов, политических стремлений, религии, ... языка; но каждый из этих элементов может отсутствовать, а нация всё-таки может существовать, если имеется налицо национальное сознание. Наоборот, при отсутствии такого сознания нет единого народа, хотя бы были налицо все другие элементы. Иногда национальное сознание очень слабо и ... интеллигенция данного народа пытается его развить... Нации образовались уже в глубокой древности; за тысячелетия до Рождества Христова существовали египтяне, евреи, китайцы; греки делились на множество племён, но сознавали своё общее национальное единство и противопоставляли себя варварам»⁹⁹.

Марксистская жёсткость концептуально стройна, логична, но безжизненна, существует по собственным правилам, так как пытается оговорить все частности, выявить все оттенки нации, что совершенно не возможно в силу сложности этого явления, его абстрактности и высокой степени вариативности: лавина детализированных условий и «универсальных» определений не вносит ясности. В данном случае (как и во многих других), только наиболее общее определение может быть верным, хотя бы в

⁹⁹ Водовозов В. Нация // Новый энциклопедический словарь. Т. 28. Ст. 121.

силу своей непротиворечивости, которая в условиях громоздких определений часто выявляется в виде обилия противоречивых примеров, как в пользу, так и против выражаемых определением тезисов.

Поэтому, говоря о нации, я разделяю мнение Милля, Водозова, Муретова и Андерсона. Нация – это, прежде всего *ощущение своей принадлежности*, которое может проистекать от комплекса совершенно различных, не статичных и нестабильных, меняющихся факторов. *Нация – это идентичность, самосознание*, восприятие себя членом общности, считающей себя нацией. И хотя такое определение нации может показаться излишне общим, но оно позволяет не ограничивать многообразие жизни «железными» пунктами (как у Сталина), а, рассматривая каждый конкретный случай *восприятия себя* нацией, формировать индивидуальный список факторов, которые привели к пониманию своей общности в каждом конкретном обществе.

При таком понимании нации особенно важна роль историков. Историки – люди, толкующие прошлое и формирующие в умах на основании сегодняшнего восприятия прошлого образ будущего. Вот почему толкование истории всегда сопровождает образование национальных государств и выработку национальной и культурной идентичности и поддерживающей её мифологии.

В случае понимания нации как идентичности работает тот же *нерациональный* факт жизни: *люди поступают так, как верят*. Становятся тем, что думают. И именно *веру* и *со-знание*, как общее знание людей, всегда была призвана питать идеология ибо, как часто писал Наполеон Хилл: «*если веришь, то сможешь*»¹⁰⁰, правда, в данном случае эта фраза должна звучать несколько иначе: «*если верят, то смогут*».

Сознание исторической общности людей, сознание принадлежности к определённой земле и определённому наследию невозможно без изучения истории или наличия в сознании хотя бы её образа. Нация, народ, общество не могут рассматриваться вне преемственной связи поколений, без учёта своего пространства и времени в истории: «Если поколение действует вопреки гению и духу прошедших и грядущих поколений, – писал Д.Д.

¹⁰⁰ Хилл Н. Думай и богатей – 4. Шестнадцать законов успеха. Москва: Фаир-пресс, 2000. С. 57, 253, 410, 470, 490, 509 и др.

Муретов, – вопреки истории народа, его религии, его литературе, мыслям и чувствам лучших его сынов, то те десятилетия, в которые будет жить и действовать это поколение, бесследно вычеркнутся из тысячелетней его истории. Так в жизни человека бесследно выпадают те дни болезни душевной, когда он сам не был собою. Отдельное поколение не *составляет* народа, но *представляет* его. Судить о народе по одному поколению – подобно тому, как судить о романе по одной странице: бывают страницы, по которым можно судить о целом, и бывают такие, по которым судить нельзя»¹⁰¹.

Поступки, биографии людей отражают их национальную принадлежность в смысле государственном и культурном. Потомок шведа Суворов, гениальный российский полководец – Суворов, герой Отечественной войны 1812 года, потомок грузинских царей – Багратион, главнокомандующий русской армией в Грузии из княжеского рода Цицишвили – Цицианов, философ Пётр Бернгардович Струве (немецкого происхождения, внук выдающегося российского астронома Василия Яковлевича (Фредерика Георга Вильгельма Струве), сын принявшего российское гражданство датчанина, автор «Толкового словаря живого великорусского языка» – В.И. Даль, потомок легендарного шотландского барда Томаса Лермонта – Лермонтов, А.С. Пушкин, И.В. Сталин и многие другие выдающиеся деятели российской истории, политики и культуры – *этнически* нерусские или не совсем русские, но *исторически* русские, россияне. Так же как и выходцы из Испании – ритор Сенека Старший и воспитатель Нерона, философ-стоик Сенека Младший, их родственник – римский эпический поэт Марк Анней Лукан, выдающиеся выходцы из Африки – Луций Апулей и Аврелий Августин, несмотря на своё неиталийское происхождение – римляне.

Римская империя демонстрирует пример успешной гражданской идентичности, основанной на идее служения государству и гражданской принадлежности, а не на этническом самосознании. Хотя и в Риме процесс формирования гражданского самосознания, включавшего в себя многообразие этнических групп, протекал небезболезненно и титулы, вручавшиеся сенатом галльским вождям, негативно воспринимались исконными гражданами

¹⁰¹ Муретов Д.Д. О понятии народности // Нация и империя в русской мысли начала XX века. С. 202–203.

Рима, о чём в том числе с возмущением писал Марк Туллий Цицерон. Тем не менее, в императорский период «в Римской империи национальности растворились и почти исчезли; остались римские граждане, почти совершенно забывшие своё национальное происхождение и чуждые национальных стремлений, национального сознания»¹⁰².

При определении нации возникает соблазн выделять в качестве основополагающего фактора этническое происхождение, фактор «почвы и крови». Но такой подход неприемлем для территориально интегрированных империй и многонациональных государств, так как лишает их единства в многообразии, опасен возможными последствиями разжигания межнациональной вражды. В таких условиях для сохранения государственной целостности на первый план выступает гражданская, а не этническая идентичность, а значит и понимание нации.

Таким же, как в Римской империи образом складывалась судьба гражданской идентичности в Османской империи. Несмотря на завоевание Константинополя и порабощение многочисленного нетурецкого населения правящий класс Османской империи отличался поразительным разнообразием, а само понятие османов не относилось к национальности, а обозначало правящий класс империи. Понятие «райя», то есть «стадо, толпа», обозначало всё многонациональное население вне зависимости от вероисповедания и национальной принадлежности и только в период упадка империи это слово стало относиться к немусульманам. Если в России высшее общество говорило по-французски, то в Османской его представители говорили на османском – особом языке элиты Османской империи.

Имя турок вплоть до Первой Мировой войны считалось оскорблением, граждане Османской империи предпочитали называться османами, а турецкий язык считался языком «неблагородным».

«В театре теней персонаж из народа Карагёз говорил по-турецки, а Хадживат, образованный чиновник, – по-арабски. Непонятная ни публике, ни Карагёзу арабская речь вызывала смех в зале. Наряду с турецким, языком крестьян, существовал греческий – язык торговли, принятый в многонациональной среде буржуазии. ... Третье сословие империи пользовалось как нацио-

¹⁰² *Водовозов В.* *Нация* // Новый энциклопедический словарь. Т. 28. Ст. 121.

нальными языками: турецким, арабским, болгарским, греческим и т.д. (крестьяне), так и только греческим (буржуазия). Традиционная правящая верхушка (авторитетные знатоки теологии и религиозного права, составлявшие группу улемов), в качестве своего профессионального языка использовали классический арабский. В медресе, высших образовательных школах ... обучали лишь арабскому и персидскому языкам, переводить арабский текст Корана на турецкий язык запрещалось.

Но поскольку среди жителей империи преобладали турки, то на протяжении веков сформировалась своеобразная смесь арабского, персидского и турецкого языков, которая ... была провозглашена официальным языком, получившим название османского»¹⁰³.

Александр Жевахов писал о национальном вопросе в Османской империи: «Национальные права – вот идея, которую Абдул-Хамид, как и его предшественники, не может понять. В империи султаны никогда не ставили ни одну из наций в привилегированное положение, в том числе и турецкую: империя должна быть многонациональным сообществом, и, будучи мусульманским можно было добиться успеха на государственной службе, будучи албанцем, греком, армянином, арабом, черкесом, курдом. Парадоксально, но турки-анатолийцы считались презренной популяцией, чернью. «Назвать турком жителя Османской империи, – отмечал ещё в 1840 году Франс Жуаннен, – это означало нанести ему глубокое оскорбление». И тем не менее Греция, Босния и Герцеговина, Румыния, Болгария, Кипр непрерывно добивались от султана национальных прав»¹⁰⁴.

Таким образом, так же как этнические греки-фанариоты исторически являлись османами и поступали как османы и Багратион, и Цицианов – русские генералы, Даль – русский лексикограф, П.Б. Струве – русский философ и публицист, так как все эти люди творили, писали, работали для России и умирали за Россию.

Сложность соотношения «русскости» и «российскости» закреплена в русском языке, а значит и сознаниях его носителей: «Если русские говорят, скажем, о великом русском учёном Пав-

¹⁰³ Кицикис Д. Османская империя // На перекрёстке цивилизаций. Москва: Издательство «Весь Мир», 2006. С. 116.

¹⁰⁴ Жевахов А. Кемаль Ататюрк. Москва: Молодая гвардия, 2008. С. 14–15.

лове, – отмечает в этой связи Алексей Миллер, – ведь они так и говорят: «Великий русский учёный Павлов». А потом они говорят: «Великий российский учёный Зельдович». Что они имеют в виду? Что он наш, но какой-то всё-таки не совсем наш, и в результате это слово «российский» оказывается маркером инаковости, а не общности. Русские же не перестанут про себя говорить, что они русские»¹⁰⁵.

Формирование дискурса, в котором слово «русский» обрело бы синонимичное значение слова «российский», в котором этническая составляющая не была бы принципиально значимой и вытеснялась бы значимостью принадлежности к проживающей в России общности людей, которые связывают своё будущее именно с этой страной и работой на её благо, представляется важной проблемой, стоящей перед современной Россией. Если этнический компонент представлений о содержании понятия нации будет преодолен, тогда в России будут говорить о русских немцах, русских бурятах и т.д., точно так же как это происходит во Франции или США, с французскими арабами и афроамериканцами.

Стоит учесть, что кажущееся более узким и несущим этническую нагрузку понятие «русский» до революции часто выступало синонимом слова «российский» – более широкого понятия, включающего в себя элемент государственной, гражданской принадлежности.

На современном этапе российской истории наблюдаются робкие попытки созидания надэтнической гражданской национальной идентичности, как и в начале XX века возник вопрос соотношения понятий русского и российского. В какой-то мере отражением этих несформулированных и идеологически неформализованных усилий выступает тот факт, что после распада СССР из паспортов ушла имевшая советское происхождение графа «Национальность».

Касаясь национального аспекта, не могу не привести здесь стихотворения Даниеля Дефо «Чистокровный англичанин». Эта стихотворная сатира, увидевшая свет в 1701 году, была направлена против аристократов, дискредитировавших короля Вильгельма III Оранского как «не англичанина», хорошо отражает концептуальную сомнительность рассмотрения нации с позиций «чистоты крови»:

¹⁰⁵ Миллер А.И. Национализм и империя. С. 59–60.

К нам *Юлий Цезарь Рим* привёл сначала,
А вместе с ним *Ломбардца, Грека, Галла*,
Короче – всех, о ком мы говорим
Со ссылками на тот же Древний Рим.
Потом сюда пришли, никем не званы,
С *Энгистом – Саксы*, а со *Свенном – Даны*,
А из земли *Ирландской – Пикт и Скотт*,
С *Вильгельмом* же – *Норманны* в свой черёд.

Потомство, брошенное этим сбродом,
Перемешалось с коренным народом,
С исконными *Британцами*, придав
Сынам *Уэллса* их черты и нрав.

Как результат смешенья всякой Рвани
И мы возникли, то бишь – *Англичане*,
У пришлецов заимствовав сполна
Обычай, Язык и Имена,
И речь свою украсили при этом
Таким невытравимым *Шиболетом*,
Что по нему ты опознаешь вмиг
Саксоно-Римско-Датский наш язык.

Нашествие Норманнов показало,
Что их Главарь – мерзавец, коих мало:
Своим *Стрелкам* раздал он города,
Не обладая ими никогда...
А потому чрезвычайно странен
Мне этот *Чистокровный Англичанин*;
Скакун *Арабский* мог бы дать скорей
Отчёт о чистоте своих кровей.

И как мы можем презирать *Голландцев*
И всех новоприбывших иностранцев,
Когда и сами мы произошли
От самых подлых сыновей земли, –
От *Скоттов* вероломнейших и *Бриттов*,
От шайки вóров, трутней и бандитов,

Которые насильничали тут,
Чиня Разбой, Смертоубийство, Блуд,
От рыжекудрых *Викингов* и *Данов*,
Чьё семя узнаёшь едва лишь глянув, –
От *Смеси* коих и родился клан
Всех наших *Чистокровных Англичан*¹⁰⁶.

«Когда-то думали, – писал П.Б. Струве, – что национальность есть раса, т.е. цвет кожи, ширина носа («носовой указатель») и т.п. Но национальность есть нечто гораздо более несомненное и в то же время тонкое. Это духовное притяжение и отталкивание, и, для того чтобы осознать их, не нужно прибегать к антропометрическим приборам, ни к генеалогическим разысканиям. Они живут и трепещут в душе»¹⁰⁷.

Необходимо учитывать роль традиций и историческое наследие предков в виде имён и фамилий, ассоциирующихся с тем или иным народом. Принимать во внимание представления о том, определяется ли национальность по отцовской или материнской линии – всё это варианты определения национальной принадлежности, которые могут быть «объективны», только в силу уверенности членов определённой общности в истинности этих критериев.

Важно не забывать о значении языка, причём не в контексте сталинского определения общности языка как одной из характерных черт нации, а с точки зрения самоидентификации отдельной личности, точки зрения того, как эта личность себя идентифицирует. Ведь то, на каком языке человек думает, определяет его принадлежность к той культуре, которой принадлежит этот язык. Д.Д. Муретов писал, что «юристы рекомендуют определять национальность человека по языку матери, ибо тот язык, на котором привык с детства думать и в домашней обстановке говорить человек, есть единственно конкретно уловимая его национальная особенность»¹⁰⁸.

¹⁰⁶ Англия в памфлете. Английская публицистическая проза начала XVIII века. Москва: Прогресс, 1987. С. 37–40.

¹⁰⁷ *Струве П.Б.* Интеллигенция и национальное лицо // *Нация и империя в русской мысли начала XX века*. С. 221–222.

¹⁰⁸ *Муретов Д.Д.* О понятии народности // Там же. С. 195.

В силу объективного значения родного языка для самосознания человека, словом язык обозначали в Древней Руси народ. Ещё одним характерным примером значения языка может служить история сына Эдуарда I, ставшего первым принцем уэльским в истории Англии. Добившись при завоевании Уэльса значительных успехов, но осознавая зыбкость своих побед, Эдуард I созвал валлийскую знать, чтобы спросить, кого она была бы готова признать своим королём. Валлийцы ответили, что им нужен правитель, который бы был рождён в Уэльсе и не знал ни слова на языке завоевателей их страны. Эдуард I вынес им своего новорожденного сына, уроженца Уэльса, не говорившего ни на каком языке. Так будущий король Эдуард II стал первым принцем уэльским в истории Англии. И хотя данная легенда о первом принце уэльском относится к XVI столетию, показательное внимание, уделённое в ней языку как основополагающему фактору, определяющему самосознание человека.

Учитывая комплексность факторов, определяющих самосознание людей, этническая принадлежность, анализ ДНК не могут отражать национальную принадлежность: формальные данные анкеты и формальная принадлежность к какой-либо «исторической родине» не отражают национальной идентичности индивида, выражающейся, в том числе, в его поступках. Я бы назвал такой подход *деятельностной концепцией идентичности, деятельностной концепцией нации*.

Так же как профессии откладывают отпечаток на личности, в той или иной степени формируют их, в той же степени можно сказать, что и нации, национальности, общества, народы, на которые и в культурном контексте которых работает личность, формируют её. Люди *«становятся тем, что они делают»*¹⁰⁹.

Понятно, что не всегда люди поступают в соответствии со своим образом мыслей, но в то же время верно и то, что выдающимся личностям за определённые заслуги предоставляют почётное гражданство городов и государств. И если звание «почётного гражданина» города может носить символический характер, то гражданство обычно предоставляется исходя из заслуг перед конкретной страной, государством.

Формально «идеальный» представитель национальности, наверное, должен отвечать таким характеристикам как:

¹⁰⁹ Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. С. 40.

1. Мышление на национальном языке;

2. Внешность, считающаяся типичной для представителя данной национальности. Например, Ли Кван Ю, провозглашая конфуцианскую идентичность Сингапура, призвал граждан посмотреть в зеркало, чтобы увидеть там свои китайские лица;

3. Быть носителем национальной культуры. Это в том числе означает принадлежность к традиционной для данной нации религии, так как религия, даже если человек относится к ней формально, образует мощный культурный контекст, отражающийся даже на неверующем человеке. Сюда же можно отнести традиционный быт, включая такие вещи как кулинарные пристрастия и отношение к одежде;

4. Ощущение человеком принадлежности к нации, гармония с ней. Исторический опыт показывает, что часто кризис идентичности питается внешними факторами, например, военно-политического свойства, когда в силу ряда причин – военных поражений, экономических трудностей, человек, отвечая всем вышеприведённым формальным критериям, определяющим его национальную принадлежность, больше *не хочет* принадлежать ей (своей нации), ощущает кризис идентичности, пытается принадлежать другой нации, прервав связи со своей. Это явление было характерно для некоторых индусов на британской службе, арабов на службе французской и кавказцев на службе русской.

Из этого перечисления, более-менее типичных критериев (притом, что при известном воображении можно указать ещё десяток или больше критериев), для определения национальной принадлежности становится ясно, насколько они не отражают сложную действительность жизни.

Жёсткая классификация с любых позиций – интернациональных, лингвистических или этнических, приводит к ошибкам и бесконечному дроблению рассматриваемых предметов. Испанцев придётся поделить на кастильцев, каталонцев и басков; британцев – на шотландцев, валлийцев и ирландцев; бельгийцев – на фламандцев и валлонов; грузин – на гурийцев, кахетинцев, сванов, мегрелов и т.д. А ведь каждая классификация условна и вызывает массу нареканий. Тем более, что такое деление можно проводить не только по этническим, но и по лингвистическим границам.

«Не следует умножать сущности без необходимости», сказал когда-то Вильям Оккам. Я думаю, что он был полностью прав, – занятие классификацией захватывает, даже бывает полезно, но зачастую просто опасно для поиска ответов на конкретный вопрос, так как не оставляет места для рассмотрения самого предмета, о котором идёт речь, становится бесплодным спором о словах.

Поэтому рассмотрение нации, прежде всего как *воображаемой, переживаемой, чувствуемой* общности представляется наиболее полезным с практической точки зрения. Говоря о национальной идентичности, национальном самосознании, я исхожу из такого понимания нации.

Рассматривая понятие нации в контексте воображаемой общности, интересно отметить, что Эрик Эриксон, рассматривая человека как биологический вид, называл его подразделение на группы *псевдовидами*: каждое племя создавало свою мифологию, религию, историю, формировало собственный образ, противопоставляя себя другим племенам и сравнивая себя с ними. Говоря о различных общностях людей как о псевдовидах, Эриксон рассматривал идентичность, то есть *представление людей о себе*, их самосознание и самоопределение в качестве основополагающего фактора групповой идентичности¹¹⁰.

Подразделение человечества на нации можно вполне отнести к упоминаемым Эриксоном псевдовидам или, выражаясь языком Бенедикта Андерсона, – воображаемым сообществам.

Нация – это идентичность, воображаемая общность, основанная на чувстве национальной солидарности. Нацию, как и идентичность, можно определить как тождество самим себе и чувство непрерывности существования во времени своей общности.

¹¹⁰ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. С. 50, 51.

Глава II

Русский византизм: миф и реальность

В истории цивилизации, как и в человеческой жизни, детство имеет решающее значение. Оно во многом, если не во всём, предопределяет будущее.

Жак Ле Гофф

Развитие национального самосознания в России

В постпетровской России интеллектуальная элита общества очень слабо занималась историческим самопознанием. Русский исторический патриотизм Екатерины II и Ломоносова представляется небольшими островками в океане повсеместных западноевропейских влияний и увлечений. Карамзин, Ключевский, Соловьёв – плеяда великих русских историков, как ни пытались, не смогли привить русскому образованному обществу любви к своей истории. Точно так же как и русские византилисты не смогли просветить русское образованное общество знаниями о российской и византийской истории.

Этот факт индифферентизма к отечественной истории тем более поразителен, если учесть что вся русская философия и публицистика XIX – начала XX века буквально насквозь пропитана философией истории. Но при этом фактическая сторона истории вытеснялась спорами по поводу идеологических клише западников и славянофилов, сравнением России идеальной, желаемой,

воображаемой с европейскими идеальными образцами или православным столь же идеальным образом. Каждое из этих двух мощных течений русской мысли придерживалось своих канонов рассмотрения российских проблем, но ни одно из них не пыталось рассмотреть историю России во всей полноте, в истоках увидеть причины её неудовлетворительного настоящего.

Удивительно, что чтение романов Ричардсона и Вальтера Скотта, исторических трагедий Шекспира, произведениями которых, наравне с французской литературой, зачитывались русские интеллектуалы, не вызвало у них вопроса о том, а почему в России в отличие от Англии так коротка историческая память людей. Англия как идеальная лаборатория истории, в которой веками сохранялись традиции и существовала значительная преемственность восприятия истории, являлась передовой страной Западно-европейского мира, была для многих авторов «Вех» тем примером, на который постоянно ссылались в обличении пороков русского общества. И, тем не менее, английский исторический опыт не сподвиг ни одного из них сравнить глубину исторической памяти англичан с её почти полным отсутствием у русских. Позже, когда в СССР стали писать новую версию русской истории, этот исторический нигилизм усилился ещё больше.

В этой главе я попытаюсь охарактеризовать тот прекрасный мир сильного русского самосознания, который был присущ России в допетровский период её истории, и проследить дальнейшие перипетии, которые претерпело это самосознание, расколотое западными влияниями и основанной на западных веяниях модернизацией.

Уже древнерусская история и дружинная поэзия дописменной Руси, отголоски которой сохранились в источниках, дают примеры пробуждающегося национального чувства, ощущения общности исторической судьбы и представлений об общей родине.

Примечательна в этом отношении речь Святослава, обращённая к дружине во время войны с Византией: *«Бегство не спасёт нас; волею и неволею должны мы сразиться. Не посрамим отечества, но ляжем здесь костями: мёртвым не стыдно! Станем крепко. Иду пред вами, и когда положу свою голову, тогда делайте, что хотите!»* Воины ответили на призыв своего князя:

«Наши головы лягут вместе с твоею!»¹¹¹

Представления о воинской чести ассоциировались со славой отечества: «Погибнет, – говорил Святослав, – погибнет слава россиян, если ныне устрасимся смерти! Приятна ли жизнь для тех, которые спасли её бегством? И не впадём ли в презрение у народов соседственных, доселе ужасаемых именем русским? Наследием предков своих мужественные, непобедимые, завоеватели многих стран и племён, или победим греков, или падём с честью, совершив дела великие!»¹¹²

О патриотическом сознании свидетельствуют и договоры, заключающиеся Русью с Византией, «которые заключались князьями не только от своего имени, но и от имени всего русского народа («языка») в целом: «от Игоря и от всех бояр, и от всех людей страны Руськия»¹¹³.

Летопись сохранила варяжские имена вельмож дружины Олега, которые заключили с Константинополем договор около 907 года: Карл, Фарлаф, Веремид, Рулав, Стемид и др.¹¹⁴

Мирный русско-византийский договор, заключённый после неудачных походов князя Игоря на Византию в 944/945 годах, содержал «около пятидесяти норманских имён, кроме двух или трёх славянских»¹¹⁵.

Также и Святослав в мирном договоре 971 года обещал хранить мир с империей от лица всех находившихся под его властью россиян¹¹⁶.

Рассматривая русско-византийские договоры с точки зрения формирования национального самосознания русских, инте-

¹¹¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 1. Т. 1. С. 142; Лихачёв Д.С. Национальное самосознание Древней Руси. Очерки из области русской литературы XI–XVII вв. Москва–Ленинград: Академия наук СССР, 1945. С. 14; Русские летописи XI–XVI веков: Избранное. Санкт–Петербург: Амфора, 2006. С. 62; Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года // Ломоносов М. Записки по русской истории. Москва: Изд-во Эксмо, 2003. С. 91.

¹¹² Карамзин Н.М. Указ. соч. Кн. 1. Т. 1. С. 145.

¹¹³ Лихачёв Д.С. Указ. соч. С. 15; Ср. Карамзин Н.М. Указ. соч. Кн. 1. Т. 1. С. 126.

¹¹⁴ Карамзин Н.М. Указ. соч. Кн. 1. Т. 1. С. 117; Русские летописи XI–XVI веков: Избранное. С. 40.

¹¹⁵ Там же. Кн. 1. Т. 1. С. 126; Русские летописи XI–XVI веков: Избранное. С. 48.

¹¹⁶ Там же. Кн. 1. Т. 1. С. 147.

ресно отметить сильный варяжский элемент (доминирование в договорах скандинавских имён) и употребление слова «язык» в качестве синонима слова «народ»¹¹⁷. Сопоставление двух этих фактов приводит к мысли о том, что древнерусские представления о народной общности основывались на языковом и деятельностном критериях. Основывались на том, на каком языке человек говорил и как он поступал: знание русского языка и участие в битвах за Русскую землю рассматривались как основные отличительные свойства русского человека.

Более того, летописец Нестор обращает внимание на происхождение русского языка, как на главный признак русской народности. Вообще, язык выступает в древнерусских текстах синонимом народа: «Явишая языци [народы], ихже никто же добре ясно не весть, – кто суть и отколе изидоша, и что язык их, и которого племени суть, и что вера их; и зовут я татары, а инии глаголют таурмени, а друзии печенези...»¹¹⁸.

Академик Д.С. Лихачёв указывал, что Нестор «выступает первым в русской истории и в истории славянства вообще защитником идеи общеславянского единства: «бе бо един язык Словеньск; а Словеньск язык и Русьскыи един есть..., аще и поляне зъвахуся, но Словеньска речь бе; полями же прозъвашася, зане в поли седяху, а язык Словеньск бысть им един»¹¹⁹. Впоследствии, после крещения Руси к языковому критерию определения принадлежности к русскому народу прибавился религиозный фактор православия: «Не дай же, господи, в полон земли нашей языком [народом], не знающим Бога, да не рекут иноплеменницы: где есть Бог их»¹²⁰.

Дома, на Руси, можно было осознавать себя новгородцем, жителем Владимира или Киева, отстаивать интересы своего князя в междоусобных войнах, быть ярким носителем местной, локальной идентичности, но при столкновении с внешним врагом, дальних завоевательных походах к хазарам, болгарам, византийцам на первый план выступала общерусская идентичность и общероссийский патриотизм.

¹¹⁷ Лихачёв Д.С. Указ. соч. С. 15, 25, 26, 27.

¹¹⁸ Там же. С. 66.

¹¹⁹ Там же. С. 42.

¹²⁰ Там же. С. 65.

С началом упадка Киевской Руси летописцы на основании старых дружинных песен стали идеализировать доблестных князей прошлого. Славные подвиги Святослава стали выступать в качестве примера менее успешным современникам и будущим поколениям. Под влиянием кочевых набегов XI–XII веков и нестроений раздираемой княжескими усобицами страны в летописях укреплялась мысль о единстве Русской земли.

Обширный летописный труд «Повести временных лет» должен был вписать общерусскую историю в общемировой исторический контекст. Летописец Нестор, связав русскую историю с мировой, придал ей центральное значение.

В княжение Владимира Мономаха Игумен Сильвестр обличал моральную низость современных князей, противопоставляя им князей прежних времён: «Не разоряли они населения поборами, обороняли Русскую землю, советовались во всём со своей дружиной, в ладьях на холстинных парусах ходили на самую Византию, гнушались золотом и паволоками, любя одно оружие». «Отци ваши и деди ваши трудом великим и храбрством, побарающе по Русьской земли, ины земли приискываху, а вы хотите погубити землю Русьскую»¹²¹, – писал в 1097 году летописец.

Эта же мысль о единстве Русской земли была выражена в «Поучении» Владимира Мономаха¹²² и «Хождении» игумена Даниила в Святую землю, в котором Даниил выступает представителем всей русской земли в целом, ставит кадило от всей Русской земли у гроба Господня. Прибыв в завоёванную крестоносцами Святую землю, Даниил не только попросил у иерусалимского короля Бодуэна разрешения поставить над гробом Спасителя лампаду, но и записал в обители Св. Саввы, «для упоминания на ектениях, имена князей российских»¹²³.

В качестве реакции на татаро-монгольское нашествие и распад Киевской Руси на отдельные княжества с узкоместными интересами возникла идейная тенденция, которая ясно показывала необходимость общерусского государства.

Князья поддерживали семейные летописания, которые со временем объединялись в единые летописные своды. Наряду с

¹²¹ Лихачёв Д.С. Национальное самосознание Древней Руси. С. 45.

¹²² Русские летописи XI–XVI веков: Избранное. С. 186–187.

¹²³ Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 1. Т. 2. С. 254.

развитием родовых летописей возникали летописи городские. В случаях, когда город изгонял своего князя (как, например, произошло в 1136 году в Новгороде, откуда был изгнан внук Владимира Мономаха Всеволод), княжескую летопись продолжали городские власти.

Характер летописания был в значительной мере обусловлен современными политическими обстоятельствами, летописи переписывались, дробились, акценты изменялись, одни части летописного свода могли быть заменены другими частями из другого свода. В родовых княжеских летописях прославлялся князь, в городских – порицались княжеские недостатки. Но все эти разнообразные сочинения вместе выступали видимым отражением общего исторического чувства и преемственности русской истории.

Самобытность летописания проявлялась в свободном стиле повествования, в которое наряду с личными впечатлениями летописцев вставлялись дипломатические документы, договоры, сказания и предания. Изначально являвшееся преимущественно делом киевской метрополии, придерживавшейся византийской традиции императорской историографии, летописание постепенно проникло во все ответвления княжеских родов. Междукняжеские отношения, взаимные обличения в различных преступлениях представителей княжеских родов стали одной из центральных тем древнерусских летописей наряду с неисчезающим убеждением в единстве Русской земли.

Если В.О. Ключевский писал об удельной княжеской Руси как о владении Русской землёю единым, но не дружным княжеским родом как об исторически данном факте, то Д.С. Лихачёв на основании анализа летописей пришёл к выводу, что «идея единства Руси, с такою настойчивостью проведённая во всех киевских сводах XI – начала XII вв., была искусно подкреплена летописцами оригинальной теорией единства княжеского рода». По мнению академика «именно в этих целях составитель летописи внёс в неё легенду о призвании родоначальников «рюриковичей», трёх братьев-варягов, подчинив этой легенде всё изложение истории Руси. ... Летописец стремился доказать, что междукняжеские войны – братоубийственны, что все русские князья «одного деда внуки». Это летописное доказательство единства Руси, как един-

ства княжеского рода, претерпело жестокое поражение в междукняжеских распрях XII в.»¹²⁴.

Согласно норманнской теории, норманнов, то есть скандинавов, викингов, варягов считают основателями русского государства, призванными славянами править на Русь. В «Повести временных лет» легенда о призвании варягов передана следующим образом: в 6370 году (862 году нашей эры) среди славянских племён началась усобица «и сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англй, а ещё иные готландцы, – вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Белоозере, а третий, Трувор, – в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля»¹²⁵. Сказание о призвании варяжских братьев править Русью давало основание рассматривать княжеские взаимоотношения как внутрисемейные дела.

Абстрагируясь от решения вопроса о верности норманнской теории и характере родового владения Русской землёй, можно с уверенностью сказать, что независимо от ответа на данный вопрос древнерусские источники обнаруживают непрерывающиеся попытки обоснования единства Руси. Образованнейшие представители древнерусского общества – летописцы старались обосновать необходимость объединения русских земель.

Со временем усилия по созданию общерусских летописей только возрастали. Летописцы отдельных городов и княжеств всё чаще пытались вносить в свои записи сведения о соседних землях, придавая им общерусский характер.

Возрастающее давление степи вытесняло из летописей прежнее внимание к княжеским усобицам и взаимным претензиям. Идеологическая попытка созидания политического единства страны посредством концепции родового владения Русской землёй стала заменяться идеей единства перед внешней угрозой,

¹²⁴ Лихачёв Д.С. Национальное самосознание Древней Руси. С. 57–58.

¹²⁵ Русские летописи XI–XVI веков: Избранное. С. 33.

единства, основанного на любви к родине, свободе и воинской славе предков.

«Слово о полку Игореве» стало выражением идеи общерусского единства на этой новой основе. «Слово», занимающее всего десяток страниц печатного текста, неизменно привлекает к себе внимание литературоведов и историков, о нём написаны сотни научных работ и диссертаций, выводы которых часто диаметрально противоположны¹²⁶, что только подтверждает значение этого источника по истории древнерусской истории и культуры. «Слово о полку Игореве» невозможно обойти вниманием при рассмотрении становления русского национального самосознания.

Стихотворная повесть о неудачном походе 1185 года, предпринятом Игорем Святославичем Новгород-Северским, который, «исполнившись ратного духа, навёл свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую»¹²⁷, выражает скорбь об утраченном могуществе разьединённых междуособием русских князей.

«Слово» начинается гимном русской воинской славе:

«Кони ржут за Сулой –
звонит слава в Киеве;
Трубы трубят в Новгороде –
стоят стяги в Путивле!»

Брат Игоря Всеволод говорит Игорю:

«Оба мы – Святославичи!
Седлай же, брат,
своих борзых коней,
а мои-то готовы,
осёдланы у Курска ещё раньше.
А мои-то куряне – опытные воины:
под трубами повиты,

¹²⁶ Сулейменов О. АЗ и Я. Книга благонамеренного читателя. Москва: Грифон М, 2005; Лихачёв Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Ленинград: Художественная литература, 1978; «Слово о полку Игореве» и его время / Отв. ред. акад. Б.А. Рыбаков. Москва: Наука, 1985.

¹²⁷ Слово о полку Игореве. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1984. С. 43.

под шлемами взлелеяны,
с конца копья вскормлены,
пути им ведомы,
овраги им знаемы,
луки у них натянуты,
колчаны отворены,
сабли заострены;

Сами скачут, как серые волки в поле,
Ища себе чести, а князю славы».

Храбро русское воинство, но ничто не предвещает ему победы – ветер, тучи, волки, лисицы, птицы – вся окружающая природа предрекает воинству гибель.

Обступили половцы русское воинство со всех сторон, но храбро сражаются русские витязи:

Ярый тур Всеволод!
Стоишь ты в самом бою,
прищешь на воинов стрелами,
гремишь о шлемы мечами булатными!
Куда, тур, поскачешь,
 своим золотым шлемом освещивая,
там лежат поганые головы половецкие.
Рассечены саблями калёными шлемы аварские
 тобою, ярый тур Всеволод!
Какой раны, брата, побойтся тот, кто забыл честь,
 и богатство,
 и города Чернигова отцов золотой стол,
и своей милой, желанной прекрасной Глебовны
 свычай и обычай?

Автор «Слова» вспоминает этапы русской истории: языческие времена Владимира, времена могущества и единства Киевской Руси Ярослава, время междоусобий Олега, который «мечом крамолу¹²⁸ ковал и стрелы по земле сеял», противопоставляет борцов за единство Руси – Ярослава и Владимира князьям крамольникам, когда:

¹²⁸ Крамола – междоусобная война, военный раздор между близкими людьми или народами.

сокращались жизни людские,
...по Русской земле редко пахари покрикивали,
но часто вороны грáяли,
трупы между собою деля...

Войско русское погибает от того, что борьба с внешними врагами была заменена междоусобиями:

Борьба князей против поганых прекратилась,
ибо сказал брат брату:
 «Это моё, и то моё же».
И стали князья про малое
 «это великое говорить»
и сами на себя крамолу ковать.
А поганые со всех сторон приходили с победами
 На землю Русскую.

И застонал, братья, Киев от горя,
 а Чернигов от напастей.
Тоска разлилась по Русской земле;
печаль обильная потекла посреди земли Русской.
А князья сами на себя крамолу ковали,
а поганые,
 с победами нарыскивая на Русскую землю,
сами брали дань по белке от двора.

Автор «Слова» сравнивает славный поход Святослава Всеволодовича Киевского, двоюродного брата Игоря и Всеволода Святославичей с неудачей последних:

Святослав грозный великий киевский –
грозою:
прибил своими сильными полками
и булатными мечами,
наступил на землю Половецкую,
 притоптал холмы и овраги,
 взмутил реки и озёра,

иссушил потоки и болота.

А поганого Кобяка от лукоморья,
Из железных великих полков половецких
как вихрь исторг:
и пал Кобяк в граде Киеве,
в гриднице Святославовой.

Между тем войско Игоря погибло:

Тут немцы и венецианцы,
тут греки и чехи
поют славу Святославу,

но они же:

корят князя Игоря,
потопившего богатство на дне Каялы –
реки половецкой, –
просыпав русского злата.

На реке на Каяле тьма свет покрыла –
по Русской земле простёрлись половцы,
точно выводок гепардов.
Уже пал позор на славу;
уже ударило насилие на свободу;
уже бросился див¹²⁹ на землю.
И вот готские красные девы
запели на берегу синего моря:
звеня русским золотом.

Святослав со слезами на глазах укоряет Игоря и Всеволода за то, что не договорились они с другими князьями, а сами гордые решили одни снискать себе славу и погибли. Между тем у

¹²⁹ Слово «див» не получило общепризнанного объяснения. Большинство исследователей считает «дива» мифическим существом, под которым подразумевается злой дух или божество, сочувствующее восточным народам и враждебное Руси.

Святослава нет той власти, которой обладает Ярослав Черниговский:

Не вижу уже власти
сильного
и богатого,
и обильного воинами
брата моего Ярослава,
с черниговскими боярами,
с воеводами,
и с татра́нами,
и с шельбирами,
и с топчакáми,
и с реву́гами,
и с ольбе́рами.
Те ведь без щитов, с засопожными ножами
Кликом полки побеждают,
Звоня в прадедовскую славу.

Татраны, шельбиры, топчаки, реву́ги, ольберы – племена степных кочевых народов тюркского происхождения, которые осели в пределах Черниговского княжества и испытывали культурное влияние русских. Из этих осевших в Черниговском княжестве кочевников собирались отдельные полки, называвшиеся ковуями. Черниговские ковуи были и в войске Игоря Святославича.

Вместо того, чтобы собрать большое объединённое войско, Игорь и Всеволод решили «помужествовать сами», «прошлую славу себе похитить, а будущую сами поделить».

Автор «Слова» влагает в уста Святославу упрёки по отношению к русским князьям.

Могущественному сыну Юрия Долгорукого Всеволоду Большое Гнездо:

Великий князь Всеволод!
Неужели и мысленно тебе не прилететь издалека,
отчий стол поблюсти?
Ты ведь можешь Волгу вёслами расплескать,

а Дон шлемами вылить?

Воинственным князьям Рюрику и Давыду Ростиславичам:

Ты, буйный Рюрик, и Давыд?
Не ваши ли воины
Золочёными шлемами по крови плавали?
Не ваша ли храбрая дружина
Рыкает как туры,
раненные саблями калёными
на поле неизвестном?

Вступите же, господа, в золотые стремяна
за обиду сего времени,
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
буйного Святославича!

Князю богатого Галического княжества Ярославу Владимировичу Осмомыслу, который, сидя высоко на горе в Галиче, распоряжался судьбами стран, принимал при своём дворе будущего византийского императора Андроника Комнина и отправлял витязей в святую землю на борьбу с сарацинами:

Галицкий Осмомысл Ярослав!
Высоко сидишь ты
на своём златокованом престоле,
подпёр горы Венгерские
своими железными полками,
заступив королю путь,
затворяя Дунаю ворота,
меча тяжести через облака,
суды ряда до Дуная.
Грозы твои по землям текут,
Отворяешь Киеву ворота,
Стреляешь с отчего золотого престола
салтанов за землями.
Стреляй же господин в Кончака,

поганого раба,
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
буйного Святославича!

Такие же упрёки высказывает автор «Слова» и князю Роману Мстиславичу, совершавшему победоносные походы на окружающие Русь племена и государства (в том числе Венгрию и Польшу), принимавшему активное участие в княжеских междоусобицах. Римский папа Иннокентий III предлагал Роману корону короля Руси за принятие католичества: «Велеречивый посол Иннокентия доказывал нашему князю превосходство Закона латинского; но, опровергаемый Романом, искусным в прениях богословских, сказал ему наконец, что папа может его наделить городами и сделать великим королём посредством меча Петрова. Роман, обнажив собственный меч свой, с гордостью отвечивал: «такой ли у папы? Доколе ношу его при бедре, не имею нужды в ином и кровию покупаю города, следуя примеру наших дедов, возвеличивших землю Русскую»¹³⁰. Имя Романа было хорошо известно в европейских странах. Он принимал у себя византийского императора Алексея III Ангела после изгнания его крестоносцами из Константинополя. Во время нашествия половцев на Византию «спешил ко славе нашего древнего оружия, защитить Греческую империю. ... Отвлёк варваров от Константинополя»¹³¹. Западные и русские летописцы называли его «великим», «королём», «самодержцем всея Руси», а в Литве, одерживая победы над которой Роман впрягал пленников в соху для обрабатывания земли вплоть до XVI века, существовала пословица: Романе! Худым живёши, литвою орёши¹³².

А ты, буйный Роман и Мстислав!
Есть ведь у вас железные молодцы
под шлемами латинскими,
От них дрогнула земля,
и многие страны –
Хинова,

¹³⁰ Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 1. Т. 3. С. 397.

¹³¹ Там же. Кн. 1. Т. 3. С. 395.

¹³² Там же. Кн. 1. Т. 3. С. 398.

Литва,
Ятвиги,
Деремела,
и половцы копья свои повергли,
а головы свои подклонили
под те мечи булатные.

И снова автор «Слова» осуждает распри князей:

Не по праву побед
расхитили вы себе владения!
Где же ваши золотые шлемы
и копья польские
и щиты?
Загородите полю ворота
своими острыми стрелами
за землю Русскую,
за раны Игоревы,
буйного Святославича!

Вложите в ножны свои мечи повреждённые,
ибо лишились вы славы дедов.
Вы ведь своими крамолами начали наводить поганых
на землю Русскую.
Из-за усобиц ведь настало насилие
от земли Половецкой!

После неудачного похода Игоря князя Рюрик и Давыд Ростиславичи отправились в поход против половцев, но брат Давыд не принял участия в походе, так как его смоленские войска встали вечем и заявили, что не пойдут дальше Киева. Войска Давыда повернули назад.

О, стонать Русской земле,
вспоминая первые времена
и первых князей!

Того старого Владимира

нельзя было пригвоздить к горам киевским:
теперь же встали стяги Рюриковы,
а другие – Давыдовы,
но врозь у них полотнища развеваются.
Копья поют!

Слово о полку Игореве – не только плачь по утраченному единству Русской земли, но и живописная галерея русских князей второй половины XII века. Гениальный призыв к единению Русской земли против внешней угрозы:

Здравы будьте, князья и дружина,
Борясь за христиан
Против нашествий поганых!

Князьям слава и дружине!
Аминь.

Такими словами заканчивается «Слово», которое переписывалось и распространялось по городам древней Руси, находило живой отклик в сердцах современников. «Слово о полку Игореве» при своём небольшом объёме охватывает около полутора столетий русской истории, сопоставляет славное прошлое с бедственным настоящим. При этом русская история рассматривается не обособленно, а в связи с историей окружающих Русь стран: события, происходящие в стране разносятся по чужим землям, в которых немцы и венецианцы, чехи и греки прислушиваются к происходящим в Русской земле событиям.

Поражает географический охват «Слова», размах представленных в нём событий. На фоне похода Игоря повествуется о различных событиях прошлого, показывается одновременность действия в различных частях Руси: «девицы поют на Дунае, выются голоса через море до Киева»; «трубы трубят в Новгороде, стоят стяги в Путивле»; «кони ржут за Сулою, звенит слава в Киеве»...

«Слово», подчёркивая силу русских князей, отмечает их разобщённость и отсутствие единства княжеской власти.

Последовавшее татаро-монгольское нашествие подорвало

культурную деятельность Руси, но не смогло уничтожить интереса к своему прошлому, развития исторического самосознания и чувства общерусской идентичности. По русским городам продолжали вести летописи.

Ослабление Золотой Орды и укрепление общерусского самосознания требовали возвышения того центра, который бы стал единственным выразителем идеологии объединения русских земель, как во внутренней, так и во внешней политике. В XIV–XV веках началась борьба между Москвой, Тверью и Новгородом за роль собирателя русских земель. Причём особенности политической жизни Москвы и Новгорода привели к тому, что даже широкие слои новгородского населения, в отличие от своей правящей купеческой элиты, тяготели к Москве, сильная великокняжеская власть которой гарантировала последовательность и стабильность развития постепенно создававшегося единого общерусского государства.

Возвышение Москвы сделало её одним из центров осмысления прошлого общерусской истории. Московские князья и митрополиты свозили в Москву областные летописи, которыми пользовались при составлении уже не узко местных по своему характеру важных для Москвы летописей, но обширных общерусских повествований.

Представления о единстве Русской земли стали повсеместными среди интеллектуальной элиты XV века, несмотря на то, что в политическом отношении было весьма мало надежд на скорое воплощение этих представлений в реальность. В конце XIV – начале XV веков в московские летописные своды в качестве вводной части стали включать «Повесть временных лет». Идейные традиции домонгольской Киевской Руси Владимира Мономаха становились, таким образом, частью вписанной в общероссийский контекст истории Москвы. Причём призывы времён киевских князей воспринимались в свете современных событий: борьба с половцами служила примером в борьбе с татарами, которые отождествлялись с половцами в качестве врагов русской независимости.

Постепенно в московских летописях исчезали пренебрежительные упоминания о соперничавших за первенство городах. «Москва явно стремилась придать летописанию общенародный

характер»¹³³. В летописи стали вводиться подробные описания подвигов горожан в деле защиты Русской земли от кочевников. Выдвижение в московских летописях демократических, гражданственных мотивов отражает попытки Москвы опереться на обширные народные массы в деле объединения страны. Сознание общенародных интересов проявилось и в осуждении московскими летописцами политики русских князей (в том числе и московских) привлекать на свою землю в качестве союзников в междоусобных войнах иноземцев.

Параллельно развитию общенационального самосознания развивались сюжеты русских былин.

Местные особенности и идентичности героев вытеснялись общероссийским самосознанием. Идеал общерусской государственности проступал в видоизменявшихся былинах: имевшие когда-то большое значение местные детали заменялись новыми, общероссийскими сюжетами. Вместо местных ростовских, тверских или владимирских героев-богатырей появились общерусские «храбры». Богатыри разных городов, «со всей земли Русской» объединялись в борьбе с «полем», врагами «земли», вместе погибали. Местные исторически реальные князья вытеснялись идеализированным образом Владимира Мономаха – собирателя русских богатырей и родоначальника собирателей Русской земли московских великих князей: «На службе у князя Владимира русские богатыри, Илья Муромец, Добрыня Рязанич, ростовский житель Александр Попович и др., обороняют Русскую землю от степных кочевников, стоят на пограничной заставе, зорко всматриваясь в степную даль, и неизменно одерживают победу над врагами Руси»¹³⁴.

Обращение к идеалам Киевской Руси выразилось не только в сфере интеллектуального творчества, но и в последовавших после побед над татарами восстановительных строительных работах: «С княжения Дмитрия Донского впервые в русской истории началась реставрация памятников, связанных с воспоминаниями об эпохе независимости Руси»¹³⁵. Повсеместно восстанавливались древние и закладывались новые храмы, восстанавливалась домонгольская храмовая живопись.

¹³³ Лихачёв Д.С. Национальное самосознание Древней Руси. С. 73.

¹³⁴ Там же. С. 81.

¹³⁵ Там же. С. 75.

Тверь, Новгород и Москва оспаривали друг у друга первенство в качестве центра будущего единого русского государства. Книжники Твери и Москвы, в отличие от олигархического Новгорода, выработали мысли о необходимости крепкой княжеской власти для преодоления феодальных раздоров. В середине XV века именно в Твери в похвальном слове инока Фомы тверскому князю Борису Александровичу впервые прозвучала мысль о византийском наследии России, возглавить которую должен не князь московский, а Борис Александрович тверской, уподоблявшийся благоверному православному самодержцу Константину Великому.

Если бы Твери удалось собрать русские земли и одолеть Москву, то именно Твери, а не Москве суждено было стать Третьим Римом. «Похвальное слово о князе Борисе Александровиче» инока Фомы говорит о тверском князе как о царствующем самодержавном государе, что было новшеством в политической жизни тогдашней Руси¹³⁶. Сравнение тверского князя со славнейшими византийскими императорами и обоснование его царского статуса было началом идеологической концепции, которой впоследствии было суждено развиваться в Москве.

К XVI веку русских людей отличало крепкое национальное самосознание и чувство собственного достоинства. Вступая в дипломатические отношения с Западной Европой, русские дипломаты опирались на своё знание византийской и российской истории и создавали сложную идеологию превосходства русских царей над правителями Европы. *Россия была в это время Россией и не желала быть ничем иным.* В старомосковском православном сознании не возникал вопрос о принадлежности России к чему-либо, будь то к Западу или Востоку. Россия была сама собой, без комплексов и зависти к чужим достижениям, с чувством морального превосходства и уверенности в своём будущем.

Непростая история объединения русских земель и возвышения Москвы демонстрирует, что политическое и моральное возрождение невозможно без обращения к историческому идеалу.

Пётр I разрушил исторический дискурс древней Руси, навеки лишил этой духовной опоры российское общество, заложил идейную основу российского западничества, на которой разви-

¹³⁶ Лихачёв Д.С. Национальное самосознание Древней Руси. С. 92–94.

лись комплексы неполноценности и мнимой второсортности российских устоев. В итоге «забыли» блистательное «Слово о полку Игореве», а образованное общество стало на Западе искать идейных основ. Но что положительного могла дать чужая история без чувства и знания своей? Нужды модернизации убили здоровое самосознание.

То, чего не смогло сделать татаро-монгольское нашествие (погубить историческое самосознание и чувство преемственности по отношению к своему прошлому), смог сделать Пётр и продолжатели его реформ. Заимствование модернизационных импульсов Запада исказило и отделило самосознание элиты от самосознания народных масс.

Тернистый путь к Третьему Риму

*Есть два прошлых, одно совсем мертво
и не представляет действительного
интереса, так как влияние его прекратилось
вместе с ним, другое длится до сих пор,
благодаря тому влиянию, которое оно
оказало на последующие века.*

Франсуа Гизо

В конце XV – начале XVI веков Россия стала входить в дипломатические отношения с европейскими странами.

Блестящие успехи завоевательной политики османских султанов (завоевание Сербии, Афинского герцогства, а затем и всей Греции, завоевание Лесбоса и Валахии, Боснии, Албании и Герцеговины) привели западноевропейский мир к необходимости искать союзников на востоке Европы.

Католический Рим отводил России одно из ключевых

мест в предполагавшемся общеевропейском походе против наступавшего на Европу ислама. Именно из Рима и в окружении латинских прелатов прибыла в Москву племянница последнего византийского императора Константина XI Софья (Зоя) Палеолог. Римский папа предполагал, что благодаря этому браку католический Запад приобретёт не только политического союзника в лице Ивана III, но и приобщит к католицизму новую и обширную страну. Западные монархи, вступая в дипломатические отношения с Москвой, прельщали московского князя признанием за ним королевского титула и династических прав на константинопольский трон. В послании сеньории Венеции Ивану III говорилось, что Византия за «прекращением императорского рода в мужском колене должна принадлежать вашему высочеству в силу вашего благополучнейшего брака»¹³⁷.

Запад был готов признать российские права на византийское наследие в связи с необходимостью борьбы с турками. В какой-то степени даже настаивал, навязывал в это время России это «наследие».

История возникновения русско-византийского проекта римских пап открывается приготовлениями брака Ивана III с византийской принцессой Софией Палеолог. Папа Сикст IV, вслед за своим предшественником Павлом II, поддерживал этот брак и в качестве посла в числе сопровождающих принцессу направил к Ивану епископа Аяччо Антонио Бонумбре, перед которым ставилась задача вступить в переговоры об унии и крестовом походе против турок.

Впоследствии вопросы объединения церквей и антитурецкого союза поднимались римскими папами Иннокентием VIII, Александром VI, Юлием II, Львом X, стали долговременной стратегией Ватикана в восточноевропейской политике. В обмен на уступки в религиозном вопросе и союз против турок великим московским князьям предлагался королевский титул¹³⁸. Причём вопрос о королевском титуле для себя и статусе королевства для Московского великого княжества поставил Василий III, считав-

¹³⁷ Цит. по: *Лихачёв Д.С.* Национальное самосознание Древней Руси. С. 96.

¹³⁸ *Делуэ В.* Антонио Поссевино и Иван Грозный. К истории церковной унии и Контрреформации в XVI столетии // Иван Грозный и иезуиты: миссия Антонио Поссевино в Москве. Москва: Аграф, 2005. С 24–29, 34, 37, 38, 42 и др.

ший, признание этого статуса прерогативой римского папы (Лев X) и императора Священной Римской империи Максимилиана I.

Однако насущные внешнеполитические задачи Москвы не позволяли ввязываться в столь масштабные антитурецкие проекты. Тем более, что османский султан заключил победоносный мир с Неаполем и Венецией, которые были заинтересованы в торговле с турками. Такой же договор, с целью обеспечения торговых интересов русских купцов заключил с султаном и Иван III. Невозможность союза с Западом в значительной степени определялась сильным православным самосознанием «москвитов», не говоря о многочисленных нерешённых актуальных военных и политических проблемах.

Дипломатические усилия римских пап стали особенно интенсивными в царствование Василия III, которого предлагалось короновать в качестве царя при условии вступления в антитурецкий союз. Однако ни Иван III, ни Василий III, ни Иван IV Грозный так и не приняли этих предложений.

Несмотря на родство с византийским императорским домом московские князья проводили осторожную политику и не объявляли себя наследниками Византии, хотя германский император Максимилиан I называл Василия III императором. Впоследствии Сигизмунд Герберштейн отрицал, что германский император называл в своей грамоте Василия III императором. Считал, что этот титул был вставлен в грамоту по инициативе австрийского посла при московском дворе Шнитценпаумера. Но, как бы то ни было, именно грамота 1514 года послужила в дальнейшем одним из оснований для Петра I провозгласить себя императором.

Посол Максимилиана II Иоанн Кобенцель (посольство 1575–1576 года) также при соблюдении определённых условий обещал Ивану IV власть над Европейской частью Турции и императорский титул. Для достижения этой цели предполагалось, что Польша, Священная Римская империя, Испания, папа и другие христианские правители заключат с Иваном союз и совместно изгонят турок из Европы, после чего император и папа сообщат Ивану корону прежней Восточной Римской империи.

Н.М. Карамзин приводит слова послов императора Максимилиана: «Вся Европа христианская заключит союз с тобою,

чтобы одним ударом, на морях и на суше, низвергнуть высокую державу оттоманов. Вот подвиг, коим ты можешь навеки прославить себя и Россию! Изгоним турков из Константинополя в Аравию, искореним Веру Магометову, знаменем креста снова осеним Фракию, Элладу – и всё древнее царство Греческое *на восход солнца* да будет твоё, о царь великий! Так вещают император, Св. Отец папа и король испанский»¹³⁹.

На все эти лестные предложения Грозный ответил, что для заключения антитурецкого союза в Москву должны прибыть послы всех остальных заинтересованных в этом государств.

Основной целью посольства, возглавлявшегося секретарём генерала ордена иезуитов Антонио Поссевино (посольство 1581–1582 года) в Москву, было убедить Ивана Грозного отказаться от греческой «схизмы» и признать верховенство римского папы, так же, как это сделали византийцы на Флорентийском соборе 1439 года. С этой целью Ивану подарили постановления этого собора. Только после признания папского верховенства вместо подчинения находившемуся под властью турецкого султана константинопольскому патриарху мог быть заключён политический союз. Рассматривался вариант, при котором в случае отказа от объединения церковей нужно было добиться хотя бы того, чтобы Москва отказалась от верховенства константинопольского патриарха и согласилась на назначенного папой московского патриарха. Предполагалось, что принятию этого предложения должно было способствовать политическое значение для московского великого князя московского патриархата, который в свою очередь мог бы в перспективе служить объединению под своей эгидой всех православных церковей, а затем и унии с Римом.

Приобщение Московского царства к римско-католической церкви позволяло бы Риму компенсировать утраченное влияние в европейских странах, поддержавших Реформацию, и открывало католическим купцам значительно более безопасный и дешёвый путь в Азию, к берегам Каспийского моря, в Индию и Персию.

Вслед за католическим Римом с надеждой смотрели на Москву и европейские протестанты, считавшие, что более традиционное православие должно больше соответствовать их идеалам, чем «погрязший в нововведениях» католицизм.

¹³⁹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 3. Т. 9. С. 412.

Однако ни протестанты, ни католики с религиозной точки зрения не интересовали Ивана IV. Он был готов блеснуть перед их посланниками своей эрудицией и богословскими знаниями, был готов на политические союзы, но не думал идти ни на какие уступки в делах веры, о чём и предупреждал иезуита Поссевино: «... мы о том говорить не хотим для супротивных слов, что вам за досаду наши речи, и мы для того и говорить не хотим, чтобы розна меж нас за то и гневу не было и любовь бы наша, что почалась меж папы Григория с нами, тем не порвался. ... Нам с вами не сойдетца в вере, наша вера хрестьянская из давних лет была себе, а римская церковь была себе»¹⁴⁰.

В то же самое время Иоанну было намного проще выстраивать отношения с протестантской Англией, с которой не возникало столь неприкрытого столкновения интересов, как в случае с предполагавшимся папой римским союзом Ивана с заклятым врагом русского царя Баторием против турок. Тем более, что английская королева Елизавета предлагала Грозному в случае необходимости политическое убежище в своём государстве и без чрезмерных условий называла его в переписке «братом» и великим царём всея Руси¹⁴¹, была заинтересована в укреплении уже установившихся и взаимовыгодных торговых связей. Пока католические правительства собирались налаживать торговые отношения, англичане уже торговали через Россию с Персией, побывали в Бухаре и узнавали о путях в Индию¹⁴².

Даже если бы религиозных противоречий не существовало, ни один европейский монарх не горел желанием быть предводителем крестового похода против турок. У Венеции был мир с султаном, и зависимая от торговли с Османской империей республика не собиралась его нарушать. Испания также не хотела начинать военных приготовлений. Император тоже проявлял сдержанность. Баторий же говорил о необходимости собрать миллионную армию. В условиях явного отсутствия общекатолического согласия по поводу претворения в жизнь масштабного

¹⁴⁰ Цит. по: Иван Грозный и иезуиты: миссия Антонио Поссевино в Москве. С. 243, 245. См. также с. 116.

¹⁴¹ Pryor F. Elizabeth I. Her Life in Letters. University of California Press, 2003. P. 55; Делуэ В. Антонио Поссевино и Иван Грозный. С. 85–86.

¹⁴² Тарле Е.В. Политика: История территориальных захватов. XV–XX века: Сочинения. Москва: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 85–87.

антитурецкого проекта православный московский государь был тем более готов уступить в этом вопросе первенство остальным.

Переговоры с папой римским нужны были для скорейшего подписания мира с польским королём Баторием и затягивания времени.

Что касается якобы постыдного подчинения Москвы находящемуся в завоёванном турками Константинополе константинопольскому патриархату (один из аргументов римского престола в пользу унии), то Грозного такое положение вполне устраивало. Тем более, что обычай утверждения московского митрополита вселенским патриархом в Константинополе уже не соблюдался.

Национальное самосознание и чувство собственных национальных интересов было настолько сильно, что Москва не принимала чьих-либо признаний за собой королевского или царского титула. Правители усиливавшегося Московского государства, освободившись от татарского ига, настаивали на собственном ни от кого независимом высоком статусе, с которым были намерены заставить считаться иностранных правителей, ставя их перед фактом, а не принимая от них признания.

Если в далёком Риме ещё могли питать какие-либо иллюзии насчёт унии и укрепления западного влияния на московскую Русь, то люди, ближе знавшие действительную обстановку при московском дворе и силу русского православного самосознания, считали все подобные усилия или совершенно бесплодными, или чрезвычайно сложно достижимыми.

Сигизмунд Герберштейн, возглавлявший две дипломатические миссии в Москву (в 1517 и 1526 годах) с целью склонить Василия III к миру с Польшей для совместного похода против турок сомневался в том, что московский великий князь мог вообще просить кого-либо о признании его титулов: «Некоторые пишут, будто московский владыка домогался от Римского Папы и от цесаря Максимилиана царского имени и титулов. Мне это не представляется вероятным в особенности потому, что ни на одного человека он не озлоблен более, чем на верховного первосвященника, удостоивая его только титулом учителя; цесаря же Римского он считает не выше себя, как это явствует из его грамот, где он ставит своё имя впереди титула императора. ... Да и зачем

московскому владыке просить у императора Максимилиана этот титул, если этот князь ещё раньше каких-либо сношений с ним хотел показать себя не только равным ему, но даже и высшим, ставя всегда и в речах, и на письме своё имя и титул впереди императорского»¹⁴³.

Полстолетия спустя посланник римского папы Поссевино, отправленный с теми же целями, с какими когда-то в Москву приезжал Сигизмунд Герберштейн, столкнулся с тем же высоким мнением «москвитов» о самих себе и презрением к иностранцам¹⁴⁴.

Несмотря на осторожность светских властей, в России существовала сила, считавшая необходимым пестовать русские мечты о Восточной Римской империи. Мощным источником идеологического влияния по укреплению византийской концепции российского самодержавия и исторической миссии России как единственной православной державы выступала православная церковь и греки, приезжавшие в Россию после падения Константинополя. Даже участники посольств турецкого султана, греческого происхождения, пытались столкнуть Россию с Турцией и подчёркивали российские права на византийское наследие и обязанность России бороться за освобождение православных народов и прежде всего Греции. Инок Филофей, провозглашая Москву Третьим Римом, придерживался именно этого идеологического направления. Так же как и выдающийся русский просветитель Максим Грек, который называл Василия III благочестивейшим царём не только России, но и всей земли¹⁴⁵, «Палеологом», то есть представителем византийского императорского дома, называл византийского императора праотцом Василия. Максим уверял московского князя, что по возвращении в родную Грецию «будет свидетельствовать в беде пребывающим христианам, что имеют они не только языческого царя¹⁴⁶, но и царя, прославленного правдою и православием, подобного Константину Великому и

¹⁴³ *Герберштейн С.* Великая Московия: Записки о московитских делах. Москва: Эксмо, 2008. С. 68, 69.

¹⁴⁴ *Поссевино А.* Московское посольство // Иван Грозный и иезуиты: миссия Антонио Поссевино в Москве. С. 217.

¹⁴⁵ *Лихачёв Д.С.* Национальное самосознание Древней Руси. С. 100.

¹⁴⁶ То есть турецкого султана – В.С.

Феодосию, которым последует Русская держава»¹⁴⁷. Если инок Филофей, говоря о Третьем Риме, имел в виду Русское государство, говорил, что Греческое царство «разорилось и не созиждется», то Максим Грек выражал надежду на то, что оно будет освобождено силой русского царя: «Да будем мы некогда царствовать, освобождённые тобой от рабства у нечестивых»¹⁴⁸.

Максим Грек предвосхитил великий «греческий проект» XVIII века, за двести лет до Екатерины II выразив мысль о константинопольском троне, который должны занимать наследники «русских отеческих престолов»: «Всё возможно и совершаемо для Владыки всех, и подобно тому как в древности, воздвигнув от нижних галлов великого в царях Константина, избавил древний Рим от нечестивого Максентия, так и ныне тезоименитый тому Новый Рим, тяжело живущий в волнениях при безбожных агарянах, Он Своей волей освободит и от отеческих твоих престолов наследника покажет и свободы свет тобою да подаст нам, в беде пребывающим»¹⁴⁹.

Развитие первого русского мессианского идеологического проекта видно при рассмотрении эволюции титулов и самосознания московских великих князей и людей их окружавших.

Если Иван III именовал себя царём при обращении к незначительным немецким владетелям, то в русской литературе титул царя применительно к московскому князю употреблялся повсеместно. Постепенно титулатура московских князей пополнялась всё большим количеством заимствований из титула византийских императоров.

Титул царя в 1457 году принял не удовлетвовавшийся титулом великого князя Иван IV. До этого на Руси царями называли византийских императоров и ордынских ханов. Присваивая себе этот титул, московский князь демонстрировал независимость от Орды, ставил себя в совершенно новое к Европе отношение, так как единственным императором (кайзером, цезарем, царём) был в то время германский император. Царский титул становился недостижимой вершиной и резко отделял Ивана от прочих великих русских князей, в то же время, давая возмож-

¹⁴⁷ *Синицына Н.В.* Максим Грек. Москва: Молодая гвардия, 2008. С. 114, 119, 141.

¹⁴⁸ Там же. С. 120.

¹⁴⁹ Там же.

ность заявлять (при желании) о своих притязаниях на византийское наследство. «Хотя титул не предаёт естественного могущества, – писал Карамзин, – но действует на воображение людей, и библейское имя царя, напоминая ассирийских, египетских, иудейских, наконец, православных греческих венценосцев, возвысило в глазах россиян достоинство их государей. «Смирились, – говорят летописцы, – враги наши, цари неверные и короли нечестивые: Иоанн стал на первой степени державства между нами!»¹⁵⁰

Провозглашение Ивана царём было закономерным явлением. Падение Золотой Орды и Византии, консолидация русских земель под началом Москвы, а затем и победы над Казанским и Астраханским царствами, вызывали необходимость адекватного отражения политических изменений в титуле великого князя московского.

На заре русской истории, когда Русской землёю владели князья, княжеский титул имел живое содержание и был всем понятен: княжеское достоинство принадлежало только лицам рюрикова рода, но по причине расширения княжеского рода и дробления между его членами земель стали выделять великих князей, которые отличались своим могуществом. Постепенно и великокняжеский титул подвергся обесценению. Окончание эпохи родового владения Русской землёй ознаменовалось введением применительно к княжескому титулу обозначения «господин», «государь», то есть человек, «державший» свою землю и сам ею управляющий, «самодержец»: господин государь князь великий Московский. Переходившее когда-то по принципу родового старшинства из рук в руки *княжество* постепенно превращалось в *государство*. В продолжение этого процесса государь стал в конце концов царём самодержцем, а впоследствии и императором (Пётр I).

Тенденции внутрироссийского политического развития совпали с внешнеполитическим давлением извне и привели к необходимости укрепления самосознания, необходимости противопоставления своих ценностей, своей гордости и своего величия чужим.

«Новые потребности и отношения, – отмечал И.Е. Забелин, – развились по преимуществу на почве иноземных сноше-

¹⁵⁰ Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 3. Т. 8. С. 186.

ний, на почве жизни с соседями. Дома, в отношении к Земле, они никогда не могли бы вырасти с такою силою и в таком просторе. Здесь, как всегда и во всём, большом и малом, выразилось простое повседневное стремление жизни *казаться* перед другими в большем достоинстве и славе. Лишь для чужих только нужно было представлять это необыкновенное величие сана, обставлять азиатскими декорациями, торжественностью, блеском каждый шаг, особенно в приёмах и проводах иноземных послов и гостей. Только перед чужими нужно было выситься, являть своё могущество, неисчислимое богатство, одним словом, являть себя с достоинством, которое возвышало бы значение, силу и славу Земли. ... Царственная обстановка Московского государя, царственные формы и порядки его быта, как и высота его сана, вырастают постепенно, по мере того как усложняются, развиваются наши заграничные сношения, по мере встреч, знакомств и столкновений в общей политике иноземных государств, а особенно наших соседей, перед которыми Москва никогда не думала оставаться в худых. Её задачей было во что бы ни стало перегнать этих соседей ... хотя внешним величием, внешним могуществом... Отличительная черта её политики в том именно и заключается, что она привыкла во всех трудных обстоятельствах надеяться более на себя, на собственные силы и средства, не отыскивая опоры где-нибудь по сторонам. Этим-то путём и было достигнуто политическое могущество и первенство»¹⁵¹.

Соперничество в титуловании было характерно практически для всех известных истории правителей, также как и девальвация титулов и необходимость постепенного разрастания их пышности. Например, короли Кастилии и Арагона носили титулы «высочеств» и только со времени вступления на престол Священной Римской империи внука Изабеллы и Фердинанда, Карла I (V), королям Испании был присвоен титул «величеств»¹⁵².

Карамзин писал, что в 1561 году Константинопольский патриарх утвердил Иоанна в царском сане как потомка, вступившей в брак с крестителем Руси Владимиром сестры византийского императора Анны. Соборная грамота константинопольского

¹⁵¹ *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Москва: АСТ; Транзиткнига, 2005. С. 20.

¹⁵² Путешествия Христофора Колумба. Дневники, письма, документы. Москва: Эксмо, 2010. Прим. на с. 63.

патриарха была подписана тридцатью шестью греческими митрополитами и епископами¹⁵³.

Примечательно, что Иоанн в обосновании своих самодержавных прав, древности рода и своего превосходства над европейскими монархами опирался, не на родство со своей воспитанной иезуитами в Риме бабкой Софией Палеолог, а на гораздо более древнее и мифологизированное основание: родство с императором Августом.

Грозный слишком хорошо знал историю Византии, чтобы ассоциировать источник своего царского величия с уничтоженным менее ста лет тому назад государством, тем более, что уже после 1204 года, когда Константинополь взяли крестоносцы, а затем Михаил Палеолог, по словам Грозного «изгнал латинян из Царьграда и вновь создал царство ничтожное по силе»¹⁵⁴, развешанное впоследствии без следа Мехмедом II, Византия последних веков своего существования оставалась лишь бледным подобием прошлого величия. Так называемое Возрождение Палеологов было отмечено блестящими произведениями искусства, но военнополитическое положение империи оставалось плачевным. Империя Палеологов была империей только по названию, и первый русский царь хорошо это знал.

Идеалом служила Византия древняя, а не окружённая врагами территория Константинополя и предместий, которая всё ещё носила гордое название империи ромеев. Слишком недавно произошло падение православного византийского царства, которому предшествовала чрезвычайно неприглядная с московской точки зрения череда заигрываний византийских императоров с католическим Западом и папством. Флорентийская уния была расценена в Москве как предательство интересов православного мира, а окончательное падение империи как справедливая кара за это отступничество. Кроме того, саму Софию Палеолог в Москве воспринимали скорее как римлянку, а не византийскую принцессу. Тем более, что и у самой Зои не было практически никаких воспоминаний, связанных с Византией, в силу чего её повлекший за собой целую череду русских посольств в Италию приезд в Москву можно считать важным этапом открытия России Западу, а не

¹⁵³ Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 3. Т. 8. С. 186.

¹⁵⁴ Первое послание Курбскому (1564) // Иван IV Грозный. Сочинения. Санкт-Петербург: Издательство «Азбука», 2000. С. 52.

реальным фундаментом претендовавшей на византийское наследие русской идеологии последовавших затем веков¹⁵⁵.

Тем более странными казались эти предложения власти над Восточной Римской империей московским великим князьям, если учесть, что брат Софьи Палеолог Андрей буквально торговал своими правами на константинопольский трон. Впоследствии (6 сентября 1494 года) Андрей Палеолог подписал договор, в соответствии с которым уступал свои права на Сербию, Константинопольскую и Трапезундскую империи в обмен на пенсию в 4300 дукатов ежегодно, земли с доходом в 5000 дукатов и войско в 100 копий французскому королю Карлу VIII¹⁵⁶. До этого события Андрей дважды посещал Москву и судя по всему делал сходные предложения Василию III¹⁵⁷. Интересно отметить, что, вторгаясь в Италию (сентябрь 1494 года), Карл VIII планировал отвоёвывать занятые османами территории Византийской империи вместе с потомком предводителя четвёртого крестового похода Бонифация Монферратского. Все эти действия политической беспринципности вместе с религиозным отступничеством не могли остаться в Москве незамеченными и не укрепить старомосковское самосознание. В такой политической обстановке постепенно рождалась концепция Святой Руси, независимой от Запада и никому не покорившейся, пронёсшей православие сквозь века татарского ига и выстоявшей несмотря на падение Второго Рима – Константинополя.

У Ивана IV было слишком много неотложных внешнеполитических задач, чтобы ввязываться в борьбу с Турцией из-за титула греческого цезаря и титула царя Востока. Слишком недавно произошёл окончательный крах Византии и слишком успешна была Турция Сулеймана Великолепного, чтобы прельститься подчёркиванием византийских истоков блеска российского самодержавия.

Основной целью было укрепление государства, завязывание торговых связей и дипломатических отношений, укрепление

¹⁵⁵ *Treadgold D.W.* The West in Russia and China. Religious and Secular Thought in Modern Times. 2 Vol. Cambridge University Press, 1973. V. I: Russia 1472–1917. P. 4.

¹⁵⁶ *Коммин Ф. де.* Мемуары. Москва: «Наука», 1986. С. 460 (прим.). См. также с. 302–304.

¹⁵⁷ *Синицына Н.В.* Максим Грек. С. 31.

позиций на Балтийском море или хотя бы сохранение в русских руках Нарвы.

По большому счёту в своей политике по отношению к Западу Иван IV пытался «прорубить окно в Европу», но сделать это на своих условиях. Впоследствии это удастся Петру I, но воспитанный не на духовной (в отличие от Иоанна) православной литературе, а общением с обитателями Немецкой слободы Пётр оказался восприимчив не только к перенятию западной модернизации, но и западных нравов и обычаев, чем отравил, онемечил национальное сознание высших классов русского общества.

В силу перечисленных вещей Иоанн Грозный основывал легитимность своего царского титула на ином идеологическом основании, значительно более древнем, чем Византия, хотя и связанном с ней. Византийское наследие в Москве принимали во внимание, но сознательно дистанцировались от него.

Относительно титула императора Восточной Римской империи Грозный ответил римскому посланнику, что это «Божья земля, и её по своему соизволению Господь даст, кому захочет»¹⁵⁸.

Православное духовенство и светская власть исходили из разных взглядов. Задачи духовенства, как на Западе (создание коалиции антитурецких государств, о которой мечтали римские папы), так и на Востоке (обоснование всемирной исторической миссии русского царя и государства) не совпадали с конкретными и близкими целями светских правителей. Только много позже, когда Россия окончательно окрепла, стала огромной империей, идеология Третьего Рима стала не просто идеологической формой, но и значительной частью содержания самосознания правителей России и их внешней политики. Тогда и был поднят на идеологический щит самый известный идеолог концепции Третьего Рима инок Филофей, а Восточный вопрос стал узловым пунктом российской внешней политики.

В XVI веке претворение в жизнь византийских концепций было не своевременным. Поэтому Грозный ссылался на своё ми-

¹⁵⁸ *Поссевино А.* Беседы о религии. Первая публичная беседа о католической религии с Великим Князем Московским Иваном Васильевичем, произошедшая 21 февраля 1582 года... // Иван Грозный и иезуиты: миссия Антонио Поссевино в Москве. С. 171. Ср.: *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Кн. 3. Т. 9. С. 471.

фическое родство с императором Августом, на своё царское достоинство, полученное от Бога, на то, что христианство на русской земле появилось тогда же, когда и в Италии.

Идеология собирателей Русской земли была, в высшей степени, национальна и стремилась к обоснованию самостоятельности русского государства.

Историю своей генеалогии Грозный выводил, начиная с ветхозаветной истории, которая продолжалась приходом Христа, прославившим царствование императора Августа-кесаря и даровавшим ему «не только Римскую державу, но и всю вселенную». Ученики Христа разошлись по всем концам земли с проповедью его слова. Многие из них приняли мученическую смерть и «со времени царствования Августа вплоть до Максентия и Максимиана Галерия было в Риме гонение на христиан. Господь же ... не презрел мольбы рабов своих ..., создал опору благочестия – великого, сияющего благочестием Константина Флавия, царя правды христианской, соединившего священство и царство воедино, и с этого времени повсюду умножились христианские царства. И затем ... по благоволению в Троице славимого Бога в Российской земле создано царство, когда ..., Август, кесарь римский, обладающий всей вселенной, поставил сюда своего брата ... Пруса. И силою и милостью Троицы так создано это царство: потомок Пруса в четырнадцатом колене, Рюрик, пришёл и начал княжить на Руси и в Новгороде, назвался сам великим князем и нарёк этот город Великим Новгородом»¹⁵⁹. Впоследствии смилостивившийся Бог просветил истинной верой князя Владимира, уподобив его великому Константину. И поскольку, как говорил апостол Павел, нет власти не от Бога, то и российская власть божественна, перешла к Иоанну от славных предков – святого Владимира, изображаемого на иконах с царским венцом, Владимира Мономаха, который воевал в византийской Фракии и приобрёл царский венец и имя от византийского императора Константина Мономаха, великого князя Александра, победителя немцев римской веры на Неве, и прочих великих собирателей Русской земли.

Таково было идеологическое обоснование легитимности власти и статуса царя всея Руси. Не византийское наследие и родство с византийским царским домом Палеологов, а родство с ми-

¹⁵⁹ Послание Полубенскому (1577) // *Иван IV Грозный*. Сочинения. С. 176–177.

фическим братом Цезаря Августа Прусом¹⁶⁰, через основателя рода Рюриковичей варяга Рюрика было основным исходным пунктом идеологических построений Грозного.

Ссылаясь на родословную, идущую от императора Августа, Грозный опирался на официальную родословную московских князей, которая была составлена ещё при Иване III и вошла в «Сказание о князьях Владимирских», где была предпринята роспись всех известных московским книжникам царей, начиная с рассказа о разделе земель между потомками Ноя. Именно в «Сказании о князьях Владимирских» был приведён рассказ о мифическом брате Августа Прусе, от имени которого якобы возникло название Прусской земли, там же были почерпнуты и остальные аргументы, приводившиеся Грозным в обоснование своих державных прав и древности своего рода.

Генеалогия, выводившаяся от императора Августа и всей прежней славной российской истории, делала странным и бесполезным обоснование царских притязаний на основании возникших после падения в 1453 году Константинополя родственных связей Зои-Софии Палеолог. Именно эта генеалогия распространялась российской дипломатией, в то время как концепция «Москва – Третий Рим» оставалась известной узкому придворному кругу и была преимущественно популярна среди духовенства.

Если Иван IV ссылался на древнюю историческую традицию российского самодержавия в политических вопросах, то такого же подхода он придерживался и в вопросах религии. Иоанн заявил Антонио Поссевино, что Русская земля была просвещена христианством в одно время с Италией, так как брат апостола Петра Андрей Первозванный сначала побывал на Русской земле и только после этого прибыл в Рим¹⁶¹. Впоследствии христианство принял князь Владимир, способствовавший его широкому распространению. Таким образом, первый русский царь отвергал авторитет римского папы и утверждал собственную историческую традицию. В своём отчёте в Рим Поссевино отмечал, что «с самого нежного возраста москвиты впитывают то мнение, что

¹⁶⁰ *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. Москва: Изд-во Эксмо, 2005. С. 256.

¹⁶¹ *Делус В.* Антонио Поссевино и Иван Грозный. С. 111–112; *Герберштейн С.* Великая Московия: Записки о московитских делах. С. 87; *Повесть временных лет // Русские летописи XI–XVI веков: Избранное.* С. 26–27.

они единственные истинные христиане, остальных же (даже и католиков) они считают нечестивыми, ерестиками или людьми, впавшими в заблуждение»¹⁶².

Иван IV запрещал переводить слова Поссевино, касавшиеся религии¹⁶³.

Преемственная связь с собственной историей и Владимиром Мономахом отвечала необходимости консолидации всех русских земель, западная часть которых в XVI веке принадлежала Польско-Литовскому государству. Притязания на Константинополь в это время были абсурдом, так как среди ближайших задач стояло возвращение таких древних русских городов как Киев, Чернигов, Полоцк и Смоленск. Москва была скорее вторым Киевом, нежели Третим Римом. Именно эта политическая повестка дня привела к тому, что в Польше не признавали царского титула московских великих князей, тем более, когда этот титул соседствовал со словосочетанием «всея Руси» и негативно относились к папским предложениям признать на определённых условиях королевский статус московских великих князей.

Иван IV подчёркивал, что является царём и великим князем всея Руси «не по многомятежному желанию человечества», а «по Божьему изволению»¹⁶⁴, в отличие от избранного сеймом польского короля Стефана Батория. Во всех дипломатических документах эпохи подчёркивается связь Москвы с Августом и Владимиром Мономахом.

Основанием посольского обряда при царском дворе были не византийские заимствования, а собственная дипломатическая практика. Отношения выстраивались на равных, русские правители подчёркивали исконность своих прав, хотя постепенно и включали в государственную практику использование византийской символики.

Идеологическая агрессивность первого русского царя доходила до того, что он просил у шведского короля Юхана III обоснований древности его рода, писал, что король происходит из мужичьего, холопского рода, в котором в древности не было

¹⁶² *Поссевино А.* Беседы о религии. Третья беседа о религии Великого Князя Московского с Антонио Поссевино... // Иван Грозный и иезуиты: миссия Антонио Поссевино в Москве. С. 185–186.

¹⁶³ Там же. С. 203. См. также с. 209, 210.

¹⁶⁴ Послание польскому королю Стефану Баторию (1581) // *Иван IV Грозный.* Сочинения. С. 186.

королей. Так же и государство шведское «не великое» и честию ниже других государств, ни в коей мере не может тягаться в величии с Московским царством, где правит единодержавный правитель, в то время как шведский король, стеснённый советниками ведёт себя не как король, а как староста в волости. У великих государей таких обычаев не бывает, чтобы послы приходили не от собственного имени правителя как хозяина земли, а от имени земли. Поскольку шведский король не являлся самодержцем, Грозный отказывался называть его «братом»: «с чужим и столь незначительным государем, как ты, сноситься нам не подобает»¹⁶⁵.

Грозный трепетно относился к своим титулам, создавая легенду о древности своего происхождения. Любил в своих многочисленных посланиях ссылаться на славные страницы русской истории, говорить о славных российских правителях. В переписке с западными, ограниченными парламентами монархами подчёркивал божественное и наследственное происхождение своей власти.

В первом послании Курбскому царь писал: «Российская земля держится Божьим милосердием, милостью Пречистой Богородицы, молитвами всех святых, благословением наших родителей и, наконец, нами, своими государями, а не судьями и воеводами, не ипатами и стратигами»¹⁶⁶. Демократические начала унижали достоинство правителя в глазах Иоанна. Воспринимая царство как личное дело государя, Иоанн с недоумением писал английской королеве: «Мы думали, что ты в своём государстве государыня и сама владеешь и заботишься о своей государственной чести и выгодах для государства... Но, видно, у тебя, помимо тебя, другие люди владеют, и не только люди, а мужики торговые, и не заботятся о наших государских головах»¹⁶⁷. Будучи неудовлетворён развитием дипломатических отношений с Англией, царь писал, что «Московское государство пока и без английских товаров не бедно было»¹⁶⁸.

¹⁶⁵ Второе послание шведскому королю Юхану III // *Иван IV Грозный*. Сочинения. С. 120, 130–133, 135; *Делус В.* Антонио Поссевино и Иван Грозный. С. 61.

¹⁶⁶ Первое послание Курбскому (1564) // *Иван IV Грозный*. Сочинения. С. 57.

¹⁶⁷ Послание английской королеве Елизавете (1570) // Там же. С. 106.

¹⁶⁸ Там же.

Иван Грозный выступает воплощением старомосковской самодостаточной российской православной идентичности.

Разрыв преемственной связи по отношению к собственной истории и культурное обособление правящей и образованной элиты от народных масс после реформ Петра, укрепление и централизация государства, его превращение в мощную империю и мировую державу, включённую в европейские международные отношения, привели к тому, что хранительницей русской культуры стала церковь. Церковь же, пронизанная восточнохристианским духом и византийской идеологией и преданиями оказалась главным проводником русского византизма. Византизм стал заменой славизма, так как интеллектуально оказался ближе после проведённых Петром I реформ. В условиях разорванной связи высших классов общества с народом и историей страны церковь как живой и действующий институт стала тем источником, причём практически единственным действительно общенародным источником, благодаря которому можно было укреплять русское и славянофильское самосознание в условиях постоянного давления западноевропейского общественного мнения и повсеместной вестернизации элиты.

Византийское влияние на формирование российского культурного самосознания

Идея, овладевшая массами, становится материальной силой.

Карл Маркс

Приступая к рассмотрению трансформации взглядов на сущность русской национальной идентичности необходимо осветить феномен византизма и его значение для эволюции Российского культурно-исторического типа и трансформаций, происходивших прежде и происходящих сегодня в заданных им цивилизационных рамках – цивилизационной матрице российского общества.

Одним из оснований культурной, религиозной, политической и национальной идентичности российского общества на протяжении столетий выступал включавший в себя целый комплекс поведенческих установок и социально-политических обычаев византизм, тесно переплетающийся с ещё одним феноменом российской истории – мессианизмом, или первым великим мессианским проектом России, её имперским самосознанием.

Во избежание неправильного истолкования термина «византизм» вследствие вызываемых им ассоциаций с исторической Византийской империей уместно использовать словосочетание «русский византизм», призванное подчеркнуть цивилизационное значение феномена византизма и его трансформаций в России. Важно также отметить, что византизм является обозначением авторитарного, деспотического аграрного государства. В российской исторической и социально-философской литературе этот термин прижился вследствие того, что существует распростра-

нённое мнение о том, что внешние формы подобной организации общества во многом были заимствованы Россией из Византии, хотя схожие черты имели такие территориально интегрированные империи (иногда их называют социалистическими монархиями или государствами военного типа) как Ассирия, Древний Египет, Западная Римская империя цезарей, Китай.

Важно сразу оговорить, что в русской философской, политической и религиозной мысли византизм рассматривался с разных позиций. *Философы* акцентировали внимание на византийском культурном влиянии на Россию, рассматривали это влияние в социокультурном и религиозном отношении, в контексте споров о сущности и особенностях российских социальных институтов, русской культуры, её соотношения с культурой Запада и Востока. *Политики и публицисты*, прежде всего, интересовались Византией в контексте идеологии Третьего Рима и вытекавшей из неё уверенности в правах России на решение Восточного вопроса в свою пользу, законности русских притязаний на византийское наследие – Константинополь, Проливы, может быть даже власть над православными народами, составлявшими когда-то Византийскую империю или входившими в орбиту её влияния, а впоследствии поработщёнными турками. *Религиозное рассмотрение вопроса* о русском византизме тесно переплеталось с первыми двумя подходами (философским и политическим), но в значительной мере опиралось на перенятое у греков православие и восточное богословие, как живую традицию, уходящую своими истоками в византийское прошлое. *Исторический подход* к рассмотрению византийских влияний на Россию и значения Византии для русского национального самосознания выступает совершенно особой областью исследований, так как в истории российской социально-философской и политической мысли византизм выступал, прежде всего, в качестве мощной идеологии, национального мифа, убеждённости в объективности существования которого на протяжении трёх столетий направляла внешнюю политику России и её общественное мнение.

Можно сказать, что вера в мировую миссию России, в Святую Русь, как преемницу православного Византийского царства отличает социально-политическую и религиозную сторону изучения русского византизма.

Вера в судьбоносное значение византийского влияния для судеб Русского государства совершенно вытеснила анализ реального положения дел в их фактической, исторической перспективе. Являясь общепризнанной идеологией России, пик которой пришёлся на XIX – начало XX столетия, русский византизм остался малоизученным явлением, так как всегда был связан с областью национальных легенд.

Приведу несколько примеров этой веры и образцы распространённого в России XIX столетия настроения.

После падения Константинополя возникло множество легенд о том, при каких обстоятельствах город вернётся христианам. Одной из этих легенд была легенда о священнике, проводившем службу в храме Святой Софии во время штурма города турецкими войсками. Когда турки ворвались, стены собора раздвинулись и укрыли священника. Легенда гласила, что когда город будет освобождён от мусульман, этот священник закончит прерванную когда-то службу. Незадолго до Крымской войны в России распространилось предание, что именно через 400 лет после падения города, в 1853 году над Святой Софией снова воссияет крест. Именно в это время Николай I начал очередную русско-турецкую войну, незадолго до которой Ф.И. Тютчев писал в стихотворении «Пророчество» (март 1850 года):

То древний глас, то свыше глас:
«Четвёртый век уж на исходе, –
Свершится он – и грянет час!

И своды древние Софии,
В возобновлённой Византии,
Вновь осенят Христов алтарь».
Пади пред ним, о царь России, –
И встань как всеславянский царь!¹⁶⁹

Если русские поэты, мыслители, философы и публицисты говорили о Третьем Риме и Святой Софии, то слова их были настолько всем ясны и очевидны, что не возникало необходимости подводить под них какие-то глубокие исторические обоснования.

¹⁶⁹ Тютчев Ф.И. Сочинения в двух томах. Москва: Правда, 1980. Т. 1. С. 115.

Если до Петра I русская книжная культура предполагала достаточно подробное знакомство с византийской историей и её выдающимися светскими и духовными деятелями, то после Петра эти знания были практически утрачены, зато идеология Святой Руси и Третьего Рима, вырабатывавшаяся допетровскими книжниками в монастырях, наоборот была взята на вооружение и стала государственной, открыто декларируемой идеологией Российской Империи. В результате данного стечения обстоятельств можно утверждать, что ни идеолог панславизма и Третьего Рима И.С. Аксаков, ни певец всеславянского единения Ф.И. Тютчев, а также Ф.М. Достоевский, Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев никогда, в отличие от русских историков-византинистов не занимались серьёзным изучением византийской истории, а исходили из политических и национальных чаяний своего времени и рассматривали Византию в достаточно публицистическом ключе.

Среди подходов к феномену русского византизма выделяется концепция К.Н. Леонтьева. Строго говоря, провозглашение «византийских идеалов», как образца для России носит у Леонтьева сугубо эстетический характер и вызвано не историческим анализом параллелей в русской и византийской истории, а отчаянием из-за того, что подвергшаяся европеизации Россия стремительно теряла своё самобытное культурное лицо и самосознание. В этих условиях размытого культурного самосознания и неясности исторической миссии славянства (представители которого постоянно сравнивали себя с Западной Европой), проповедовавшийся Леонтьевым византизм выступал источником культурной самобытности, которая отличала Россию от Запада.

Сложность анализа русского византизма заключается в том, что, несмотря на убеждённость русской общественности XIX – начала XX веков в призвании России освободить православные народы и реставрировать Византийскую империю (в какой бы то ни было форме), действительно историческими знаниями по этому вопросу обладали единицы. Национальный миф практически не подкреплялся серьёзными теоретическими обоснованиями. Борьба с Турцией за византийское наследие с лихвой оправдывалась в глазах современников торжества идеологии Третьего Рима моральным чувством защиты угнетаемых единоверцев.

К.Н. Леонтьев считал, что византизм (или «византинизм», «византийность», «византийство») это – «прежде всего особого рода образованность или культура, имеющая свои признаки, свои общие, ясные, резкие, понятные начала и свои определённые в истории последствия... Отвлечённая идея византизма крайне ясна и понятна. Эта общая идея складывается из нескольких частных идей – религиозных, государственных, нравственных, философских и художественных»¹⁷⁰. Византизм выступает своеобразной основой российского культурно-исторического типа, неизменные характеристики которой сохраняются российским обществом на протяжении всей его истории. В этом же значении как комплекс перенятых российским обществом социокультурных черт Византии и собственно византийских обычаев рассматривали византизм Ф.И. Успенский и В.С. Соловьёв.

Ведущий идеолог русского византизма – Константин Николаевич Леонтьев считал, что византизм, как и славянство, – единственные надёжные источники, которые могли бы лечь в основу духовного самосознания российского общества. Леонтьев писал о необходимости популяризовать Византию, а Фёдор Иванович Успенский мечтал дать русскому обывателю столь необходимую для русского самосознания историю Византии¹⁷¹. К.Н. Леонтьев и Ф.И. Успенский видели в Византии ключ к разрешению извечной «проблемы Востока и Запада», обострившейся после Петровских реформ, расширение в обществе знаний о Византии считали способом укрепления русского самосознания.

Расколовшись на западников и славянофилов, русское интеллигентное общество не смогло преодолеть реформ Петра, восстановить сильное культурное самосознание допетровской поры, напротив, переняло презрительно-снихождительный западноевропейский взгляд на славян и отечественную историю. Из-за отсутствия популярной отечественной и византийской истории в массах, вопрос о русском византизме стал академическим спором в среде специалистов, совершенно не трогая общество. Широкий общественный резонанс приобрела только идеология борьбы за

¹⁷⁰ Леонтьев К.Н. Избранное. Москва: «Рарогъ», «Московский рабочий», 1993. С. 19.

¹⁷¹ Успенский Ф.И. История Византийской империи. В 5 т. Москва: «Издательство АСТ», «Издательство Астрель», 2001. Т. 1. С. 5.

византийское наследие, освобождение православных народов и водружения креста на храме Святой Софии

«Всесторонней научной оценки культурного значения Византии, – писал в этой связи Ф.И. Успенский, – ещё не было сделано. А между тем, ни для кого эта задача не представляет такой важности, как для нас. Для развития нашего исторического самосознания и для воспитания устойчивых взглядов на современные события нам следует серьёзно считаться с тем, что оставила Византия в своих археологических памятниках и в своём наследстве. Византия для нас не отвлечённая только проблема, а реальный предмет, изучение которого во многих отношениях связано с русской историей»¹⁷².

По мнению многих исследователей, кризис идентичности российского общества проистекает, в том числе, и из географического положения находящейся между Западом и Востоком России. Однако, многое восприняв от Востока, российское общество отвернулось от него и уже давно смотрит только на Запад, усугубляя тем самым непонимание происходящих в государстве социально-политических и духовных процессов. Но без объективного взгляда на свою историю общество никогда не сможет проанализировать глубинные причины своего развития. Именно поэтому феномен византизма так важен для понимания не только истории России, но и её современности, в том числе таких особенностей национального менталитета как мессианизм и укоренившееся имперское мышление.

Ф.И. Успенский следующим образом описывал создающуюся ситуацию: «Если римские правовые воззрения оказывают очень сильное действие во всей истории Запада, византинизм, с своей стороны, становится идеалом славянского царства, к которому стремятся передовые славянские народы. Византинизм идёт от Киева до Москвы, под его началами складывается историческая жизнь, т.е. государственное и военное устройство юго-восточных славян; в связи с этим принципом стоит разделение Европы на две половины – православную и католическую, в каковых названиях столько же скрываются религиозные, как политические и этнографические различия. Византинизм есть исторический принцип, действия которого обнаруживаются в истории народов юга и востока Европы. Этот принцип заправляет развитием мно-

¹⁷² Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 1. С. 57.

гих народов и до настоящего времени, выражая собой склад верований и политических учреждений, равно как особый вид организации сословных и экономических отношений»¹⁷³.

Византия дала России православие, письменность, идеологию и художественные традиции, вдохнула волю в русских правителей и пробудила их амбиции, стала для России тем, чем Рим был для Запада. Константинополь стал культурным центром, в сферу влияния которого долго входили славянские племена. Только здесь они могли получить импульс дальнейшего развития. Византия стала особым типом цивилизации, поведения, социальных связей, которые и по сей день не утратили своего значения.

Анализируя взгляды русского интеллигентного общества на византизм в целом, можно сказать, что положительной оценки русского византизма придерживались правительство и славяно-филы-почвенники. Западники смотрели на византийское влияние как на катастрофу. Этот взгляд выражен в знаменитом «философическом» письме Петра Яковлевича Чаадаева: «По воле роковой судьбы мы обратились за нравственным учением, которое должно было нас воспитать, к растленной Византии...»¹⁷⁴

Более критично оценивал русский византизм Владимир Сергеевич Соловьёв, который сравнивал византийское влияние с вековыми цепями, сковывающими тело православной церкви с нечистым трупом, удушающим её своим разложением¹⁷⁵.

Рассмотрение Византии и её влияний с европоцентричных позиций традиционно оценивается негативно, часто неосознанно *предвзято*.

А. Тойнби попытался ответить на вопрос, почему имевшее невероятно благоприятные исходные позиции православие «не оправдало ожиданий, а Запад, не подававший никаких надежд в начале своего пути, достиг столь замечательных результатов в конце его»¹⁷⁶. Ограниченность православной экспансии А. Тойнби, как и многие другие исследователи, объяснял ориентацией Византии на сохранение прошлого.

¹⁷³ Там же. Т. 1. С. 51–52.

¹⁷⁴ Чаадаев. П.Я. Апология сумасшедшего. Санкт–Петербург: Азбука–классика, 2004. С. 38.

¹⁷⁵ Соловьёв В.С. Русская идея // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей. Москва: Айрис-пресс, 2004. С. 239.

¹⁷⁶ Тойнби А. Дж. Постигание истории: Сборник. 2-е изд. Москва: Айрис-пресс, 2002. С. 328.

Имея все возможности для продвижения на Запад, Православная цивилизация¹⁷⁷, как часто принято считать, не достигла успеха, так как все силы её императоров направлялись на реанимацию Римской империи. Они вели войны на Востоке, в Африке и на Балканах, пытаясь вернуть прежние территории. Государство, обладавшее регулярной армией и централизованным государственным аппаратом, стояло на недостижимом для Запада уровне организации, но, несмотря на это, медленно клонилось к закату, в то время как Запад с каждым веком креп: «Западная Римская империя в течение многих веков была слабейшей из всех. Ничто в средневековой Европе не могло сравниться с величием и могуществом Византии, не говоря уже о халифате, в годы их расцвета. И тем не менее именно потомки средневекового западного христианства и их политические концепции в конце концов стали доминирующими в мире»¹⁷⁸.

По сравнению с теологической тиранией папства, византийское православие было весьма либерально, не навязывало, в отличие от католицизма, всем крещёным народам единого языка богослужения, но даже это неоспоримое преимущество, по мнению Арнольда Тойнби, никак не отразилось на успехах религиозного противостояния Западу.

Взгляд А. Тойнби на неуспех православного противостояния Западу опирается на европоцентричную картину мира, не учитывает успехи православной экспансии на Востоке¹⁷⁹, где впоследствии возникло самое большое православное государство мира – Россия. В какой-то степени Тойнби прав, когда говорит о бесславном конце Православной цивилизации в её византийском прочтении, учитывая её исходные позиции в начале противостояния с Западом, но и такая оценка исходит из принятия за абсолют западных ценностей прогресса. Кроме того, возникает вопрос, может ли крах цивилизации быть славным. Тем более, что все

¹⁷⁷ У А. Тойнби также встречается наименование Русская цивилизация, которая входит в тот же подвид, что и Византийская. Некоторые исследователи делят Православную цивилизацию на субцивилизации, границы которых менялись с течением времени: Византийскую, Славяно-русскую и собственно Русскую, Российско-православную или Российскую.

¹⁷⁸ Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней. С. 54. Ср.: Тойнби А. Дж. Постигание истории. С. 330.

¹⁷⁹ Об успехах распространения православия см. том 3 Истории Византийской империи Ф.И. Успенского.

цивилизации смертны и только западная вера в прогресс и науку не хочет этого осознать, оценивая завершённые жизненные циклы ушедших цивилизаций с точки зрения современного момента истории Запада или последних 400 лет его мирового доминирования.

Восточная церковь была подчинена государству – в этом видят причину её бездеятельности и достаточно спорной, но практически общепринятой неудачи.

Церковь была автокефальна, но на практике это не мешало ей служить инструментом императорской власти. В Византии это положение усугублялось сохранением древнеримских традиций, в которых император был богом или верховным жрецом – великим понтификом. Это явление вошло в литературу под названием *цезарепапизм*.

Ярким примером церковной власти византийских правителей, так называемого цезарепапизма, являются императоры-иконоборцы. В особенности Лев III Исавр, прямо заявлявший, что он царь и первосвященник. Таких же воззрений на свою власть придерживался и Лев VI Мудрый, низложивший в 886 году патриарха Фотия, а в 907 – патриарха Николая Мистика. В то же время, в отдельные периоды византийской истории значительное политическое влияние сосредотачивалось в руках патриархов, не всегда императорам удавалось навязать свою волю церкви.

За более чем тысячелетнюю историю Византии баланс власти менялся, вследствие чего некоторые авторы склонны видеть в византийских императорах не грозных автократоров-самодержцев, а череду зависевших от произвола войск и толпы безвластных временщиков, тем более что часто в Византии было несколько соправителей.

В.М. Лурье, сравнивая характер власти византийских и русских царей, пришёл к выводу, что византийское самодержавие, в отличие от русского, было фикцией¹⁸⁰. Такая оценка подтверждается статистикой государственных переворотов в Византийской империи, но не вполне отвечает действительности по сделанному выводу, так как отсутствие наследственной монархии и целый ряд демократических форм, унаследованных Византией

¹⁸⁰ Лурье В.М. История Византийской философии. Формативный период. Санкт-Петербург: Аxiōma, 2006. С. 422.

от Древнего Рима, фактически не мешали византийским правителям властвовать самодержавно. Самодержавие императора после провозглашения не ограничивалось *юридически*, но *фактически* могло быть ограничено переворотом или убийством. Многочисленные примеры государственных переворотов в Византии вызвали к жизни до сих пор не решённый вопрос о якобы существовавшем в империи праве революции, доказательство которого видят в византийской социальной практике: из 107 императоров (с 395 по 1453 годы) 34 умерли своей смертью, 8 погибли на войне или стали жертвой несчастного случая, остальные – либо были убиты, либо добровольно или насильственно отреклись¹⁸¹.

Всевластные византийские императоры оказывались представителями чрезвычайно непрочной монархии. Тем более символичным выступало в этих обстоятельствах наличие среди церемониальных принадлежностей византийских императоров акакия – мешочка с пылью, символизировавшего бренность всего сущего и традиция выбирать мрамор для своего саркофага после прихода к власти¹⁸².

В Византии не было крепкой наследственной монархии. В этом факте византийской истории можно видеть ограниченность власти византийских самодержцев, точнее, нестабильность этой власти. Однако важно учитывать менявшийся баланс власти, который не позволяет допускать категоричных обобщений и переноса временных тенденций на всю историю государства. Например, Константин VII Багрянородный десятилетиями номинально правил при узурпировавшем власть соправителе Романе Лакапине, но из этого нельзя заключить, что такое положение было нормой и отдельные примеры подчинённого положения императоров являлись постоянным правилом.

В целом особенность императорской власти в Византии заключалась в фактической неограниченности императорского

¹⁸¹ Диль Ш. Основные проблемы византийской истории. Москва: Издательство иностранной литературы, 1947. С. 61–62; Комментарий В.И. Земсковой // *Вальденберг В.Е.* Государственное устройство Византии до конца VII века. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 155–156.

¹⁸² *Каждан А.П.* Византийская культура (X–XII вв.). Санкт-Петербург: Алетея, 2006. С. 105–106. Мозаичные изображения императоров Константина IX Мономаха и Иоанна II Комнина с акакием в руках можно видеть, в том числе, в храме св. Софии Константинопольской. *Rice D.T.* Art of the Byzantine Era. London: Thames and Hudson, 1997. P. 104, 120.

произвола по отношению к жизни, собственности и свободе отдельных граждан, но сильной стеснённости во всём, что касалось традиций, сложившегося правосознания, общественного строя, политических институтов и идеологии.

Если рассматривать историю Византии как продолжение истории Древнего Рима, становится ясной эволюция византийских государственных институтов, правовых отношений и положения византийских императоров, необычность явного противоречия демократических и монархических тенденций византийской политики.

Республиканский Рим эволюционировал в демократическую монархию цезарей, а впоследствии византийских императоров, но демократические формы, упоминания народа в речах и законодательных актах, утверждения решений в сенате остались. Учитывая сложную эволюцию византийского государства и его римские демократические корни, можно говорить о византийской монархии как монархии избирательной, которая очень медленно изживала демократические формы, что, в частности, выразилось в постепенном исчезновении ссылок императоров на народные истоки своей власти, которые были заменены божественным обоснованием властных полномочий василевсов. Чем дальше во времени отдалялась история Византии от своих римских истоков, тем дальше отходила она от республиканских форм, но при этом так окончательно и не приблизилась к формам наследственно-монархическим.

Власть императоров была непрочной. Чтобы передать власть наследнику, василевсу приходилось назначать соправителя, иногда таких соправителей было несколько. Предполагалось, что после смерти императора на престоле останется назначенный соправитель, который и станет полновластным монархом. Но даже такие варианты передачи власти не давали гарантий, вследствие чего часто происходили государственные перевороты, которыми так богата византийская история.

Даже если будущий император назначался, то церемония венчания, или как говорили византийцы «объявления», «провозглашения», проходила, как правило, по тому же сценарию, который подразумевался процедурой избрания, только в присутствии царствующего правителя.

Возведение в императорское достоинство происходило в присутствии патриарха, высших представителей бюрократии, сената, войска и народа на ипподроме Константинополя или других площадях, где могли присутствовать войска и собрание народа. Сенат, димы (цирковые партии Константинополя, население византийской столицы) и армия приветствовали венчаемого возгласами или даже вступали с ним в диалог. Народ выражал своё мнение криками: «Вселенной – православного царя! Вселенной – несребролюбивого царя!» Высказывал пожелания: «Изгони вора эпарха¹⁸³ из города! Как ты жил, так и царствуй; непорочных правителей – вселенной»¹⁸⁴.

На провозглашаемого императором возлагалась военная цепь, а сам он поднимался на щит. Эта часть церемонии символизировала вручение императору военной власти, признание его военным вождём.

Тем не менее, вопрос о том, не являлись ли эти демократические процедуры сугубо показными, не решён до сих пор¹⁸⁵. В то же время устойчивость процедуры венчания позволяет говорить о том, что формально, юридически избрание имело место. Хотя и не ясно, в какой степени буква закона соответствовала духу реальной жизни.

Обожествлялся император не как личность, не как представитель определённой династии, а скорее как символ власти, государства, место василевса в обществе, как представитель божественного промысла (вне зависимости от того, рассматривалась ли его власть как полученная от Бога напрямую или через избравших его войско, сенат и народ, которые также считались орудиями Божьей воли).

Тысячелетие истории Византии, постоянное развитие её общественных отношений и институтов делает чрезвычайно сложной однозначную трактовку характера отношений между светской и церковной властью империи, не позволяет точно оценить пределы царской власти и *отделить факт от правовой нормы*.

¹⁸³ Эпарх – градоначальник Константинополя.

¹⁸⁴ Вальденберг В.Е. Государственное устройство Византии до конца VII века. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 65.

¹⁸⁵ Там же. С. 50–83, 149, 151, 153 и др.

Формальный демократизм римской и византийской монархии (с их апеллирующими к народу формулировками и утверждениями императорских решений в сенате), рассмотрение её (монархии) с точки зрения права, законов и постановлений не должно приводить к игнорированию фактов, которые чрезвычайно часто не соответствовали юридическим нормам, диктовались конкретными историческими обстоятельствами, характерами правивших личностей и незакреплёнными законодательно, неписаными обычаями.

Несмотря на противоречивость в оценках пределов власти византийских императоров и отсутствие в литературе доминирующего мнения на этот счёт, можно утверждать, что с фактической точки зрения восточная церковь оказалась действительно в подчинённом (по сравнению с западной) светской власти положении, а власть византийских императоров, несмотря на многочисленные специфически византийские проблемы её функционирования и передачи (если сравнивать с той же Западной Европой), была значительно более сильной, централизованной и, при благоприятных для Византии обстоятельствах, основывалась на самодержавии императора, а не феодальном договоре между васалами и сюзереном, как это было в Западной Европе.

В целом можно сказать, что с политической точки зрения, тем более, если сравнивать с притязаниями и властью западного папства, относительно безвластная православная церковная иерархия была действительно политически менее инициативна, а выбиравшие веру народы, точнее лидеры этих народов, часто не желали подчиняться зависимому от византийского императора патриарху Константинополя.

А. Тойнби считал, что православная экспансия была неудачной. Эту неудачу, которая представляется весьма спорным предвзятым и оценочным суждением, он объяснял тем, что подчинение патриарха императорской власти «было не просто условностью, а суровой реальностью»¹⁸⁶. Фактически подчинённый характер церкви, идеологическая преемственность по отношению к Древнему Риму и вытекающее из этого стремление к территориальным приобретениям не дали Византии вступить на путь западного прогресса.

¹⁸⁶ Тойнби А. Дж. Постигание истории. С. 335.

Рассмотрение византийской истории сквозь европоцентрическую оценку исторического прогресса, его успешности или не успешности по западноевропейским меркам, с точки зрения западной цивилизации и истории, приводит к отрицательному отношению к социальной структуре Византии и является распространённой ошибкой при изучении византийского государства, не только в работах западных, но и российских византинистов. При таком сравнительно-оценочном подходе упор делается не на причины особенностей византийского исторического пути, его отличия от пути западноевропейского, а на сами факты, последствия как они есть, без объяснения, но с моральной оценкой, отталкивающейся от блага отдельного индивида, а не выживания государства, цивилизации, общества в целом.

Выдающийся русский византинист А.П. Каждан считал, что запоздалое развитие в Византии феодальных отношений, не умение византийского общества кооперироваться, его конформизм («индивидуализм без свободы») и тотальная зависимость от государства привели империю к разрушению¹⁸⁷.

Между тем, именно феодализация Византии на разных этапах её истории отличала периоды внешнеполитической слабости государства и его упадка. О «прогрессивности» феодализма правомерно говорить применительно к истории развития Западной Европы, при выявлении истоков её поразительных успехов в области «современного экономического роста» и развития капитализма, но кажется сомнительной целесообразность рассмотрения и оценки византийской истории и византийских достижений с точки зрения совершенно иной культуры, развивавшейся в совершенно иных исторических обстоятельствах.

Тем более неправомерной предвзятостью при изучении Византии через призму западноевропейских сравнений и оценок выступает тот факт, что произведения выехавших за рубеж советских византинистов часто носят следы иносказательного противостояния советскому режиму, когда, конформизм, отсутствие свобод и корпоративности в Византии и противопоставление ей Западноевропейских «прогрессивных» феодальных институтов выступало скрытой оппозицией СССР. В тоже время все проведённые А.П. Кажданом сравнения западноевропейских средневековых институтов с Византией поражают своей актуальностью не

¹⁸⁷ Каждан А.П. Византийская культура (X–XII вв.). С. 13, 14, 100, 121–122.

только в связи со сравнением Византии с Советским Союзом (которого у Каждана нет), но и с современной Россией.

Если в произведениях дореволюционных русских мыслителей русский византизм рассматривался сквозь призму решения Восточного вопроса и идеологию, а также религиозную и культурную преемственность по отношению к ней, то А.П. Каждан, не сравнивая прямо СССР и Византию, выделил целый ряд особенностей византийского общества, которые оказались приложены к Советскому Союзу:

1. Отсутствие независимых от государства корпораций, самоуправляемых организаций и зачатков того, что сегодня принято называть «гражданским обществом», рыхлость византийских социальных групп и отчуждённость человека от бюрократии привели к тому, что византиец становился конформистом, вынужденным соглашаться или делать вид, что соглашается с государством. При кажущейся безликости отдельного человека перед лицом государства он на самом деле становился сугубым индивидуалистом и эгоистом, рассчитывавшим только на себя и не доверявшим государству, часто противопоставлявшим свои интересы интересам государственным.

2. Необеспеченность прав собственности приводила к тому, что единственным источником финансовой независимости становилось движимое имущество, драгоценности и деньги, а не земля.

3. Необеспеченность прав собственности и всемогущество государства влекло за собой стремление к занятию государственных должностей, так как только государственная должность и защита государства могли обеспечить индивидууму безопасность и благосостояние. Богатство без принадлежности к чиновничеству не гарантировало личной безопасности и сохранения имущества.

4. Незрелость корпораций привела к незрелости горизонтальных социальных связей.

5. Казнокрадство, взяточничество, неэффективность бюрократического аппарата, связанная с боязнью ответственности и растянутостью коммуникаций.

6. Политический индифферентизм, моральное безразличие, порождённые приверженностью устоявшемуся порядку и

сознанием бесперспективности попыток изменить положение вещей противостоянием мощи государства.

Сравнивая соотношение светской и духовной власти («царства» и «священства») в Византии и Западной Европе, нельзя забывать о таком принципиальном различии между ними, как отсутствие на средневековом Западе единого централизованного государства. Европа после крушения Западной Римской империи стала лоскутным одеялом с множеством небольших христианских феодальных королевств и единым религиозным центром в Риме. Влияние римских пап на политическую жизнь Западной Европы объясняется во многом этой политической раздробленностью Европы. Римские папы имели возможность сталкивать светских правителей католических королевств друг с другом, проводить самостоятельную политику, противопоставляя эти государства друг другу. Когда английский король Иоанн Безземельный отказался утверждать нового епископа Кентерберийского в лице ставленника Иннокентия III, папа наложил на Англию интердикт – запрещение совершать богослужения и отправлять другие религиозные обряды, а затем отлучил Иоанна от церкви, освободил англичан от присяги королю и поддержал французского короля Филиппа II в войне с Англией. При поддержке римского понтифика военные действия Филиппа против Англии приобрели форму крестового похода, святого дела на благо католической церкви. Подобными примерами противостояния светских властей притязаниям римской церкви полна история Западной Европы. В Византии, напротив, существовало единое централизованное государство, и православным патриархам было некого противопоставлять императорам. В условиях православной империи, которую со всех сторон окружали недруги иных вероисповеданий, не важно, были это мусульмане или католики, константинопольскому патриарху приходилось опираться и всемерно поддерживать власть византийских автократов, так как политическое ослабление Византии угрожало и религиозному влиянию православного патриарха.

В этих условиях противостояние между патриархами и василевсами вызывалось только внутренними религиозными и экономическими противоречиями, когда императоры придерживались иных, нежели патриархи мнений по делам веры или свет-

ская власть посягала на церковное имущество и привилегии, что регулярно случалось ввиду постоянной нехватки средств в императорской казне. Византийской церкви приходилось идти на компромисс с властью. Она не могла обосновывать своих притязаний на светскую власть, так как поддержать её в этом стремлении, в отличие от западноевропейских стран, было, как правило, некому. У константинопольского патриарха не было других союзников кроме светской власти и он не мог принудить византийского императора признать себя вассалом патриарха и получить своё королевство обратно уже в качестве податного лена, как это пришлось делать вышеупомянутому королю Англии Иоанну Безземельному в 1213 году¹⁸⁸ или молить патриарха о прощении стоя с утра до ночи на протяжении трёх дней босым, во власянице, в посте и молитве во дворе папского замка, как это был вынужден делать долго боровшийся с папством император Священной Римской империи Генрих IV в Каноссе (январь 1077 года)¹⁸⁹, унижение которого дошло до наших дней в виде крылатого выражения о «хождении в Каноссу».

В православном византийском государстве не возникло условий, которые способствовали бы возвышению светской власти духовенства. Подчинённый характер православной церкви светской власти не являлся, таким образом, её изначальной, родовой отличительной особенностью, был результатом неблагоприятных для укрепления светской власти византийского духовенства исторических обстоятельств.

В Византийской империи укоренилась идеологическая традиция «созвучия властей», в которой император и патриарх дополняли друг друга, но император был первым, «не только главою государства, но и главою церкви»¹⁹⁰, патриарх же выступал главным помощником в религиозных делах. Теорию «созвучия властей» – обоюдно полезного сотрудничества «священства» и «царства», называют также заповедью царя Юстиниана, которая

¹⁸⁸ *Грин*. Краткая история английского народа. В 3 выпусках. Москва, 1897–1900. Вып. 1. С. 152; *Halliday F.E.* England: A Concise History. London: Thames and Hudson, 1999. P. 51.

¹⁸⁹ Всемирная история. В 4 т. Санкт–Петербург: издание *А.А. Каспари*, 1902–1904. Т. 2. С. 231.

¹⁹⁰ *Лихачёв Д.С.* Национальное самосознание Древней Руси. С. 17.

встречается и в древних русских кормчих книгах¹⁹¹ – сборниках светских и церковных законов и представляет собой предисловие к шестой новелле императора Юстиниана, в которой царская власть характеризуется как «поданный сверху от человеколюбия Божественный дар»¹⁹².

Принятие православного вероисповедания сделало Россию таким же, как Византия государством, которое было отделено от остального мира и могло рассчитывать только на себя. Падение Константинополя сделало русских великих князей единственными православными правителями, которым пришлось выступить защитниками православия. Чем более мощным становилось русское государство, чем большее давление оно испытывало извне, окружённое иноверными народами, тем больше сплывались Русское Государство и Русская Православная Церковь. Похожие исторические обстоятельства привели к одинаковым последствиям, как в Византии, так и в России. Оба государства были цезарепапистскими, в которых духовенству пришлось подчиниться светской власти. Православное вероисповедание Византии и России при сходных обстоятельствах обособленного исторического развития и постоянной необходимости отвечать на враждебные вызовы извне даёт веское основание говорить о русском византизме.

Несмотря на постепенное ослабление империи, в сознании византийских политиков император выступал единственным легитимным всемирным правителем и духовной главой. Все новообращённые в православие варвары рассматривались как подданные императора. Кроме миссии утверждения православия, Византия, как носительница римской традиции, пыталась насаждать гражданские законы империи, которые были для византийцев неразрывно связаны.

Патриарх Марк Александрийский спрашивал в письме к патриарху Феодору Вальсамону: «не подлежим ли мы, александрийцы, осуждению за то, что в нашей стране нет шестидесяти книг Василия и по отношению к ним мы, поэтому, находимся в

¹⁹¹ Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. Москва: Территория будущего, 2006. С. 120–121.

¹⁹² Вальденберг В.Е. Государственное устройство Византии до конца VII века. С. 30. См. с. 115–129, особенно с. 118–119.

полнейшей темноте»¹⁹³. Отсутствие в Александрии последнего свода гражданских законов казалось Александрийскому патриарху церковным преступлением. Ответ Антиохийского патриарха был не менее характерен и отражал распространённый взгляд на церковную преступность отсутствия в Александрии свода императорских законов: «Все гордящиеся христианством, живут ли они на Востоке, или в Александрии, или где бы то ни было, носят имя римлян и обязаны жить по законам [римским]»¹⁹⁴.

Принудить новых христиан к полному повиновению в XI–XII веках было Византии уже не по силам. В этих условиях влияние Константинополя как центра православного мира было призвано совершить то, чего византийцы уже не могли сделать военно-политическими средствами. Церковь становилась основным проводником византийских гражданских и церковных законов. Именно поэтому столь важное значение придавали в Константинополе епископским и митрополичьим кафедрам, на которые проводили греков. На епископах и митрополитах держалась связь новообращённых территорий с империей, они же были призваны проводить имперскую политику на этих территориях.

Сознавая политическое значение византийского церковного влияния, Ярослав Мудрый стремился утвердить в Киеве особую митрополию Константинопольского патриархата¹⁹⁵. И Ярославу это удалось, в 1051 году «поставил Ярослав Илариона митрополитом, русского родом, в Святой Софии, собрав епископов»¹⁹⁶. Назначение особого киевского митрополита подняло международный статус Киевской Руси. В дальнейшем Ярослав продолжил политику уменьшения византийского церковного влияния, «добиваясь расширения прав русской митрополии и постепенного освобождения её из-под опеки константинопольского патриарха и византийского императора. Для этого Ярослав стремится к поставлению митрополита из русских и к канонизации русских святых; он ведёт военные приготовления против Империи и начинает крупную идеологическую борьбу с византийской

¹⁹³ Лихачёв Д.С. Национальное самосознание Древней Руси. С. 17.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 1. Т. 2. С. 199.

¹⁹⁶ Русские летописи XI–XVI веков: Избранное. С. 110.

теорией Вселенской Церкви, отождествлявшейся со Вселенской Империей нового Рима»¹⁹⁷.

Как и во многих новообращённых странах и вообще средневековых источниках, национальное самоутверждение связывалось с религией. Древнейший Киевский свод 1039 года пронизан идеей богоизбранничества русского народа: «благословен господь Иисус Христос, *иже возлюбил новыя люди, Руську землю, и просвети ю крещением святым*»¹⁹⁸.

В тоже время пресвитер загородной дворцовой церкви Ярослава в Берестове, выдающийся проповедник, первый русский митрополит Иларион в своём «Слове о законе и благодати» писал о равноправности народов, о том, что «Евангелием и крещением Бог все народы спас»¹⁹⁹.

Тезис о равноправии народов противоречил распространённым в средние века теориям богоизбранности отдельных народов и, прежде всего, противопоставлялся учению о вселенском господстве Нового Рима – Константинополя. Иларион, рисуя картину всемирной истории, сравнивал Ветхий Завет с Новым, старые народы с новообращёнными народами, узко национальный характер иудейства и вселенский характер христианства. «Русь равноправна со всеми странами и не нуждается ни в чьей опеке: «вся страны благий Бог помилова, и нас не презре, всъхоте и спасе ны и в разум истинный приведе»²⁰⁰.

В данном случае наднациональная универсальная христианская доктрина, прежде всего, противопоставлялась византийским представлениям о мировом имперском порядке.

Иларион прославлял Россию, говорил о её великой исторической миссии и славном прошлом, о том, что и до крещения страна была известна далеко от своих границ и управлялась великими и известными всем соседним народам князьями: «Русские князья и до Владимира не в худой и не в неведомой земле владычествовали, но в русской, которая ведома и слышима есть всеми концами земли»²⁰¹.

¹⁹⁷ Лихачёв Д.С. Национальное самосознание Древней Руси. С. 20.

¹⁹⁸ Там же. С. 23.

¹⁹⁹ Там же. С. 25.

²⁰⁰ Там же. С. 27.

²⁰¹ Там же. С. 28.

«Слово о законе и благодати» Илариона предстаёт своеобразным патриотическим ответом Ярослава Мудрого и представителей русского духовенства на притязания Византии. Защитительной речью, в которой крещение Руси Владимиром сравнивается с введением Константином Великим христианства в Римской империи, отстаивалась необходимость канонизации Владимира. Русь уподоблялась новому народу, который противопоставлялся старым народам и государствам, мыслилась в контексте посланий апостола Павла: «Не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его. И облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его, Где нет ни Еллина, ни Иудея, ... ни варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всём Христос»²⁰².

Новые, приобщившиеся к Христу народы рассматривались Иларионом как представители будущего, старые – сопоставлялись с фарисеями, погрязшими в заблуждениях и притязаниях, тогда как христианство – религия равноправия, в которой нет места доминированию одного народа над другим: «Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе»²⁰³.

Впоследствии Иларион без санкции Константинополя, по выбору русских епископов принял сан митрополита, открыто выступив, таким образом, против гегемонии Византии.

Даже размах архитектурного строительства Ярослава Мудрого во многом определялся необходимостью идеологического самоутверждения Киевского государства, равноправности Киева Константинополю. Новый строившийся в Киеве храм Ярослав назвал тем же именем Святой Софии, которым была названа главная святыня Царьграда. Появились в Киеве и Золотые ворота, ещё одно архитектурное уподобление византийской столице.

Несмотря на противоречия русских князей с Восточной Римской империей, черты, заложенные в православное вероисповедание Византией, сохранились в нём до сих пор, в таком же виде были приняты на Руси, определив на тысячелетие ход её дальнейшего развития, отделив от западноевропейских стран непреодолимой культурной стеной.

²⁰² Послание к колоссянам святого апостола Павла . Гл. 3. Ст. 9–11.

²⁰³ Послание к галатам святого апостола Павла. Гл. 3. Ст. 27–28.

Рассматривая византийское наследие России, уклоняясь от решения вопроса, насколько это хорошо или плохо, можно вполне согласиться с К.Н. Леонтьевым в том, что «всё у нас от Византии». Впрочем, Леонтьев так же отмечал, что Византия во многом смутный миф. О ней мало пишут, мало знают, плохо представляют её. Российские византилисты всегда считались лучшими специалистами в своей области, но этот факт мало повлиял на знания общества о Византии.

В свете сказанного можно утверждать, что исторический византизм в действительности существовал, в то время как русский византизм – многовековая мифологема, ставшая одним из руководящих принципов русской внешней политики.

Д. Оболенский считал убеждённость многих исследователей в «византийском наследии» России однобоким прочтением русской истории, не учитывающим отсутствие прямой преемственной связи между византийскими и российскими политическими идеями и институтами на протяжении 150 лет, последовавших за падением Константинополя²⁰⁴. И, тем не менее, именно в византийских истоках черпала Россия свои завоевательные, государственные, имперские и мессианские идеи. И даже если историческая преемственность России в Восточном вопросе – миф, то миф плодотворный, живительный – великая опора русского до-революционного самосознания. В то же время, если рассматривать значение этого мифа с практической точки зрения, можно констатировать, что он был фатален для России. Укрепляя национальное и мессианское самосознание российского общества, он расшатывал его материально, истощал государство экономически. Миллионы средств и сотни тысяч жизней были положены на алтарь мечты о русском Константинополе. Ценностно-рациональная сила (используя терминологию Макса Вебера) этого мифа для русского общественного мнения видна на примере того, что Александр II, выступавший против русско-турецкой войны 1877–1878 годов и осознававший всю её пагубность, не мог противостоять силе общественного мнения, вековым, ставшим традиционными стремлениям идеологов панславизма и Святой Руси к Проливам, Константинополю и Святой Софии, над которой нужно было непременно водрузить православный крест.

²⁰⁴ *Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe 500–1453. London: Phoenix, 2000. P. 364–367.*

«Константинополь должен быть *наши*, – писал в ноябре 1877 года Ф.М. Достоевский, – завоёван *нами*, русскими, у турок и остаться нашим навеки. Одним нам он должен принадлежать, а мы, конечно, владея им, можем допустить в него и всех славян и кого захотим, ещё сверх того, на самых широких основаниях... Если и займёт теперь Россия Константинополь, то единственно потому, что у ней, в задачах её и в назначении её, есть кроме славянского и другой вопрос, самый великий для неё и окончательный, а именно Восточный вопрос, и что разрешиться этот вопрос может только в Константинополе»²⁰⁵.

Ф.М. Достоевский был, наверное, самым ярким и истово верившим в необходимость и неизбежность решения Восточного вопроса Россией человеком.

Значение идеологии и национальных мифов заключается в них самих, в том, как они влияют на поступки общества и его членов. Учитывая это влияние идеологии на жизнь общества, вопрос об исторической обоснованности выдвигаемых притязаний не имеет практического значения, важен для историка и выявления исторической истины, но не имеет такого значения для политика, идеолога, социолога, философа или публициста. Все народы и политические режимы имеют свои мифы, легенды и верования. И если для России первостепенное значение в системе ценностных координат составляла вера в неизбежность и необходимость освобождения славян, обладание Константинополем и Святую Русь, то для англичан XVII, XVIII и отчасти даже XIX столетия в качестве идеологических ценностей, в числе прочих, выступали представления о том, что «Британия унаследовала особые отношения с Богом, которые существовали у ветхозаветного Израиля»²⁰⁶.

Массовое сознание не нуждается в знании исторических фактов, но именно миф воодушевляет массы и придаёт им энергии. Россия могла иметь самое опосредованное отношение к Византии, но это совсем не означает, что русского византизма не было и нет. Следовательно, анализ русского византизма надо основывать на степени его фактического влияния на общество и поступки его членов, а не искать исторические подтверждения

²⁰⁵ Достоевский Ф.М. «Человек есть тайна...» Москва: Известия, 2003. С. 379.

²⁰⁶ Макарова Е.А. Национальная мысль и национальное сознание в Англии // Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории. С. 94.

российской византийности в контексте фактической исторической преемственности и обоснованности притязаний. В этой связи уместно отметить, что и Ф.М. Достоевский, и К.Н. Леонтьев указывали, что с исторической точки зрения только Греция может претендовать на Константинополь, греки являются историческими носителями византийского духа, но оба они настолько верили в истинность русского византизма, что отметили исторический факт, ибо грекам было не по чину владеть Вторым Римом. Примечательно, что, обосновывая непригодность греков быть знаменосцами православия, оба автора подчёркивали греческое коварство и развращённость. Так что вполне можно сказать, что в среде русской интеллигенции хорошо видели разницу между двумя Византиями – Византией реальной, исторической, и Византией идеальной, мифической. Россия унаследовала византийский дух, а мир идей всегда сложнее мира исторических фактов и очень часто не подчиняется им.

Понимая всю внешнюю неоднозначность притязаний России на византийское наследство, Н.В. Устрялов во время Первой Мировой войны призывал не скрывать их, так как: «не секрет они ни для наших врагов, ни для наших союзников. Пусть Разум истории рассудит, кто имеет больше прав на Константинополь, кто более достоин его: Турция и Германия, или Россия. «Принцип сложившегося международного порядка», равно как и «национальный принцип», – за Турцию. Но «Дух истории», хочется верить, за нас. К Царьграду, казалось, издавна звала нас история. За последнее столетие этот зов нашёл живой и вместе с тем вполне сознательный отклик в «душе» нашей родины. Лучшие русские люди указывали на Константинополь, как на грядущий путь России: национальные поэты и публицисты подчёркивали глубокий идейный смысл предстоящей «аннексии», активные политики заботились о практической стороне дела, а русский народ приносил кровавые жертвы»²⁰⁷.

Характерной чертой идеологической борьбы за «византийское наследство» может служить стойкое неприятие некоторыми греческими историками термина «византизм», который они упорно заменяли «эллинизмом», чего, в свою очередь, не могли допустить русские византилисты. Панславизм вступал здесь в

²⁰⁷ Устрялов Н.В. К вопросу о русском национализме // Нация и империя в русской мысли начала XX века. С. 259–260.

борьбу с «эллинофильствующими направлениями воззрений на христианство» (Ф.И. Успенский).

Исторически Греция имела все права на образованное Византией идеологическое поле, но турецкое иго и отсутствие у Греции внутренних сил позволили России узурпировать все права в решении Восточного вопроса. Сильная независимая Греция могла бы нанести тяжёлый удар по вере в существование русского византизма. И хотя этого не произошло, русские авторы всегда очень остро чувствовали исходящую от греков потенциальную угрозу своим теориям. Развивая идеи русского византизма, Ф.М. Достоевский и К.Н. Леонтьев с досадой вспоминали о Греции, которая могла нарушить всю логическую стройность их идеологических построений. В дальнейшем, когда Греция обрела свободу, идейная борьба вылилась на страницы исторических произведений. С возмущением писал о заявляемых эллинизмом притязаниях Ф.И. Успенский²⁰⁸. Известный византист был прав в своей критике, но и греки с полным основанием могли негодовать на русскую историографию и философскую мысль, так беззащитно взявших на вооружение в идейной борьбе предания греко-византийской истории.

Большое внимание обоснованности греческих притязаний на византийское наследие уделял Н.Я. Данилевский. Любил напоминать славянофилам о существовании греков с их «великой идеей панэллинизма» ярый критик российского мессианства и византизма В.С. Соловьёв.

Однако и среди османов византийское наследие воспринималось как существенная часть легитимности султанов. В период упадка Византийской империи межэтнические браки между византийскими принцессами, аристократками и турками были достаточно распространены и в какой-то степени сближали народы и династии. В этом отношении показательна история племянника Иоанна II, который предал императора, переметнувшись во время сражения к туркам, принял ислам и женился на дочери султана Икония Камеро, которая «подарила Иоанну сына Солиман-шаха. ... У Солиман-шаха был сын Эртогрул, будущий отец Османа. Отсюда следует, что будущий завоеватель Константинополя (1453), Мехмед II, вёл своё происхождение от византийско-

²⁰⁸ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 1. С. 290.

го князя и, как член рода Комнинов, считал себя законным наследником короны василевса Восточной Римской империи»²⁰⁹.

Впоследствии, уже в XIV столетии султан Орхан получил в жёны дочь Иоанна VI Кантакузина Феодору. Сыном гречанки был Баязид I²¹⁰. Баязид добивался от каирского халифа официального признания за ним титула султана римлян – «султан ар-Рум»²¹¹. Само османское название Балкан и западных владений империи – Румелия то есть страна румов, ромеев, римлян утверждала султанов в легитимности своей власти.

Существование греческих по происхождению османских аристократических династий Эвренос-Оглу и Михал-Оглу, значительное количество греков, занимавших на протяжении истории Османской империи пост великого визиря, – все эти факты указывали на фактическую преемственность османского государства по отношению к Византии.

Греческий язык долго был языком международного общения османского государства. Практически до взятия Константинополя язык греков являлся языком турецкой администрации.

Особое место занимали османские греки–фанариоты, жившие в квартале Стамбула Фенер (в котором располагалась резиденция константинопольского патриарха) и занимавшие самые ответственные посты в Османском правительстве. Из фанариотов назначались господа Молдавии и Валахии. Немало греков было среди османских военачальников, известно, что янычар отбирали среди христианских детей, из которых впоследствии воспитывали воинов ислама, одним из таких воинов был великий архитектор Синан – христианин по происхождению. У нескольких султанов были матери гречанки.

По подсчётам Димитриса Кицикиса с 1661 по 1822 год все великие драгомены (министры иностранных дел) Османской империи были греками – 34 человека из 12 знатных османских семей. «Это отличие от националистического духа западной дипломатии поразило французского дипломата, который с удивлением отмечал, что османскую делегацию на Берлинском конгресс-

²⁰⁹ Юревич О. Андроник I Комнин. Санкт-Петербург: Евразия, 2004. С. 50; Кицикис Д. Османская империя. С. 150.

²¹⁰ Кицикис Д. Османская империя. С. 126. О тесных греко-турецких политических, культурных, социальных связях XIV века, греках на турецкой службе, см. с. 125, 128, 131, 132, 133, 160 и далее.

²¹¹ Там же. С. 137.

се 1878 года возглавляет православный грек Карафеодорис-паша, государственный секретарь Османского государства по иностранным делам: Александр Карафеодори «был эллином по происхождению и религии... Он был греком ... и выступал против греков, поэтому у него не было достаточно авторитета, несмотря на его совершенную лояльность и неоспоримый талант». Канцлер Бисмарк, чувствующавший себя хозяином на Берлинском конгрессе, приняв в своём кабинете главу греческой делегации сразу после главы османской делегации Карафеодориса, произнёс: «Греция только вышла, и снова входит Греция!»²¹² Националисты Греческого королевства прозвали греков на османской службе антигреками.

Этот краткий экскурс в историю греков на османской службе и некоторые примеры византийско-турецких отношений до исчезновения Византийской империи показывают, насколько сложными были эти связи и насколько странными могли казаться османам российские притязания на Стамбул.

Российско-византийские параллели

Приступая к осмыслению параллелей в историческом развитии Византии и России, которые дали основания многим историкам и философам для веры в русский византизм, необходимо коснуться некоторых черт социально-экономической и политической жизни Византийской империи.

После крушения Западной Римской империи (476 год) Запад под нажимом варварских орд раскололся на множество феодальных королевств, правители которых часто не имели никакой власти над своими воинственными и независимыми вассалами.

Иначе сложилась судьба Восточной Римской империи, ценой невероятных усилий пережившей времена заката империи Западной.

Особенностью византийской государственной модели являлось отсутствие помещицкой усадьбы и зависящего от неё кре-

²¹² Там же. С. 203.

стьянского населения, при жёсткой централизованной власти зорко следящей за любыми поползновениями со стороны аристократии и чиновничества на крестьянскую общину и мелкие землевладения. Византийские цари не давали помещикам скупать земли, в результате чего «основное богатство магната в Византии, в отличие от провинциального феодала в Европе, заключалось не в земельных наделах, а в движимом имуществе – деньгах, благородных металлах, драгоценных камнях и ювелирных изделиях, богатой утвари, оружии и доспехах»²¹³.

Точно так же и титул считался пожизненным, не наследственным пожалованием императора. Молодые поколения представителей знатных семейств должны были получать знаки высокого положения (инсигнии) из рук императора или его представителей²¹⁴, что также препятствовало укреплению власти землевладельцев на местах.

Хотя за более чем тысячелетнюю историю в Византии возникали олигархические группы, были крупные землевладельцы – магнаты, феодально-зависимые крестьяне – парикийи, жалуемые василевсом в пользу частных лиц земельные наделы с крестьянами – пронии, но все эти элементы феодализма так и не привели к возникновению прочного наследственного землевладения.

О «тотальной феодализации» византийского общества можно говорить только в связи с ослаблением империи, особенно в столетия, предшествовавшие её окончательному падению. В XII, XIII и последующие века императоры передавали аристократам в качестве ленов большие земельные наделы, обязав их хозяев к военной службе: «Расселённые на ленных территориях парикийи становились с этого момента крепостными феодалов. Эта прониарная ленная система, которая была поспешно введена императором Мануилом I, использовалась для военных целей. Благодаря реформированной пронии вооружённые силы Византийской империи явно усилились, что сделало возможным ... ведение тяжёлых войн. Содержание мощной, постоянно пополняемой армии хоть и содействовало, с одной стороны, большим успехам

²¹³ Трофимова Р.П. Культуролого-экономический словарь. Москва: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. С. 501. Ср.: Литаврин Г.Г. Как жили византийцы. Санкт-Петербург: Алетейя, 2006. С. 69.

²¹⁴ Каждан А.П. Византийская культура (X–XII вв.). С. 112.

греческого оружия и усилению престижа Византийской империи на международной арене, однако, с другой стороны, вызывало дальнейшее, по началу даже не особенно осязаемое, ослабление имперской власти изнутри»²¹⁵.

Об отсутствии в Византии института частной собственности на землю в западноевропейском смысле может свидетельствовать и система эмфитевса (εμφύτευσις) – форма долгосрочной наследственной аренды на три лица²¹⁶.

В условиях неограниченной власти императора земля в любой момент могла быть отнята, а землевладелец изгнан. «Западный институт феодализма, независимый и находившийся в конфликте со средневековой западной церковью и средневековыми городами-государствами, если не полностью отсутствовал на Востоке, то наравне с церковью нещадно подавлялся, следствием чего стало его запоздалое самоутверждение силой, когда императорская власть ослабла»²¹⁷.

В отсутствие судебного иммунитета перед лицом верховной власти императора (в отличие от западноевропейской традиции рассматривать дела на уровне соответствующей определённой ступени феодальной иерархии по принципу «вассал моего вассала – не мой вассал», как это было в средневековой Франции), любой высокопоставленный магнат мог быть призван к императорскому суду. Точно так же и зависимые от землевладельца (дината, то есть «могущественного») крестьяне могли апеллировать в Константинополь, искать защиты у василевса. Иной вопрос, насколько реально было добиться таким образом справедливости.

Хотя византийское право сохраняло римский принцип частной собственности на землю и свободу ею распоряжаться, на практике частная собственность оказывалась ограниченной и условной. Владение землёй регламентировалось римскими нормами, пока речь шла «о её нормальном функционировании в сфере рыночных отношений, о купле-продаже, аренде или правовой защите против посторонних лиц. Однако эти римские нормы и правовая защита теряли свою силу во взаимоотношениях частно-

²¹⁵ Юревич О. Андроник I Комнин. С. 21, 22, 35, 36.

²¹⁶ См. Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 1. С. 559–565.

²¹⁷ Тойнби А.Дж. Постигжение истории. С. 331–332. Ср.: Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней. С. 50.

го лица и государства. Государство сохраняло не только контроль за частновладельческими землями, но и определённые элементы собственности на них: оно могло без суда, чисто административными мерами конфисковать частновладельческие земли или принудить частных собственников к обмену их владений. ... Существование этого права отличает византийские поземельные отношения от аграрных порядков раннесредневековой Западной Европы»²¹⁸. На практике земля рассматривалась как подвластное казне производное от уплаты налогов государству. Только пожалование земли императором могло на какое-то время гарантировать права собственности. В иных случаях даже покупка не гарантировала прав.

Если на Западе ограничивающим частную собственность фактором выступали феодалы, то в Византии эту роль выполняло государство в лице императора и бюрократии.

Процессы, приведшие на Западе к распадению общины и возникновению феодализма, на Востоке, привели к сохранению общины посредством целого ряда законодательных мер: «Чтобы предупредить распад общины, закон установил неотчуждаемость земельного имущества у общины. Каждый раз, когда освобождался крестьянский участок за смертью владельца, или когда крестьянин хотел добровольно освободиться от своего земельного надела, на первое место по праву предпочтительной покупки выступали члены той же общины или волости. При этом закон указывает пять категорий лиц и отношений в сельской общине, и только после отказа всех членов этих пяти категорий участок мог поступить в чужие руки»²¹⁹.

Со временем меры по сохранению общины ужесточились настолько, что на крупных землевладельцев возлагалась круговая ответственность за несостоятельность общины. Центральная власть не давала никакой надежды на создание крупного помещичьего поместья западноевропейского образца. Тем более не могло быть и речи о порождаемых крупным частным землевладением непокорном духе, стремлении к власти, политическому влиянию. Византийский землевладелец имел мало общего с западноевропейским феодалом. Данное обстоятельство даёт неко-

²¹⁸ *Каждан А.П.* Византийская культура (X–XII вв.). С. 97–98.

²¹⁹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 1. С. 38–39; См. также: Т. 3. С. 313–325, 750–751; *Литаврин Г.Г.* Как жили византийцы. С. 78.

торым авторам основание для отрицания феодализма в Византии. Впрочем, в настоящее время историки и экономисты склонны выделять особую, византийскую модель феодализма, а сам термин «феодализм» употребляют в узком и широком смыслах. В первом случае под феодализмом понимается определённый вид феодализма, как правило, западноевропейский или «классический феодализм», во втором – определённая ступень развития общества, переживаемая всеми народами. В этой связи иногда говорят о феодализме в древнем Египте, арабском Халифате, Японии.

Анализируя приведённые выше примеры закономерностей социально-политической и экономической структуры византийского общества, можно выделить две особенности, которые были характерны и для России, и для СССР, а именно: отсутствие устоявшихся традиций частной собственности на землю и главенство государства над всеми сферами общественной жизни.

Привившиеся на Руси византийские принципы социально-политической и экономической организации общества обрели новое звучание и актуальность в связи с разработкой в 1990-е – начале 2000-х земельного законодательства, неурегулированностью в сфере земельных отношений и дискуссией развернувшейся по этому вопросу в обществе.

Кроме описанных выше особенностей в хозяйственной сфере жизни общества, к проявлениям византизма можно отнести тяготение общества к патерналистскому государству – тенденция, наблюдающаяся и в современной России.

К византийским влияниям можно отнести и развившуюся в России монархическую идею. Самодержавный русский царь выступал защитником народа, который, как и византийский автократор, Господом помазанный на царство, нёс ответственность за весь народ.

Византийское православие приняло в России такой же, как на Востоке, подчинённый светской власти характер. «Церковь никогда не поднималась в России до той командующей высоты, что на католическом Западе... Епископы и митрополиты располагали властью лишь как ставленники светской власти. Патриархи сменялись вместе с царями... В петербургский период зависимость церкви от государства стала ещё более рабской. 200

тысяч священников и монахов составляли в сущности часть бюрократии, своего рода полицию вероисповедания»²²⁰. Это замечание Л.Д. Троцкого может показаться несколько грубым, но достаточно ясно, хотя и односторонне отражает действительное положение вещей: «Власть духовная была тесно связана с гражданской, и митрополит действовал согласно с желанием государя»²²¹. Русские книжники, как когда-то их византийские коллеги, провозглашали теорию созвучия властей, согласно которой царь и патриарх должны помогать друг другу, находясь в полном согласии.

Служебный характер духовенства в русской философской литературе часто затемнялся тенденцией славянофилов и русских религиозных мыслителей приписывать русскому народу и православной церкви демократическое начало: «Католицизм, – писал П.А. Флоренский, – склонен отождествлять Церковь с духовенством, противопоставлять духовенство мирянам. В православии Церковь немыслима без народа, и верующий народ есть Церковь. ... В 17-м параграфе окружного послания восточных патриархов 6-го мая 1848 года пишется: «У нас ни патриархи, ни собор никогда не могли ввести что-нибудь новое, потому что хранитель благочестия у нас есть самое тело Церкви, т.е. самый народ»²²².

Слишком часто русские философы отделяли мир небесный от мира земного, в результате чего идеализация православной церкви приводила к непониманию её земных социальных функций. Реальное заменялось должным.

Фактически, хотя и не официально, царь стал главой православной церкви. Иван Грозный в короне в форме тиары и епископским посохом в виде скипетра в руках и крестом «длиной в ладонь, шириной в два пальца», окруживший себя многочисленными предметами с изображением креста, как царь и иерарх в одном лице, повелевающий и государством и церковью произвёл глубокое впечатление на иезуита Антонио Поссевино, посланни-

²²⁰ *Троцкий Л.Д.* История русской революции. В 2 т. Т. 1: Февральская революция. Москва: ТЕРРА; Республика, 1997. С. 36.

²²¹ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Кн. 1. Т. 3. С. 383.

²²² *Флоренский П.А.* Православие // Вопросы религиозного самопознания. Москва: ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 160–161.

ка Римского Папы в Москве. Грозный был похож на епископа, оказавшегося на троне²²³.

В вопросе о полноте церковной, как впрочем, и светской, власти царей всегда бывает сложно отличить позу и символ от реальности. Речи Сталина были скромны и неброски, а Иоанн Грозный в часто случавшихся порывах самоуничужения заявлял: «Я, пёс смердящий, кого могу учить, и чему наставлять, и чем просветить? Сам вечно среди пьянства, блуда, прелюбодеяния, скверны, убийств, грабежей, хищений и ненависти, среди всякого злодейства...»²²⁴ И эти слова произносил человек, отличительной чертой которого было религиозное мировоззрение, который считал себя орудием Бога на земле, сыпал библейскими цитатами и принимал самое непосредственное участие в церковной деятельности. Признавая авторитет митрополита, Грозный «не доверял ему вести богословские споры с иноверцами и сам вёл такие споры. ... Исходил из представлений насчёт превосходства «царства» над «священством»²²⁵.

Действительно абсолютной власти не бывает, но степень близости к ней бывает разной. Здесь очень сложно отличить форму от содержания. Принятие византийских символов Иваном III совсем не сразу наполнилось соответствующим содержанием и претворилось в практику, в первую очередь практику внешнеполитическую. Только с ростом мощи Российского Государства и его консолидацией под самодержавным скипетром идеология Третьего Рима и византийского наследия стала руководящим мотивом политической практики русских правителей и действительно одним из центральных мест их внешнеполитической картины мира. Таким же образом и влияние светской власти на русскую церковь не однозначно, хотя, несомненно, было несравнимо большим, чем в западноевропейских католических странах.

На миниатюрах «Жития Сергия Радонежского» конца XVI века даже не канонизированные великие князья изображались в золотых нимбах²²⁶. При Алексее Михайловиче в удостове-

²²³ Делуэ В. Антонио Поссевино и Иван Грозный. С. 112, 146. Там же: Поссевино А. Московское посольство. С. 198.

²²⁴ Послание в Кирилло-Белозёрский монастырь (1573) // Иван IV Грозный. Сочинения. С. 145–146.

²²⁵ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. Москва: АСТ, 2006. С. 397.

²²⁶ Юзефович Л. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. Санкт–Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 2007. С. 264–265.

рениях, которые выдавались священнослужителям после рукоположения, стали указывать, что этот обряд был совершён «повеле-нием государя царя». Царские портреты писались как иконы и висели вместе с иконами в церквях. Это явление носило настолько массовый характер, что в 1832 году появилось высочайшее предписание об изъятии царских портретов из всех церквей. Екатерина II в одном из писем жаловалась, что «мужики свечи давали, чтобы передо мною поставить, с чем их и прогнали». Крестьяне считали императрицу чем-то вроде живой иконы. Чиновник, сопровождавший Александра II во время путешествия по железной дороге, вспоминал, как встречали царский поезд сторожа у сторожевых будок: «Сторожа со всеми домочадцами своими крестились и клали земной поклон перед своим земным Богом»²²⁷.

Подобное восприятие правителей, их обожествление были широко распространены в Византии. Мозаичные изображения византийских императоров и императриц повсеместно присутствовали в храмах империи. Известны мозаичные изображения императрицы Феодоры и императора Юстиниана в окружении придворных в церкви Сан-Витале в Равенне (VI век), на которых Юстиниан и Феодора изображены с нимбами. В храме Святой Софии Константинопольской сохранились помещённые в нимб изображения коленопреклонённого императора Льва VI Мудрого (вторая половина IX – начало X века), императора Константина IX Мономаха и императрицы Зои (XI век), Иоанна II Комнина и императрицы Ирины (XII век), Константина Великого и Юсти-ниана²²⁸.

Когда в начале XX века проводилась церковная реформа, целью которой было отделение церкви от государства и восстановление патриаршества, взамен введённого Петром I в 1721 году Духовного Регламента, заменившего патриаршество Святейшим

²²⁷ Малахов А. Коронованные особо // «Деньги». 2005. № 10. С. 81.

²²⁸ См.: Rice D.T. Art of the Byzantine Era. London: Thames and Hudson, 1997. P. 101, 104, 120. См., там же помещённые в нимб изображения Василия II Болгаробойцы (вторая половина X – первая четверть XI века) и Никифора III Вотаниата (XI век) (с. 105 и 123). Примечательно, что на мозаичных изображениях, выполненных в византийской манере и изображающих получение короны от Христа, западные правители сицилийские короли Рожер II в церкви Марторана (XII век) в Палермо (с. 167) и Вильгельм II Добрый (с. 171) в соборе Монреале (XII век) изображены без нимбов.

Правительствующим Синодом (фактически государственным министерством церковных дел), Николай II предложил на пост патриарха собственную кандидатуру. До этого, на протяжении всего Синодального периода истории Русской церкви патриархов не избирали.

Тенденция обожествлять правителя наблюдалась и после революции 1917 года: «Феномен обожествления Сталина, мифологизацию его личности в народном сознании 30-х годов нельзя понять вне связи его с прочными монархическими настроениями в крестьянской среде, особенностями религиозных воззрений русского народа»²²⁹.

В обожествлённом характере царской власти проявились византийские, восточные черты российского общества, присущие, впрочем, всем территориально интегрированным империям, обществам, находящимся на стадии развития, которую Герберт Спенсер справедливо назвал военным типом общества²³⁰.

С идеей от Бога данной власти тесно переплеталась идея Справедливости. При этом под справедливостью понималось не равенство возможностей, а равенство положения, уравнивание доходов. Русское самодержавие приобрело черты социалистической монархии, Российская империя – черты империи социалистической. Абсолютная власть царя, мощная бюрократия, государственное регулирование, социальное обеспечение в крайних случаях, всеобщая бедность, понимаемая как равенство, и идея справедливости – отличительные черты древних аграрных империй Востока вошли в кровь и плоть Российского Государства и дали Максу Веберу повод сравнивать в данной связи Россию с Месопотамией²³¹. Как и в Византии или древнем Вавилоне, царь стал единственным носителем правды, справедливости, наместником Бога на земле²³². Р.К. Масси следующим образом характеризовал отношение людей к царю: «Помещика, полицию, местного гу-

²²⁹ Бердинских В.А. Крестьянская цивилизация в России. Москва: Аграф, 2001. С. 387.

²³⁰ Спенсер Г. Личность и государство. Челябинск: Социум, 2007. С. 191–197.

²³¹ Вебер М. Аграрная история Древнего мира. Москва: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. С. 190.

²³² О церковной власти византийского императора см. например: Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 2. С. 264, 268, 274, 277, 434–435 и далее. О привившемся на Руси восточном самодержавии см.: Бердяев Н.А. Философия неравенства // Судьба России: Сочинения. С. 543–544.

бернатора – всех проклинали крестьяне. Но никогда – царя. Царь, который был почти божеством, не делал зла. Он был батюшкой-царём, отцом народа и просто не знал, какие страдания этому народу приходилось терпеть. «До Бога высоко, до царя далеко», – гласила русская пословица. Если бы только повидать царя и поведать ему всё, зло тотчас бы прекратилось – таков мотив многих русских сказок»²³³.

Владимир Вальденберг, исследовав древнерусские учения о пределах царской власти, обнаружил, что древнерусская литература изобилует примерами «злых советников». Летописцы в первую очередь подчёркивали именно негативную роль советников, а не князя. В разрабатывавшейся русскими книжниками политической литературе, учениях о тиране прослеживаются следующие выводы: тираном может оказаться даже князь лично добродетельный и не извлекающий для себя никакой выгоды из угнетения народа; захватывают власть любимцы князя, его ближайшее окружение, грабящее народ, который не может найти на него управы, так как не имеет доступа к князю. При таком взгляде вина князя, прежде всего, заключалась в выборе дурных советников. «Все эти черты, – писал В. Вальденберг, – которые составляют картину тиранического управления, мы встречаем вместе или отдельно и в позднейшей политической литературе вплоть до XVII в.»²³⁴.

Вера в правителя как носителя идеи справедливости и правды была распространена повсеместно.

Антонио Поссевино так охарактеризовал отношение русских людей XVI столетия к княжеской власти: «По отношению к своему государю угождение и почтение удивительны до такой степени, что создаётся впечатление, что некоторые его мнения считаются чуть ли не божественными: они убеждают себя, что он всё знает, всё может, всё в его власти. У них часто употребляется выражение: «Бог и великий государь всё ведает». Когда они желают кому-нибудь добра или что-нибудь настойчиво доказывают, говорят так: «Да будет счастлив наш великий государь!» Когда же при них хвалят обычаи и нравы какой-нибудь другой страны

²³³ Масси Р.К. Николай и Александра. Москва: «Пресс-Соло», 1996. С. 16.

²³⁴ Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. С. 96.

или показывают что-нибудь новое, они говорят: «Великий государь всё это ведаёт и имеет гораздо больше этого». Ради своего царя они не отказываются ни от какой опасности и по его приказу быстро отправляются туда, откуда, они знают, никогда уже более не вернутся. Они заявляют, что всё является собственностью их государя, своим домашним имуществом и детьми они владеют по милости великого князя. Те же, кого здесь называют князьями, находятся в совершенном рабстве, большое число их князь содержит как при себе, так и в войске. И только для того, чтобы исполнить волю государя, они обычно выполняют самые незначительные поручения. ... Они настолько привязаны к князю, что не испытывают к нему никакой неприязни и не бранят за глаза; напротив, когда представляется случай, прославляют милосердие князя, пространно хваля его²³⁵.

В то же время нельзя не отметить, что в отличие от византийских императоров русские цари не назывались повсеместно «святыми», не принимали участия в богослужении в качестве духовных лиц. Во время обряда венчания на царство рядом с ними сидел митрополит, а впоследствии патриарх. В Византии же императору во время обряда венчания троекратно возглашалось «свят». «Император занимал определённое место в богослужении, как духовное лицо и в качестве такового благословлял народ и кадил в церкви. Он считался выше патриарха, стоявшего при нём во время обряда венчания»²³⁶. В византийском обряде венчания отсутствовал обмен фразами между патриархом и правителем. Тогда как в русском обряде после венчания иерарх наставлял царя, говорил о его обязанностях по отношению к церкви, народу, государству и Богу.

На основании данных примеров можно сделать вывод о том, что византизм – условный социокультурный тип общества, среди проявлений которого выделяется мощная бюрократия и абсолютный характер верховной власти, когда царь-правитель становится «духовной скрепой народа»²³⁷. Уникальность византизма в отличие от прочих, встречавшихся в истории человечества проявлений восточного деспотизма, заключается в его право-

²³⁵ *Поссевино А.* Московское посольство // Иван Грозный и иезуиты. С. 218.

²³⁶ *Лихачёв Д.С.* Национальное самосознание Древней Руси. С. 101.

²³⁷ *Бердяев Н.А.* Философия неравенства // Судьба России: Сочинения. С. 493–494.

славном характере и православной христианской культуре, без которой византизм немислим.

В политической сфере Россия приняла от Византии в готовой форме и ещё более усилила византийский кесаризм. Византийское православие, тесно слившись со светской властью, дало последней нравственную опору, новое качество. Николай Михайлович Карамзин писал в данной связи: «Жизнь, имение зависели от произвола царей, и знаменитейшее в России титуло уже было не княжеское, не боярское, но титуло *слуги царёва*. Народ, избавленный князьями московскими от бедствий внутреннего междоусобия и внешнего ига, не жалел о своих древних вечах и сановниках, которые умеряли власть государеву; довольный действием, не спорил о правах. Одни бояре, столь некогда величавые в удельных господствах, роптали на строгость самодержавия; но бегство, или казнь их, свидетельствовали о твёрдости оного. Наконец, царь сделался для всех россиян земным Богом»²³⁸. Выше царя только Бог. «Оно [дворянство – В.С.] было всегда не что иное, как братство знаменитых слуг великокняжеских или царских»²³⁹. «Родовой, наследственный царизм был так крепок, что и аристократическое начало у нас, – соглашаясь с Карамзиным, отмечал К.Н. Леонтьев, – приняло под его влиянием служебный, полуродовой, слабородовой, несравненно более государственный, чем лично феодальный и уже несколько ни муниципальный характер. Известно, что местничество носило в себе глубоко служебный государственный, чиновничий характер. Гордились бояре службой царской своих отцов и дедов, а не древностью самого рода, не своей личностью, не городом, наконец, или замком, с которыми бы сопряжены были их власть и племя»²⁴⁰.

В русской удельной системе XII–XVI веков лежали два принципа: 1) верховная власть принадлежала всему княжескому роду, 2) отдельные князья временно владели землёй, пересаживаясь с одного стола на другой в порядке старшинства²⁴¹. То есть на Руси, как и в Византии, не привились феодальные отношения

²³⁸ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей. С. 39.

²³⁹ Там же. С. 107.

²⁴⁰ Леонтьев К.Н. Византизм и Славянство // Избранное. С. 32.

²⁴¹ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. В трёх книгах. Книга первая. Ростов-на-Дону: изд-во «Феникс», 2000. С. 159.

западноевропейского типа. Когда завершилось собирание русских земель, был решён вопрос татарских набегов, страна полностью освободилась от ига, а на престол взошёл самодержавный царь, удельные князья составили класс родовой, наследственной бюрократии. «Под влиянием внешних врагов и дружественного византизма, – утверждал К.Н. Леонтьев, – кровная удельная аристократия пала и перешла, вместе с новыми родами, в простое служилое дворянство. Креп царизм центральный, воспитанный византизм, и Русь всё росла и всё умнела»²⁴².

Подобного же взгляда на русскую аристократию придерживался Н.Я. Данилевский, который, размышляя о крепостном праве в России, писал: «И дворянство так же точно записано в крепость государству и всю жизнь свою обязано было проводить на службе». По мнению учёного: «Аристократия, аристократизм в применении к России и к русскому обществу не означали и не означают ничего другого, как светский лоск и тон, господствующий в богатых столичных домах, ничего другого, как людей, в течение нескольких поколений успевших, со значительной степенью совершенства, перенять манеры прежних французских маркизов или нынешних английских лордов. Другого смысла русский аристократизм, русская аристократия не имеют»²⁴³.

Н.М. Карамзин, Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев, в отличие от Н.А. Бердяева были уверены в благотворности служебного положения русского дворянства для судеб Российского Государства. Волею судьбы византийская идея верховной власти обрела в Москве благодатную почву для развития.

Сопоставляя византийскую и русскую историю, Л.А. Тихомиров пришёл к заключению, что все влияния византийской доктрины, насколько они достигали России, прививали ей идею самодержавной монархии. Точно так же как доктрины «передовых» стран Европы XIX–XX веков, казались современникам идеалом цивилизации и распространяли мысль о положительной роли демократического правления для развития государств и народов, в эпоху «возникновения Руси доктрина «передовая», доктрина наиболее «цивилизованной страны», несла теорию царско-

²⁴² Леонтьев К.Н. Указ. соч. С. 34.

²⁴³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. С. 290, 319. См. также с. 223.

го самодержавия. Духовенство, явившееся из Греции и в деле распространения христианства работавшее на княжескую власть, не могло не приносить византийских идей власти. Всё книжное учение несло их же»²⁴⁴.

Социально-политические установления византийского образца и целый ряд особенностей исторического развития лишили Россию западноевропейского феодализма. Между тем, с точки зрения сравнительного анализа развития России и западноевропейских стран, феодализм становится особенно интересен. Вернер Зомбарт рассматривал воина-феодала-рыцаря как первого предпринимателя, заложившего фундамент капиталистической системы²⁴⁵ – недаром во многих языках военное и коммерческое предприятия обозначаются одним и тем же словом. Действительно, рассматривая особенности развития византийского и русского обществ, видно, как не похожа была их структура на структуру западных средневековых государств в хозяйственном и политическом отношениях, вследствие чего кажется вполне обоснованным взгляд на западноевропейский феодализм как на характерный источник развития, основанного на частной инициативе западноевропейского капитализма и индивидуальной предприимчивости.

«К горю нашему, – писал Николай Бердяев, – в русской истории не было рыцарства. Этим объясняется и то, что личность не была у нас достаточно выработана, что закал характера не был у нас достаточно крепок. Слишком великой осталась в России власть первоначального коллективизма. Многие русские мыслители, учёные и писатели гордились тем, что в России не было настоящей аристократии, что страна наша естественно демократична, а не аристократична. ... Но в отсутствие аристократии была и наша слабость, а не только наша сила. В этом чувствовалась слишком большая зависимость от тёмной народной стихии, неспособность выделить из огромного количества руководящее качественное начало»²⁴⁶.

²⁴⁴ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. Москва: Айрис-пресс, 2006. С. 204.

²⁴⁵ Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. Евреи и хозяйственная жизнь. Москва: Айрис-пресс, 2004. С. 74–89.

²⁴⁶ Бердяев Н.А. Философия неравенства // Судьба России: Сочинения. С. 592.

В духовной сфере российского общества главным атрибутом русского византизма стало православие и основанная на нём государственная идеология, в свете которой вся русская история предстаёт в виде бесконечных войн по линиям разломов между цивилизациями, в данном случае, между цивилизацией православной России и цивилизациями католического Запада и мусульманского Востока. Именно в этом ключе, в качестве крестовых походов рассматривал русско-турецкие войны Фёдор Михайлович Достоевский.

В качестве подтверждения православно-византийской национальной идентичности дореволюционного российского общества можно привести тот факт, что Европа была прекрасно осведомлена о русских притязаниях, о чём свидетельствуют письма Вольтера к Екатерине II, мемуары князя Бисмарка и тот факт, что Наполеон, признавая дипломатическую тонкость и хитрость Александра I, называл его «настоящим византийцем»²⁴⁷. Очень верно чувствовал идеализм русской политики в Восточном вопросе, всю утопичность и губительность мечты о единении славян Бисмарк. Не отягчённый мессианскими идеями русской интеллигенции сторонний наблюдатель – Бисмарк советовал России отказаться от «лишённой одобрения практикой поэтической исторической картины, рисовавшейся воображению императрицы Екатерины, когда она дала своему второму внуку имя Константин»²⁴⁸. Зачем было тратить столько сил, когда можно было просто захватить Стамбул, заперев Босфор «крепким замком из оружейных и торпедных установок»?²⁴⁹ Бисмарк не понимал, какое глубокое значение имела для русского самосознания мессианская идея. Отказавшись от неё, Россия потеряла бы смысл своего существования, «отказалась от заветов своей истории», так, по крайней мере, думали многие, причём, не только в России, но и на Западе²⁵⁰.

Бисмарку как представителю континентальной державы было намного проще размышлять о русских притязаниях на византийское наследие, чем англичанам, для которых грёза русско-

²⁴⁷ *Тарле Е.В.* Наполеон. Минск: «Беларусь», 1992. С. 206.

²⁴⁸ *Бисмарк О.* Воспоминания, мемуары. В 2 т. Москва: АСТ; Минск: Харвест, 2002. Т. 2. С. 298.

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ См. например: *Тарле Е.В.* Крымская война. Т. 1. С. 127 и др.

го Константинополя представлялась сущим стратегическим кошмаром. Примечательно, что Николаю I не удалось убедить английского посланника Гамильтона Сеймура в том, что он отказался от «мечтаний, которыми любила тешиться императрица Екатерина»²⁵¹.

Неудержимое русское стремление на Восток дестабилизировало всю европейскую политику равновесия сил. Только большая европейская война могла дать России шанс овладеть Константинополем и Проливами, не вызвав против себя всеобщего европейского выступления. Характерно, что в работе Ф. Энгельса «Внешняя политика русского царизма» ключевое место в описании этой политики занимал Константинополь.

Столетиями миродержавный град Константина был мечтой правителей России. Восточный вопрос настолько прочно засел в умах русских политиков, философов и мыслителей, что даже И.В. Сталин поднял его, деля мир с англо-американскими союзниками. Ещё во время Первой Мировой войны союзники России по Антанте обещали царю после победы над вражеской коалицией, в которую входила и Турция, Константинополь. Но Первая Мировая война завершилась без выбитой революцией из Антанты России, и участие в дележе Османской империи Россия не приняла. Участие в Первой Мировой войне «до победного конца», как настаивали союзники, имело какой-то смысл только при достижении вековых целей российской внешней политики – овладении Константинополем и Проливами.

Впрочем, и в России высказывались предложения быть прагматичнее. Либералы обосновывали отказ от русского мессианства необходимостью прозападной ориентации и экономической нецелесообразностью ведения войн из-за славян. Идеалисты и сторонники наднационального христианского интернационала в лице В.С. Соловьёва и Е.Н. Трубецкого аргументировали своё неприятие российской мессианской политики, ссылаясь на неудачи Крымской войны 1853–1856 и русско-турецкой войны 1877–1878 годов. В неудачных войнах видели руку Провидения и делали вывод, что Россия не достойна Константинополя, так как лишена духовной чистоты и является «орудием «великой идеи»

²⁵¹ История XIX века. В 8 т. / Под ред. Лависса и Рамбо. 2-е доп. и исп. изд. под ред. Е.В. Тарле. Москва: ОГИЗ, Государственное социально-экономическое издательство, 1938–1939. Т. 5. С. 207.

сербской и «великой идеи» болгарской»²⁵². Уже К.Н. Леонтьев ставил вопрос о целесообразности оказывать помощь братьям славянам – слишком много жертв и никакой благодарности. Кажется, только «наиболее типический выразитель русского национального мессианизма»²⁵³ – Ф.М. Достоевский, несмотря на уверенность в настороженности, даже некоторой враждебности освобождаемых славян, проявляемых в отношении России, считал долгом проливать за них русскую кровь, видя в этом выражение мессианской идеи русского народа-богоносца.

И в России, и на Западе русская национальная идентичность связывалась с православием и духовным наследием Византии.

Можно констатировать практическое влияние, которое оказывали православие и византизм на духовную и политическую сферы российского общества. Причём влияние это пережило революцию 1917 года, трансформировавшись из мессианизма православного в мессианизм коммунистический. И позже Россия точно так же расточала свои силы, помогая братским народам по идеологии из социалистического лагеря, не получая взамен ничего кроме уверений в довольно шаткой политической лояльности.

К проявлениям русского византизма можно отнести жертвенность, терпение и послушание народа. Эти характерные черты позволяют говорить о восточных началах русского характера. Какой народ проявил большую жертвенность в деле борьбы с врагом за свободу и идеалы, нежели русский, будучи при этом кротким и послушным своим владыкам? Со свойственным неприятием европейского мещанства и большой любовью к художественным образам К.Н. Леонтьев был склонен восхищаться религиозным чувством и покорностью властям, проявленными русским народом в 1812 году. Этим качествам приписывал он победу над Наполеоном – «Церковное же чувство и покорность властям (византийская выправка) спасли нас и в 12 году»²⁵⁴ и с восхищением описывал вычитанный у Герцена рассказ о том, как

²⁵² Соловьёв В.С. Русская идея // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей. С. 235.

²⁵³ Трубецкой Е.Н. Старый и новый национальный мессианизм // Смысл жизни. Москва: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2000. С. 456.

²⁵⁴ Леонтьев К.Н. Византизм и Славянство // Избранное. С. 35.

во время бури персидские вельможи бросались в море, чтобы, облегчив таким образом корабль, спасти Ксеркса, «как они поочерёдно подходили к царю и склонялись перед ним, прежде чем кинуться за борт... Ибо гораздо легче положить свою голову в пылу битвы, чем обдуманно и холодно, без всякого принуждения, решаться на самоубийство из-за религиозно-государственной идеи!»²⁵⁵. В этом отрывке персидской истории Леонтьев видел образец достойной подражания доблести. В способности умереть за державу и государя заключена высшая добродетель и эталон поведения не только для персов, но и для русских. Обосновывая этот взгляд, знаток нравов, населявших Османскую империю народов, К.Н. Леонтьев передаёт похвальные слова турецкого паши в адрес покорного русского народа. Турецкий паша, по мнению Леонтьева, вполне уловил суть русского византизма, так же как и многие другие турки, которым, несмотря на историческую вражду, государственным характером своим Россия всегда нравилась больше Европы²⁵⁶.

Российско-византийские параллели наглядно демонстрируют особенности цивилизационного развития России и позволяют лучше понять социально-политические и духовные процессы, происходящие в современном обществе.

Немаловажным для осмысления особенностей русского менталитета, проблем, связанных с возникновением в России гражданского общества, является вопрос о «женственности», жертвенности, пассивности русского народа, о которых столько писали Н.А. Бердяев²⁵⁷ и В.В. Розанов²⁵⁸. Русская «женственность» сочетается с русским коллективизмом и проявляется в покорности, которую восхвалял К.Н. Леонтьев и проповедовал, ссылаясь на образ Татьяны в «Евгении Онегине», в своей Пушкинской речи Ф.М. Достоевский. Эта многократно подчёркнутая

²⁵⁵ Леонтьев К.Н. Византизм и Славянство // Избранное. С. 25.

²⁵⁶ Там же. С. 38.

²⁵⁷ О «вечно бабьем» в русской душе // Бердяев Н.А. Судьба России: Сочинения. Москва: Изд-во Эксмо; Харьков: Изд-во Фолио, 2004. С. 298–309; Философия неравенства. Письмо I. О русской революции // Бердяев Н.А. Судьба России: Сочинения. Москва: Изд-во Эксмо; Харьков: Изд-во Фолио, 2004. С. 489–495; Здравомыслова О.М. «Русская идея»: антиномия женственности и мужественности в национальном образе России // «Общественные науки и современность». 2000. № 4. С. 109–115.

²⁵⁸ Розанов В.В. Заветы быта и труда // «Новое Время». 28 января 1910.

русской литературой и отмечавшаяся немецкими политиками (часто применительно ко всем славянам) «женственность» России внесла немало сумятицы в русское самосознание. Восхищаясь пропитанной духом рыцарственного феодализма и индивидуальной воли Европой и сравнивая этот деятельный дух с русской пассивностью, русская интеллигенция так и не смогла понять, что Россия мужественна по-восточному. В истории созидания Государства Российского хватало железа и крови, но процесс этого созидания протекал не по-европейски. И характером территориальной структуры, и характером народным она была близка империям Востока и мужественна по-восточному. В России было мужество персов и османских янычар времён Сулеймана Великолепного, *было мужество военное, но не хватало мужества гражданского*. Военное же мужество лучше всего проявлялось под эгидой организующего начала центральной власти. Это мужество с совершенно иной, не рыцарственной, не индивидуалистической психологией и установкой. Неудивительно, что европейцы не могли понять этого, печально, что этого не понимали русские.

Сегодня, когда российское общество переживает переходную стадию своего развития, сталкивается с необходимостью самоопределения во всех областях общественной жизни, особенно важно отдавать себе отчёт в причинах отсутствия в России присущего Западу гражданского мужества и инициативы.

Ответы на многие вопросы современного развития лежат в анализе и должной оценке значения социокультурных установок, получивших название «византизм», большое внимание которым уделяли русские мыслители второй половины XIX – начала XX столетия.

К.Н. Леонтьев был совершенно уверен в благотворности византийских влияний, а Н.А. Бердяев полагал, что «русская церковь и русское государство организовались и держались византийскими началами... Разложение византийских начал подвергло опасности разложения и всю Россию»²⁵⁹.

К проявлениям византизма можно отнести присущие российскому обществу пристрастие к монархизму, самодержавию, вождизму, на современном этапе выражающиеся в гражданской апатии, неприятии западных демократических ценностей, неумении отстаивать и дорожить многопартийностью, выборами, же-

²⁵⁹ Бердяев Н.А. Философия неравенства // Судьба России: Сочинения. С. 491.

лании переложения всей полноты ответственности на власть и её персонифицированного носителя – президента или премьер-министра.

Резкой критике подвергал русский византизм В.С. Соловьёв, перед изложением взглядов которого на византизм и Россию необходимо сказать пару слов о его идеале государства. Идеал этот можно назвать теократический утопией, суть которой сводилась к христианской политике и объединению православной и католической церковью. Исходя из этого идеала, Соловьёв, в общем, был склонен негативно оценивать как Византию, так и её влияния, ступал в этом вопросе на точку зрения западников.

В.С. Соловьёв считал византизм губительным по причине его политического и морального «двоеверия», перенесённого на Россию. «Двоеверие» – термин Соловьёва, означающий: «признание зараз двух непримиримых идеалов царства: с одной стороны – христианский идеал царя как земного олицетворения и орудия Божьей правды и милости – идеал, поддерживаемый памятью о лучших из великих князей киевской и монгольской эпохи, а с другой стороны – чисто языческий образ властелина, как олицетворения грозной, всеокрушающей, ничем нравственно не обусловленной силы, – идеал римского кесаря, оживлённый и усиленный воздействием ближайших ордынских впечатлений»²⁶⁰.

В целом, аргументация В.С. Соловьёва слишком идеалистична, относится к сфере оторванного от реальности теософствования, которое вряд ли может помочь при выяснении объективных источников русского византизма, хотя и представляет несомненный интерес в качестве религиозно-философского осмысления вопроса и проявления кризиса национальной и культурной идентичности российского общества, отразившегося в русской социальной философии, и уже в силу этого не может быть оставлено без внимания.

Обвинять Византию в самодовольном квиетизме, то есть безучастном, пассивном отношении к окружающей жизни, непротивлению и искажению христианской идеи – идеи развития (по Соловьёву) неверно и несправедливо, так как Византийская империя существовала более тысячи лет и смогла за это время не

²⁶⁰ Соловьёв В. Спор о справедливости. Москва–Харьков, 1999. С. 673.

только трансформироваться из осколка Римской империи в самостоятельное устойчивое культурное образование с определёнными чертами локальной цивилизации, но и сохранить остатки античной древности.

Византия действительно была в значительной мере охранительным государством, главной задачей которого вполне обоснованно считают сохранение богатого наследия прошлого в неспокойном океане средневековых переселений народов и завоеваний. Идея свойственного Западу «христианского прогресса» не могла не отступить на задний план при таких обстоятельствах. Но в то же время «византийская культура имела свой период «Возрождения» эллинской древности, когда греческий язык вытеснил латинский из государственного управления (при императоре Маврикии), и свою Реформацию – иконоборчество, и свою эпоху Просвещения – при Македонской династии»²⁶¹.

В целом, за распространённое мнение о том, что Византия якобы была закостенелым, остановившимся в развитии, живущим исключительно прошлым призраком Римской империи, во многом ответственна большая событиями эпоха Юстиниана, время правления которого было ознаменовано полномасштабным напряжением сил всего государства с целью возврата западных территорий и собирания утраченных земель Римской империи. Силы Византии были подорваны этой борьбой. Блестящие победы Велизария оказались бесполезной тратой ресурсов. Великая историческая эпоха по своим последствиям для Византии оказалась чередой бесполезных жертв и ошибок. Получилось, что Юстиниан действительно жертвовал будущим, для того чтобы восстановить величие прошлого. В представлении далеких потомков и поколений историков Юстиниан затмил своими поступками всю долгую историю Византийского государства. И это не удивительно, так как его яркое правление, кроме всего прочего, оставило последующим поколениям знаменитый Кодекс Юстиниана, великолепный храм Святой Софии Константинопольской, сочинения Прокопия Кесарийского и множество других достойных восхищения памятников и событий.

Было бы неверно оценивать Византию мерками западноевропейского культурно-исторического типа со свойственными ему фобиями и антипатиями.

²⁶¹ Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 212.

Примером такого европоцентричного взгляда на Византию служат произведения В.С. Соловьёва, в которых отразилось *предвзятое* отношение образованного русского общества к Византии – ещё одно проявление кризиса национальной и культурной идентичности российского общества. Точно так же относилась европеизированная элита и к самой России.

Говоря о том, что дело Петра I состояло в том, «чтобы дать России реальную возможность стать христианским царством – исполнить ту задачу, от которой отреклась Византия»²⁶², Соловьёв, кажется, совсем не замечал, что именно Византии обязана Россия своей «главной задачей» – иное дело, что мнения о содержании этой задачи совпадали не у всех русских мыслителей; в отличие от Соловьёва наиболее распространённым взглядом на «главную задачу» России было решение Восточного вопроса – и именно в «незавершённости» христианского дела Византией скрывалась та преемственная связь, которая позволяла говорить о христианской миссии России. Предполагалось, что если бы не пала Византия, ход истории был бы совершенно иным, а Восток совсем бы не нуждался в появлении того нового гиганта, каковым стала под византийским влиянием Россия. Падение Византийской империи оказало благотворное влияние на Россию, дало возможность заявить о себе миру, то есть с государственной, русской точки зрения роль византизма была именно в сохранении православного христианского потенциала, развить который было суждено России. Противопоставляя Иоанна Грозного Петру, в лице которого «Россия решительно обличила и отвергла византийское искажение христианской идеи»²⁶³, В.С. Соловьёв идеализировал мотивы Петра, придавал им желательный ему (Соловьёву) смысл. Идеализируя реформаторскую деятельность Петра, он подразумевал идеал гуманистической теократии Христа, отвергая московскую державу почитателя архангела Михаила и карающего Саваофа Ивана Грозного.

Односторонностью страдала данная Соловьёвым оценка деятельности Петра как направленной единственно на общее благо. С государственной точки зрения это действительно было так, но ведь и Грозный жизнь положил на возвеличение страны. При нём, несмотря на губительные дальнейшие последствия, было

²⁶² Соловьёв В. Спор о справедливости. С. 678.

²⁶³ Там же.

очень многое сделано, и призвание, которым наделял Петра Соловьёв, ответственность свою за народ и державу пред Богом он чувствовал, несомненно, хотя царствование его было отмечено великой кровью и произволом. Петр и Иоанн были много ближе друг к другу в смысле характера правления и целей, чем это казалось В.С. Соловьёву. Оба ставили целью укрепление и модернизацию государства, оба были самодержавными царями-хозяевами с ярко выраженными авторитарно-восточными чертами, то есть вполне вписывались в концепцию русского византизма. В своей оценке Петра Соловьёв неосознанно поддался прозападным настроениям современной ему эпохи, либеральным веяниям второй половины XIX столетия, о которых с таким сожалением писал певец русского византизма К.Н. Леонтьев.

По мнению В.С. Соловьёва, благодаря Петру «русский ум раскрылся для таких понятий, как человеческое достоинство, права личности, свобода совести и т.д., без которых невозможно достойное существование, истинное совершенствование, а следовательно, невозможно и христианское царство»²⁶⁴. Идеал такого царства Соловьёв не представлял без западноевропейских ценностей, не ставя, в отличие, например, от Н.А. Бердяева, вопрос о том, возможны ли они в России. В отличие от К.Н. Леонтьева В. Соловьёв не чувствовал неразрывной связи между Византией и Русью. Для него Византия – неудачный опыт христианского государства и более ничего. Взгляд Соловьёва был устремлён на Запад. Он был настолько поглощён идеалом, что не видел, как и подавляющая часть современного ему интеллигентного общества, громадную пропасть, отделявшую либеральное высшее общество от тоталитарно мыслящих народных масс, нуждавшихся в «твёрдой руке» по-восточному деспотичного монарха и совершенно не готовых воспринять разделявшийся элитой взгляд на либеральные ценности.

Византийские корни дали в России удивительные плоды. В русском православии уже совсем не осталось того язычески утончённого духа, которым отличалась Византия в период общеевропейского средневекового варварства. Русский византизм вылился в идею жертвенности русского народа-богоносца, призванием которого являлось, как считали многие, донесение света правды христовой по всей земле, а главное – защита слабых, уг-

²⁶⁴ Там же. С. 679.

нетаемых собратьев по вере. В отличие от обладавшей незначительным количеством собственно греческого населения Византии, которой приходилось привлекать в страну значительные массы эмигрантов и вести рискованную, на грани фола, племенную политику, сохраняя баланс между варварскими племенами, Россия была настолько богата населением, что вполне могла растворить в российском суперэтноте²⁶⁵ инородные элементы.

В не имевшей античных римских традиций России данные Византией политические возможности привели к весьма необычным в мировой истории последствиям. Притязания на Константинополь и территории Византийской империи привели к торжествовавшему во многих лучших русских умах убеждению в необходимости освобождения из-под исламского ига православных братьев-славян, несмотря на уверенность в будущей неблагодарности и даже прямой враждебности этих освобождаемых братьев²⁶⁶. Вот почему, как считал Ф.М. Достоевский, несмотря на многие пороки русского общества, русский народ – богоносец. Только в бою, в жертве, в страдании открывается лучшее в нём. Именно реки крови, пролитые за болгар и сербов, и миллионы «впустую» истраченных на освободительные войны средств – лучшее доказательство избранности России.

В определённый момент политический расчёт и вера в народную миссию слились настолько, что материальные выгоды войны отошли на второй план – идеальные мотивы корректировали политический прагматизм.

Данный верой в византийское наследие России толчок привёл впоследствии к совершенно неожиданному результату. В дальнейшем мессианство русского народа трансформировалось в идеал коммунистического общества равенства и справедливости: та же православно-византийская идея жертвы днём сегодняшним ради лучшего будущего, тот же идеал равенства и очень своеобразно понимаемой справедливости – больше справедливости равенства, а не справедливости возможностей. Снова всё та же им-

²⁶⁵ «Суперэтнос – этническая система, состоящая из нескольких этносов, возникших одновременно в одном ландшафтном регионе, проявляющаяся в истории как мозаичная целостность». «Суперэтнос – системная целостность, стоящая на порядок выше этноса». Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 723, 154.

²⁶⁶ См., например: Достоевский Ф.М. «Человек есть тайна...» С. 366–368, 372, 374, 375 и др.

перская идея и освобождение братских народов, правда, теперь братских по идеологии, а не по вере. Советский Союз стал апогеем позднего и уже довольно условного русского византизма, потерявшего формально-историческую связь с Византией и больше похожего на современное прочтение истории вавилонских царей и египетских фараонов.

Сталинская эпоха стала последним мажорным аккордом в многовековом русском мессианстве. Возможно, СССР был худшим вариантом развития византийских начал, но с его крушением Россия утратила многие составляющие своего византизма, а значит и своей социокультурной идентичности.

Заменивший православие марксизм оказался подходящей формой для сохранения византизма, но смогло ли православие теперь или сможет ли оно в будущем заменить собою марксизм и уже исчезнувшую советскую идеологию, как это было до революции, придав тем самым византийским началам новую форму, – вопрос, на который приходится отвечать сегодня. Для современной России видимая утрата советского византизма обернулась кризисом самосознания и параличом государственной воли. И хотя общество сохраняет византийские черты в своём отношении к власти, собственности, жизни вообще, оно лишилось цели существования, национальной идеи.

В отсутствие ярко выраженных черт славизма византизм стал основополагающим принципом православной цивилизации. Достаточно однозначно по этому поводу высказался К.Н. Леонтьев: «Славянство есть, и оно численностью очень сильно; славизма нет, или он ещё очень слаб и неясен». «Славизма как культурного здания или нет уже, или ещё нет; или славизм погиб навсегда, растаял вследствие первобытной простоты и слабости своей, под совокупными действиями католичества, византизма, германизма, ислама, мадьяров, Италии и т.п., или, напротив того, славизм не сказал ещё своего слова и таится, как огонь под пеплом, скрыт незримо в аморфической массе племенного славянства»²⁶⁷. Такую же обеспокоенность высказывал Н.Я. Данилевский: «Аналогия говорит за самобытную славянскую цивилизацию; но славянское племя может составлять исключение, не имея в себе

²⁶⁷ Леонтьев К.Н. Византизм и Славянство // Избранное. С. 56.

достаточных особенностей, чтобы развить, выработать эту само-бытную культуру»²⁶⁸.

Византизм – глубинный источник русского самосознания, который нельзя сбрасывать со счетов при анализе современного кризиса идентичности российского общества. Нанеся удар по православию и заменив его марксизмом-ленинизмом, революция смогла дать народам империи общую идею, но с крушением СССР и изменением политической карты мира Россия практически совсем утратила своё мессианское призвание, которое после распада СССР трансформировалось в постимперский синдром.

Сегодня русские западники – либералы снова предпринимают попытки отказа от византийского прошлого, винят византизм во всех невзгодах исторического развития России. И они, если рассматривать вопрос с точки зрения западных ценностей и убеждений, во многом правы. Действительно, история России (на чём современные либералы настаивают точно так же, как и их предшественники западники) сложилась бы совершенно иначе, если бы страна приняла католицизм. Возможно, тогда Россия могла стать действительным и полноправным членом европейской семьи народов, чтобы идти рука об руку по пути прогресса, вместе с Европой обращаться к Богу на одном языке и освободить Гроб Господень под сенью латинских крестов. Именно такую картину рисовал П.Я. Чаадаев в своих «Философических письмах», иллюстрируя утерянные Россией, вследствие принятия византийского христианства, возможности.

Отношение к византизму зависит от того, модель какого общества берётся за идеал, какой путь общественного развития считается наиболее предпочтительным. Исходя из этих предпочтений, существуют два взгляда на византизм. Для одних он – губительное влияние, сбившей Россию с пути просвещения и западного прогресса, «растленной Византии», для других – источник устойчивости, силы государства и народного характера, определяемого православием и другими византийскими влияниями.

В допетровской России в византизме видели исключительно положительное, творческое начало или, в худшем случае – поучительный урок для России. С Петра I начинают винить византизм. До Петра византизм был основой русского само-

²⁶⁸ Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. С. 189.

сознания. Во многом благодаря византизму московское государство было самобытно и самодостаточно, но византизм мешал осуществлявшейся Петром модернизации, идеологической базой которой стала вестернизация. Приверженное византизму общество было враждебно западным ценностям. Византизм не мог быть идейным фундаментом модернизации, и против него началась борьба. Внесённая Петром I смута и раскол нанесли непоправимый ущерб русскому самосознанию, последствия которого чувствуются ещё и теперь.

Суммируя вышесказанное, можно прийти к нескольким общим выводам.

1. Вместе с православием византизм стал одним из источников культурной и национальной идентичности российского общества и имперской идеологии России.

2. Византизм является основой российского культурно-исторического типа, более чем на тысячелетие определившей развитие России в качестве самобытной локальной цивилизации, характер социальной структуры российского общества, его политической, правовой, хозяйственной и духовной сфер и социальных отношений.

3. Византизм включает в себя целый комплекс социальных установлений, многие из которых влияют на современное российское общество и стали присущи Российско-православной цивилизации настолько, что неотделимы от неё и, по-видимому, исчезнут только вместе с уникальным культурно-историческим типом, частью которого являются. При этом кардинальное изменение самой цивилизационной матрицы представляется невозможным, а все происходящие в обществе трансформации находятся в зависимости от неё и формируются в заданных ею рамках. Византизм является одним из основных факторов цивилизационной системы, в зависимости от и в заданных рамках которой проходит процесс социокультурной трансформации российского общества на протяжении всей его истории.

Цивилизационная заданность социокультурных трансформаций современного российского общества проявляется в том, что в России 2000-х годов наблюдаются традиционные для российского общества черты, среди которых можно выделить: неделимость политической власти, автономию власти от обще-

ства, тождественность власти и собственности, социальную инженерию, направленную на опеку над обществом²⁶⁹.

Для плодотворного исследования процесса социокультурной трансформации современного российского общества необходимо учитывать цивилизационные закономерности его развития. В противном случае исследование сводится к конструированию идеальных моделей, не отвечающих реалиям развития культурно-исторических типов и составляющих их обществ.

Византийское наследие: геополитический аспект Восточного вопроса

Геополитический аспект византийского мифа может быть не интересен с точки зрения истории идей как таковых, но чрезвычайно важен для понимания его неоднозначности, особенно в глазах нерусских политиков и мыслителей. То, что казалось само собой разумеющимся в России, рассматривалось представителями других великих держав с совершенно иных, прежде всего экономических и стратегических позиций.

Чёрное море и проливы Босфор и Дарданеллы являлись для Российской империи выходом в мир международной торговли. И тарифы, взимавшиеся за проход через них, могли быть действенным инструментом давления на Россию со стороны враждебной Османской империи и западных держав, прежде всего Великобритании. Россия была уязвима, так как могла быть лишена возможности вывода своего флота из Чёрного моря и, что было намного важнее, в любой момент столкнуться с входом в его акваторию военных судов иностранных держав. Контроль над проливами, наоборот, делал Россию почти неуязвимой, так как ей «с давних пор не грозило какой-либо опасности, кроме как со стороны Франции и Англии». Заперев проливы, «Россия была для них недоступна ни с суши, где достигнуть её можно было, только пройдя через Германию, ни со стороны Балтийского моря, при-

²⁶⁹ Дахин В.Н. Исторические детерминанты политического развития современной России // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации / Под общ. ред. Т.И. Заславской. Москва: МВШСЭН, 2003. С. 35–39.

годного для действий военного флота лишь незначительную часть года»²⁷⁰. Закрытие Дарданелл кардинально нарушало политическое равновесие сил в Европе, делало Россию недостижимой и со стороны Чёрного моря, а значит, давало возможность проводить активную внешнюю политику, не оглядываясь на западные державы, чего не могла допустить ни одна из великих держав.

Непосредственным столкновением с западными державами на Чёрном море стала Крымская война 1853–1856 годов, после поражения в которой Россия на некоторое время лишилась возможности держать свой флот на Чёрном море.

Ответом на невозможность контролировать Чёрное море от потенциальной угрозы со стороны британского флота стало продвижение России в Азию и закрепление в ней, в том числе с целью угрожать английскому владычеству в Индии, ненадёжность которого показали события восстания сипаев 1857–1859 годов.

«Захват Россией проливов, – писал академик Тарле, – начал с точки зрения английских дипломатов ..., во-первых, наступление эры полной неуязвимости русского государства со стороны Англии; во-вторых, этот захват не мог не явиться прелюдией к полному завоеванию Турции; в третьих, это завоевание Турции, конечно, должно было сопровождаться несравненно более лёгким ... подчинением также и Персии, которая уже и в конце 30-х годов, по прямому подстрекательству со стороны русского посланника ..., пошла на Герат, чтобы расчистить для русских дорогу в Индию. Следовательно, отдать царю Турцию – значит отдать ему Индию. А для Англии потерять Индию – значит превратиться во второстепенную державу. Поддаться на соблазнительное предложение царя поделить Турцию между Англией и Россией – значит, по мнению британского кабинета, пойти на коварнейший и опаснейший для Англии обман. Царь предлагает Англии Египет и Крит. Но если бы даже поторговаться и получить ещё при этом дележе Сирию, которую Николай охотно отдаст, чтобы надолго поселить и укрепить вражду между Англией и Францией, если даже кроме Сирии Англия получит ещё Месопотамию, которую царь вовсе пока не предлагает англичанам, – какова будет цена всем этим английским приобретениям? Захватив Малую Азию от Кавказа до азиатского берега Босфора, обес-

²⁷⁰ История XIX века. Т. 4. С. 344.

печив за собой прочный тыл как на Кавказе, так и на Балканском полуострове, где Сербия, Болгария, Черногория, Молдавия, Валахия превратятся в русские губернии, царь может спокойно послать затем несколько дивизий к югу от Малой Азии, и эти войска без особых усилий выметут англичан прочь из Месопотамии, а если царю будет угодно, то и из Египта, и Сирии, и Палестины. Словом, этот предлагаемый Николаем делёж Турции есть лишь дипломатический манёвр, прикрывающий грядущее полное поглощение Турции Россией. Слишком неодинаковы будут условия *после* дележа для России и Англии, слишком сильна Россия своей географической близостью и связанностью с турецкими владениями и своей огромной сухопутной армией»²⁷¹. Таков был взгляд английских политиков на Восточный вопрос.

Обеспокоенность англичан по поводу российской угрозы индийским владениям Британской империи стала постоянной с начала XIX столетия, когда возник замысел совместного русско-французского «Великого проекта». Наполеон Бонапарт и российский император Павел I обсуждали проект совместного вторжения в британскую Индию: «Царь первый задумал «великий проект», в выполнении которого должны были совместно участвовать французская и русская армии. Русская численностью в 25 000 человек регулярного войска и 10 000 казаков, должна была собраться в Астрахани; французская, под начальством Массена, в составе 35 000 человек, взятых из рейнской армии, должна была спуститься по Дунаю до его устья, переплыть Чёрное и Азовское моря до Таганрога и затем отправиться на Астрахань. Здесь ... Массена, намеченный для новой роли самим рыцарски настроенным царём, должен был принять начальство над соединёнными силами русских и французов»²⁷².

Предполагалось, что, переправившись через Каспийское море и высадившись в Астрабаде²⁷³, объёдинённые силы пройдут через Персию и Афганистан, раздавая по пути местным правителям изящные изделия французской промышленности. Армию должны были сопровождать учёные и художники, целью которых

²⁷¹ *Тарле Е.В.* Крымская война. Т. 1. С. 138–139. См. также с. 339, 378, 433 и др.; Т. 2. С. 480, 542.

²⁷² История XIX века. Т. 2. С. 414. См. также. Т. 8. С. 306–307.

²⁷³ Астрабад – современный иранский город Горган, находится приблизительно в 400 км. от Тегерана.

(как и в случае Египетского похода Наполеона) было изучение этих стран и демонстрация достижений западной науки местному населению. Провозглашаемое целью похода изгнание англичан из Индии должно было обеспечить войскам всемерную поддержку местного населения и поднять всеобщее антианглийское восстание. Павел I рассчитывал нанести поражение англичанам и открыть новые пути российской торговле. К февралю 1801 года с российской стороны было укомплектовано 11 казацких полков под командой атамана Денисова.

Кроме индийского русско-французского проекта, важное место в опасениях англичан занимал факт переговоров Наполеона с русским императором о передаче последнему, как главе мальтийского ордена, острова Мальты. Дошло до того, что Павел несколько раз накладывал секвестр на английскую собственность²⁷⁴.

Убийство Павла I прекратило все угрожавшие Англии мероприятия.

Российское продвижение в Туркестан в первой половине XIX века преследовало задачу возвращения дороге в Индию через Туркестан и северное побережье Чёрного моря того значения, которое она имела во времена монгольского владычества²⁷⁵. В 1831 году российские товары через посредничество бухарцев и афганцев стали проникать в Лахор, потенциально угрожая торговле англичан. Преимущественно идеалистический мотив русской мечты о Втором Риме – Царьграде-Константинополе в глазах англичан тесно переплетался с вопросами британской колониальной политики в Индии и английской торговлей²⁷⁶. В том числе подталкивая англичан к повсеместному активному сочувствию беспрепятственно восстававшим народам российского Кавказа.

Россия и Великобритания угрожали друг другу в чрезвычайно важных для себя точках, чем в определённой степени было достигнуто стратегическое равновесие.

Вторым, после Крымской войны критическим моментом, который показал геополитическое значение Константинополя,

²⁷⁴ Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на Французскую революцию и Империю. В 2 т. Москва: ООО «Издательство АСТ»; Санкт-Петербург: Terra Fantastica, 2002. Т 2. С. 46–47, 51–54, 58, 60–62, 67–68, 84–85.

²⁷⁵ История XIX века. Т. 4. С. 372, 374.

²⁷⁶ Там же. Т. 4. С. 376–378.

стали события русско-турецкой войны 1877–1878 годов, не вполне благоприятный исход которой для России был вызван вмешательством Великобритании.

В первую очередь геополитическое значение было важно для Англии. России же, несомненно (тем более, если рассматривать этот вопрос с точки зрения российского общественного мнения тех лет), Константинополь в первую очередь был интересен как древняя вселенская православная столица, один из наиболее значимых символов религиозной национальной идентичности россиян. Именно эта, прежде всего, культурная значимость Константинополя для России позволяет объяснить тот факт, что подавляющее число писавшихся русскими учёными, историками и публицистами работ по проблематике Восточного вопроса касались религии, освобождения славян, общеславянского единства и культуры, а не стратегических и геополитических преимуществ обладания городом. Для Великобритании же вопрос о нейтральном статусе Проливов или независимости их от России как для морской колониальной державы был принципиально важен, несоизмеримо в большей степени, чем для континентальной Российской империи.

Сегодня, незнание с общественным мнением того времени может привести к ложному выводу, что все эти разговоры о византийском наследии совершенно неестественны или были призваны затемнить прагматические экономические и стратегические интересы. Но для подавляющего большинства русских людей XIX столетия вопрос стоял совершенно в иной плоскости. Константинополь в первую очередь был центром православия и средоточием православных святынь, местом пребывания Вселенского Константинопольского патриарха. Когда российские корабли проходили через Босфор, православные люди падали на колени и неистово молились, обратившись в сторону храма Святой Софии Константинопольской.

Первостепенное культурное значение Константинополя для православной России совершенно вытесняло стратегические соображения. В частности, этим можно объяснить ту практическую сложность, с которой сталкивались русские публицисты, когда во время Первой Мировой войны пытались обосновать то, что Достоевский в своём «Дневнике писателя» выразил фразой

«Константинополь, рано ли, поздно ли, а должен быть наш»²⁷⁷.

Во внимание принималась сложноописуемая и не понятная для сторонних, не включённых в контекст российско-православной культуры наблюдателей часть российского самосознания, связанная с православием и тысячелетней притягательной силой Константинополя для славян. Эти желания и чувства было сложно рационально объяснить, а вопрос стратегического значения был для большинства публики не важен и даже широко не обсуждался. В частности, это общественное «пренебрежение» геополитической стороной вопроса объясняется сложностью и масштабностью имперской политики России, её включённостью в сложную систему международных отношений великих имперских держав-соперников, охватить которые в полной мере могли, как правило, только профессиональные дипломаты и военные, а не далёкое от них общественное мнение. Ещё одним фактором невнимания общественности к геополитическому значению Константинополя был тот факт, что у России в отличие от Великобритании не было настолько веских причин укреплять своё морское могущество, да и история черноморских российских территорий кроме периода Крымской войны, в общем и целом, обошлась без столкновений с флотами западных стран.

²⁷⁷ Ещё раз о том, что Константинополь, рано ли, поздно ли, а должен быть наш // *Достоевский Ф.М.* «Человек есть тайна...» С. 307–318.

Глава III

Империя: мессианский аспект российского самосознания

Первый мессианский проект России

*Только маленькие народы и государства
соглашаются на чисто национальное
существование, не претендуют
быть миром.*

Николай Александрович Бердяев

Возникновение понятия «мессианизм» принято связывать с ветхозаветным эсхатологическим ожиданием Мессии в древнем Израиле. Именно в этом контексте определяется мессианизм во многих словарях. Однако в литературе встречается и более широкое определение мессианизма. В.С. Соловьёв писал о мессианизме в этом значении: «Вне богословской сферы, хотя в связи с религиозными представлениями, у всех народов, игравших важную роль в истории, при возбуждении национального самосознания возникало убеждение в особом преимуществе данного народа, как избранного носителя и свершителя исторических судеб человечества»²⁷⁸. Именно в этом смысле понимало русский мессианизм большинство авторов, писавших о призвании России.

²⁷⁸ Соловьёв Вл. Мессианизм // Новый энциклопедический словарь. Т. 26. Ст. 352–353.

Н.А. Бердяев в этой связи отмечал целесообразность разграничения двух смыслов понятия «мессианизм» (от «Мессия») посредством введения термина «миссианизм» (от «миссия») ²⁷⁹.

Все истинные империи «претендовали быть миром», были в той или иной степени мессианскими. Мессианизм близок империализму, питает его и в то же время сам питается им. Культурный, политический, религиозный мессианизм прихотливо переплетался, одна из составляющих могла доминировать над остальными, но во всех случаях мессианизм представал в форме основанного на вере в собственные ценности желания «осчастливить» ими (своими ценностями) другие народы, цивилизации, общества.

Многие общества в своей истории прошли стадию религиозного самоутверждения, религиозной идентичности, религии как национальной идеи. И первый мессианизм часто носил преимущественно религиозный характер утверждения веры.

Можно привести множество примеров религиозного мессианизма, религиозного национального самосознания.

Уже отмечавшийся ранее протестантский мессианизм Англии выражался в представлениях общества о завете английской нации с Богом, её богоизбранности. Впоследствии религиозный мессианизм англичан пополнился чертами мессианизма культурного и политического, приобрёл черты мощного и сложного британского империализма.

Точно так же, только уже в католическом русле, на почве религиозной национальной идентичности развивался мессианизм во Франции: «Идеи нации и родины носили религиозный характер. С XIII в. вошло в обычай именовать французского короля «христианнейшим», а Францию – «старшей дочерью Церкви». Средневековые авторы подчёркивали набожность народа Франции, его верность католической церкви и богоизбранность. Обращаясь к тексту Священного Писания, они сравнивали Францию с Израилем, её народ – с избранным народом, называли трон французских королей трон Давида, а короля – новым Моисеем.

²⁷⁹ Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. Санкт–Петербург: Тип. тов-ва "Общественная польза", 1910. С. 39 и далее.

Франция ... изображалась как новый Рим и единственная христианская империя, достойная называться таковой»²⁸⁰.

В XV веке один из французских авторов писал: «Франция – наследница Рима, и другой Империи никогда более не быть»²⁸¹.

Как и английские авторы, видевшие в истории Англии череду проявлений Божьей благодати, французские историки XV–XVI веков считали, что Господь наградил их всеми средствами для того, чтобы исполнить цивилизаторскую миссию.

Впоследствии религиозный мессианизм Франции сменился культурным мессианизмом: «Франция изображалась уже не старшей дочерью церкви, которая хранит католическую веру и противостоит ересям, а страной высокой цивилизации, несущей свет разума всему миру»²⁸².

Интересно, что инок Филофей на Руси XVI века выразил мессианские идеи в очень похожей религиозно-мессианской форме: «Скажем несколько слов о нынешнем преславном царствовании пресветлейшего и высокопрестольнейшего государя нашего, который во всей поднебесной единый есть христианский царь и сохранитель святых божиих престолов, святой вселенской апостольской церкви, возникшей вместо римской и константинопольской и существующей в богоспасаемом граде Москве, церкви святого и славного Успения Пречистой Богородицы, что одна во вселенной краше солнца светится. Так знай, боголюбец и христоролюбец, что все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя, согласно пророческим книгам, и это – российское царство: *ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвёртому не бывать*²⁸³. Все христианские царства затоплены неверием, и только одного государя нашего царство одно благодатью Христовой стоит»²⁸⁴.

Концепции Москвы – Третьего Рима, Святой Руси и Православного Царя относятся к тому же ряду религиозной нацио-

²⁸⁰ Пименова Л.А. Идея нации во Франции Старого порядка // Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории. С. 128.

²⁸¹ Там же.

²⁸² Там же. С. 149.

²⁸³ Выделено мною – В.С.

²⁸⁴ *Старец Филофей*. Послание о неблагоприятных днях и часах // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей. С. 30–31.

нальной идентичности и религиозного мессианизма, который был свойствен и другим странам.

В Испании и Испанской колониальной империи религиозно-мессианское самосознание воплотилось в характерных образах Филиппа II и католических королей – Изабеллы и Фердинанда.

Отдельно можно выделить общеевропейский религиозно-политический мессианизм крестовых походов.

П.Н. Савицкий писал, что «может существовать империализм в политике, империализм в экономике, империализм в делах культуры»²⁸⁵. Практически то же самое можно сказать и о мессианизме, который может быть политическим и культурным, но не может быть экономическим. Экономический мессианизм немыслим и именно поэтому американский рыночный фундаментализм всегда поддерживался не экономическими доводами, а в первую очередь политическими и культурными – демократия, права человека и образ жизни всегда выходили на передний план. Экономика и хозяйство сами по себе слишком эгоцентричны, исходят из собственной пользы и только на неё ориентируются, не проявляют желаний «осчастливить» человечество навязыванием своих ценностей. Экономика в мессианском контексте – всегда следствие, а не побудительная причина мессианских проектов. Мессианизм основывается на вере и уверенности в правоте призываний на господство своих ценностей.

Мессианизм СССР можно отнести к разряду эволюционировавшего из мессианизма религиозно-политического в мессианизм политико-идеологический. К этому же типу в определенной мере можно отнести и мессианизм Соединённых Штатов Америки, отблески которого наблюдаются ещё и теперь. (Наряду с культурным *империализмом*, который отличается от *мессианизма* тем, что расширяется и насаждается из экономических соображений без морального обоснования, которое всегда присутствует в мессианизме). Правда, в случае США преемственная связь значительно заметнее, так как Соединённые Штаты, в отличие от СССР, не отрекались от своего прошлого, создавая совершенно новую для общества систему ценностных координат.

²⁸⁵ Савицкий П.Н. Борьба за империю // Нация и империя в русской мысли начала XX века. С. 262.

Советский Союз выступал носителем не эволюционного, а *революционного* мессианизма, мессианизма, призванного насаждать новые ценности, основанные на вере в светлое будущее, а не исторических традициях прошлого, которые были отвергнуты и только постепенно и в очень ограниченном количестве были восстановлены впоследствии.

Ярким примером революционного мессианизма выступала также революционная Франция, оборвавшая преемственную связь со своим прошлым и создававшая новую систему ценностных координат, развитию которой должны были способствовать разносторонние меры, в том числе новый революционный календарь, дехристианизация страны, насаждение культа Верховного Существа и другие меры.

Несмотря на очевидную завоевательную и агрессивную внешнюю политику Французской Республики, кроме реалистично-политических мотивов её проведения, присутствовал и осязаемый идеологический и мессианский аспект. Руководителям Франции казалось, что только ниспровержение окружающих республику монархий может обезопасить её от внешних врагов и в то же время принести мир народам Европы. Великий теоретик и практик французского национализма аббат Сийес писал Талейрану: «Мы сделали ошибку, не стерев все итальянские монархии», на что Талейран напоминал об очень слабых корнях свободы в Италии²⁸⁶. «Французы преуспели в защите своих новых принципов, которые отныне были настолько священными, что стало необходимо распространить их по всей Европе»²⁸⁷.

Внешняя политика революционной Франции носила знакомый по действиям США в XX столетии – начале XXI века характер «экспорта демократии» или советского экспорта и поддержания социализма. Как и в случае американских попыток в Ираке и советских в Афганистане, революционными армиями Франции не удалось достичь поставленных целей. В Германии, Испании и Италии процесс демократизации и формирования национальных государств произошёл десятилетия спустя, хотя французские вторжения и ускорили этот процесс, нанеся крупный урон исторически сложившимся феодальным структурам оккупированных стран, а также стимулировав в их обществах

²⁸⁶ Ван Дейсен Г. Дж. Сийес: его жизнь и его национализм. С. 123.

²⁸⁷ Там же. С. 145.

пробуждение национального самосознания, основанного на необходимости с оружием в руках отстаивать свою независимость.

Применительно к русскому мессианизму можно выделить три последовательно сменявшихся этапа развития, характеризовавшиеся определённым набором представлений об исторических задачах России:

1. Призвание России сохранять православное вероисповедание.

2. Решение Восточного вопроса – овладение Константинополем, византийским наследием и освобождение славян (многочисленные проекты вроде образования Всеславянского союза).

3. Распространение коммунистических идеалов по всему миру.

В качестве продолжения многовекового мессианского процесса на современном этапе российской истории, когда отсутствует разработанная государственная идеология и общество и власть не ставят перед собой чётких целей (во всяком случае идущих дальше популистской риторики), можно говорить о изживании мессианизма, его трансформации в постимперский синдром, некоторую ностальгию по СССР и славным прошлым временам, когда у России такая миссия была.

О русском призвании, идее, воззрении написано чрезвычайно много, однако само возникновение словосочетания «русская идея» принято связывать с именем Ф.М. Достоевского, взгляд которого на этот предмет был в сжатой форме изложен в знаменитой Пушкинской речи 8 июня 1880 года. Достоевский считал, что сущность русской идеи состоит в призвании русского народа «ко всеобщему общечеловеческому воссоединению со всеми племенами великого арийского рода», ибо «назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только ... стать братом всех людей, *всечеловеком...*»²⁸⁸

Русская идея по Достоевскому заключается в братском стремлении к воссоединению людей, всемирной любви и отзывчивости, так как только русский народ может понять все народы земли, только русский человек – всечеловек. Русский народ должен примирить народы всего мира, стать источником всемирной

²⁸⁸ Достоевский Ф.М. Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей. С. 187.

гармонии, всепрощения и любви. Достоевский в своей трактовке сущности русской идеи являлся представителем традиционного для русской философии идеалистического направления и православно-славянского мессианизма.

К.Н. Леонтьев, критикуя великого писателя, справедливо поднял в этой связи вопрос: «Возможно ли сводить целое культурное историческое призвание великого народа на одно *доброе* чувство к людям без особых определённых, в одно и то же время *вещественных и мистических* ... предметов веры, вне и выше этого человечества стоящих?»²⁸⁹ Леонтьев находил, что всё это прославление всемирного братства свидетельствует об окончательном духовном обезличении России: «...мы наконец-то «созрели», или, вернее, *перезрели* до того, что нам остаётся только заклать себя на алтаре всечеловеческой (т.е. просто европейской) демократии»²⁹⁰.

Вопрос о национальной идее чрезвычайно сложен, абстрактен, но необходим. Человеку свойственны обобщения, тем более не может жить нормальной политической жизнью общество, убеждения которого не объединены одной, близкой большинству населения, идеей. Однако сформулировать эту идею отнюдь не просто. Национальную идею можно уловить, наблюдая историческую жизнь народа, выявляя побудительные причины его развития. Но и при таком подходе единства мнений нет. Е.Н. Трубецкой полагал, что мы чрезвычайно мало знаем, что такое «русская национальная идея»²⁹¹. Тем не менее, суммируя взгляды русских мыслителей, можно сказать, что источником и сутью русской идеи являлись византизм и православие, значение которых для русского самосознания легко прослеживается в истории России и её государственной идеологии.

Византизм стал источником православной, имперской, мессианской русской идеи. Москва стала третьим Римом, русский царь – преемником цезарей, правителем единственной православной державы, долг которого – защитить веру и православный народ на всей земле. Брак Ивана III с племянницей по-

²⁸⁹ Леонтьев К.Н. О всемирной любви. Речь Ф.М. Достоевского на пушкинском празднике // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей. С. 196.

²⁹⁰ Там же. С. 217.

²⁹¹ Трубецкой Е.Н. Старый и новый национальный мессианизм // Смысл жизни. С. 477.

следнего византийского императора Софьей Палеолог на столетия определил направление российской политики и придал необходимую легитимность притязаниям России на роль мировой державы: «Царевна, своим московским замужеством делает московских государей преемниками византийских императоров со всеми интересами православного Востока, какие держались за этих императоров. Потому Софья ценилась в Москве и сама себя ценила не столько как великая княгиня московская, сколько как царевна византийская. ... Брак Ивана и Софьи получал значение политической демонстрации, которую заявлял всему свету, что царевна, как наследница павшего византийского дома, перенесла его державные права в Москву, как в новый Царьград, где и разделяет их со своим супругом»²⁹². Так оценивал идеологическое значение этого брака В.О. Ключевский.

Московские князья постепенно проникались идеей политической и церковной преемственности по отношению к византийским императорам, и стали именовать себя царями. «Двор царский, – писал Н.М. Карамзин, – уподоблялся византийскому, Иоанн III, зять одного из Палеологов, хотел как бы восстановить у нас Грецию соблюдением всех обрядов её церковных и придворных: окружил себя Римскими Орлами и принимал иноземных послов в *Золотой палате*, которая напоминала Юстинианову»²⁹³.

Иван III имел все основания считать себя единственным в мире православным государем. Династическое родство с византийским императором было подкреплено царской печатью с византийским двуглавым орлом. Изменился тон официальных документов. «Москва возомнила себя единственным в мире убежищем правой веры и истинного благочестия. В то время православная Русь считала себя единственной обладательницей Христа и христианства; греков она презирала, а инославные вероисповедания ставила на одну доску с язычеством»²⁹⁴. Было положено начало легенде, которой в будущие века предстояло ещё более развиться и придать Российской империи тот неповторимый ха-

²⁹² Ключевский В.О. Русская история. Книга первая. С. 451.

²⁹³ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей. С. 38.

²⁹⁴ Трубецкой Е.Н. Указ. соч. С. 455.

ракти, который, несомненно, у неё был. Как и Византии, России было суждено стать многонациональной мессианской империей.

Максим Ковалевский считал уничтожение остатков «примитивной демократии, некогда общей для всех средневековых русских княжеств» и «открытие доступа в Россию византийской цивилизации и византийским теориям императорского самодержавия»²⁹⁵ поворотными пунктами в политической эволюции России.

Примечательно, что, обосновавшись на Босфоре, турецкие султаны также объявили себя преемниками римских императоров и падишахами, то есть в переводе с персидского, тенью Бога на земле. Завоевав Сирию, Египет, побережье Аравии Османы «присвоили себе право быть духовными главами всех мусульман мира, независимо от их государственной принадлежности. Считалось, что турецкий султан имеет право назначить или сместить всех священнослужителей высшего ранга и получать шариатские налоги»²⁹⁶.

В этой связи все последующие русско-турецкие войны приобретают характер не только военного, но и идеологического противостояния, религиозных войн, или войн по линиям разломов между цивилизациями. Приняв на себя статус главы православного мира, русский царь декларировал свои притязания на земли Османской империи. Турецкий султан, как глава мусульманского мира, считал своими подданными правоверных Казани, Астрахани и Крыма. Обычно связываемая с именем игумена Филофея концепция Третьего Рима стала идеологической основой не только окончательного освобождения Русской земли от казанских, астраханских, а затем и крымских ханов, но и всех будущих экспансионистских планов Москвы на Востоке. Концепцию Третьего Рима с некоторыми оговорками были готовы признать даже римские папы, неоднократно посылавшие своих легатов к русским царям с предложениями совместной борьбы против Турции и обещаниями константинопольского трона по её благополучному завершении.

С течением времени, в связи с модернизационным рывком, проделанным Петром, черты русского византизма стали ме-

²⁹⁵ Ковалевский М.М. Очерки по истории политических учреждений России. Москва: Территория будущего, 2007. С. 44–45.

²⁹⁶ Широкопад А.Б. Тысячелетняя битва за Царьград. Москва: Вече, 2005. С. 37.

нее заметны. Переноса столицу в Петербург и проводя вестернизацию, реформатор обрекал интеллектуальную элиту страны и русское общество на неизбежный европоцентризм. С этих пор российский византизм стал казаться фикцией, так как плоды западного просвещения лишили страну его ярких внешних проявлений и, тем не менее, византизм остался. Обретя европейские формы, Россия сохранила византийское содержание, но утратила при этом понимание своего византизма, стала страной с расколотым сознанием.

Это противоречие между европейскими формами и византийским содержанием дало о себе знать, вылившись в спор славянофилов и западников – первое явное свидетельство поразившего русское общество кризиса национальной и культурной идентичности, отражение целого комплекса негативных последствий, «псевдоморфоз», по выражению Шпенглера, вызванных «злым гением русских» Петром Великим²⁹⁷.

Русский византизм стал основой веры значительной части интеллигентного русского общества в призвание русского народа и в цель русской истории, одной из причин ожидания того «нового слова», которое должна сказать Россия миру и которого так ждали И.С. Аксаков, Ф.И. Тютчев, Ф.М. Достоевский, К.Н. Леонтьев, Е.Н. Трубецкой, Н.А. Бердяев и многие-многие другие. Даже О. Шпенглеру передалось это ощущение ожидания нового, неизвестного ещё слова, которое должна произнести миру молодая российская цивилизация. Впрочем, Шпенглер видимо был под сильным впечатлением от Ф.М. Достоевского и, кажется, слишком наделял русский народ чертами наивных варваров, так же как когда-то это делали Цезарь и Тацит по отношению к германцам. Скорее был прав К.Н. Леонтьев, считавший, что под этим тревожным ожиданием нового слова, может быть, нет никаких оснований, ибо Россия уже далеко не так молода, а значит, вполне вероятно, что ждать от будущего всплеска творческих сил не стоит²⁹⁸. В действительности же европоцентризм, *предвзятость* им питаемая и кризис культурного самосознания, постоянное равнение на Европу, поразившие элиту России, не давали услышать этого «нового слова». Создаётся впечатление, что российские мыслители могли обратить на него внимание только по-

²⁹⁷ Шпенглер О. Закат Европы. Минск: Харвест; Москва: АСТ, 2000. С. 915.

²⁹⁸ Леонтьев К.Н. Избранное. С. 113, 115.

сле одобрения этого «нового слова» Европой, в Европе же его искали и Европой же мерили, в то время как в политической и социальной сферах безраздельно, пусть и неосознанно, господствовал русский византизм в европейских одеждах.

Стремление к Европе сочеталось с убеждённости в том, что Византия не справилась со своим призванием и пришла очередь России осуществить его за Византию. *Идея освобождения и объединения славян под эгидой русского царя была первым великим неосуществившимся русским мессианским проектом. Вторым, столь же масштабным и также несбывшимся, но вытекшим из первого проектом, стала мечта о мировой революции.* Царская Россия не смогла объединить славян и завладеть Константинополем, Советский Союз так же не осуществил заложенную при своём рождении мессианскую вселенскую идею. Критической точкой в осуществлении первого русского проекта была русско-турецкая война 1877–1878 годов. Это хорошо чувствовал Ф.М. Достоевский, считавший, что эта война, может быть, была последней и самой благоприятной возможностью захватить Царьград.

Достоевскому лучше всех удалось сформулировать значение Восточного вопроса для России: «Мы, Россия, действительно необходимы и неминуемы и для всего восточного христианства, и для всей судьбы будущего православия на земле, для единения его. Так всегда понимали это наш народ и государи его... Одним словом, этот страшный Восточный вопрос – это чуть не вся судьба наша в будущем. В нём заключаются как бы все наши задачи и, главное, единственный выход наш в полноту истории. В нём и окончательное столкновение наше с Европой, и окончательное единение с нею, но уже на новых, могучих, плодотворных началах. О, где понять теперь Европе всю ту роковую жизненную важность для нас самих в решении этого вопроса!»²⁹⁹

Однако в 1878 году английский флот помешал занять Константинополь. Русское Правительство не решилось начинать мировую войну. Вековое ожидание не оправдалось, Восточный вопрос так и не был решён. Вторым неосуществившимся великим русским проектом стал крах СССР. В 1878 не был взят Стамбул, в 1945, не дойдя до Ламанша, остановились советские танки. И хотя и в том, и в другом случае успех кажется сомнительным, но

²⁹⁹ Достоевский Ф.М. «Человек есть тайна...» С. 318.

только таким решительным образом можно было попытаться достичь цели многовекового развития мессианской русской идеи.

Претензия «быть миром» оказалась чрезвычайно губительной как для царской, так и для советской России.

Но не только Россия не осуществила своего «призвания». Германия так же не смогла его осуществить. С философской точки зрения необходимо ответить на вопрос: правомерно ли говорить о призвании народа и страны и если да, то как определить, осуществилось оно или нет? Это вечный вопрос смысла и цели истории, вопрос эсхатологический, рождённый христианской историософией, в контексте которой мыслили русские (и европейские) философы с самых ранних времён до Н.А. Бердяева включительно. Поэтому, анализируя неосуществлённые задачи порождённого византизмом русского мессианизма, следует помнить о том, что писавшие об этом вопросе авторы верили в идею прогресса и цель существования государства.

Людям свойственно верить в цель и причину, русские мыслители и идеологи не могли смириться с тем, что государство и народ могут исчезнуть, не «сказав миру своего слова», не осуществив своего великого предназначения. Снова вечный вопрос о смысле жизни, только в данном случае смысле жизни не отдельной личности, а целого государства или наделённого особым характером народа. В задачи этой книги не входят ответы на эти вопросы или определение правомерности их постановки, однако они существенно влияли на духовную культуру российского, да и не только российского общества. Кроме того, далеко не все государства и народы «претендуют быть миром», верят в свою миссию; многие государства никогда не имели иной цели, кроме цели самосохранения.

Первая Мировая война положила конец существованию четырёх великих империй – Османской, Российской, Австро-Венгерской, Германской, наступала эпоха новых идеологий и государств. Революция перечеркнула русскую идею в её историческом прочтении. С подписанием Брестского мира (1918 год) в историю отошёл так и не решённый Восточный вопрос. «Русский народ – писал Бердяев – не выдержал великого испытания войны. Он потерял свою идею. ...Русский народ не захотел выполнить своей миссии в мире, не нашёл в себе сил её выполнить, совер-

шил внутреннее предательство»³⁰⁰.

Идея мировой православной монархии трансформировалась в мечту о коммунистическом интернационале, для достижения которого нужны были не меньшие жертвы, чем для освобождения и объединения славян, и ещё более жёсткая централизованная власть. Учитывая этот идеологический разрыв между царской и советской Россией, можно сказать, что на фундаментальном уровне русской идеей выступала идея имперская и мессианская.

В русской философской литературе эта идея приобрела ясно выраженные черты православной, не завоевательной, а освободительной империи, воплотилась в русском православном панславистском мессианизме, в котором религия и политика имели гораздо большее значение, нежели экономика.

Идея призвания была свойственна далеко не одной России. Ярким примером следования мессианской идее в современном мире могут служить Соединённые Штаты Америки. Американцы очень верят в свою миссию, в то, что на их долю выпало даровать блага либерализма и демократии всему миру. Великие народы часто начинают идеализировать себя и побудительные причины своих поступков. Даже если в начале идеализация преследует чисто утилитарные задачи, со временем эти задачи часто совсем замещаются в народном сознании идеалом, который начинает жить собственной жизнью и направляет поступки своих адептов. Так, потенциально политически целесообразная доктрина «Москва – Третий Рим» со временем обрела самостоятельную жизнь, переросла в идею мессианского призвания русского народа, в православную имперскую идею и стала руководить практикой, приобрела материальную силу.

С практической точки зрения эта православно-имперская мессианская идея была губительной. Е.Н. Трубецкой отмечал: «В идее «русского Христа» в одинаковой мере извращается и образ Христов, и русская национальная идея. Быть может, именно благодаря этому искажению мы до сих пор о ней так мало знаем. Увлечение Россией воображаемой помешало нам рассмотреть как следует Россию действительную и, что ещё хуже, русскую национальную идею; духовный облик России хронически заслонялся

³⁰⁰ Бердяев Н.А. Судьба России: Сочинения. С. 269.

фантастической грёзой «народа-богоносца»³⁰¹. В конце XX – начале XXI века с похожей проблемой столкнулись Соединённые Штаты Америки. Насажение демократии и западных ценностей по всему миру приняло у них черты национальной идеи, американского, западного аналога русского мессианства. Идея вышла из-под контроля и стала руководить практикой. Несмотря на объективную невыгодность многих внешнеполитических шагов, Соединённые Штаты не могут остановиться, как когда-то не могла остановиться Россия, часто в ущерб себе, освобождая славян. Сегодня Соединённые Штаты – заложники либерально-демократической мессианской идеи, ради которой они готовы, как царская Россия и СССР до них, жертвовать решением многочисленных внутренних проблем.

Рассматривая историю империй недавнего прошлого, можно сказать, что только англичанам в значительной степени удалось избежать чрезвычайно болезненного для самосознания общества краха имперской идеи. Считается, что британцы несли «бремя белых» (The White Man's Burden), пока это было им выгодно, но и для них идея практической пользы порой отступала под впечатлением нравственного долга просвещённого протестантского колониализма, несущего свет знаний, цивилизации и истинной веры покорённым народам.

Английский исследователь Нил Фергюсон писал о сложном переплетении идеального и материального в истории британского империализма. В XVIII столетии Британская империя была аморальна, ганноверская династия обрела власть в Азии, захватила земли в Америке, приобретала рабов в Африке. Коренные народы облагались налогами, обкрадывались и уничтожались, но в то же время их культуры изучались, порою ими даже восхищались и по большей части терпели. Кроме целей явного грабежа, или параллельно с ними, британцев отличали весьма высокие стремления: «Они мечтали не просто править миром, но исправить его. Им было недостаточно эксплуатировать другие расы; целью стало усовершенствовать их. Эксплуатация корен-

³⁰¹ Трубецкой Е.Н. Старый и новый национальный мессианизм // Смысл жизни. С. 475–476.

ных народов могла быть прекращена, но их культуры – суевренные, отсталые, варварские – должны были уйти»³⁰².

Все завоевательные мотивы построения империй приобретали форму рационализирующих обоснований и благородных идей. Александр Македонский распространял греческую культуру на Востоке, Наполеон объединял народы Европы, испанцы несли спасительное слово Христа. Даже настоящий, явный и кровавый грабёж пытались маскировать красивой идеей, но в случае с Россией имперская идея приобрела невероятно бескорыстное звучание. Возможно, это было детерминировано неудачами русской внешней политики, незавершённостью обоих великих русских проектов, неспособностью, в отличие от англичан, получать доход от применения национальной идеи в практической жизни. России не удалось разрешить Восточный вопрос, а Советский Союз исчез, не осуществив заложенной при его создании мессианской цели мировой революции и торжества коммунистических идеалов во всём мире.

Важно помнить о невозможности однозначных моральных оценок империй. Они слишком большие, слишком разные, слишком живые, слишком сложные, чтобы вмещаться в статичные рамки мёртвых обобщений. Истребляя и подавляя население подвластных территорий, они часто приносили с собой образование, медицину, технологии, а порой, может и некомфортный, «худой», но мир. «Безусловно, мотивы колонизации были сложными. Сводить их только к грабительству, наживе и стремлению эксплуатировать было бы неверно. Среди них и мессианство, и патернализм, и искреннее стремление помочь тем, кого считали меньшими братьями, а бывало, и глубокое уважение к этим братьям»³⁰³.

Подчёркивая бескорыстность российской политики, Е.Н. Трубецкой писал: «Часто объясняют эту русскую черту нашим «беспочвенным идеализмом», «мечтательностью», «непрактичностью» и даже «космополитизмом» – отсутствием здорового национального чувства... а при этом ставят в пример нам нем-

³⁰² The Mission // *Ferguson N.* Empire. How Britain Made The Modern World. London: Penguin Books, 2004. P. 113.

³⁰³ Давидсон А. Наследие имперского прошлого // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / Под ред. А.И. Миллера. Москва: Новое издательство, 2004. С. 374.

цев...»³⁰⁴ Замечу, что у немцев и не могло быть иного основания руководящей идеи, кроме национального. Слишком долго объединялась Германия в единое государство. В Германии «национализм вполне сформировался, когда на империю были только робкие надежды, а у нас была уже укоренившаяся империя и только робкие помыслы о национализме»³⁰⁵. И однородность населения в Германии по сравнению с Россией была налицо. Россия же в силу этнической неоднородности своего народонаселения не может иметь в современных границах и никогда не имела столь ярко-выраженного этнонационального чувства. Она всегда была наднациональной, хотя и вела многочисленные свои народы по пути исторического развития под организующим началом русского народа.

Русский народ, образуя мозаичный российский суперэтнос, органично принимал в себя все национальности. Было что-то вроде знаменитого американского тигля. Быть может, именно поэтому в России не было места ярко выраженному национализму в тех формах, которые он приобретал в той же Германии. Несмотря на то, что как в императорской, так и в Советской России имели место случаи дискриминации по национальному признаку, при оценке данных явлений необходимо учитывать, что в полиэтнических обществах, в силу самой их специфики, не удаётся избежать межнациональных столкновений, которые, тем не менее, вполне могут являться исключениями, подтверждающими правило и никак не опровергающими факт по большей части мирного сосуществования многих народов и конфессий. Положение стало меняться с изменением демографического баланса и распадом СССР. Как и в США, тигель перестал справляться. Реакцией на это стало усиление в обществе шовинистических настроений – опасный для многонациональной России, но в данных обстоятельствах закономерный процесс. Кроме того, рост националистических настроений является механизмом социокультурной интеграции общества, становится инструментом формирования негативной идентичности посредством конструирования образа врага, попыткой укрепления самосознания на основе более или менее искусственного деления общества и остального мира на «своих» и «чужих».

³⁰⁴ Трубецкой Е.Н. Смысл войны // Смысл жизни. С. 483.

³⁰⁵ Миллер А.И. Национализм и империя. С. 37.

Вполне логичной заменой русской православной идеи стала идея социалистического интернационала. В ней было только одно важное противоречие, искусственный элемент – попытка объединить народы разных цивилизаций. Но идея семьи братских народов вполне подходила для многонациональной России, иноплеменные составляющие которой давно жили в рамках уважающей вероисповедания своих неправославных народов, православной цивилизации. Наднациональную сущность России с ключевой ролью русского народа очень хорошо чувствовал И.В. Сталин. Александр Верт, проанализировав его речи времён Великой Отечественной войны, пришёл к заключению, что в самые трудные дни войны Сталин обращался именно к русскому народу, вспоминал героев именно русской истории, в то время как в периоды побед в его речах возникал образ советского народа или семьи народов.

Джеймсу Биллингтону роль, отводимая Сталиным русскому народу, дала повод обвинять его, вслед за Лениным, в «великорусском шовинизме»³⁰⁶. Исследователи советской идеологии отмечают поворот от официального интернационализма к «русскоцентричной форме этатизма»³⁰⁷.

Русская идея всегда рассматривалась через призму православия. Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьёв, И.А. Ильин, славянофилы связывали русскую идею, прежде всего, с православием, но это не совсем полное отражение истины. Масштабы русских пространств, народонаселения и прочих ресурсов требовали определённого идеологического обрамления и воплотились в отчасти правдивую и в то же время несколько искусственную мысль о вселенском характере России и её народа, о русском как всечеловеке, о православии как универсальной вселенской религии. Ложной была мысль о вселенском характере русского православия. Вера в русский мессианизм и истинность вселенского православия привела к отчаянию от сознания невыполненной миссии осуществления вселенского христианства. Русской идее нужны были более «земные», практические основания. В Европе подоб-

³⁰⁶ Биллингтон Д. Россия в поисках себя. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. С. 48.

³⁰⁷ Малинова О. Россия и «Запад» в XX веке: Трансформация дискурса о коллективной идентичности. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 39.

ным основанием был национализм, идея национального государства, но в обширной, многонациональной, необъятной восточно-западной России национализм не мог быть прочным основанием. «Россия *никогда*, – отмечал в данной связи Е.Н. Трубецкой, – не вдохновляется служением голому национальному интересу. Особенность русского патриотизма заключается в том, что он никогда не воодушевляется идеей родины, как такой, служением русскому, как такому. Чтобы *отдаться* чувству любви к родине, нам нужно знать, чему она служит, какое дело она делает. И нам нужно верить в святость этого дела, нам нужно сознавать его правоту. Нам нужна цель, которая бы поднимала наше народное дело над национальным эгоизмом»³⁰⁸.

Здесь необходимо раскрыть некоторые особенности Российской империи, во многом определившие характер её социокультурного строя. Существуют два условных типа империй – «западный» и «восточный». В литературе также встречается деление на неколониальные, континентальные или евразийские территориально интегрированные империи – Римская, Византийская, Османская, Российская, Иранская, Китайская, Австро-Венгерская и «морские» или «заморские», колониальные империи – Португалия, Испания, Голландия, Великобритания, Франция.

В условиях европоцентричной картины мира, в рамках которой более 300 лет живёт Россия, уникальность Российской империи заключается в восточном, континентальном, территориально интегрированном, неколониальном характере её империализма. Другими словами, являясь по своей территориальной и социальной структуре континентальной, восточной (в психосоциальном отношении) евразийской империей, Россия пыталась перенять цивилизационные свойства кардинально иначе детерминированных географией западных, морских империй и их обществ.

Существует два основных отличия континентальных и морских империй, определяющих социально-политическое и экономическое развитие их обществ.

Первое наиболее важное отличие – территориальная структура империи.

³⁰⁸ Трубецкой Е.Н. Смысл войны // Смысл жизни. С. 482.

Западный колониализм характеризовался рваной территориальной структурой своих империй. Португалия, Голландия, Испания, Франция и Великобритания приобретали колонии за океаном. Метрополии были отделены гигантскими пространствами от своих заморских владений.

Раздробленная структура западных колониальных империй резко отличалась от обширных неделимых пространств империй Востока. Территориальная структура западных, «морских», иногда их называют «заморскими», империй предоставляла возможность интенсивного экономического роста за счёт эксплуатации колониальных владений, отделённых от метрополии морями. Великобритании не нужно было модернизировать Индию, чтобы получать необходимые ресурсы. Модернизация покорённых территорий проводилась ровно в той мере, в какой была необходима английскому капиталу. Империи континентальные, с другой стороны, самой географией были поставлены перед необходимостью экстенсивного развития. Им приходилось укреплять границы, проводить умеренно агрессивную культурно-идеологическую политику, чтобы слить воедино все народы, подчинить их одной общей культуре, насаждать подчинённую центру бюрократию. В таких условиях грабительство и эксплуатация присоединённых народов в том виде, в каком это может производиться в заморских колониях, невозможно.

Империи восточно-континентального, территориально интегрированного, неколониального типа вынуждены развивать все свои обширные пространства, что замедляет темп модернизации общества, делает его менее динамичным по сравнению с несущимися вперёд по пути технического прогресса и экономического роста метрополиями империй «морских». Географические особенности континентальных империй столетиями обуславливали их историческое развитие.

Вторым, вытекающим из первого, отличием является отношение народа-завоевателя/народа-колонизатора к побеждённым/мирно присоединённым народам. Так, европейцы, особенно англичане, предпочитали не смешиваться с покорёнными народами, быть над ними, иначе и не могло быть в силу малочисленности английского населения. Если же смешение поработителей с поработёнными всё же имело место, то из-за террито-

риальной раздробленности империй западного типа метрополии не теряли ярко выраженного национального характера. Испания, Португалия и Франция оставались, таким образом, этнически и культурно более однородными. Иначе обстояло дело в континентальных империях, где покорённые или мирно присоединённые, экономически вовлечённые в сферу имперского влияния народы подвергались культурному давлению со стороны преобладающей этнической группы, а государство старалось воспитывать иноподцев в духе этой группы. Часто иноподцы мирно интегрировались, будучи экономически вовлечены в сферу имперского влияния, в этом случае новые территории присоединялись чиновниками и купцами, мирной колонизацией.

П.Н. Савицкий, сравнивая колониальные и территориально интегрированные империи, пришёл к выводу, что континентальные империи характеризуются доминированием в них политического империализма, в то время как империи морские отличаются доминированием экономического фактора. Исходя из этого наблюдения Савицкий предложил делить империи на «континентально-политические» (Римская, Византийская, Османская, Российская империи, империя Александра Македонского) и «колониально-экономические» (Британская, Испанская, Французская)³⁰⁹. Предложенная Савицким классификация наглядно демонстрирует особенности функционирования двух типов империй и объясняет причину большей экономической и модернизационной успешности метрополий колониально-экономических империй по сравнению с вынужденными в значительно большей мере развивать и защищать все свои провинции империями континентально-политическими.

В исторической литературе до сих пор не сложилось преобладающего взгляда на то, в какой степени Российская империя была «тюрьмой народов». Дискуссия ведётся до сих пор и ни один из взглядов не преобладает. Однако совершенно несомнен тот факт, что Россия, несмотря на проводившуюся, хотя и достаточно непоследовательно политику русификации, никогда не была империалистической державой в западноевропейском «колониально-экономическом» смысле.

³⁰⁹ Савицкий П.Н. Борьба за империю // *Нация и империя в русской мысли начала XX века*. С. 275.

Показательным отличием континентального и морского империализмов может служить тот факт, что в Лондоне XIX века «долго убеждены были, что Финляндия – нечто вроде русской Индии по чувству ненависти и вражды к овладевшим ею в 1808–1809 гг. завоевателям». Только после систематических высадок и опросов местного населения союзники по антирусской коалиции в Восточной (Крымской) войне осознали, что «не только аристократия, на которую сыплются русские чины и ордена, но и «коммерческие классы» ... тоже пользуются привилегиями и довольны своим положением»³¹⁰.

Если в европейских колониальных морских империях можно было проследить чёткую разницу «между богатыми белыми нациями метрополий, которые купаются в роскоши и наслаждаются демократическими правами и свободами, и нищими, угнетёнными «цветными» заокеанскими колониями», то в территориально интегрированных континентальных империях положение было совершенно иным: «большинство старых империй представляли собой гигантские, преимущественно однородные земельные пространства, управляемые монархами, обладавшими (хотя бы предположительно) абсолютной властью, и элитарным меньшинством, которое по уровню культурного развития и самосознания значительно превосходило плебейское большинство»³¹¹. И царская империя, и Советский Союз в этом отношении никогда не выступали в роли проводников односторонней эксплуатации, обусловленной только экономическим интересом. Распад СССР, его неспособность выстоять в «холодной войне» были обусловлены именно этой особенностью советской империи, её континентально-политическим характером, который противостоял колониально-экономическому блоку во главе с США. Как часто случалось в прошлом, колониально-экономическая система оказалась более конкурентноспособной, модернизированной и инновационной.

Это отличие в типе империй дало Доминику Ливену основание сравнивать Российскую империю не с метрополией Британской империи – Великобританией, а с британской колонией Индией. Россия и положение её граждан действительно способствовали подобным сравнениям. Российское крепостничество

³¹⁰ *Тарле Е.В.* Крымская война. Т. 1. С. 616–617. См. также с. 635.

³¹¹ *Ливен Д.* Российская империя и её враги с XVI века до наших дней. С. 21–22.

было уместнее сравнивать с Британской Индией, а не с Англией. Рабское положение главного имперского народа России, на котором держалось всё государство, резко контрастировало с демократическими институтами европейских метрополий колониально-экономических империй. Русский народ как строитель империи не имел никаких преимуществ от имперского строительства. Присоединявшиеся народы и русский народ были в этом отношении равны.

Русский народ и государство смогли относительно безболезненно интегрировать многочисленные народы Евразии. Никогда в России не было ничего подобного восстанию сипаев в английской Индии.

Россия, бесспорно, империя континентальная, в какой-то степени даже восточная, а значит, в силу исторических причин, географического положения и особенностей многонационального народонаселения, национально-этническая идея не могла стать русской идеей. Как и в многонациональной Византии или Османской империи, национальная идея России могла быть только религиозной или религиозно-имперской. В многонациональной стране только наднациональная религиозная идея имела шанс на успех. Но эта же идея дала повод уйти от реальности, выдумать несуществующий мир народа-богоносца. Разумеется, больше всего «уходом от реальности» грешила интеллигенция – философы, публицисты, идеологи различных движений, религиозные деятели, бывшие, как правило, одновременно и философами, и публицистами, и идеологами. Россия оказалась слишком большой, чтобы её могла вместить русская православная идея, которой была посвящена подавляющая часть работ русских социальных мыслителей. Кроме идеальных оснований национальной идентичности, нужно было иметь какие-то «земные» концепции.

Комплекс «нового слова»

Одним из проявлений кризиса российского самосознания до 1917 года выступал феномен, который можно назвать комплексом «нового слова», слова, которое «должна» сказать Россия миру. Если проанализировать общий тон публицистических, историософских и социально-политических работ второй половины XIX – начала XX века, можно сказать, что под этим абстрактным словосочетанием, кроме благоприятного для России решения Восточного вопроса, понимался какой-то весомый вклад России в общечеловеческую цивилизацию.

Мотив «нового слова» можно встретить практически у любого российского мыслителя, размышлявшего на темы российского самосознания и пути развития России в XIX – начале XX века: Чаадаева, Достоевского, Соловьёва, Бердяева, Леонтьева и многих-многих других. При этом ни у одного из авторов мне не довелось встретить развёрнутого плана претворения этого важного «слова» в жизнь или конкретного объяснения действий, которые было необходимо предпринять, чтобы оно претворилось в жизнь. Это «слово» было слишком связано с аффектами общественного мнения и в реальности имело мало отношения к конкретной жизни и конкретным целям.

Соловьёв, Достоевский и Бердяев искали этого «нового слова» в области религии (хотя у Достоевского при этом наблюдается парадоксальный для общей направленности его размышлений уклон в сторону несущего прогресс европейского колониализма). К.Н. Леонтьев и Н.Я. Данилевский считали, что «новое слово» может заключаться в развитии самобытной культуры, а П.Я. Чаадаев в «философическом письме» просто констатировал, что Россия никогда ничего нового не скажет, хотя, судя по всему контексту данного письма, каждая страна обязана стремиться к претворению этого слова в реальность. Интересно, что основоположник цивилизационного подхода Н.Я. Данилевский, рассматривая культурные плоды различных культурно-исторических ти-

пов, несколько принижал уровень развития русской культуры в целом ряде аспектов, считая, что российский или славянский культурно-исторический тип слишком затемнён западноевропейскими влияниями, которые мешают ему развиваться в полной мере.

Мысли о «новом слове» были отголоском некоего коллективного бессознательного, глубинного невысказанного мотива, желания, неосознанной и невысказанной идеи, которая была напрямую связана с кризисом национальной идентичности постпетровской России, комплексом неполноценности перед лицом Европы, мнения и нормы которой были столь авторитетны в глазах образованной русской элиты.

Совершенно неразработанный в литературе вопрос «о новом слове» заключает в себе переплетение целого ряда самых сложных и при этом взаимообусловленных вопросов: особенности империалистического развития России в контексте взаимоотношений с остальными великими имперскими державами XIX – начала XX века; рассмотрение всех своих действий через призму мнений, обычаев и успехов Значимого Другого, представленного Западной Европой и её передовыми государствами – Великобританией и Францией, к которым позже присоединилась Германия; практическое понимание невозможности для России стать империей западного образца и при этом постоянное сравнение с такими империями и подспудное желание пользоваться благами западной имперской политики, в частности, желание перенять коллективную идентичность западного империализма, основанную, в том числе, на чувстве превосходства над порабощёнными народами.

Представители правящего аппарата и привилегированных классов империи, соприкасаясь с Западом, часто ощущали Россию отсталой и неполноценной, но чувствовали себя господами, «белыми культурными людьми» на Востоке. С точки зрения анализа национального самосознания, такое двойственное положение в собственной самооценке значительно усугубляло кризис идентичности, коренившийся в петровском отказе от собственной культуры и попытках заменить её западной.

Наиболее близок к решению вопроса о «новом слове России» по-видимому был Ф.М. Достоевский, в размышлениях которого отчётливо проводилась мысль о том, что цивилизирующим

вкладом России может быть деятельность по просвещению восточных народов. Россия не могла быть светочем знаний для Европы, но могла стать воплощением прогресса для восточных и азиатских стран. Если отбросить присущие Достоевскому христианские размышления о единении народов и русском человеке как всечеловеке, то логическим завершением этих мыслей является империализм западного типа. Империализм, построенный на приобретении колоний, обоснование захвата которых строилось на идеологии, прежде всего культурного превосходства, а сама цивилизация рассматривалась как синоним западного прогресса или просто синоним стран Запада, а все колониальные страны и народы автоматически рассматривались как нецивилизованные.

Российское образованное общество, сравнивая свою страну с европейскими государствами, чувствовало отсталость России, и в то же самое время при столкновении с восточными странами Россия выступала в роли Запада, даже Европы. В Китае, Корее, Японии, Турции и на Кавказе русский Белый Царь рассматривался как представитель Запада, европеец. Русские чиновники, военные и дипломаты, приходя в соприкосновение с представителями этих стран, чувствовали не меньшее моральное и материально-техническое превосходство своей культуры над культурами местного населения, чем империалисты Франции, Англии или Голландии над подданными своих колоний.

При этом расположенная между Западом и Востоком Россия в лице славянофилов смотрела на Восток как в некотором смысле на исток допетровской российской идентичности. Под Востоком в этом случае могла пониматься московская Русь Ивана Грозного или Византия, даже Османская империя в какой-то степени предстаёт в произведениях Константина Леонтьева неким образцом, на который стоило бы равняться восточной по своему характеру России. Высшего развития восточный мотив достиг в произведениях представителей евразийского движения в 20-е годы XX века. Одновременно с мотивом Востока как фактором укрепляющим (или потенциально укрепляющим) национальное самосознание налицо был факт экономической, технической и политической отсталости Востока, который напротив эту идентичность расшатывал. Потенциальная возможность укрепления национальной идентичности на основании восточной ориентации

осложнялось превосходством Запада XIX столетия во всех областях человеческой деятельности, которые были ценны для русского образованного общества.

Однако Россия как громадная территориально интегрированная империя не могла рассчитывать на формирование в своём обществе колониальной культуры обществ метрополий западных стран. В силу этого противоречия идеи колониальной экспансии западного образца никогда не приобретали в России сколько-нибудь громкого звучания, но повсеместно косвенно всплывали в различных вариациях о «новом слове». Расширение территории могло быть только континентальным, без разделения территорий на метрополию и колонии. В этом отношении показательна продажа Александром II Аляски Соединённым Штатам Америки. Аляску можно было бы рассматривать как колонию-эквивалент британской Канады или Австралии, но весь строй государственной жизни Российской империи был построен по принципу континентальной империи, для функционирования и развития которой необходимо было рациональное использование всех имевшихся в наличии средств. В этом контексте продажа Аляски выглядит совершенно логичным предприятием.

В чрезвычайно острой и определённой форме убеждённости в своём расовом и культурном превосходстве феномен комплекса «нового слова» проявился в Германии. Поздно возникший и национальный Второй рейх в научном и культурном отношениях являлся передовым государством запада, которое, тем не менее, в отличие от Англии и Франции практически не имело колониальных владений и длительной колониальной истории. Первая Мировая война стала итогом империалистического соперничества за передел колониального пирога. Но, в Германии, в отличие от России, национальная идентичность была очень сильна, не было раздвоенности между Западом и Востоком, имелись все предпосылки к утверждению немецкой нации в роли мировой колониальной державы на основании концепций расового и культурного превосходства немцев. Причём немцы в конце XIX – начале XX веков имели (в отличие от русских) все основания чувствовать это превосходство не только по отношению к небелым народам, но даже по отношению к своим сдающим позиции в экономике и науке европейским соседям.

Россия по сравнению с Германией была действительно могучей, давно сформировавшейся, состоявшейся имперской державой, которая, однако, значительно отставала от Запада в научно-техническом и экономических отношениях и была поражена уникальной для Европы двойственностью восприятия мира, когда кризис коллективной идентичности многократно усугублялся комплексом «нового слова».

Мысли о «новом слове» были проявлением российского комплекса неполноценности, причиной которого являлась постоянная оглядка на Запад и постоянные попытки мерить и судить себя его мерками, ценностями и порядками.

Говоря о поисках «нового слова» России как о подспудном стремлении к империализму западного типа, нельзя сказать, что все к нему осознанно стремились. В большинстве случаев эта мысль даже не высказывалась, но в то же самое время единственным реальным способом национального мессианского культурного (в определённой мере даже расового, а не религиозного, в отличие от российского мессианизма) самоутверждения мог служить западный путь империй, тем более, когда элита общества именно Запад рассматривала как образец. Вера Запада в свои силы и культурное превосходство была основана именно на успешном колониализме, следствием которого стало наивное представление о своих ценностях и цивилизации как об «общечеловеческих». Неудивительно, что самосознание российской элиты, сталкиваясь с западным мировоззрением, требовало чего-то большего, кроме панславистского и религиозного православного мессианизма. Российские притязания на освобождение православных народов и славян, в сравнении, например, с англосаксонским «бременем белых» могло казаться несколько провинциальным, далеко не общемировым по своему охвату, между тем как Запад постоянно выступал и осознавал себя передовым локомотивом всего мира.

Подспудную мысль о неограниченном славянстве, православием и Восточным вопросом «выходе в мировую ширь», выразил Ф.И. Тютчев в стихотворении «Русская География» (1848 или 1849 год)³¹².

³¹² Тютчев Ф.И. Сочинения в двух томах. Москва: Правда, 1980. Т. 1. С. 104.

Москва и град Петров, и Константинов град –
Вот царства русского заветные столицы...
Но где предел ему? и где его границы –
На север, на восток, на юг и на закат?
Грядущим временам судьбы их обличат...

Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная...
Вот царство русское... и не прейдёт вовек,
Как то провидел Дух и Даниил предрёк.

Под Градом Петра поэт имел в виду не Петербург, как можно было бы подумать, а Рим – город святого апостола Петра³¹³. Тютчев перечислил три Рима и указал на библейское пророчество из книги пророка Даниила о царстве, которое «вовсеки не разрушится, и ... не будет предано другому народу», но «сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно»³¹⁴.

Подобные радикальные мысли о призвании России не приобрели доминирующего влияния, но отражают определённую направленность мыслей. Сама *возможность* таких мыслей настораживала государства Европы, тем более, если учесть, что несмотря на свою материально-техническую отсталость Россия на протяжении веков неуклонно наращивала территории. Н.Я. Данилевский писал в своём труде «Россия и Европа», о том, что Запад боится России именно в силу её громадности, глыбой нависающей над маленькой Европой. И, говоря объективно, у Запада были все основания для беспокойства. Только к XIX – началу XX столетия стремления к колониальным захватам стали всё более настойчиво проникать в русскую публицистическую мысль.

В XVIII веке в российском самосознании желание «нового слова» отсутствовало и, тем более, не было окрашено в форму не осознаваемой зависти к Западу. Самосознание российской элиты в период правления Екатерины II было значительно здоровее, чем при её приемниках, одним из показателей чего может служить плеяда великих русских полководцев и государственных деятелей (Ушаков, Суворов, Потёмкин, Орлов), в противовес по-

³¹³ Там же. Т. 1. С. 321 (Примечание).

³¹⁴ Книга Пророка Даниила. Гл 2. Ст. 44.

головному «онемечиванию» государственного аппарата при приемниках Екатерины. И в раздробленной Германии XVIII столетия мысли о расовом и культурном превосходстве были очень далеки от предстоявшего им на протяжении будущей сотни лет кипения. В преимущественно донационалистический XVIII век аристократической и религиозной лояльности и идентичности высшие слои западных обществ, к которым себя причисляла и российская элита, были в высшей степени космополитичными. Язык науки – латынь и французский язык как язык света давали возможность свободного межнационального общения на уровне элит.

Людей также сближало сознание кастовой, сословной общности: русский и французский дворянин были вассалами разных государей, но при этом занимали одинаковые социальные позиции по отношению к подавляющему большинству населения своих стран. Им было значительно проще найти друг с другом общий язык, понять друг друга, чем в последовавшую затем эпоху распространения всеобщего образования, грамотности, прессы и национальных государств, лояльность которым становилась основой коллективного самосознания. Артур Шопенгауэр, остро переживавший провинциализацию некогда космополитичной научной элиты, писал: «Устранение латинского языка как общего международного языка учёных и установившееся затем мелкое гражданство национальных литератур есть истинное несчастье для европейской науки. Только при помощи латинского языка могла существовать общая европейская учёная публика, в совокупности которой обращалось всякое вновь появляющееся сочинение»³¹⁵. Снижение степени космополитичности элит рассматривалось философом как возрастающая угроза распространения мещанского филистерства³¹⁶, повсеместно вытеснявшего аристократизм.

Достаточно условно, как условна всякая периодизация в истории развития идей и социальных понятий, можно сказать, что, начиная с Великой Французской революции 1789 года, культура, экономика, прошлая история общества – все сферы жизни национальных государств стали рассматриваться как поле для

³¹⁵ Об учёности и учёных // *Шопенгауэр А.* Мир как воля и представление. Афоризмы и максимы. Новые афоризмы. Минск: Литература, 1998. С. 1228.

³¹⁶ Филистерство – узкий обывательский образ мышления и соответствующее поведение.

борьбы между нациями. Дарвинистский дух соперничества и веры в выживание сильнейшего развился повсеместно, и страны ревниво самоутверждались в своём национальном величии за счёт попыток превзойти своих соседей в развитии. Большую часть XIX столетия Великобритания шла в авангарде этого движения, задавая тон остальным. Именно в этих условиях возникли в русском правящем классе и интеллектуальной элите мечты о «новом слове». Если после петровских реформ русское национальное сознание принижалось технической отсталостью России по сравнению с Западом, то с середины XIX века комплекс отсталости значительно усилился и стал проявляться в более широких масштабах, поскольку даже дворянское сословие стало себя рассматривать не как феодальную, сословную легитимную монархическую общность, а как часть нации, представителем которой оно теперь выступало. Национализм окрасил собой все отношения: целые общества и их отдельные представители ревниво сравнивали себя с другими нациями и сравнения эти питали далеко не всегда добрые чувства к окружающим соседним народам и их государствам. Напряжённое соперничество во всех областях человеческой деятельности охватило западный мир. Одним из его следствий стали тщетные и бессмысленные попытки рассматривать Россию с позиций этой борьбы и западных критериев оценки её успеха.

Агрессивный соревновательный мотив стал настолько повсеместным и само собой разумеющимся фактом жизни, что немецкий историк Герман Геттнер рассматривал историю литературы как соперничество национальных литератур, каждая из которых по очереди вносит свой вклад в культурную копилку человечества³¹⁷.

XIX столетие стало для российского общества значительно более кризисным в аспекте национального самосознания и коллективной идентичности, чем предшествовавший XVIII век.

³¹⁷ Геттнер Г. История всеобщей литературы XVIII века. Санкт-Петербург, 1896–1897. С. 3.

Правда «Вех»: феномен русской интеллигенции и исторический нигилизм

Рассмотрение перипетий развития российского самосознания необходимо приводит к вопросу о роли высших классов российского общества в его формировании. Образованное общество и бюрократия Российской империи – те слои, которые можно причислить к элите, те люди, которые формулировали задачи общества и направляли его развитие. В «донационалистический» период европейской истории, времена, когда демократия, пусть даже только формально, не господствовала на планете, не существовало массовой грамотности населения и средств массовой информации, именно элита формулировала задачи народов и государств. К представителям элиты в таком её понимании можно отнести и представителей духовенства, которые играли выдающуюся общественную роль в «донационалистический» период истории. Если на Востоке эта роль часто была заретуширована всёподавляющей мощью светской власти, тем значительнее кажется её влияние в странах Европы.

В России до Петра православная церковь выступала носителем идей, которые лежали в основании русского самосознания. После Петра православие как культурный стержень русской жизни, объединявший элиту и народные массы, стал вытесняться западным просвещением. Это вытеснение привело к резкой поляризации между миром аристократии и бюрократии и океаном остального неграмотного и непросвещённого Западом крестьянского населения страны.

Высшего пика осмысление этой культурной разобщённости российского общества достигло в XIX веке. Революционеры, интеллектуалы и публицисты говорили о народе, «ходили в народ», мечтали служить ему и учились его любить. Однако культурная пропасть между ними оказалась непреодолимой. Стремительно изменявшийся мир, характер изменений которого задавался передовой Европой, захлестнул не успевавшую реформиро-

ваться Россию. Русская революция сняла эту двойственность российского дореволюционного общества практически тотальным уничтожением прежних элит и консолидацией государства и его многонационального общества на принципиально иной, не терпящей противоречий основе. В каком-то смысле эта, проведённая большевиками, кардинальная смена идеологической и социально-политической парадигмы привела к тому, что обрывание всех интеллектуальных традиций осмысления социальной действительности, которые существовали в России до 1917 года, оказалось оправданным. Прежняя российская элита оказалась неспособной ответить на вызовы времени. Русская интеллигенция как составная часть прежней элиты, несмотря на все декларировавшиеся и предпринимаемые попытки преодоления культурной пропасти между собой и народными массами, не смогла ничего сделать для выработки непротиворечивого, разделяемого и понятного подавляющей части населения Российской империи самосознания.

Главными выразителями этой сословной несостоятельности интеллигенции стали авторы «Вех» – сборника статей о русской интеллигенции, вышедшего в 1909 году и поднявшего настоящую бурю негодования и протеста со стороны большей части людей, ощущавших себя её (интеллигенции) представителями.

«Вехи» были предостережением всему образованному русскому обществу. Констатировали необходимость консолидации общества на основании практической деятельности по постепенному эволюционному реформированию страны на основании консенсуса и признания фатальности и неконструктивности антигосударственной риторики и деятельности образованного русского общества в лице противостоящей властям интеллигенции. Призывали отказаться от слепой веры в европейские ценности и вспомнить о своих корнях.

Каждый из авторов сборника высказался по отдельным вопросам влияния интеллигенции на жизнь российского общества. Н.А. Бердяев написал об интеллигентском отношении к поискам истины, С.Н. Булгаков посвятил статью религиозным воззрениям русской интеллигенции, М.О. Гершензон – особенностям интеллигентской психологии, А.С. Изгоев нарисовал психологический портрет русского студенчества, П.Б. Струве проанализи-

ровал связь между интеллигенцией и революцией, С.Л. Франк предпринял попытку охарактеризовать мировоззрение интеллигенции, а Б.А. Кистяковский проанализировал особенности её правосознания.

Анализируя развитие русской философской мысли, Н.А. Бердяев пришёл к заключению, что «консерватизм и косность в основном душевном укладе» русской интеллигенции «соединились с склонностью к новинкам, к последним европейским течениям, которые никогда не усваивались глубоко»³¹⁸. Отсутствие преемственности в развитии перенятых извне интеллектуальных течений, глубинной исторической связи с формально воспринятыми европейскими идеалами было совершенно искусственным. Содержание перенятых идей вытеснялось пафосными декларациями о ценностях и идеалах, без глубокого понимания и даже знания причин возникновения и истории эволюции этих ценностей и идеалов. Механическое восприятие чуждых идей привело к утилитарному отношению к знанию и культуре. Знания и культура стали не самоценностью и выражением творческой активности, а механическим подспорьем в достижении некоего грядущего идеала, образец которого находился за пределами России, в Европе. Из-за нигилистического отношения к прошлому, его достижениям, к интеллектуальному и культурному творчеству возникло постоянное стремление перенимать что-то самое новое и «передовое» без усвоения и понимания причинно-следственных связей это «новое» и «передовое» породивших.

Пренебрегая прошлым России, образованное русское общество не пыталось изучать историю Запада и его истоков. Органическая связь современности с многовековым прошлым заменялась механическим перенятием последних достижений. Но если в технике подобное утилитарное отношение было оправдано, то при изучении общества и его духовной сферы утилитаризм приводил к ложным выводам и необоснованным подходам к рассмотрению проблем.

Бердяев обвинял русскую интеллигенцию в неспособности оценивать философские учения и истины вне контекста политических и утилитарных критериев. Сознание интеллигенцией оторванности от народа, постоянное чувство вины (пусть и глу-

³¹⁸ Бердяев Н.А. Философия истины и интеллигентская правда // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. С. 33.

боко подсознательное) перед народом приводило к тому, что наука ради науки, философия ради философии воспринимались как грех. Интеллектуальное творчество как самоцель осуждалось, рассматривалось в контексте своей полезности для народного благополучия и счастья людей. «В русской интеллигенции, – писал философ, – рационализм сознания сочетался с исключительной эмоциональностью и слабостью самоценной умственной жизни»³¹⁹.

Если рождённый на Западе позитивизм в первую очередь был заинтересован наукой, не расценивал прогресс и рационализм в качестве главных целей своего развития, а только приходил к ним в результате поиска научной истины, то в России позитивизм окрашивался в форму политической прогрессивности и социального радикализма, воспринимался не как ценный инструмент научного познания мира, а как подспорье в идеологическом обосновании противостояния государству. Объективная западная «буржуазная» наука в России превращалась в элемент субъективного классового взгляда на мир русских марксистов–народников, в котором научные формы скрывали метафизическое содержание.

В результате подобного западнического мировоззрения, оторванного как от собственных, так и от западных корней, сознание интеллигенции «не могло быть обращено на объективные условия развития России, а, необходимо, было поглощено достижением отвлечённого максимума для пролетариата, максимума, с точки зрения интеллигентской кружковщины, не желающей знать никаких объективных истин»³²⁰.

Коренным отличием мировоззрения русской интеллигенции от мировоззрения западноевропейских интеллектуалов стало неприятие заботы о личном благополучии, как «общепризнанной норме, чем-то таким, что разумеется само собою», в среде русской интеллигенции такая забота воспринималась как цинизм, «который терпят по необходимости, но которого никто не вздумает оправдывать принципиально»³²¹.

В том же ключе писал об интеллектуальной незрелости русской интеллигенции, отсутствии у неё «интеллектуальной со-

³¹⁹ Там же. С. 42.

³²⁰ Там же. С. 46.

³²¹ Гершензон М.О. Творческое самосознание // Там же. С. 136.

вести», предвзятости её мысли и историческом невежестве С.Л. Франк: «Ценности теоретические, эстетические, религиозные не имеют власти над сердцем русского интеллигента, ощущаются им смутно и неинтенсивно и, во всяком случае, всегда приносятся в жертву моральным ценностям. Теоретическая, научная истина, строгое и чистое знание ради знания, бескорыстное стремление к адекватному интеллектуальному отображению мира и овладению им никогда не могли укорениться в интеллигентском сознании. Вся история нашего умственного развития окрашена в яркий морально-утилитарный цвет»³²².

При отсутствии очевидных и дорогих интеллигенции объективных ценностей высшего порядка, какими могли быть любовь к родине, государству, как воплощению исторического развития народа, религии или эстетическим ценностям самобытности российской цивилизации в умонастроении интеллигенции главное место заняла мораль: «Это умонастроение, в котором мораль не только занимает главное место, но и обладает безграничной и самодержавной властью над сознанием, лишённом веры в абсолютные ценности, можно назвать *морализмом*, и именно такой нигилистический морализм и образует существо мировоззрения русского интеллигента. Символ веры русского интеллигента есть *благо народа*, удовлетворение нужд «большинства». Служение этой цели есть для него высшая и вообще единственная обязанность человека, а что сверх того – то от лукавого. Именно поэтому он не только просто отрицает или не приемлет иных ценностей – он даже прямо боится и ненавидит их. ... Деятельность, руководимая любовью к науке или искусству, жизнь, озаряемая религиозным светом в собственном смысле, ... – всё это отвлекает от служения народу, ослабляет или уничтожает моралистический энтузиазм и означает, с точки зрения интеллигентской веры, опасную погоню за призраками. ... Это, конечно, не означает, что русской интеллигенции *фактически* чужды научные, эстетические, религиозные интересы и переживания. ... Но эти чувства живут в душе русского интеллигента ... как незаконная, хотя и неискоренимая слабость, как нечто – в лучшем случае – лишь терпимое. Научные, эстетические, религиозные переживания всегда относятся здесь, ... к частной, интимной жизни человека; бо-

³²² Франк С.Л. Этика нигилизма (К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) // Вехи. С. 229. См. также с. 230, 232.

лее терпимые люди смотрят на них как на роскошь, как на забаву в часы досуга, как на милое чудачество; менее терпимые осуждают их в других и стыдливо прячут в себе. Но интеллигент *как интеллигент*, т.е. в своей сознательной вере и общественной деятельности, должен быть чужд их – его мировоззрение, его идеал враждебны этим сторонам человеческой жизни»³²³.

При таком подходе к оценкам ценности человеческой деятельности чистая наука ради науки, искусство и религия, культура как самостоятельная, объективная не утилитарная ценность, совокупность идеальных ценностей, воплощаемых в исторической жизни, рассматривались как аморальные, так как были несовместимы с благом «большинства». Вопрос, как можно развивать философские теории и со спокойным сердцем заниматься наукой, когда страдал русский народ, стал, по мнению авторов «Вех», причиной и оправданием нигилистического морализма русской интеллигенции второй половины XIX – начала XX века.

Особенностью русской интеллигенции была оппозиция государству, сочетавшаяся с отсутствием исторических знаний о своей собственной стране, постоянным желанием социального чуда, так как только чудом (в условиях российской действительности) можно было назвать достижение тех идеалов, к которым стремилось образованное русское общество. Максимализм и нетерпимость в оценках, психология долженствования, а не факта, фантазии вместо глубокого анализа неудач сделали русскую интеллигенцию невосприимчивой к объективной истине. Российская интеллигенция, как и вообще русская элита постпетровского периода, оказалась лишена национальных традиций.

Н.А. Бердяев считал, что «русская интеллигенция была такой, какой её создала русская история, в её психическом укладе отразились грехи нашей болезненной истории, нашей исторической власти и вечной нашей реакции. Застаревшее самовластие исказило душу интеллигенции, поработило её не только внешне, но и внутренне, так как отрицательно определило все оценки интеллигентской души»³²⁴. Однако невозможно во всём винить власть, снимая таким образом ответственность с самих себя. Перестать быть рабом может только тот, кто готов принять ответственность за свои поступки или бездействие, но именно этой от-

³²³ Там же. С. 234–236.

³²⁴ Бердяев Н.А. Философия истины и интеллигентская правда // Там же. С. 55.

ветственности, как считал Бердяев, не было у русской интеллигенции.

С.Н. Булгаков в своих размышлениях о религиозной природе русской интеллигенции призывал учиться у истории³²⁵. Интеллигенция оказалась классом, которому принадлежала монополия европейской образованности, но чтобы донести плоды этой образованности до народных масс, России был необходим образованный класс с русской душой. Революция 1905 года остро поставила вопрос о пригодности русской интеллигенции для решения этой задачи.

Как и Бердяев, Булгаков отмечал духовную ограниченность и ущербность интеллигенции, её изолированность от жизни и «подпольную» психологию, укреплявшуюся постоянным противостоянием государству. С.Н. Булгаков считал, что русская интеллигенция пропитана воинствующим религиозным духом, облачённым в форму научного марксизма. Неприятие западного «мещанства» и революционность взглядов оказываются по мнению мыслителя отражением неспособности и отсутствия привычки к «упорному, дисциплинированному труду и размеренному укладу жизни»³²⁶.

Постоянное следование западным взглядам и моде в сочетании с противостоянием государству привело к радикализации интеллигенции, распространению в её рядах радикальных идей. Не имея традиций и идеалов западного эволюционного планомерного развития и труда, отрицая «будничность» и повседневные заботы, интеллигенция желала быстрого переворота, социального чуда без глубокого исследования причин несоответствия России западным стандартам.

Русское образованное общество стремилось перенимать западные мнения с наивностью полагая, что они могут органично привиться в России, несмотря на полное отсутствие для этого исторических предпосылок. Западное развитие, писал Булгаков, «шло со строгой исторической преемственностью и постепенностью, без трещин и обвалов. Культурная история западноевропейского мира представляет собою одно связное целое, в котором ещё живы и своё необходимое место занимают и Средние века, и

³²⁵ Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи. С. 57.

³²⁶ Там же. С. 63.

реформационная эпоха наряду с веяниями нового времени». Русская интеллигенция «в своём западничестве не пошла дальше внешнего усвоения новейших политических и социальных идей Запада, причём приняла их в связи с наиболее крайними и резкими формами философии просветительства»³²⁷. Все органически развивавшиеся на Западе идеи, ценности и представления были рождены западноевропейским историческим процессом, но механически насаждались в России. Эта органичность и последовательность развития привели к тому, что сами концепции развития, выработанные западноевропейской мыслью, уравнивали друг друга, в России же такой баланс отсутствовал.

Сегодня можно сказать, что Западу удалось решить многочисленные сложные вопросы социального развития, которые давали Марксу основания для веры в мировую революцию. И наоборот, принятая в России после 1917 года западная марксистская концепция развития общества оказалась фатальной и недостаточно органичной, чтобы адекватно и вовремя эволюционировать, приспособляясь к изменявшимся внешним условиям. Русские революционеры оказались в полной мере русскими интеллигентами, несмотря на своё разночинное и разное этническое происхождение.

Булгаков считал отсутствие связи времён болезнью России. Историческое невежество приводит к тому, что всё зло окружающей действительности объясняется внешними факторами, преодоление которых предполагает разрешение всех проблем.

Радикальные политические и интеллектуальные течения Запада были связаны глубокими традициями прошлого, в результате чего индивидуалистические тенденции сдерживались общим культурным западноевропейским контекстом. В России же радикальная интеллигенция оказалась лишена этих сдерживающих факторов сознания неразрывной связи исторических времён и «встала по отношению к русской истории и современности в позицию героического вызова и героической борьбы. ... Отсутствие серьёзных знаний и исторического опыта, ... взвинчивало психологию ... героизма»³²⁸. Непонимание особенностей российского исторического процесса привело русскую интеллигенцию к чувству своего превосходства и ограниченности её мировоззрения.

³²⁷ Там же. С. 68, 70.

³²⁸ Там же. С. 72, 73.

Максимализм оценок и чаяний в сочетании с самоуверенным героизмом и отвлечённой романтикой привели к практически тотальной невозможности адекватного восприятия российской действительности, малодоступности интеллигенции к «доводам исторического реализма и научного знания»³²⁹.

Принятие догм без внутренней работы в сочетании с недостатком чувства исторической действительности и «геометрической прямолинейностью» суждений и оценок, «принципиальностью» привело к тому, что, по словам С.Н. Булгакова, интеллигент «обо всём судит прежде всего «принципиально», т.е. на самом деле отвлечённо, не вникая в сложность действительности и тем самым нередко освобождая себя от трудности надлежащей оценки положения. ... Этот ... максимализм составляет величайшее препятствие к поднятию её [интеллигенции – В.С.] образованности именно в тех вопросах, которые она считает своею специальностью, – в вопросах социальных, политических. Ибо если внушить себе, что цель и способ достижения уже установлены, и притом «научно», то, конечно, ослабевает интерес к изучению посредствующих, ближайших звеньев. Сознательно или бессознательно, но интеллигенция живёт в атмосфере ожидания социального чуда, всеобщего катаклизма, в эсхатологическом настроении»³³⁰.

С.Н. Булгаков считал, что интеллигентский героизм превратился в претензию, безответственное критиканство, догматическое ханжество и морализирующий утилитаризм, преувеличенное чувство своих прав при ослабленном сознании своих обязанностей и личной ответственности.

Как и другие авторы «Вех», С.Н. Булгаков пришёл к выводу, что при всём пафосе своих притязаний и заявлений русская интеллигенция оказалась на очень низком уровне личной ответственности, сводя всю умозрительность и практическую никчёмность своих «принципов» к негативному влиянию враждебной среды, которая якобы мешала ей воплощать свои идеалы в действительность. Борьба за улучшение *среды* практически не оставляла места для борьбы за развитие *личности*. Максимализм притязаний по отношению к обществу и государству сочетался с от-

³²⁹ Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи. С. 77.

³³⁰ Там же.

сутствием строгих требований к себе. Провозглашение «научно» обоснованных идеалов сочеталось с «исторической нетерпеливостью, недостатком исторической трезвости, стремлением вызвать социальное чудо, практическим отрицанием теоретически исповедуемого эволюционизма»³³¹. Рефлексия заменялась безудержным энтузиазмом.

Образованное русское общество оказалось лишённым чувства кровной исторической связи с Россией, сочувственного интереса, любви к своей истории, эстетического её восприятия, в результате чего в палитре мыслительных образов русского интеллигента преобладали две краски: чёрная для прошлого и розовая для будущего. Предполагалось, что в прошлом нет ничего полезного и изучать его не нужно, не было и чувства родства с ним, считалось, что думать нужно о современности и будущем прогрессе.

Российское государство рассматривалось интеллигенцией изолированно от народа и его культуры, было ей эстетически чуждо. Поскольку сделать из России Европу было невозможно, то Европа подспудно рассматривалась как идеал. *Предвзятость* к России стала неискоренимой чертой европеизированного образованного русского общества. Русское самодержавное государство было слишком азиатским, в то время как интеллигенция была европейской и не желала иметь с государством ничего общего, более того, подсознательно боялась российских евразийских просторов, желала успокоения в уюте европейских малых форм, с ними сравнивала Россию.

С.Н. Булгаков полагал, что, просвещая народ на основании политических и идеологических программ, а не образования и грамотности как таковых, русская интеллигенция вызывала к жизни дремлющий в недрах русского народа бунтарский дух Запорожской сечи, Разина и Пугачёва, с которым так долго боролось российское государство.

Булгаков оказался прав. Стечение роковых обстоятельств действительно вызвало переворот всей русской жизни.

А.С. Изгоев, анализируя особенности российской интеллигентной молодёжи, так же пришёл к мысли об отсутствии и полном непонимании русской интеллигенцией традиций и преемственности по отношению к собственной истории. Русский

³³¹ Там же. С. 91.

социолог заметил, что «крепкие идейные семьи (например, Аксаковы, Хомяковы, Самарины) в России были ... только среди славнофильского дворянства. Там, очевидно, были традиции, было то единственное, что воспитывает, существовали положительные ценности, тогда как в прогрессивных семьях этого не было и дети талантливейших наших прогрессивных писателей, сатириков, публицистов начинали с того, что отвёртывались от своих отцов»³³².

Вера в западные ценности без глубоких знаний и сопоставления с историческим путём России приводила к тому, что западнические мнения, несмотря на свою повсеместную распространённость среди образованного общества, были нестойки, не передавались из поколения в поколение, не являлись твёрдой идейной базой, которая могла бы служить членам одной семьи из поколения в поколение. Западнические настроения оставались только мнениями, не перерастая в знания и не выражаясь в самобытных и ценных интеллектуальных произведениях. Только предметный акцент на истории России и русских традициях мог быть твёрдой духовной почвой и основой социальной памяти и традиций для поколений людей и философских династий.

Авторы «Вех», М.О. Гершензон, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков и П.Б. Струве отмечали отсутствие внутренней независимости и самобытности русской интеллигенции, в отличие от представителей русской художественной культуры и литературы: «Чем подлиннее был талант, – писал М.О. Гершензон, – тем ненавистнее были ему шоры интеллигентской общественно-утилитарной морали, так что силу художественного гения у нас почти безошибочно можно было измерять степенью его ненависти к интеллигенции: достаточно назвать гениальнейших – Л. Толстого и Достоевского, Тютчева и Фета»³³³.

А.П. Чехов не просто изображал душевно больные образы русской интеллигенции, но и отрицательно оценивал её как класс: «Я не верю, – писал Чехов в 1899 году, – в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную,

³³² Изгоев А.С. Об интеллигентной молодёжи (Заметки об её быте и настроении) // Вехи. С. 143.

³³³ Гершензон М.О. Творческое самосознание // Там же. С. 123. Ср. в том же издании: П.Б. Струве. Интеллигенция и революция. С. 210–211.

ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо её притеснители выходят из её же недр»³³⁴.

Развитие общества шло в таких обстоятельствах медленно и постепенно в независимости от интеллигенции, только отдельные представители, которой были способны на созидательную и осмысленную деятельность.

М.О. Гершензон назвал оторванную от народа и догматичную, нетерпимую интеллигенцию кучкой искалеченных душ, сонмищем больных, изолированных в родной стране³³⁵. Интеллигенция оказалась воплощением душевного нездоровья расколото-го русского общества.

Политическая вера в «западные ценности» и противостояние самодержавному деспотическому государству предполагали подвиг, на который были способны немногие, в результате чего подавляющая часть образованного общества успокоилась на простом исповедании либерального символа веры без попыток практического претворения его в жизнь. Вся реальная работа легла таким образом на героев–революционеров, которые проповедовали самые радикальные пути решения социально-политических проблем России.

С.Л. Франк определил классического русского интеллигента как *«воинствующего монаха нигилистической религии земного благополучия»*. Оторванность интеллигенции от исторических корней привела к тому, что она образовала своеобразное самостоятельное государство, «особый мирок со своими строжайшими и крепчайшими традициями, с своим этикетом, с своими нравами, обычаями, почти со своей собственной культурой; и можно сказать, что нигде в России нет столь незыблемо-устойчивых традиций, такой определённости и строгости в регулировании жизни, такой категоричности в расценке людей и состояний, такой верности корпоративному духу, как в том всероссийском духовном монастыре, который образует русская интеллигенция. И этой монашеской обособленности соответствует монашески-суровый аскетизм, прославление бедности, уклонение от всяких соблазнов суетной и греховной мирской жизни. Но уе-

³³⁴ Письмо к И.И. Орлову 22 февраля 1899 г. // *Чехов А.П. Собрание сочинений в 12 т.* Москва: Художественная литература, 1954–1957. Т. 12. С. 305.

³³⁵ *Гершензон М.О.* Указ. соч. С. 124, 127. Ср. в том же издании: *Изгоев А.С.* Об интеллигентной молодёжи (Заметки об её быте и настроениях). С. 151.

динившись в своём монастыре, интеллигент не равнодушен к миру; напротив, из своего монастыря он хочет править миром и насадить в нём свою веру; он – воинствующий монах, монах-революционер. Все отношения интеллигенции к политике, её фанатизм и нетерпимость, её непрактичность и неумелость в политической деятельности, её невыносимая склонность к фракционным раздорам, отсутствие у неё государственного смысла, – всё это вытекает из монашески-религиозного её духа, из того, что для неё политическая деятельность имеет целью не столько провести в жизнь какую-либо объективно полезную, в мирском смысле, реформу, сколько – истребить врагов веры и насильственно обратить мир в свою веру. ... Весь аскетизм, весь религиозный пыл, вся сила самопожертвования и решимость жертвовать другими, – всё это служит осуществлению тех субъективных, относительных и преходящих интересов, которые только и может признавать нигилизм и материалистическое безверие. ... Кучка чуждых миру и презирающих мир монахов объявляет миру войну, чтобы насильственно облагодетельствовать его и удовлетворить его земные, материальные нужды»³³⁶.

Европоцентрическая оторванность интеллигенции не только от широких народных масс, но и от России как государства со своей особой судьбой, культурой и историей привело к неосознанности и непродуманности исканий. В отличие от реформаторских задач Английской и Великой Французской революции социальные мечты русской интеллигенции основывались не на своём (российском) историческом и теоретическом опыте, а на западных заимствованиях, которые не подвергались критическому переосмыслению и не сообразовывались с российской действительностью.

Русское образованное общество оказалось оторванным не только от народа, но и от государства. Общественное мнение, настроение образованного русского общества в конце XIX века становилось всё более либеральным и нетерпимым по отношению к самодержавной государственной власти. Государство опиралось на чиновничество и армию, но не могло рассчитывать на интеллигенцию. В то же самое время интеллигенция была совершенно чужда народу. Если в западных странах слой интеллектуала-

³³⁶ Франк С.Л. Этика нигилизма (К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) // Вехи. С. 258–259.

лов способствовал развитию образования масс и в какой-то степени выступал в роли моста, соединяющего государственную власть и народ, балансируя, примирявшим их противоречия и содействовавшим стабилизации общества и его эволюционному развитию, то русская интеллигенция устранилась от этой роли. Народные массы, государственная власть и интеллигенция России оказались сосуществующими и взаимопроникающими, но чуждыми друг другу мирами. И хотя интеллигенция «ходила в народ», считала, что работает на его благо и думает о нём, между народом и интеллигенцией не было ничего общего. «Между нами и нашим народом, – писал М.О. Гершензон, – иная рознь. Мы для него – не грабители, как свой брат деревенский кулак; мы для него даже не просто чужие, как турок или француз: он видит наше человеческое и именно русское обличие, но не чувствует в нас человеческой души, и потому он ненавидит нас страстно, вероятно с бессознательным мистическим ужасом, тем глубже ненавидит, что мы свои. *Каковы мы есть*, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, – бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами ещё ограждает нас от ярости народной»³³⁷.

История подтвердила эти слова, написанные в 1909 году.

Интеллигенция стала заложником цивилизационных особенностей России и чисто российским феноменом, обозначение которого как заимствование из русского языка проникло и в иностранные языки (the intelligentsia английских словарей).

П.Б. Струве считал, что русская интеллигенция возникла в России только после распространения в стране социалистических идей, до этого было только «образованное общество» и разные в нём направления, но не возникло ещё интеллигенции, которой и на Западе нет. Именно из-за отсутствия на Западе интеллигенции кризис западного социализма не выступал так ярко. Русская же интеллигенция, прежде всего, особая прослойка образованного русского общества, его «чувствилище»³³⁸.

Кипя энергией, исповедуя западные либеральные идеалы и желая действовать, она оказалась зажатой между авторитарным государством и непросвещённым народом и боялась и первого, и второго. Самодержавие отрицало либерализм, а народные массы

³³⁷ Гершензон М.О. Творческое самосознание // Там же. С. 129.

³³⁸ Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Там же. С. 223.

могли и имели все основания на то, чтобы ненавидеть высшие классы и восстать.

Это положение сделало из значительной части образованного русского общества так хорошо известных по русской литературе «лишних людей», которые постоянно испытывали дискомфорт своего «подвешенного» между государством и народными массами положения. Онегин, Чацкий, герои Чехова не могли обрести смысла своего существования. Западноевропейские ценности претили служить восточному по своему характеру самодержавному деспотическому русскому государству: «служить бы рад, прислуживаться тошно», говорил герой Грибоедова. Между тем служение государству могло помочь интеллигенции обрести смысл существования, социализировать её, но такое служение было возможно только при вере в ценности этого государства и той цивилизации, к которой оно принадлежало. В то же время интеллигенция опасалась народных масс, не могла не опасаться революции. Нуждаясь в государстве как узде для непредсказуемых и страшных народных масс, интеллигенция в то же время стала антигосударственной. «... Историческое значение интеллигенции в России, – писал П.Б. Струве, – определяется её отношением к государству в его идее и в его реальном воплощении. В облике интеллигенции, как идейно-политической силы в русском историческом развитии, можно различать постоянный элемент, как бы твёрдую *форму*, и элемент более изменчивый, текучий – *содержание*. Идейной формой русской интеллигенции является её *отщепенство*, её отчуждение от государства и враждебность к нему»³³⁹.

Возникла ситуация, когда образованное русское общество культурно переросло Российское Государство и его архаичные, традиционные политические и социальные институты. Может быть, именно в силу этих причин мысли о судьбе России и блестящие художественные произведения, посвящённые русской жизни, часто рождались за границей (вспомнить хотя бы Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского).

Государство и государственный патриотизм в значительной мере опирались на церковь и остатки тех традиций, которые ещё были живы, несмотря на реформы Петра. Русский солдат умирал за Царя и Отечество, так же как гибли за них дворяне на

³³⁹ Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи. С. 207.

военной службе. Отставая от других великих держав, Россия могла гордиться упорством и патриотизмом своих солдат. Даже проигранная Крымская война продемонстрировала стойкость и мужество русского духа, однако параллельно с народным и военным патриотизмом существовало мощное разлагающее этот патриотизм интеллигентское параноидальное неприятие Российского Государства и всего строя русской жизни.

К концу XIX – началу XX века сдерживать протекание этого умственного яда от образованного общества к народным массам стало невозможно. Неготовность царского режима к реформам, поражение в Русско-японской войне, утрата уважения к скомпрометированной чередой скандальных историй царской семье и втягивание в Первую Мировую войну – фатальная череда обстоятельств, которые привели к краху русского самодержавия.

В это же время в России сформировался новый тип интеллигента, не аристократа-дворянина-бюрократа, а разночинца и студента. Если интеллигенция дворянского происхождения опасалась революции и это обстоятельство сдерживало её антигосударственные порывы, то разночинцам было нечего терять. Они стали авангардом революционного движения, развили десятилетиями пестовавшиеся образованным обществом идеи до крайних пределов и пошли в достижении своих целей до конца. В среде молодёжи всё чаще стали появляться люди, руководящий принцип которых гласил «иди и умирай!» Террор против царского режима всё чаще рассматривался как высшее проявление героизма, идеал профессионального революционера. Распространяясь среди молодёжи этот идеал раскачивал российское общество и лишал умеренную интеллигенцию шансов на проведение необходимых постепенных реформ³⁴⁰.

Достигнув власти и уничтожив «старорежимную» интеллигенцию, русские революционеры-разночинцы отвергли всякую преемственную связь по отношению к ней: «Прививка политического радикализма интеллигентских идей к социальному радикализму народных инстинктов совершилась с ошеломляющей быстротой»³⁴¹.

³⁴⁰ Изгоев А.С. Об интеллигентной молодёжи (Заметки об её быте и настроении) // Там же. С. 160–164.

³⁴¹ Струве П.Б. Указ. соч. С. 218.

Рассматривая российское общество с разных позиций, авторы «Вех» пришли к заключению об отсутствии в русской интеллигенции западной дисциплины и целеустремлённости. Поверхностное, внешнее принятие западных концепций не привело к их осмыслению и развитию. Принятие образованным обществом западных правовых норм на деле не привело к появлению работ в области права, которые приобрели бы широкое общественное значение³⁴². Не только широкие народные массы, но и образованное русское общество оказалось неготовым к действительному, живому восприятию сознания своих прав и обязанностей. Декларации приверженности правам личности и правовому государству не претворялись в жизнь. Отсутствие правовых традиций, интереса к истории права и соответствующей литературы привели к тому, что интеллигенция «не была даже в состоянии вполне отчётливо осознать всю бездну бесправия русского народа. Не было теоретических формул, которые определяли бы это бесправие»³⁴³.

Русскому народу испокон веков было свойственно стремление к организации на общинных принципах. При этом вырабатывались устойчивые традиции восприятия правовых и неправовых деяний. Однако эти народные правовые воззрения не были записаны, оставались обычаем. Русские интеллигенты, «ходившие в народ», могли, по мнению Б.А. Кистяковского, на основании изучения народных обычаев переосмыслить их в правовых нормах современного государства. Однако этого не было сделано. Правосознание русской интеллигенции оказалось «на стадии развития, соответствующей формам полицейской государственности»³⁴⁴.

Максимализм оценок и социальный мессианизм русской интеллигенции приводил к тому, что она скорее проповедовала свои собственные ценности и идеалы, нежели была готова внимательно прислушиваться к особенностям и строю народной жизни. Представители народничества скорее боролись за политический

³⁴² Кистяковский Б.А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Вехи. С. 169–202.

³⁴³ Там же. С. 182.

³⁴⁴ Там же. С. 190.

идеал, «новое право», а не «за право» в собственном смысле этого слова³⁴⁵.

Проблема отсутствия правового сознания, отражённая автором «Вех», осталась актуальной и в России начала XXI века.

Отмечая ущербность правового сознания русской интеллигенции, Б.А. Кистяковский пришёл к мнению, что проблема правосознания усугублялась славянофильской традицией принижать значение права, которое, как полагали многие русские философы, слишком формально, узко для широкой души русского человека. С другой стороны, увлечение марксизмом привело ряд западников к мысли о том, что общинный характер психологии русского народа – залог успешного вступления в новую социалистическую эру, минуя все пройденные Западом стадии эволюционного развития общества.

Эволюционное развитие большей частью мыслителей не принималось, часто не понималось, так как с петровских времён привыкли перенимать у Запада всё готовое и разучились заниматься самоанализом. Ждали, когда Запад произведёт на свет наиболее передовую концепцию, и надеялись, не прикладывая большого труда по выработке своих решений, перенять «передовые» чужие. С другой стороны, нельзя отрицать догоняющего характера российской модернизации, постоянного отставания России от Западноевропейских стран и США, которое делало неприемлемым медленное эволюционное поступательное развитие из-за отсутствия времени и постоянной необходимости отвечать на угрозы извне. В результате заторможенность процесса социальных реформ, апатия и желание социального чуда большей части умеренной интеллигенции привели к революции и режиму, готовому не говорить, а *делать*, причём делать несмотря ни на какие жертвы и в максимально сжатые сроки. Западной передовой концепцией, модернизировавшей Россию, стал марксизм, но прививать этот марксизм на русской почве взялись совсем другие, очень решительные люди, утопившие в крови страну и всю предшествовавшую 1917 году интеллигентскую невнятность.

Русскую интеллигенцию нельзя обвинять во всех бедах России, она сама – результат стечения обстоятельств. Но нельзя отрицать внутреннюю, хотя и отрицаемую преемственную связь между русской интеллигенцией и большевистской революцией.

³⁴⁵ Там же. С. 200.

Максималистский подход: «всё, или ничего», эсхатологические настроения, когда если невозможно достичь максимума, то о достижении минимума можно и не думать в той же мере был большевистским, в которой он был интеллигентским до революции. Разница заключалась в действиях и том обстоятельстве, что большевистский дискурс был целостным и решительно агрессивным. Лидеры партии смогли подавить все инакомыслящие течения и проводить целенаправленную и решительную политику без оглядки на рефлексию образованных классов, которые были уничтожены или в максимальной степени изолированы от воздействия на принятие государственных решений и народные массы.

Прискорбные свойства русской интеллигенции – исторический и правовой нигилизм можно было бы простить, если бы при этом подавляющая её часть не апеллировала к Западу, у которого нужно было учиться не просто поверхностным перенятием модернизации, моды, интеллектуальных течений, но прежде всего *учиться чувству права и чувству истории*. Не декларировать превосходство Запада и российскую отсталость, а изучать Запад на самом деле, а не на уровне красивых публицистических фраз. Увлечение Западом оказалось совершенно диспропорциональным нуждам России. Запад стал своеобразной самоценностью, «землёй святых чудес» (как говорил Достоевский), которая поглощала всё внимание образованного общества, Россию же практически не изучали.

Авторы «Вех», оценки которых по многим вопросам расходились, пришли к общему выводу о духовной незрелости, ведущей свою родословную от петровских реформ русской интеллигенции, её студенческом максимализме и основанной на недостатке знаний, культуры, образования, наивной и воинственной самоуверенности, исторической несостоятельности, одной из основных причин которой являлось незнание и нежелание знать, непонимание важности изучения русской истории.

«Вехи» подвели итог и вынесли приговор деятельности образованного русского общества по преодолению культурной расколотости России. В целом жёсткое обличение интеллигенции в «Вехах» стало констатацией бесплодности её усилий и притязаний, попыткой осмысления причин её неудач.

Все приведённые веховцами против интеллигенции соображения демонстрировали в первую очередь подавляющее влияние государственного аппарата России на все сферы жизни общества, когда задачи самосохранения и выживания государства подчиняют себе все остальные мотивы. Даже не осознавая исторических причин всёподавляющей роли государственного аппарата Российской империи, русская интеллигенция постоянно чувствовала эту выше неё стоящую мощь, и это чувство приводило в отчаяние, вызывало апатию или ожесточение против государства.

Террористические акты против чиновников, обилие анархических и революционных движений, рост межнациональных противоречий и ожесточение против государственного аппарата, как со стороны западников, так и со стороны славянофилов в конце XIX – начале XX века выявили тупик прежних постановок вопросов и способов их решения. В целом интеллигенция как русский культурный феномен оказалась контрпродуктивной. Неприятие государства и отсутствие в её (интеллигенции) рядах консенсуса по основным вопросам вектора развития России, культурная обособленность и отсутствие чувства родины и истории сделало из русской интеллигенции класс, который оказался не в состоянии ответить на вызовы времени и решить те задачи, которые сам перед собой ставил.

По своему историческому нигилизму советская интеллигенция может считаться достойной преемницей интеллигенции дореволюционной. Октябрьскую революцию 1917 года можно рассматривать как закономерный итог предшествовавшей деятельности радикальной интеллигенции. В отношении же к истории разница заключалась в том, что большевики вымарывали и переписывали страницы предшествовавшей истории сознательно, так же как это когда-то делали французские революционеры, в то время как интеллигенция просто ей пренебрегала под впечатлением блеска западноевропейской науки и модернизации. Стоит уточнить, что, говоря об истории, я имею в виду чувство её в образованных классах и более широких слоях населения, а не историческую науку как таковую. Полное небрежение к своей истории на протяжении почти 300 лет до 1917 года, и 70 лет фальсификации, которая не могла положительно повлиять на историческое самосознание после 1917 года, – такова многовековая осо-

бенность и основная проблема русского или российского самосознания.

Учитывая эти особенности отношения к национальной истории, можно сказать, что в СССР господствовал исторический цинизм, а до революции наблюдался исторический нигилизм.

Несмотря на бесконечное переписывание истории в советский период, нельзя не отметить значительные попытки, предпринимавшиеся в СССР для стимулирования в обществе патриотизма – огромный массив патриотической исторической литературы и кинематографии: сталинские фильмы «Пётр Первый» (1937–1938), «Александр Невский» (1938), «Суворов» (1941), «Кутузов» (1943), «Иван Грозный» (1944), «Крейсер «Варяг» (1946), «Адмирал Нахимов» (1946), «Александр Попов» (1949), «Мусоргский» (1950), «Ушаков» (1953). Все эти и многие другие фильмы и литературные произведения, наряду с коммунистической идеологией должны были питать национальное самосознание. На все эти попытки укрепления национальной идентичности новая советская интеллигенция ответила саркастическим анекдотом о том, что «Россия – родина слонов». Противопоставление себя власти и исторический нигилизм остались точно такими же, какими были у интеллигенции старорежимной.

Шестьдесят пять лет спустя после выхода в свет сборника «Вехи», в 1974 году, по инициативе А.И. Солженицына, русскими диссидентами был выпущен сборник «Из-под глыб», который сразу же после своего появления начал свою жизнь в самиздате. Закономерно, что одной из статей этого сборника стала работа Солженицына «Образованщина», в которой феномен современной писателю советской интеллигенции рассматривался через призму сравнительного анализа взглядов, высказанных авторами «Вех» с советской действительностью 1970-х годов. Солженицын назвал «Вехи» «присланными из будущего»³⁴⁶ – настолько актуальными они казались тогда. Такими же актуальными являются они и сейчас.

Прежде всего, актуальность «Вех» заключается в том, что, сопоставив особенности интеллигентского мировоззрения конца XIX – начала XX века при самодержавном строе и её мировоззрение советского и постсоветского периода, обнаруживаются

³⁴⁶ Образованщина // *Солженицын А.И.* На изломах: Рассказы. Крохотки. Публицистика. С. 471.

одни и те же поразительно схожие черты: глубокое незнание собственной страны и культуры, непонимание важности этого знания и повсеместная европоцентричность и оценочность суждений.

Эта схожесть лика интеллигенции тем более удивительна, что весь ход истории России в XX веке должен был уничтожить эту преемственность мировоззрения. Недаром часто дискутируется вопрос о том, а есть ли она, эта «интеллигенция», – настолько неоднозначна оценка последствий российской истории XX века. Понимая неоднозначность определения слова «интеллигенция», А.И. Солженицын остановился на следующем его толковании: интеллигенция, это те, кто относит себя к её представителям, претендует ими быть, разделяет её образ мыслей и ценности.

Уклоняясь от ответа на вопрос о «критериях интеллигентности», можно констатировать, что уничтожение советского марксистско-ленинского дискурса привело российское постсоветское общество конца XX века к необходимости решения тех же вопросов, которые стояли перед ним до 1917 года. Как и тогда, встали вопросы о необходимости модернизации, экономического роста и самоопределения. Однако, в отличие от дореволюционного образованного общества, постсоветские мыслители, возвращенные в совершенно ином интеллектуальном климате СССР, в обстановке, отсекавшей интеллектуальное наследие дореволюционного прошлого цензуры, оказались вынужденными создавать парадигму осмысления России заново, медленно и достаточно сложно приобщаться к наследию прошлого и открывать его для себя. Тем интереснее выглядит факт бессознательного возрождения концепций российского самосознания и путей его развития, которые существовали до 1917 года.

Не имея теоретической базы и необходимого образования, публицисты 1980-х – 1990-х годов пришли к свойственному России XIX – начала XX века дискурсу, в котором доминировали проблемы цивилизационной принадлежности России к Востоку или Западу, вновь возникли движения евразийцев и национал-большевиков, интерес к концепциям Святой Руси и Третьего Рима, появились новые западники и коммунисты-почвенники, государственники, обострились вопросы коллективной идентичности.

Преемственность постановок вопросов и вариантов их

решения показывает, насколько большое значение имеет феномен социальной памяти. Гражданская война, Великая Отечественная война, кровавый сталинский террор, пятилетки, индустриализация и коллективизация, поголовная грамотность населения, урбанизация и декрестьянизация страны, тотальное переписывание истории и мифологии с целью формирования нового советского человека не смогли убить идеи. Вытесненный советской реальностью дореволюционный славянофильско-западнический дискурс рассмотрения российских проблем вновь ожил в очень похожих формах осмысления жизни общества, несмотря на семидесятилетний разрыв.

Семидесяти лет оказалось недостаточно, чтобы Россия утратила эту преемственность в мировоззрении со своей дореволюционной интеллектуальной элитой. Несмотря на доминирование марксистской идеологии, почти тотальное истребление или высылку потомственной дореволюционной интеллигенции, ростки её идей сохранились и проросли сквозь фундамент советского периода истории России.

«Русская идея» В.С. Соловьёва: характерный пример кризиса национального самосознания

Ярким примером дореволюционного кризиса национальной и культурной идентичности, обусловленного культурным влиянием Европы и религиозным характером русской философии, является прочитанный в 1888 году в Париже доклад В.С. Соловьёва «Русская идея».

Соловьёв, как и многие до и после него, изложил свои, по существу, глубоко антинациональные взгляды на Западе. В философии В.С. Соловьёва «универсальные» ценности Западной цивилизации были направлены в религиозное русло Вселенского христианства и оказали отрицательное влияние на решение вопроса о преодолении кризиса самосознания российского общества. При всём идеалистическом направлении своей философии, при доминировании в ней долженствования над реальным быти-

ем В.С. Соловьёв был склонен порицать православие, умалчивая при этом о не менее неоднозначной истории католической церкви. Идеальные построения сочетались у него со ссылками на историю России, рассматриваемую с сугубо европоцентрических, *предвзятых* позиций, облачённых в христианский интернационализм.

Русская литература и искусство очень много сделали для поднятия престижа России в глазах Европы. В то же время лучшие представители России нередко клеймили свою страну перед западной аудиторией, извергая на отечество праведный гнев своего весьма своеобразного патриотизма, суть которого сводилась к тому, чтобы как можно более наглядно выявлять слабые стороны российского общества, не пытаясь ничего изменить на практике. Россию оценивали и осуждали без выяснения *причин* её не отвечающего западным идеалам положения. Н.А. Бердяев был прав, когда, будучи в эмиграции, писал о вине русской интеллигенции перед Россией. Обильно цитируя в Париже взгляды И.С. Аксакова на Русскую православную церковь, которые во многом верны и теперь, Соловьёв давал Западу в очередной раз почувствовать своё превосходство, в очередной раз колебал веру России в свои силы. Вот почему Запад всегда так любил и продолжает любить, представителей русской оппозиции – они всегда возвышали Запад в собственных глазах и подтверждали его нелицеприятные мнения о России. В.С. Соловьёв говорил поработившей мир Европе о покаянии России за крепостное право. Философ каялся за Россию перед Европой, которая снова выступала судьёй. На французском языке в Париже Соловьёв говорил о русской идее. Националистической Франции философ рассказывал о вреде религиозных проявлений русского национализма. Н.А. Бердяев справедливо отмечал, что нет более яростных критиков России, чем русские. Соловьёв исповедовался перед Западом в грехе русификации, «опередившей Россию в интеллектуальной культуре» Польши. Мало того, говорил, что Россия должна ответить за грехи Византии.

«Русская идея» В.С. Соловьёва наглядно демонстрирует дореволюционный кризис русской национальной и культурной идентичности, проявившийся в среде интеллигенции, представители которой не могли сказать ни одного ободряющего слова

своему народу, убеждая его, а заодно и Европу в его греховности и творческом бессилии. «Русская идея» Соловьёва при всей свойственной русской философии религиозной окраске пропитана пафосом западных идей о гражданских правах и универсальности европейской цивилизации. Русская идея становится у Соловьёва развитием русского мессианства в наиболее пагубном для страны и народа варианте: отказавшись от всех составляющих и без того зыбкой русской идентичности, всё отдать за идею торжества Вселенского христианства, ничего не получив взамен. По существу, Соловьёв предлагал принести Россию в жертву своей несбыточной теократической утопии. Россия – главное препятствие к осуществлению его мечты о Вселенской церкви. Мироззрение Соловьёва – не считающийся ни с чем христианский либерализм. «Русская империя, – писал он, – отъединённая в своём абсолютизме, есть лишь угроза борьбы и бесконечных войн»³⁴⁷. По сути, В.С. Соловьёв предлагал отречься от своей истории, забыть всё, что веками вдохновляло народ, и внести тем самым «в семейство народов мир и благословение, ибо идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности»³⁴⁸. При таком возвышенном теологическом подходе невозможно выявить национальную идею, так как на свете найдётся не много людей, которые решились бы интерпретировать идеи Бога. Кроме того, непонятно почему «мир и благословение» должны начинаться в ущерб России.

«Русская идея, мы знаем это, – писал Соловьёв, – не может быть ничем иным, как некоторым определённым аспектом идеи христианской, и миссия нашего народа может стать для нас ясна, лишь когда мы проникнем в истинный смысл христианства»³⁴⁹. Вряд ли подобную характеристику национальной идеи можно признать практически достижимой, так как в данном случае идея формулируется в предельно абстрактных терминах, предоставляющих возможность широкого ряда самых разнообразных трактовок «истинного смысла христианства». Исходя из предложенной в первой главе классификации, взгляд В.С. Со-

³⁴⁷ Соловьёв В.С. Русская идея // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей. С. 255.

³⁴⁸ Там же. С. 228.

³⁴⁹ Там же. С. 248.

ловьёва на сущность русской идеи можно отнести к «спекулятивному» подходу.

Русская идея в постановке русских религиозных философов-идеалистов не могла быть претворена в жизнь, так как провозвестники её были всё же академическими, кабинетными публицистами, религиозными философами, а не вдохновенными проповедниками. Их идеи могли получить реальное воплощение только через ярких религиозных, в какой-то мере революционных лидеров. Христос, Магомет, Савонарола, Франциск Ассизский и Ганди, возможно, могли бы вдохнуть в эти идеи жизнь, но в русском обществе не нашлось таких пророков, вследствие чего религиозно-философский взгляд на русскую идею, данный русской философской мыслью, не был претворён в жизнь, оставшись одной из многочисленных философско-этических теорий, хотя в этой теории и отразился русский мессианизм.

Е.Н. Трубецкой, развивая идеи В.С. Соловьёва, рассматривал русскую идею в религиозном контексте русского мессианизма, писал о необходимости отрешиться от национального мессианства как единственного условия прозрения в «действительное религиозное призвание России»³⁵⁰. Он понимал зыбкое основание этой идеи, видел, что чего-то недостаёт, но так и не смог отойти от религиозного решения задачи. Е.Н. Трубецкой критиковал русское мессианство, но ничего не мог предложить взамен, кроме некоего неосязаемого «действительного религиозного призвания».

Выраженное стремление русских мыслителей к всемирности, всечеловечеству, идеальному единению народов можно рассматривать как выражение укоренившегося кризиса самосознания. С этой точки зрения, и Ф.М. Достоевский, и В.С. Соловьёв, и Е.Н. Трубецкой, и все другие провозвестники идеала русской всемирности кажутся славянофильствующими западниками, которые считали, что являются славянофилами и даже апологетами русской самобытности, но в действительности мыслили западными категориями, применяли к России, по сути, европейские понятия о всечеловеческом единении народов.

Поборники русского мессианства, не подозревая того, взяли на вооружение европейскую веру в общечеловеческие цен-

³⁵⁰ Трубецкой Е.Н. Старый и новый национальный мессианизм // Смысл жизни. С. 478.

ности и возможность универсальной цивилизации. Такой взгляд на предназначение своего народа и государства мог бы свидетельствовать о здоровом самосознании только в том случае, если бы это стремление к всемирности пришло вслед за верой в свою исключительность. Так это было у древних греков, римлян, англичан. Сначала, добившись великих побед и успехов, они уверовали в свою исключительность, поверили в универсальный характер своих – греческих, римских, английских ценностей и только затем решились навязать их другим народам. В России мысль о всемирном призвании в значительной мере утратила эти психологические основания, так как реформы Петра уничтожили самонадеянность и гордыню Московского царства. И русское мессианство, особенно в философской сфере, приобрело идеалистический, религиозный характер.

Только сильное самосознание, культурная агрессивность, даже заносчивость могли стать источником настоящих всечеловеческих притязаний. У России же такого источника не было. Русский мессианизм ограничился славянским миром. Здоровый, истинный мессианизм выражается во всемирном империализме, в вере в то, что именно твой народ и твоё государство – воплощение знания, прогресса и добра. Россия была лишена этого фундамента. Чтобы выйти в столь желанную «мировую ширь», России нужно было вновь заболеть старомосковским самомнением, которое так порицали В.С. Соловьёв и Е.Н. Трубецкой. Впрочем, даже в этом случае «мировая ширь» не была гарантирована: допетровская Русь слишком себя ценила, чтобы столь усердно интересоваться внешним миром и в сношениях с ним скорее отвечала на внешние вызовы, нежели стремилась навязывать себя другим, в той мере в какой это свойственно глобализовавшему мир Западу.

Мечты о «новом слове», «призвании», «выходе в мировую ширь» и т.д. России имели в своей основе невысказанное предположение, что Россия совершенно бедна содержанием и ещё ничего великого не создала и не сказала. Это всё то же неверие в себя, завуалированное низкопоклонство перед Западом, *предвзятость*. Русские философы и публицисты не хотели довольствоваться тем, что уже есть, не видели и, зачастую неосознанно, принижали достижения государства и русской культуры –

мешал европеизм, от влияния которого не могли отделаться даже славянофилы. По большому счёту, совершенно неясно, чего они ждали, какого «нового слова», «какой мировой шири»? Можно понять восхваление государства и мечты об имперском будущем, как это было у немцев, но русская философия была насквозь пропитана мистическим, эсхатологическим духом, в результате чего спор о сущности русской идеи стал совершенно бесполезен из-за слишком большого количества противоречивых и, как правило, субъективных мнений, основанных, за редкими исключениями, на чём угодно, только не на здравом анализе, в результате чего русские авторы зачастую не видели цивилизационной цельности России, её оформленности, которая была незаметна по причине западных наслоений и виделась гораздо лучше издали, извне, с того же Запада, чем изнутри. И сегодня, рассматривая подходы к анализу русской идеи и составляющих русской национальной и культурной идентичности в работах российских и зарубежных авторов, нельзя не отметить, что некоторые зарубежные исследователи, например, Арнольд Тойнби, Фернан Бродель, Самуэль Хантингтон, намного более здраво и беспристрастно подходят к рассматриваемому вопросу, дают сжатые, чёткие, информативные характеристики Российской цивилизации, которые бывает очень сложно найти в объёмных произведениях зачастую предвзятых (пусть и неосознанно) российских авторов. Наглядно и сжато определил истоки отличий Российской цивилизации от Западноевропейской С. Хантингтон: «Россия практически совсем или в малой степени испытала на себе влияние основополагающих феноменов Западной цивилизации: римского католицизма, феодализма, Возрождения, Реформации, заморской экспансии и колонизации, Просвещения и возникновения национального государства. Семь из восьми ... особенностей Западной цивилизации – религия, язык, отделение церкви от государства, власть закона, социальный плюрализм, представительные органы власти, индивидуализм – практически полностью отсутствовали в российском опыте. Единственным возможным исключением является классическое наследие, которое, однако, пришло в Россию через Византию, вследствие чего достаточно сильно отличалось от того наследия, которое Запад напрямую перенял у Рима. Российская цивилизация стала продуктом местных корней Киевской Ру-

си и Москвы, значительного византийского влияния и длительного монгольского правления. Эти влияния сформировали общество и культуру, имеющие мало общего с культурой и обществом, развившимися в Западной Европе под влиянием совершенно других сил»³⁵¹.

Ответом на идентификационный кризис царской России предреволюционных лет и послереволюционное переосмысление русской истории явилось возникшее в 20-е – 30-е годы XX века в эмигрантской среде евразийское движение, зародившееся в качестве реакции против критики, которой подвергалась постреволюционная Россия на Западе и в среде белой эмиграции.

Евразийство: геополитический аспект российского самосознания

Опираясь на геополитические выводы Н.Я. Данилевского, В.О. Ключевского и С.М. Соловьёва, евразийцы предложили модернизированную триаду российской ментальности: «православие – самодержавие – народность» трансформировалось в «централизацию – дисциплину – самопожертвование».

Евразийцы дали единственную развёрнутую геополитическую версию русской идеи. Географический детерминизм, концепция «месторазвития» (термин, введённый в научный оборот Г.В. Вернадским и П.Н. Савитским), позволили представителям русской эмиграции не дробить Россию во времени и не отречься от неё, несмотря на революцию, так как основополагающим фактором развития российского общества признавалось не православие, а геополитическое положение страны. Географический детерминизм дополнялся приматом культуры над политикой – цивилизационным подходом Н.Я. Данилевского. История России, её социальная структура, государственность и обычаи определены географией и спецификой Евразии как особого геополитического пространства, поскольку, как отмечал Н.С. Трубецкой: «всякое государство жизнеспособно лишь тогда, когда может

³⁵¹ *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. London: Simon & Schuster, 2002. P. 139–140.

осуществлять те задачи, которые ставит ему географическая природа его территории»³⁵². Исходя из этого положения, переосмыслению подверглись основания русской государственности. Евразийцы осуществили ревизию истории России. Не в Киевской Руси видели они начала русского государства, а в евразийской империи Чингисхана, объединившего под своей властью большую часть России. Такой подход произвёл революцию в устоявшихся взглядах традиционной историографии, вследствие чего признание исторической России фактической преемницей государства Чингисхана – вопрос дискуссионный. Однако аргументация евразийцев заслуживает большого внимания и достаточно основательна.

Татары помогли русским князьям добиться самодержавия, стали фактором, способствовавшим исчезновению удельной родовой системы владения русской землёю. Татаро-монгольское нашествие часто называют одной из причин, якобы присущей российскому обществу гражданской пассивности, или, более грубо, рабской психологии. Но если присмотреться к татаро-монгольскому игу внимательнее, легко обнаружить, что несмотря на принесённые им бедствия, возросшее налоговое бремя и периодические карательные экспедиции, Россия продолжала самобытно развиваться, успешно воевала со Швецией, Ливонским орденом, Литвой, колонизировала новые территории и самозабвенно предавалась княжеским усобицам. Таким образом, винить татаро-монгольское нашествие в кардинальной трансформации российской ментальности было бы неверно. Конечно, иго наложило свой отпечаток на стиль мышления людей, (вызванное игом изменение понятий о чести и справедливости Николай Михайлович Карамзин отмечал уже у летописцев XIII столетия³⁵³), но кроме ига существовали другие, основополагающие факторы. Прежде всего, демографический и географический. Видимо, в силу этих причин в полном курсе лекций по русской истории Василия Осиповича Ключевского так сравнительно мало места было уделено татарам. Ключевский писал о влиянии татарского ига: «Ордынские ханы не навязывали Руси каких-либо своих порядков, довольствуясь данью, даже плохо вникали в порядок, там действовавший. Да и трудно было вникнуть в него, потому что в

³⁵² Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. С. 224.

³⁵³ Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 4. С. 107.

отношениях между тамошними князьями нельзя было усмотреть никакого порядка... Если бы они были предоставлены вполне самим себе, они разнесли бы свою Русь на бессвязные, вечно враждующие между собою удельные лоскутья... Власть хана давала хотя призрак единства мельчавшим и взаимно отчуждавшимся вотчинным углам русских князей... Власть хана была грубым татарским ножом, разрезавшим узлы, в какие умели потомки Всеволода III запутывать дела своей земли»³⁵⁴.

Исходя из переоценки влияния татаро-монгольского нашествия, принятия туранско-татарской концепции русской истории князя Н.С. Трубецкого, евразийцы пересмотрели традиционный взгляд на роль русского византизма. Согласно евразийской теории, монгольское нашествие расширило российский умственный горизонт, дало России понятие о величии государственной идеи, которую русские приняли, трансформировав её в психологически приемлемую форму православного царства с византийской идеологической основой. «Татарская государственная идея, – писал Трубецкой, – была неприемлема, поскольку она была чужой и вражеской. Но это была великая идея, обладающая неотразимой притягательной силой. Следовательно, надо было во что бы то ни стало упразднить её неприемлемость, состоящую в её чуждости и враждебности; другими словами, надо было отделить её от её монгольства, связать её с православием и объявить её своей, русской. Выполняя это задание, русская национальная мысль обратилась к византийским государственным идеям и традициям и в них нашла материал, пригодный для оправославления и обрусения государственности монгольской. Этим задача была разрешена. Потускневшие и выветрившиеся в процессе своего реального воплощения, но всё ещё сквозящие за монгольской государственностью, идеи Чингисхана вновь ожили, но уже в совершенно новой, неузнаваемой форме, получив христианско-византийское обоснование. В эти идеи русское сознание вложило всю силу того религиозного горения и национального самоутверждения, которыми отличалась духовная жизнь той эпохи; благодаря этому идея получила небывалую яркость и новизну и в таком виде стала русской»³⁵⁵.

³⁵⁴ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Кн. 1. С. 378–379.

³⁵⁵ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. С. 242–243.

В работах евразийцев русский византизм обрёл характер внешней оболочки, глубинным содержанием которой признавались неосознанные татаро-монгольские влияния, наилучшим образом способствовавшие государственному строительству Руси.

Евразийство отошло от пестуемых дореволюционной русской философией идей универсальности православия и мессианства русского народа, чего ему не могли простить представители старшего поколения русских философов, которых возмущало столь большое внимание, уделяемое евразийством татаро-монгольским влияниям. Н.А. Бердяев в этой связи писал: «Евразийцы любят туранский элемент в русской культуре. Иногда кажется, что близко им не русское, а азиатское, восточное, татарское, монгольское в русском. Чингис Хана они явно предпочитают Св. Владимиру. Для них Московское царство есть крещёное татарское царство, московский царь – оправославленный татарский хан»³⁵⁶. Революция положила конец русскому философскому идеализму. Н.А. Бердяев имел все основания обвинять евразийцев в материализме, узком реализме и отречении от традиций русской религиозной философии.

Несомненная заслуга евразийства состояла в том, что, активно вводя в свой категориальный аппарат термин «Евразия», они дали России цельность бытия, которую у неё отнимали славянофильско-западнические дискуссии о России как Востоко-Западе, что лишало её внутренней цельности, разрывало между Востоком и Западом, которые невозможно соединить. Рассмотрение России в качестве России-Евразии обогатило гуманитарное знание новым плодотворным подходом, многое объяснившим и внутренне непротиворечивым.

Лев Николаевич Гумилёв следующим образом охарактеризовал евразийский подход к проблеме социокультурной трансформации российского общества: «Мы должны прежде всего осознать традиционные границы – временные и пространственные – нашей этнической общности, чётко понять, где свои, а где чужие. В противном случае мы не можем надеяться сохранить ту этносоциальную целостность, которую создавали наши предки при великих князьях и царях московских, при петербургских императорах. Если мы сумеем эту целостность сохранить, сумеем

³⁵⁶ Бердяев Н.А. Евразийцы // Евразийский вестник. Книга Четвёртая. Берлин, 1925.

восстановить традицию терпимых, уважительных отношений к формам жизни близких нам народов – все эти народы останутся в пределах этой целостности и будут жить хорошо и спокойно»³⁵⁷.

Классики евразийства предложили прагматичный путь развития российского общества на основании историософского осмысления собственной культурной идентичности. В начале XXI века в связи с возникшими в Российском обществе ностальгическими настроениями по СССР, постимперским синдромом и ростом основанной на благоприятной внешнеэкономической конъюнктуре 2000-х годов уверенности России на внешнеполитической арене, современные последователи евразийской теории – неоевразийцы были склонны предаваться довольно опасным мечтам о вступлении России на новый путь пассионарного развития³⁵⁸, противопоставлять Проект «Евразия» западному «новому мировому порядку», Новую Евразийскую Империю – западному атлантизму.

В связи с отмеченным стремлением неоевразийцев к пассионарным сценариям развития российского общества необходимо указать на мнение Л.Н. Гумилёва, считавшего, что российское общество находится в конце фазы надлома³⁵⁹, сменившей предшествовавшую ей акматическую фазу³⁶⁰. И это – «возрастная болезнь», перестройка же – «лишь шанс на спасение»³⁶¹. То есть, российское общество пережило пик своей пассионарности и больше неспособно на имевшую место в прошлом экспансию.

Мнение Л.Н. Гумилёва можно было бы считать излишне пессимистичным, если бы не потрясшие Россию события XX ве-

³⁵⁷ «Меня называют евразийцем...» // Гумилёв Л.Н. Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи. Москва: Айрис-пресс, 2007. С. 313.

³⁵⁸ «Пассионарность как характеристика поведения – эффект избытка биохимической энергии живого существа, порождающий жертвенность часто ради иллюзорной цели. Пассионарии – особи, пассионарный импульс поведения которых превышает величину импульса инстинкта самосохранения». Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. С. 720.

³⁵⁹ «Фаза надлома – резкое снижение уровня пассионарного напряжения после акматической фазы, сопровождающееся расколом этнического поля». Там же. С. 723.

³⁶⁰ «Фаза акматическая – колебания пассионарного напряжения в этнической системе после фазы подъёма на предельном для данной системы уровне пассионарности». Там же.

³⁶¹ «Меня называют евразийцем...» // Гумилёв Л.Н. Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи. С. 313.

ка: революция и последовавшая за ней гражданская война, сталинская индустриализация и две мировые войны заставляют согласиться с высказанной оценкой. Тем более, что данный взгляд подтверждается другими теориями жизненных циклов цивилизаций.

Выше уже отмечалось мнение К.Н. Леонтьева по данному вопросу. Леонтьев считал, что жизненный цикл цивилизации составляет около 1000 лет и больше 1200 лет не прожил «в своём известном истории и определённом виде ни один государственный организм»³⁶². «Экспансия сама по себе, – писал по поводу расширения цивилизаций Арнольд Тойнби, – не является критерием роста. В то же время, когда общество, отмеченное явными признаками роста, стремится к территориальным приобретениям, можно заранее сказать, что оно подрывает тем самым свои внутренние силы»³⁶³. Другое дело, что часто само выживание диктует необходимость территориальной экспансии. Например, в фундаментальной «Истории Второй Мировой войны» Уинстона Черчилля есть описание того, как Великобритания во время войны была вынуждена расположить в Исландии военные аэродромы. Сами по себе эти аэродромы были там не нужны, на их строительство были затрачены необходимые и ограниченные ресурсы государства, но британский генеральный штаб исходил из опасения того, что в противном случае в Исландии появятся военные аэродромы люфтваффе. Такими же соображениями руководствовалось правительство Российской империи при продвижении в Азию с целью получить возможность угрожать Британской Индии. Военная история человечества знает бесчисленное множество подобных примеров губительной, но обоснованной, часто неизбежной экспансии.

Как и основатели евразийской школы, современные евразийцы, например, Александр Дугин видят ключ к успешной социокультурной трансформации российского общества в укреплении его макроидентичности, но укрепление её строят в значительной степени на идеалистическом основании нового мессианства и противопоставлении сухопутного мира территориально интегрированных империй – англо-американскому атлантизму³⁶⁴.

³⁶² Леонтьев К.Н. Избранное. С. 160. См., также с. 23, 84–88, 94, 113.

³⁶³ Тойнби А. Дж. Постигание истории. С. 334.

³⁶⁴ Дугин А.Г. Проект «Евразия». Москва: Эксмо, Яуза, 2004. С. 368 и далее.

В плане укрепления самосознания современного российского общества, сближение России с конфуцианским Китаем или Индией может принести практическую пользу, выраженную в адаптированном принятии восточно-азиатской экономической модели и модернизации, предполагаемый успех которых в России должен способствовать подъёму российского национального и культурного самосознания. Но в то же время наступает критический момент, когда в условиях ограниченных ресурсов, прежде всего человеческих, на восточной границе России возникает новый мировой центр силы. Это, прежде всего, должны осознавать современные евразийцы, связывающие будущее России с внешней экспансией. Неоевразийцы не учитывают всёвозрастающей роли Китая. Между тем, когда-то Китай и Русь составляли единое государство Чингисхана, а собиравшая земли под татаро-монгольским суверенитетом Москва была отдалённой окраиной этой гигантской империи. Марко Поло ездил служить к хану Хубилаю в Пекин. Территориально центр этой империи, как справедливо указывал князь Н.С. Трубецкой, находился в Евразии, но политически дело обстояло иначе.

Современные евразийцы облекли в новые одежды прежний панславизм, который застилает им глаза и не даёт понять, что желаемое не всегда становится действительным. Наступает эпоха, когда Россия вынуждена консолидировать все внутренние силы для того, чтобы сохранить равновесие на геополитической шахматной доске. Долгое время Россия сама была центром тяжести, однако сегодня возникают новые центры – потенциальные угрозы, которые ещё раз убеждают в необходимости преодоления постимперского синдрома и сосредоточения на внутреннем обустройстве и взвешенных внешнеполитических шагах.

В этих условиях России, по-видимому, необходимо пытаться осуществить модернизацию на основе собственной модели, которая наилучшим образом подходила бы российскому обществу, соответствовала закономерностям развития российского культурно-исторического типа и не противоречила российской культурной идентичности.

Изначально прагматичный подход к осмыслению общественного бытия России, предложенный евразийцами, на современном этапе приобретает черты присущих русской социальной

философии мессианских стремлений, которые, были свойственны как дореволюционной, так и советской рефлексии и закончились крахом таких великих русских проектов как панславистский Все-славянский союз и мировая революция.

Евразийская концепция российского самосознания ценна значительным потенциалом объективного анализа российской истории и места России в современном мире, выглядит потенциально полезным инструментом модернизации России. Главное не повторять прошлых ошибок, преодолеть постимперский экспансионистский синдром и пережитки мессианизма, которые мешают сосредоточиться на внутреннем развитии общества.

**СССР: надцивилизационная и наднациональная
советская идентичность. Второй
мессианский проект России**

*The farther backward you can look, the
farther forward you are likely to see.*

Winston Leonard Spencer Churchill

Революция ознаменовала новый этап социокультурной трансформации российского общества. Прежние формы модернизации оказались несостоятельными, не предотвратили революционный взрыв. Несмотря на Великие реформы второй половины XIX века, в социально-экономическом плане Россия отставала от передовых западных стран. Нужен был только внешний толчок, чтобы полностью трансформировать социально-культурное поле России. Таким внешним толчком в комплексе с накопившимися внутренними проблемами и неразрешёнными противоречиями стала Русско-японская, а затем и Первая Мировая война.

Революция была призвана в сжатые сроки провести мо-

дернизацию. То, чего царское правительство стремилось достигнуть путём постепенных реформ, большевики намеревались добиться посредством громадного прорыва, модернизационного прыжка. При этом модернизация проводилась на основе, весьма своеобразной, параллельной вестернизации, которая кардинально отличалась от вестернизации дореволюционной. До революции власти России способствовали модернизации, не только чтобы сохранить Империю в качестве мировой силы, но и вестернизировать страну в соответствии со вкусами правящей элиты так, чтобы она стала культурной частью Европы, которую считали образцом для подражания. Совершенно иначе понимали цель модернизации большевики. Модернизация должна была сделать из России не просто мировую державу, но очаг мировой революции и передовое во всех отношениях общество будущего. Теоретической базой модернизации стал марксизм. Возникшая на Западе теория стала оружием против Запада.

Принятие социалистической теории открыло простор для трансформаций во всех сферах жизни общества. Если признать торжество западной по месту происхождения и универсальной по притязаниям теории Маркса в России вестернизацией, то эта вестернизация, в отличие от дореволюционной, имела все основания, для того чтобы развиваться в совершенно самобытный, возможный только в России, феномен.

Достаточно рано вступивший на путь современного экономического роста и модернизации Запад оказался способен преодолеть приведшие к возникновению марксистской теории порождённые противоречиями общественного развития кризисные явления, вследствие чего избежал предрекаемых Марксом социальных потрясений. Однако в России капитализм только зарождался и не успел достаточно развиваться, чтобы уцелеть. Россия отставала от Запада ровно настолько, насколько было необходимо, чтобы в ней создались условия для использования в целях модернизации марксистской идеологии.

Учение Маркса, «творчески развитое» Лениным и Сталиным, было передовым в самом прямом смысле этого слова, так как заключало в себе весь комплекс достижений общественных наук того периода, то есть научным, материалистическим, цельным, и в то же самое время несло в себе идеи таких вечных цен-

ностей, как справедливость, свобода, равенство и братство. Победив в России, марксизм, казалось, подтверждал свою научную состоятельность и стал фундаментом научно обоснованной веры в великое предназначение социалистической России. Советский Союз стал для пребывавших под влиянием Запада стран третьего мира маяком альтернативной модели модернизации, модернизации социалистической.

Русский коммунизм, несмотря на необходимую для мировой революции интернациональность, стал своеобразной русской идеей. Став страной «победившего пролетариата», Россия действительно вышла в ту «мировую ширь», о которой столько писали дореволюционные русские мыслители и публицисты, получила все шансы сказать своё «новое слово» миру, о котором когда-то грезили русские философы-идеалисты.

«Чернокожие и желтолицы, – писал в январе 1924 года в газете «Правда» будущий основатель Коммунистической партии Вьетнама и первый президент независимого вьетнамского государства Хо Ши Мин, – не знают точно, кто такой Ленин, не знают и того, где находится Россия. Ведь колониальный империализм заинтересован в том, чтобы они этого не знали. Невежество – один из главных столпов капиталистического строя, *но* все они – аннамский селянин, как и охотник из Дагомеи, – внимали шепоту, говорившему, что там, там, далеко, на другом конце земного шара, есть народ, прогнавший своих самодержцев-эксплуататоров и управляющий сам собой, без самодержца, без верховного резидента. Слыхали они и то, что страна эта именуется Россией и руководят ею люди, крайне мужественные, а *самый мужественный из них зовётся Лениным*. Этого уже достаточно, чтобы возбудить глубокое, восторженное преклонение перед этой страной и её вождём»³⁶⁵.

Благодаря ударным стройкам, пятилеткам, индустриализации, мощной пропаганде и формированию новой советской идентичности, Россия обратила на себя внимание многих, в том числе и западных, стран. Невероятные успехи СССР на пути ускоренной модернизации сделали его на определённое время эталоном для подражания в глазах многих представителей незападных обществ. Советское «экономическое чудо» изучали эконо-

³⁶⁵ Цит. по: Скворцов В.Н. Конец дороги мандаринов. Москва: Мысль, 1979. С. 2. См. также с. 54, 100, 103, 104, 112 и др.

мисты всего мира. Советский Союз поражал темпами происходивших преобразований. Побывавшие в нём иностранные журналисты писали восторженные статьи, а мировой экономический кризис в капиталистических странах ещё больше углублял контраст между экономическим ростом в СССР и упадком на Западе. Впервые Россия стала образцом для других обществ, страной, ставшей не только реципиентом модернизации, но и её экспортёром.

Православная церковь была вытеснена заменившей религию светской идеологией, самодержавие трансформировалось в пост всесильного генерального секретаря, а пролетариат, заменивший народность, стал ключевым понятием в идеологической риторике и возносился на пьедестал как самый передовой класс общества, который, тем не менее, так и осталась сугубо служебным орудием в руках государства. В идеологической сфере обособивавшийся когда-то византизм русский империализм и тесно связанное с ним мессианство трансформировались в мечту о мировой революции с центром в Москве и о братстве народов идеального общества будущего. Цивилизационная матрица российского культурно-исторического типа несколько не изменилась, однако составляющие её элементы обрели новую форму и новые возможности для дальнейшего развития.

Одним из важнейших последствий революции, касающихся трансформации самосознания общества, стало возникновение понятия «советский народ». Оно позволяло сохранять многонациональную Россию в её прежних границах и даже включать в неё новые страны, сохраняя при этом казавшееся потенциально губительным для целостности государства федеративное устройство. Понятие «советский народ» было явлением совершенно искусственным, но в условиях мощного идеологического аппарата оно оказалось вполне жизнеспособным, чтобы на какое-то время стать основой самосознания советского общества.

Период ускоренной модернизации в виде индустриализации, коллективизации, пятилеток и т.д. и победа в Великой Отечественной войне стоили обществу невероятных жертв, но способствовали укреплению советской идентичности, одним из первых шагов к ослаблению которой можно считать XX съезд КПСС.

Доклад Н.С. Хрущёва «О культе личности и его последствиях» и постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» заложили мину замедленного действия под советскую идеологию. Доклад Хрущёва стал настоящим ударом для тех, кто бескомпромиссно верил в развенчанного Вождя.

Укрепление и развитие «социалистического демократизма» посредством данного доклада способствовало не «возвращению к идеалам ленинизма и творческому духу марксизма», как утверждали советские идеологи, а напротив, заронило в народные массы сомнения, которые в дальнейшем трансформировались в подспудное сознание того, что партия и правительство небезгрешны и могут ошибаться. Развенчание культа личности Сталина оказалось тем более губительным для самосознания советского общества, чем менее наследовавшие Сталину вожди могли тягаться с ниспровергнутым ими кумиром в области достижений, как на внутренней, так и на международной арене. Слишком велик был контраст. Вера в идеалы была в значительной мере подорвана, в обществе возникал вопрос: можно ли в них верить после обнародованных в 1956 году фактов? Ниспровержение культа личности должно было сопровождаться реформами общества, только в таком случае нанесённый властью по идеологии удар мог быть целесообразен.

В дальнейшем идеологическая основа советской идентичности размывалась во всёвозрастающем темпе, так как не отвечала более нуждам модернизации советского общества. На определённом этапе социализм оказался адекватной формой хозяйствования, организации общественной жизни, помог нарастить необходимую государству материальную базу, но в условиях отсутствия своевременных реформ утратил былую эффективность.

Конец «холодной войны» стал концом надцивилизационных идеологий. С завершением планетарного противостояния двух систем мировая политика стала в значительной степени строиться по принципу цивилизационной, культурной принадлежности, что вызвало идентификационный кризис не только в России, но и во всех странах, которые ранее были вынуждены идентифицировать себя с социалистическим или капиталистическим лагерем. Именно в силу этих изменений был поднят вопрос о столкновении цивилизаций, сущность которого сводит-

ся не к осознанной конфронтации культур, а к проблеме самоопределения в радикально изменившейся системе международных отношений, в которую включена и Россия.

В многополюсном и полицивилизационном мире России, как и всем остальным государствам земного шара, нужно будет по-новому формулировать своё самосознание, и делать это самостоятельно, без оглядки на другие цивилизации, самобытность которых невозможно перенять, но у которых вполне можно позаимствовать модернизацию.

Кризис идентичности современного российского общества очевиден. В Российской Империи была идеология, ещё больше идеологии было в СССР. До революции – дорожили мнением Европы, во времена СССР (во всяком случае в течение первой половины его истории) – настолько были уверены в своей правоте, что, кажется, совершенно не принимали его в расчёт, не подстраивались под него, а пытались формировать, являясь мощным центром идеологической силы, достаточно успешно транслировавшим свои идеалы остальному миру. Сегодня идеалы СССР утрачены, а общество идейно слабо, но при этом получило в наследство имперские амбиции и привычки.

Порождённый крушением СССР идентификационный кризис вызвал к жизни мечты о новой великой России в качестве ведущего игрока мировой политической сцены. Этот синдром постимперского сознания отражён в сотнях работ и вполне наглядно проступает в риторике представителей российской правящей элиты.

Постсоветское общество потеряло уверенность в своих силах и пытается компенсировать эту неуверенность имперской риторикой и внешнеполитической экспансией. Российское общество 2000-х годов по инерции стремилось быть экспансионистской империей, не имея для этого сил и не желая сознавать, что в современных условиях на передний план выходит проблема интенсивного развития внутри страны, наступает время, когда приходится забыть об имперских экспансионистских амбициях до лучших времён. А.И Солженицын справедливо писал в этой связи: «Нет у нас сил на окраины, ни хозяйственных сил, ни духовных. Нет у нас сил на Империю! – и не надо, и свались она с наших плеч: она размозжает нас, и высасывает, и ускоряет нашу

гибель»³⁶⁶.

Общество и власть за века российской истории привыкли к внешней экспансии, вследствие чего часто переоценивают её значение, поддаются инерционным процессам, которым подвержено развитие общества. Но происходит и противоположный процесс – постепенный отход в некоторых аспектах от имперской политики, например, отказ от льготных цен на энергоносители для Украины и Белоруссии; несмотря на мечты об имперском величии и имперский стиль мышления, логика жизни подталкивает и власть, и общество к более прагматичному взгляду на окружающий Россию мир, сосредоточению на проблемах собственного развития, хотя ностальгия по прошлому и имперская риторика делают процесс внутреннего изживания постимперского синдрома не столь явным.

В советский период стремление к экспансии, не только в области политики, но и в искусстве, науке, было обусловлено в том числе и тем, что, находясь в информационном поле советской идеологии и не имея комфортного быта и социальной инфраструктуры западного уровня внутри страны, граждане Советского Союза гордились достижениями в науке, искусстве, спорте, технологиях, гордились неоспоримой военной мощью. Советский человек проще мирился с неудобствами дома, зная, тем не менее, в каком передовом государстве он живёт. И дело было не только в пропаганде, но и в действительных, неоспоримых достижениях: первый спутник Земли, первый человек в космосе Юрий Гагарин, балет, шахматы, театр и т.д. Иное дело, что постепенно неэффективность советской экономической системы стала настолько очевидной, реформы запоздалыми, а идеология к 1980-м годам расшатанной и не вызывавшей доверия, что к 1990-м годам гордиться страной и её былыми достижениями стало достаточно сложно. Люди устали приносить жертвы государству, которое оказалось не способным накормить своё население.

Русский человек всем ходом истории был предопределён к тому, чтобы стать маленьким винтиком гигантского государственного механизма, с которым, за отсутствием западного индивидуализма и предпосылок к его развитию, он привык связывать все свои чаяния и успехи. Отсутствие западных стандартов жизни

³⁶⁶ Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию. Посильные соображения. Брошюра к газете «Комсомольская правда». 18 сентября 1990.

компенсировалось гордостью за мощь государства, с которым должен был считаться весь мир. Это поклонение великому государству живёт до сих пор. Даже самые ярые хулители неустроенности России начала XXI века часто с восторгом воспринимают громкие внешнеполитические заявления власти, а коррумпированные чиновники с грустью и тоской вспоминают былое величие СССР. Это закономерный процесс. Возврат к советскому гимну, инициированные обществом и самой властью вопросы о возвращении на прежние места памятников советским вождям стали симптомами постимперского кризиса самосознания российского общества и в то же время знаменовали собой возможность примирения с советским периодом истории страны и историей России в целом.

В 1990-е годы уставшее от застоя общество стремилось отречься от советского прошлого, но 15-летний период либеральных реформ не оправдал надежд, возврат к дореволюционным символика и ценностям не нашёл отзыва – слишком давно исчезла романовская Россия. Современные неудачи вызывали в памяти успехи СССР. Советский Союз стал для утомлённой реформами страны тем, чем была Киевская Русь для русских людей времён татаро-монгольского нашествия – полулегендой о великом прошлом, содержанием которой были воспоминания о хорошем. О дурном общество, по большому счёту, предпочло забыть.

В постсоветский период российское общество столкнулось с общим дефицитом ценностей, следствием чего стали, с одной стороны, – развитие чувственности (в соответствии с предложенной П.А. Сорокиным классификацией типов ментальности) и материализма, нигилистического скептицизма, стремление к циничному потреблению, а с другой – развитие фидеизма и мистицизма, тяга к которым в 1990-е годы XX века проявилась в возрождении как традиционных конфессий (Православие, Ислам, Буддизм), так и в возникновении огромного числа всевозможных сект и религиозных течений – Аум Синрикё, последователи Сатья Саи Бабы, церковь объединения Муна, сайентологи, адвентисты седьмого дня, мормоны, свидетели Иеговы и многие другие. П.А. Сорокин назвал данный феномен «раскола сознания на экстремальные формы» законом поляризации. Все вышеприведённые формы психосоциальной адаптации были призваны заполнить

ценностный вакуум, который возник в период перестройки и демократических реформ.

По прошествии времени, с ростом внутривластной и экономической стабильности, основанной на высоких мировых ценах на энергоносители (2000-е годы), возникли потребности в ценностях и идентичности, которые бы отвечали тенденциям развития общества, уже прошедшего наиболее острую стадию социальных перемен, ценностях, которые характерны и приемлемы для обществ, находящихся на этапе стабильного развития. Иной вопрос – основание этой стабильности и её качество. В такие моменты в социуме возникают тенденции к переосмыслению прошлого, часть ценностей и идентичностей которого адаптируется к современности. Именно в этом русле имеет смысл рассматривать происходящий в России начала XXI века процесс осмысления и переоценки постреволюционного периода истории страны и возросший интерес к эстетике, символам и мессианизму Советского Союза.

В определённой степени к 2000-м годам российское общество прошло стадию нигилистического скептицизма, характерного для 1990-х годов XX века и ощутило потребность в новых, соответствующих периоду стабильного развития ценностях, выражением которых могла бы стать новая идеология, включающая в себя элементы смыслов и ценностей предшествовавших эпох.

Идеология – важный элемент психосоциальной адаптации индивидов, набор разделяемых большинством членов общества символов, ценностей и смыслов. К середине 2000-х годов российское общество созрело для восприятия идеологии, ему стало недостаточно тех временных и условных «ценностей» нигилистической эпохи выживания 1990-х, когда индивиды обретали смысл существования во всевозможных сектах или циничном потреблении. Возникла потребность в более надёжной ценностной базе и коллективном самосознании, которое отвечало бы потребностям вышедшего из кризиса общества. Именно в силу этого возникла тенденция к переосмыслению и даже идеализации советского прошлого и того времени, когда у общества была такая ценностная база. Пытаясь обрести новую идентичность, современное общество всё чаще обращается к прошлому, тем эпохам истории

страны, когда национальная идентичность была крепка, а ценности и связанные с ними поведенческие установки не размыты. Можно согласиться с П.А. Сорокиным в том, что только глобальная ценностная переориентация в самом обществе может быть гарантом его стабилизации, способствовать дальнейшему развитию и процветанию.

Встречается мнение, что причиной роста положительных отзывов о советском прошлом стало президентство В.В. Путина, но это поверхностный взгляд, иллюзия верности которого поддерживается проникнутой западными влияниями интеллигенцией и прессой, которых нужно отделять от общей народной массы. Характерный для конца XX – начала XXI века интерес к советскому прошлому, Великой Отечественной войне, советским песням и символике не был инициирован сверху. И общество, и власть в данном случае идут в одном направлении. СССР – олицетворение имперской русской идеи не может быть забыт, так как слишком велик контраст между неоднозначным, но, несомненно, великим прошлым Советской России и современным безвременьем и идейным застоем. Современное российское общество черпает в СССР уверенность.

Историю Советского Союза можно условно разделить на два периода. Первый – период борьбы за выживание новой власти и бурного роста, второй – период застоя и упадка. И если либерально настроенная часть общества, так называемая либеральная «общественность», постоянно акцентирует внимание на втором периоде и сопутствовавших первому периоду преступлениях, то народные массы заостряют внимание на первом периоде подъёма национального духа, ускоренной модернизации, снижения цен, чётко сформулированных целей и поставленных задач. Даже если из года в год Коммунистическая партия Российской Федерации теряет свой электорат, это отнюдь не означает, что общество отринуло советское прошлое. Просто КПРФ не смогла предложить обществу ничего, кроме критики настоящего и восхваления прошлого, а реальные политика и идеология не могут строиться на отрицательных началах. Не предлагающее ничего взамен отрицание не может быть источником побед в битве за сознание людей. Успешно спекулировать великим прошлым и идейно паразитировать на теоретическом наследии классиков, не

адаптируя его к настоящему, ещё никому не удавалось. В этом причина неудач современных коммунистов; они оказались неспособны достойно нести имперское знамя Новой России, не справились с вызовом времени, впустую истратив весь свой электоральный потенциал.

Немаловажно, что одним из последствий духовного кризиса 1990-х годов, размывания национального самосознания, понятий «долг», «отечество», «патриотизм», длительного периода унижений, которое переживало российское общество, стало возникновение фашистских организаций, являющихся, так же как и вышеотмеченная мода на имперское прошлое СССР, подтверждением идейно-ценностного вакуума и способом его преодолеть. В данной связи характерен пример потерпевшей поражение в Первой Мировой войне Германии, в которой нацисты пришли к власти именно на волне усталости от неудач и катастроф, сопровождавшихся усиливавшимся стремлением социума к укреплению самосознания и преодолению кризиса. В 1933 году риторика лидеров NSDAP больше всего отвечала ожиданиям уставшего от идеологического вакуума немецкого общества.

С крушением СССР Россия утратила своё мессианское призвание, но имперская идея всё ещё жива и – так, по крайней мере, кажется в данный момент – вряд ли умрёт, пока Россия существует в современных границах. Сама география России, её просторы и ширь, прошлая история и этническое многообразие делают эту идею имманентной России и неотъемлемой от неё. Главное помнить о том, что империя, как писал Димитрис Кицикис, «по определению многонациональное образование. Она – предшественник современной федеративной системы. Национальной империи не бывает. Организация любой империи требует развития двух противоположных сил: одной, стремящейся к единству, и другой, стремящейся к разнообразию. Необходимой формулой является единство в разнообразии. Всякое нарушение этой формулы как в направлении утрированной централизации, так и в направлении излишней децентрализации приводит к разрушению имперского или федеративного здания. Гегель писал: «Персы покорили многие народы, однако они уважали их особенности: следовательно, их царство может быть уподоблено империи». «...Терпимость означает для империи вопрос жизни или

смерти и не имеет ничего общего с достоинством её главы или господствующего народа. ... Нарушение формулы влечёт за собой гибель империи независимо от достоинств её правителей»³⁶⁷.

Распад СССР и глобализация позволяют надеяться на постепенное изживание характерного для России кризиса национального самосознания. Экономические успехи Азии заставляют задуматься о новых (не западных) моделях модернизации и социальной организации. В условиях глобального геополитического, экономического и культурного перелома, проявляющегося во всё нарастающем и явном сдвиге экономической, политической и культурно-идеологической мощи на Восток, Россия вполне может перестать быть «кривым зеркалом европейской цивилизации».

В исторической перспективе, с точки зрения отстаивания ценностей самобытного развития общества, Россия – страна, много пострадавшая от европейских влияний. Не будучи физически покорена, она была завоёвана интеллектуально, порабощена духовно, лишилась самодовлеющей культуры, была заражена родившимися в Европе идеями, которыми и «переболела» в беспрецедентно острой форме русского коммунизма. Многовековой опыт вестернизации выявил невозможность применения в России, без существенной адаптации, выработанной Западом социальной практики.

Уже 400 лет в мире доминирует западноевропейская цивилизация, но её влияние слабеет. Информационная эпоха и глобализация стали источником новых вызовов, с которыми ещё не сталкивалась западная цивилизация и её институты. Терроризм разрушает (или способен разрушить) демократические нормы и свободу слова, которые в новых условиях становятся оружием, используемым как демократическими правительствами, так и их врагами в информационной войне. Свобода в западном понимании не всегда отвечает требованиям времени, деморализует общество, нагнетая в силу специфики своего функционирования и погони за прибылью настроения страха, беспомощности и незащищенности, вследствие чего социально-политический ландшафт меняется, вытесняя на второй план не отвечающие нуждам времени демократические механизмы. Незападные, коллективистские общества в этих условиях становятся объективно

³⁶⁷ *Кицикис Д.* Османская империя. С. 106.

сильнее и подготовленнее к вызовам современности. В закрытых обществах теракты бессмысленны, так как о них умолчат СМИ, исключая тем самым возможность шантажа власти. В западных обществах, напротив, любой катаклизм преувеличивается, что лишает общество эгоцентристов стабильности. Гражданское общество в таких условиях становится заложником стихийных инстинктов, составляющих его индивидов, давящих через демократические институты на правительство, которое вынуждено прибегать к новым для него недемократическим методам борьбы, примером чему может служить принятое в Великобритании и США антитеррористическое законодательство, ущемляющее ряд гражданских прав. Демографический кризис и межнациональные столкновения исконного населения с иммигрантами, как, например, во Франции, прогнозируемые и уже ощущаемые, например, в Германии негативные тенденции в области социального обеспечения – расходы на здравоохранение, пенсионные фонды и т.п., неэффективная работа созданных по западным лекалам после Второй Мировой войны международных организаций, распространение ядерного оружия и провал всех последних военных кампаний Запада по установлению демократических институтов в незападных обществах, дополняют картину. Западная цивилизация утратила былой экспансионистский темп. В новых условиях ей будет сложнее сохранять свою привлекательность для других.

Глобализация вооружила незападные общества западными технологиями и сегодня у модернизирующихся стран есть выбор, которого ранее не было. На протяжении последних нескольких веков мировой истории Запад был единственным источником модернизации и прогресса, но глобализация лишила его монополии на науку, а значит, модернизирующиеся общества имеют уникальную возможность выбора цивилизации-донора модернизации. Сегодня не нужно вестернизироваться, чтобы быть технически и экономически развитой страной. Глобализация открывает новые источники модернизации. Если раньше успех модернизации связывался с параллельной вестернизацией, то теперь всё очевиднее становится возможность модернизации без ущерба национальной и культурной идентичности, так как модернизация может быть импортирована не только с Запада, но и с Востока.

Глобализация предоставляет возможность проводить модернизацию без проистекающего от вестернизации ущерба национальному и культурному самосознанию.

Россия столетиями вестернизировалась, принимая модернизацию с Запада, в то же время она никогда не станет частью культурного пространства Азии, потому что нет даже формальных предпосылок для успеха истернизации, если только коренным образом не изменится этнический состав населения. Это значит, что объективная невозможность истернизации может помочь модернизировать страну, не внося в общество социокультурный раскол, вызванный принятием чуждых Российско-православной цивилизации норм и обычаев.

В научных кругах мало говорят о истернизации. Тем не менее, феномен истернизации – реальный факт. С. Хантингтон писал в «Столкновении цивилизаций» о проводившихся австралийским правительством попытках изменить идентичность австралийцев с западной на азиатскую. Сложно говорить о истернизации Сингапура, но если учесть, что на протяжении долгих лет Сингапур шёл по пути вестернизации и отторжения конфуцианских ценностей, то современное сингапурское общество, несомненно, развивается на основе истернизации, возвращается к культурным истокам Востока. На примере Сингапура видно, что даже этнически азиатские общества, проводившие в прошлом модернизацию на основе вестернизации, могут проводить истернизацию и проводят её на современном этапе в виде возвращения к своим культурным корням.

Импортированная из Азии модернизация может позволить избежать вызовов национальной идентичности, которыми сопровождалась модернизация по западному образцу, так как культурное различие Российско-православной и, например, Конфуцианской цивилизаций настолько велико, что никому даже в голову не придёт истернизировать Россию в целях принятия модернизационных импульсов Азии. Однако эти импульсы возможно перенять. При этом необходимо учитывать неоднозначность оценок происходящих в современном мире процессов, постоянное усложнение которых затрудняет прогнозирование будущего.

Глобальный рынок открывает возможности для экономи-

ческой, культурной, а затем и политической экспансии имеющих конкурентные преимущества государств. Учитывая все эти факторы, Россия вынуждена модернизироваться на основе собственных ценностей и внешнеполитической стратегии, основанной на сложной системе сдержек и противовесов, которая позволила бы поддерживать добрососедские отношения как с Западом, так и с Востоком, соблюдая собственные интересы и поддерживая собственную идентичность.

Современная Россия не утратила научный потенциал, доставшийся в наследство от СССР, но несомненно утратит его, если власть и общество будут и дальше безучастно смотреть на упадок отечественной науки и «утечку мозгов» за рубеж, где «русские профессора обучают китайских студентов». Сегодня Китай и Индия поддерживают российскую науку своими заказами, без которых лишились бы работы тысячи специалистов и исчезли десятки уникальных научно-исследовательских институтов. Однако по прошествии времени, скупив все лицензии и всему научившись, эти страны смогут обойтись без помощи России на своём пути к вершинам технического прогресса. Такое развитие событий вполне подтверждается теорией и историей модернизации: Германия и Япония также были когда-то реципиентами модернизации. В будущем, когда российское общество и власть обретут ясные цели и волю к их достижению, Россия сможет осуществить догоняющую модернизацию, потенциальным донором которой может стать как Запад, так и Восток. При этом научно-техническая модернизация может быть импортирована с Запада, а социально-политическая трансформация осуществлена на манер азиатских стран.

В условиях стабильного экономического роста и модернизации многовековое имперское наследие России и богатые традиции русской социальной и религиозной философии могут способствовать укреплению национального и культурного самосознания современного российского общества, новому витку гордости за свою страну и уже и теперь прослеживающимся новым романтическим проектам в области внешнеэкономической и политической экспансии.

Подводя итог, можно сформулировать следующие основные выводы. Присущий дореволюционному российскому обще-

ству мессианизм приобрёл в СССР новую идеологическую форму. Советский период российской истории ознаменовался возникновением феномена надцивилизационной и наднациональной идентичности российского общества, которая носила искусственный характер, так как в значительной степени основывалась на формулируемой государством идеологии, но в то же время способствовала преодолению кризиса национальной идентичности, свойственного дореволюционному российскому обществу. Распад СССР и период реформ 1990-х годов привёл к отторжению обществом советских ценностей, обострению кризиса идентичности и необходимости появления альтернативных ценностей, ностальгии по СССР, вследствие чего современному российскому обществу приходится постепенно выработать новое самосознание на основании синтеза дореволюционного и советского культурного наследия.

Пагубность мессианизма

Рассмотрев эволюцию самосознания российского общества на протяжении нескольких столетий, можно сказать, что мессианизм является характерной чертой истории России как минимум в течение последних двух веков, если не принимать во внимание в качестве отправной точки мессианизма сложившуюся к середине XVI века концепцию «Москва – Третий Рим». Таким образом, история российского мессианизма делится на две масштабные эпохи: 1) эпоху решения Восточного вопроса и освобождения славян и 2) эпоху решения задачи торжества социализма в общемировом масштабе.

Оба эти периода тесно взаимосвязаны культурно-исторически, так как формировались представителями одной цивилизации, причём вторая эпоха вытекала из первой, хотя идеологически никак с ней не связана.

В силу указанных причин я называю эти периоды *первым* и *вторым русским* или *российским мессианизмом*.

С исторической точки зрения мессианизм выдающееся

явление – проявление характера великих народов, могущественных государств, религиозных и политических идеологий. С эстетической и художественной точки зрения мессианизм может быть столь же прекрасен, сколь и ужасен – он многолик, богат событиями и делами, но если смотреть на него рационально, не быть участником его взлётов, не знать его воодушевления и силы или идти против него, будучи его врагом, то мессианизм – сушая кара. В любом случае это очень сложное многоплановое явление, которое помогает художникам, писателям, историкам, поэтам и романистам, но часто несёт очень много страданий простым людям и в целом дорого стоит обществам и народам, которые подвержены мессианским стремлениям.

Идеологическая, романтическая, духовная, пассионарная (выражаясь языком Л.Н. Гумилёва) ценность мессианизма не всегда очевидна и понятна целерациональным (по терминологии Макса Вебера) натурам. «Для кого благополучие и умеренность есть последнее слово премудрости, – писал когда-то Д.Д. Муретов, – тот всегда с ненавистью и презрением отнесётся к этой неуловимой, могучей и неразумной исторической силе»³⁶⁸. Непонимание мессианизма и политического романтизма, применение к ним узких экономических критериев выгоды, определяется, прежде всего, индивидуальной психологией отдельных исследователей, которые не в состоянии *почувствовать*, а значит и *понять* эти удивительные феномены духовной и политической жизни людей и обществ.

Пагубность мессианизма заключается в том, что под влиянием питающего его комплекса идеологом общество расточает свои силы на достижение часто практически не достижимых целей и саморазрушается. Восприятие мира преломляется через призму дорогих для общества и/или его руководителей идей.

Мессианизм формируется и развивается в силу особенностей исторического развития общества. Основополагающими предпосылками развития мессианизма выступают военное, политическое, экономическое могущество и теоретическая база – идеология, условия, которые позволяют попытаться воплотить идею, политическую или религиозную мечту, идеал в жизнь.

³⁶⁸ Муретов Д.Д. Этюды о национализме // Нация и империя в русской мысли начала XX века. С. 185.

Только на почве возможности проведения своих идеалов в жизнь может развиваться практический мессианизм. Идеология претворяется в жизнь, превращается в мессианизм при наличии материальных средств. Если нет средств (моральных, политических, военных, экономических и т.д.) для претворения идей в жизнь, значит нет и мессианизма, так же как не может его быть без идеологии, пусть и не строго сформулированной.

По сути, мессианизм это – доведение до крайности убеждений, лояльностей, ценностей, самосознания общества, попытка преобразовать окружающий мир в соответствии с его идеалами.

Степень гибельности мессианизма зависит от того, какой характер он носит. Например, мирный *культурный мессианизм* и мессианизм агрессивный, выражающийся в форме *культурного империализма*, поддерживающийся военными средствами, сильно отличаются друг от друга по своим последствиям для обществ, которые их проводят. Ярким современным примером страны – носительницы культурного мессианизма является Франция. Утратив свою колониальную империю, она тем не менее сохранила часть имперского сознания – культурный мессианизм.

Гибельный мессианизм, основанный на культурном и политическом империализме, представлен историческими примерами Византийской империи Юстиниана, Российской империей и СССР. Юстиниан Великий истощил государство, пытаясь восстановить Римскую империю времён Цезарей, разорил из-за религиозных разногласий христианскую Сирию, которая впоследствии с лёгкостью была завоёвана арабами и приняла ислам. В России сначала силы государства расточались на устоявшиеся в российском обществе представления о необходимости и призвании объединить и освободить славян, а впоследствии основанный на марксистской идеологии мессианизм привёл к долговременному постепенному угасанию, а затем и быстрому краху СССР и всего социалистического блока.

Многовековое доминирование определённой идеологии при условии её негибкости, отсутствия творческого переосмысления или соответствующей изменившимся обстоятельствам интерпретации приводит к не отвечающим действительности действиям. Устоявшаяся к началу XX века в русском образованном обществе, основанная на византийском наследии парадигма

мышления не соответствовала стремительно изменявшейся реальности. Особенно ясно это видно, если сравнить работы русских философов и публицистов конца XIX – начала XX века с работами социал-демократов тех лет.

Розанов, Е. Трубецкой и Н.А. Бердяев с одной стороны и Ленин, Троцкий, Сталин – с другой писали в одно время, но принадлежали к совершенно разным мирам. Первая группа мыслила в традиционном русле идеологии русской православной монархии, выражала политические и мессианские стремления России царской, исторической, прошлой, вторая группа напротив представляла собой Россию будущего, страну, мессианизм которой носил совершенно иное содержание.

Грубо, резко, но верно оценивал первый русский мессианизм «глашатай официального национализма»³⁶⁹ М.О. Меньшиков в статье 1913 года «Кто кому должен?»: «Сентиментальная в отношении единоверных народов политика уже стоила непричастному к ней народу русскому неисчислимых жертв и кровью русской, и трудовым потом. ... Пора «православному Востоку» и честь знать: не в пример другим, более своекорыстным народам, мы восемью войнами с Оттоманской империей расшатали её до основания и помогли освободиться всем единоверным племенам. Но из этой титанической борьбы если и сложился *долг*, то не *наш* в отношении Востока, а его долг в отношении России.... Не мы обязаны, а нам обязаны, и не за нами долг, а за ними – за всеми этими греками, сербами, черногорцами, румынами, болгарями. Конечно, они этого долга ни в малой степени не признают и платить не собираются. Конечно, не только благодарность, но даже приязнь их к нам нисколько не обеспечена»³⁷⁰. Меньшиков высказал то, что было больно высказывать русскому культурному националисту и поклоннику Византии Леонтьеву, упоминавшему когда-то, в связи с вопросом о славянстве, о чуждости России «всех этих чехов».

«Зачем, – вопрошал Меньшиков – строить воздушные замки? Зачем декорации принимать за действительность? ... Московские и петербургские славянофилы, начитавшись старинных книг, судят о славянстве и православном Востоке так, как при-

³⁶⁹ Струве П.Б. Два национализма // Нация и империя в русской мысли начала XX века. С. 229.

³⁷⁰ М.О. Меньшиков. Кто кому должен? // Там же. С. 84.

лично было судить нашим дедам и прадедам. Да, когда-то, в бесконечно далёкие времена, а именно всего сто лет назад, был на свете православный Восток и было славянство, которым *в то время* грех было не помочь. Сто лет назад не существовало ни одной из держав, столь на шумевших теперь на Балканском полуострове. Все они, включая Грецию, находились ещё в турецкой утробе, проглоченные точно исполинской акулой... На Бога у них была надежда, да разве на русского государя. Все балканские христиане, не исключая греков, мечтали о подданстве России. Но за сто лет произошла *волишебная перемена*... Уже всё православие освобождено, кроме разве тех греков, что сами желают оставаться под турецким флагом. Уже всё православие поделилось на независимые державы. Пять православных корон выросло кроме русской, считавшейся когда-то единственной православной (что выразилось и в нашем народном гимне: «Царь православный»). Все эти православные короны заражены лютой ненавистью друг к другу и ярой враждебностью к их матери – короне русской. ... *Самое православие почти исчезло*, и никакого «православного Востока нет как нет. Он остался в воспоминании народном, в поэзии, в старых книгах, – в живой действительности его более нет или остались лишь картинные развалины, вроде рейнских замков»³⁷¹.

Как и Флоренский, и Леонтьев, Меньшиков видел идущую на мир «всемирную волну безбожия, нового язычества с тем отличием, что древнее язычество всё-таки знало алтари и храмы»³⁷². В таких условиях православно-византийская мессианская идеология «Москва – Третий Рим» изживала себя.

При сравнительном анализе развития мессианизма разных стран явно заметна тенденция рассматривать свою миссию как миссию общемировую, искренне не осознавать её национального характера. Провозглашая русского человека всечеловеком-освободителем, славянофила, как правило, не предполагали, что освобождённые «славянские ручьи» могут и не захотеть «сливаться в русском море»³⁷³. Как и проводники революционного

³⁷¹ М.О. Меньшиков. Кто кому должен? // *Нация и империя в русской мысли начала XX века*. С. 85.

³⁷² Там же. С. 86.

³⁷³ Клеветникам России // *Пушкин А.С. Сочинения*. В 3-х т. Москва: Художественная литература, 1985–1986. Т 1. С. 499.

французского, религиозного испанского или «прогрессивного» английского мессианизма они не думали о восприятии своей деятельности со стороны её объектов, в данном случае – славян и других православных народов. В реальности *своя* политическая и культурная мессианская деятельность во всех этих случаях была первостепенной самостоятельной ценностью для мессианских народов, их *творческим* (хотя зачастую и кровавым) актом в мировой истории.

Нерациональные с экономической, материальной точки зрения жертвы были оправданы моральной ценностью, которая этим жертвам придавалась. Именно поэтому мессианский империализм ни в коем случае нельзя упрощать до узко экономического обоснования в марксистской традиции. Да, империи завоёвывали рынки, да, они укрепляли политическое могущество, но вместе с тем они расточали свои силы на *идеологию саму по себе*, ради *Идеи*. Да, испанцы грабили колонии, вывозили оттуда золото и серебро, но если проследить, на какие нужды шли эти богатства в дальнейшем, то простая рациональная схема становится не вполне убедительной.

В случае с Испанией значительная часть средств шла на религиозную войну, на борьбу с Реформацией, орден иезуитов, церкви и монастыри. И считать эту религиозную войну и траты на неё лишь проявлением политической целесообразности очень наивно. Это не был чисто политический, только экономически обусловленный империализм, это был *империализм мессианский* – явление сложное и ни в коей мере не сводимое к узости *рыночного* взгляда на мир. Тем более показателен советский мессианизм с его помощью отсталым странам по всему миру, строительством в них школ, больниц, заводов, электростанций, поставками военной техники и т.д.

Вера в идеологию – ценность сама по себе, которая стоит жертв и составляет в каком-то смысле такую же добавочную стоимость к цене имперской политики, как и известный бренд добавляет стоимость товару, на котором несёт своё имя. Это цена ощущения, стоимость субъективных ценностей, вера, воплощённая в идеологии, философии, *мировоззрении*. Только когда содержание идеологии перестаёт отвечать реальности, так же как и качество товара перестаёт отвечать бренду, ценность мыслитель-

ного образа падает, идеология исчезает и на смену ей приходит «рациональный» экономизм.

Мессианское стремление «осчастливить собой весь мир», «составить счастье мира», «железной рукой загнать человечество к счастью» искажает восприятие окружающей действительности. В случае первого русского мессианизма данная тенденция проявилась в перенесении своих ценностей на окружающий славянский и православный мир: «То, чем жила Россия в прошлые века своей частной русской истории, – писал П.П. Перцов в 1908 году, – должно было оставаться содержанием и будущих веков многосложной и (в чаянии славянофилов) всемирной новой культуры. Оставалось непонятным, зачем нужны были эти века и эта культура, и самый факт объединения наконец? Все остальные славянские народности, в концепции славянофилов, играли только роль блудного сына, возвращающегося наконец в слезах покаяния под кров отчий. Сколько ни говорилось и не пелось в стихах Хомякова и Тютчева о братской любви Москвы и Вышеграда, Днепра и Саввы с Моравой, но «братство» это слишком походит на чувство старшего брата – того, который никогда не покидал родительского дома. Может быть, брат этот ... воздержался бы от упреков, но оттенок внутреннего, невысказанного высокомерия невольно лежал бы на его отношении к возвратившемуся»³⁷⁴.

В отличие от К.Н. Леонтьева, Н.Я. Данилевского и П.П. Перцова «славянофилы совершенно игнорировали, что оба крупнейших после русского, славянских народа – поляки и чехи – исповедуют не православие, а католичество, исповедуют уже долгие века, вжились в него, сплели с ним свою историю». Как следствие славянофилы были «в конце-концов всё же не столько славянофилы, сколько *русофилы*. Действительная общеславянская точка зрения у них отсутствовала, и они, сами того не ведая, подгоняли все славянские народности под тип России»³⁷⁵.

В отличие от М.О. Меньшикова и П.П. Перцова, понимавших утопичность русского мессианизма конца XIX – начала XX века, П.Б. Струве и в 1914 году не мог отказаться от «пророческих» слов Достоевского, записанных в 1877 году и дышавших мессианской самоуверенностью, как раз тем высокомерием, на

³⁷⁴ П.П. Перцов. Славянофильство или новославизм? // Нация и империя в русской мысли начала XX века. С. 163–164.

³⁷⁵ Там же. С. 164–165.

которое указывал Перцов: «Весь этот век, может быть, придётся России бороться с ограниченностью и упорством славян, с их дурными привычками, с их несомненной и близкой изменой славянству... После разрешения славянского вопроса России очевидно предстоит окончательное разрешение восточного вопроса. Россия владея Константинополем будет стоять именно как бы на страже свободы всех *славян и восточных народностей*, не различая их со славянами. Мусульманское владение было во все эти столетия для всех этих народностей не единительной, но подавляющей силой и они при нём шевельнуться не смели, т.е. вовсе не жили как люди. С уничтожением же мусульманского владычества может наступить в этих народностях, выпрыгнувших вдруг из гнёта на свободу, страшный хаос. Так что не только правильная федерация между ними, но даже просто согласие – есть без сомнения лишь мечта будущего. А пока новой единительной для них силой и будет Россия, именно тем отчасти, что твёрдо станет в Константинополе. Она спасёт их друг от друга и именно будет стоять на страже их свободы. Она будет стоять на страже всего Востока и грядущего порядка его»³⁷⁶.

Без осознания мессианизма, его идеалистических истоков сложно понять великие «нерациональности» мировой истории и политики. Н.Я. Данилевский обличал внешнюю политику постпетровской России, считал величайшей нерациональностью участие России в наполеоновских войнах и европейских делах, и почти с каждым его аргументом можно было бы согласиться, если бы не имело место сложное хитросплетение идеальных и рациональных мотивов политической действительности.

Самым явным свидетельством такой нерациональности служит Первая Мировая война – столкновение империализмов и их миссий. Метафизический, ценностно-рациональный (если воспользоваться терминологией Макса Вебера) смысл и значение Первой Мировой войны для русского мировоззрения объяснял в 1915 году Д.Д. Муретов: «Желая подчеркнуть особенно значение настоящей войны, усвоили для неё название *отечественной*. Этим признаётся, что защищаемой ценностью является самое существование России. Нельзя не видеть в таком утверждении грубого преувеличения. ... Об отечественной войне могут говорить без преувеличения разве Сербия и Бельгия. Если бы речь

³⁷⁶ Струве П.Б. Великая Россия и Святая Русь // Там же. С. 233–234.

шла о нашем историческом бытии, а не о той исторической роли, которую стремится Россия играть, то, может быть, и внуки наши ещё не дожили бы до столкновения с Германией. Поэтому, если нужно слово для определения основного смысла нашей войны, то таким словом должно быть не *отечественная* война, но война *национальная* или исторически-национальная.

Спорные промеж нас и немцев вопросы выдвинул лишь девятнадцатый век, и нам не трудно убедиться, что задетые в нашем соперничестве ценности возвышались над областью чисто материального интереса. ...Историки привыкли различать причины войны от их поводов, но повод войны вовсе не всегда есть лицемерный её предлог.

Наступил момент, когда и для России и для Германии оказалось легче принять войну, чем отказаться от выставленных требований. Вопросом о государственной независимости Сербии или об австрийском на неё влиянии оказались задеты какие-то ценности, поступиться которыми ни мы, ни они уже не могли»³⁷⁷.

И Германия, и Россия *верили* в своё *призвание*, слишком хорошо знали свою историю (или думали, что знают её, смело её интерпретировали), обладали несовместимыми на внешнеполитической арене идеологическими традициями и осознавали *цель* своего существования, чтобы отказаться от неё. «Война 1914 г., – писал П.Б. Струве, – призвана довести до конца внешнее расширение Российской Империи, осуществив её имперские задачи и её славянское призвание»³⁷⁸.

Складывавшиеся на протяжении веков традиции и тенденции ведения международной политики, вера в призвание России и её миссию как освободительницы славян преобладала над экономически выверенным прагматизмом: «Не на защиту принципов международного права и не во имя дорогих нашему сердцу статей каких-нибудь берлинских, бухарестских или иных трактатов подняли мы своё оружие, а за некоторую конкретную историческую ценность, какой представляется нам сербский народ». *«Та основная ценность, во имя которой начата наша война, есть историческая роль русской народности, которая в своём росте вышла за пределы племенного своего бытия и стремится к*

³⁷⁷ Муретов Д.Д. Правда нашей войны // Нация и империя в русской мысли начала XX века. С. 175, 176, 177.

³⁷⁸ Струве П.Б. Великая Россия и Святая Русь // Там же. С. 232.

мировой роли. Только в процессе этого расширения, стремясь очертить за границами своего государства сферу своего влияния, русская народность столкнулась с германским миром»³⁷⁹. «Если мы сознали всё изложенное, то для нас становится неважным, что именно руководит Германией. Для нас важно то, что она стала поперёк нашего исторического пути и что этот исторический путь мы сознаём, как смысл и правду исторического нашего бытия. ... Вне этого хода мыслей задача осмыслить и оправдать нашу войну представляется неразрешимой. Вопрос о таком оправдании должен быть поставлен нашему сознанию, как вопрос о признании ценности нашей народности, нравственной обязанности для нас нашего исторического пути»³⁸⁰.

Начало Первой Мировой войны можно считать заключительным аккордом многовекового первого русского мессианизма, мессианизма, отправной точкой которого можно считать падение Константинополя, брак Ивана III и Софьи Палеолог, концепцию «Москва – Третий Рим»; мессианизма, который в сочетании с укреплением и расширением Российского Государства из чисто теоретической плоскости послания старца Филофея воплотился в основу внешнеполитической доктрины России, многочисленные русско-турецкие войны и столкновения с Западным миром.

Эта длительная социально-политическая, духовная, историческая традиция самосознания России и её действий на международной арене была оборвана революцией 1917 года, с которого можно начать отсчёт становления второго русского мессианизма, основанного на совершенно ином идеологическом фундаменте.

Традиционная для образованного российского общества картина мира изменялась очень медленно, пока не была уничтожена до основания революцией.

Сопоставление текстов российских революционеров и авторов традиционного православно-державного направления поражает тем, насколько по-разному они чувствовали жизнь. Несмотря на понимание истоков идей панславизма, русского мессианизма и византизма поражают предреволюционные религиозно-философские искания русской интеллигенции. Философские грёзы прошлого совершенно вытесняли реальность в размышлениях её представителей. Тем более дико читать некоторые

³⁷⁹ Муретов Д.Д. Указ. соч. С. 179.

³⁸⁰ Там же. С. 180.

вещи тех лет сегодня, когда известно, что последовало в 14, 15, 16, 17 и последующих годах XX века. Русские философы Серебряного века не заметили жизни, или не хотели её замечать... или боялись... Практически в то же самое время, когда Евгений Трубецкой придавался облечениям России и идеалистическим мечтаниям, Иосиф Сталин писал о национальном вопросе, вещах очень практических... Так же как Ленин, Троцкий и другие революционеры, представители нового, грядущего мессианизма.

Одна идеологическая парадигма была сметена другой. Причём очень быстро и очень жестоко. Вина русской нереволуционной интеллигенции, о которой писал Бердяев, состояла именно в этой косности, не прагматичной традиционности размышлений, том, что просмотрели, не заметили изменений в мире и собственной стране.

Во второй раз России было суждено пережить крах новой идеологии и нового мессианизма уже в конце XX века.

Е.Т. Гайдар писал о глубоком влиянии идеологии на сознание советского руководства: «Миф о власти рабочих, диктатуре пролетариата как основе легитимности существующей власти – один из сакральных, тех, в которые советские руководители в конце 1950-х годов верили. Это видно на примере обсуждения Президиумом ЦК КПСС венгерских событий 1956 г. До последнего момента руководство ЦК КПСС было уверено, что ситуацию можно спасти без массового применения советских вооружённых сил, позвав на помощь венгерских рабочих. Только убедившись в том, что это иллюзия, они приняли решение об использовании армии для подавления восстания»³⁸¹.

Сформированное изначально мессианской идеологией сознание руководителей СССР не вмещало альтернативной картины мира, совершенно искажённо воспринимая реальность.

Мессианская идеология с каждым годом всё меньше и меньше соответствовала жизни, но не менялась. И если на уровне повседневной жизни советского общества времён «застоя» социалистические идеалы исчезали, уступая место скептицизму и поклонению перед казавшимся землёй обетованной «Западом», то эти чувства практически никак не отражались на реальных

³⁸¹ Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. С. 162–163.

действиях советского руководства, которое исходило из уже устаревших представлений и по инерции вело СССР к распаду.

XXI век: Россия снова в поисках себя

Рассматривая трансформации российского общества 2000-х годов, можно отметить возобновление в России многих преемственных связей с дореволюционными течениями общественной мысли. В российском обществе начала XXI века имеются представители западничества – либералы, евразийцы и сторонники самобытного развития страны на основе новой гражданской идентичности, воззрения которых на русское самосознание уходят корнями в движения западников, славянофилов и мыслителей начала XX века, преимущественно писавших в эмиграции, где после 1917 года кроме евразийской концепции русской национальной и культурной идентичности возникла ещё одна тенденция, выражавшаяся в призывах к прагматичному укреплению самосознания общества на основе самобытного развития и успехов во всех сферах общественной жизни: политике, экономике, культуре.

Одним из наиболее заметных выразителей этого взгляда на русскую национальную идею стал И.А. Ильин, предложивший следующую формулу: «русская идея есть идея свободно созерцающего сердца»³⁸². Русский человек призван осуществлять своё национальное своеобразие. «Нет единой общеобязательной «западной культуры», перед которой всё остальное «темнота» или «варварство». Запад нам не указ и не тюрьма. Его культура не есть идеал совершенства»³⁸³. «Как бы ни были велики наши исторические несчастья и крушения, мы призваны самостоятельно быть, а не ползать перед другими; творить, а не заимствовать; обращаться к Богу, а не подражать соседям; искать русского видения, русских содержаний и русской формы, а не ходить в купочки, собирая на мнимую бедность. Перед нами задача: творить

³⁸² Ильин И.А. О русской идее // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей. С. 406.

³⁸³ Там же. С. 409–410.

русскую самобытную духовную культуру – из русского сердца, русским созерцанием, в русской свободе, раскрывая русскую предметность. И в этом – смысл русской идеи». И.А. Ильин объединял православие с гражданским долгом «осуществить свою национальную земную культуру»³⁸⁴. Коротко эту мысль можно выразить так: русская идея заключается в сохранении Православной цивилизации посредством исполнения своего долга каждым её представителем: русским художником, учёным, юристом и т.д.

Возможно, самобытность исторического развития России в качестве национальной идеи – лучшее, что смогла предложить русская философская мысль в противовес утопическому небесному идеалу православной империи. Сходный подход предлагали евразийцы. Творить самобытную национальную культуру, хотя и без упоминания «русской идеи» как таковой, призывал Н.С. Трубецкой³⁸⁵. Но на практике эта идея так и не стала русской идеей, не стала прежде всего потому, что предполагала сильное некризисное культурное самосознание, которое отсутствовало, в полной мере так и не родилось и не раскрылось.

Географическое положение между Востоком и Западом, Петровские реформы не дали сформироваться цельному, самодостаточному российскому национальному самосознанию, основанному на самобытности России и непротиворечивом взгляде на свою страну. Слишком велика оказалась культурная зависимость от Запада, чтобы идея самобытности смогла стать действительно национальной. Кроме того, идея самобытности входила в некоторое противоречие с концепцией православной империи, русским мессианством. Это противоречие не очень явное, но, как правило, идея самобытности нуждается в некотором обособлении, как это было в Японии и Китае, и сложно сочетается с экспансионистской имперской идентичностью или нуждается в ярко выраженной агрессивности, способности навязать свою культуру и свои идеалы силой, будучи уверенным в их превосходстве. Есть ещё одно препятствие на этом пути. Чтобы определить себя в качестве совершенно самобытного, общество должно видеть рядом с собой представителей совершенно иной цивилизации. Нужно

³⁸⁴ *Ильин И.А.* О русской идее // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей. С. 414.

³⁸⁵ Об истинном и ложном национализме // *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. С. 103–118.

качественное отличие, которого, несмотря на исторический антагонизм между Россией и Европой, нет. Не являясь Западом, Россия, тем не менее, переняла слишком много его черт. У страны с европействующей элитой и петербургским правительством могла быть только православная идентичность и православная же национальная идея.

Хотя православно-мессианская идея выдвигалась большинством русских философов-славянофилов в качестве национальной русской идеи, нельзя сбрасывать со счетов идеологов западничества и русских либералов, видевших в русском византизме и православии источник выпавших на долю России бед: культурной отсталости, медленного развития производительных сил. Таким образом, признавая православие в качестве основной национальной идеи России, часто забывают о расколе русского общества.

Русский мессианизм и, по достаточно обоснованному мнению Н.Я. Данилевского, в значительной степени практическая бессмысленность европейской политики России (с точки зрения национальных интересов), начиная с царствования императора Павла, высшими точками которой может быть признано участие в наполеоновских войнах и ввязывание в Первую мировую войну (до которой Н.Я. Данилевский не дожил), свидетельствовали о стремлении России в Европу. Весь петербургский период русской истории характеризуется трепетным вниманием к западному общественному мнению. Этот исторический факт психологической зависимости от Запада доказывает неспособность православия стать полноценным источником внешней политики России. С петровских времён Россия не имела идеологии, которая в полной мере отвечала бы нуждам страны.

Являясь отдельной от Запада локальной цивилизацией, православная Россия, в отличие от Индии и Китая, оказалась не столь яркой в проявлениях своей самобытности и даже на волне политических успехов, достижений в области науки, литературы и искусства не смогла преисполниться важным для развития творческих национальных сил духом собственного достоинства и превосходства перед Западом. Не хватало здорового национализма, национализма не по крови, а по культуре, сильной культурной идентичности, культурной имперскости в дополнение к им-

перскости фактической. Такой культурный национализм бывает как очень губительным, так и не менее плодотворным. Негативные последствия подобного национализма можно проиллюстрировать на примере Китая, правители которого настолько верили в своё превосходство и презирали жителей других государств, что принуждали иезуитских миссионеров переделывать карты мира таким образом, чтобы Срединное царство находилось в центре мира. Излишний национализм, питаемый чрезвычайно сильной культурной идентичностью, дорого стоил Китаю: препятствовал модернизации и повлёк за собой порабощение страны. С другой стороны, плодотворным для Великобритании был английский национализм, влияние которого оказалось настолько велико, что и в России было немало англоманов.

В жизни общества, как и в жизни отдельной личности, немаловажную роль играет уверенность в себе. В отличие от современных стран Азии, Россия не смогла перенять западные технологии и науку, сохранив при этом самобытность и независимость национального самосознания. Проводившаяся Петром Великим и последующими монархами вестернизация сделала Россию духовно зависимой от Запада. Следствием вестернизации стал кризис национального и культурного самосознания, который существует и в России начала XXI века, многократно усилившись вследствие крушения СССР, идеологической слабости власти и в значительной степени продолжающегося до сих пор духовного низкопоклонства перед Европой, общественное мнение которой, как и 100–200 лет назад, враждебно России, но при этом авторитетно в глазах образованных кругов российского общества. Принятие элитой западных ценностей привело ко всё ещё продолжающемуся непониманию фундаментальных особенностей развития России и антагонизму во взглядах элиты и широких слоёв общества.

В условиях преодоления постсоветского прошлого и становления Новой России постепенно приходит понимание необходимости преодоления кризиса национальной идентичности. Подтверждением этому служат многочисленные статьи в периодической печати и возрастающее количество новых книг о судьбе, призвании, самосознании России. По причине невозможности осветить все имеющиеся в данный момент взгляды на содержа-

ние русской идеи хотелось бы отметить, что основной чертой всех современных подходов к рассмотрению этого вопроса является апелляция к историческому прошлому страны, точнее вычленению из него периодов, которые могли бы, в зависимости от предпочтений автора концепции, служить идеальной моделью для современности. Таким образом, развитие России анализируется не в целом, а по частям, вследствие чего результаты подобного анализа представляются недостаточно обоснованными и исходящими из ложных посылок, так как зачастую не выявляют реальных причин рассматриваемых явлений. В качестве характерного примера подобного упрощённого подхода к анализу социокультурных трансформаций российского общества уместно проанализировать работу И.Б. Чубайса «Разгаданная Россия».

И.Б. Чубайс, констатируя отсутствие политической воли у властей, настаивает на необходимости русской идеи, которая заполнила бы идеологический вакуум и дала обществу и государству систему координат для дальнейшего развития. И.Б. Чубайс ставит вопрос о русской идее и даёт решение – преемственность. При этом под «преемственностью» понимается не весь пройденный Россией исторический путь, крайней точкой которого является современная Россия, а преемственность по отношению к дореволюционной царской России. Преемственность по отношению к СССР И.Б. Чубайсом отвергается, а весь период существования Советского государства уподобляется красному фундаменту, придавившему исторические корни России и перекрывшему тем самым возможность черпать новые силы в славном прошлом Российской империи. Советский фундамент, считает Чубайс, должен быть уничтожен. История России становится, таким образом, «разорванной во времени» революцией, которая лишила Россию начала XXI века национальной идеи.

Данный подход свойствен ряду политических и общественных деятелей начала XXI века, которые принимают досоветскую историю России и не принимают советскую её часть. Полагают, что сегодня русской идеи нет, но вызвать её к жизни можно, обратившись к дореволюционному прошлому, с которым нужно восстановить преемственную связь, реанимировав тем самым русскую идею дореволюционного общества, его дореволюционное самосознание на современном этапе истории России.

Предполагается, что, обретя посредством подобной преемственности национальную идентичность, Россия займёт своё «исконное место» среди европейских государств.

Такой вариант «преемственности» страдает односторонностью европоцентричного взгляда на Россию, не учитывает трансформаций, которым подверглось общество за прошедший с 1917 года период. В подтверждение этого положения можно привести ряд аргументов.

Прежде всего, принимая во внимание концепцию выборочной «преемственности», мы вынуждены искусственно извлечь из российской истории 70-летний период существования СССР. То есть в очередной раз переписать историю, или, в «лучших» российских традициях, отречься от неудобного прошлого, не извлекая из него при этом никаких уроков. Отречься от прошлого так же как когда-то пыталась от него отказаться советская власть. Однако Россия не может быть «разорванной во времени», прежде всего, потому, что нет никаких весомых оснований считать современную нам Российскую Федерацию идейной преемницей царской России. Действительно, после развала СССР власти пытались произвести замену марксистско-ленинской символики Советского государства символикой православно-самодержавной Российской империи. Но опыт нельзя назвать вполне удавшимся. Символика Российской империи так и не стала единственной неотъемлемой частью народного восприятия родины, а оказалась вплетена в значительно более сложный комплекс символов, значительное место среди которых занимают символы, рождённые СССР. Искусственно обрубая исторические связи современной России с советским прошлым, отрицается влияние, которое изменяло социальную структуру общества и формировало его духовную сферу на протяжении семидесяти лет. Эти семьдесят лет не прошли бесследно и очень сильно изменили общество. Как бы мы ни относились к революции, но она оказалась логичным следствием всей предшествовавшей ей истории и наложила на дальнейшую историю страны слишком большой отпечаток, чтобы её влияние можно было не учитывать при построении новой российской идентичности.

Ещё одним аргументом против концепции русской идеи для XXI столетия, основанной на дореволюционном прошлом

России, может служить отличавший русское дореволюционное общество кризис самосознания. Принятие дореволюционных идеалов не учитывает такое же отсутствие более-менее общих представлений о русской идее до 1917-го года, как и после распада СССР. Кризис намного глубже, и корни его не в Октябрьской революции, а в реформах Петра. Не «разорванность России во времени» – по терминологии И.Б. Чубайса, – а «разорванность» России по терминологии С. Хантингтона – причина трёхсотлетнего кризиса идентичности российского общества, продолжающегося сегодня в более обострённых формах. Если в царской России следы кризиса проявлялись в спорах в среде интеллигенции, западников и славянофилов, и прагматичной внешней политике, которые в какой-то мере компенсировались патриотизмом и государственной идеологией, то сегодня нет твёрдой идейной формы, которая объединяет членов общества.

Вызывает сомнение убеждённость в том, что «возвращение к себе означает для нас и возвращение в Европу»³⁸⁶, что истоки России в Европе. Уже П.Я. Чаадаев в первом «философическом письме» весьма основательно и очень искренне показал, почему Россия – не дочь Западной цивилизации. Не имея возможности включаться в дискуссию о принадлежности России к Западу или Востоку в опровержение «западных истоков» России³⁸⁷, можно указать на работу Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», «Пруссачество и социализм», «Закат Европы», «Годы решений» О. Шпенглера, «Граматику цивилизаций» Ф. Броделя, «Постижение истории» А. Тойнби, как представителей Запада и многочисленные произведения К.Н. Леонтьева.

Западные истоки России, несомненно, имеют место в контексте истории Киевской Руси, её вечевых демократий и вовлечённости в династические и экономические связи с Западом, но перенос политического центра в Москву коренным образом изменил всю картину. Здесь возникает сложный и чрезвычайно интересный вопрос выявления *протоцивилизаций*, хронологии цивилизаций.

Вся трагическая сложность формулирования русской идеи состоит в противоречии, внутреннем конфликте русского

³⁸⁶ Чубайс И.Б. Разгаданная Россия: что же будет с Родиной и с нами: опыт филолос. публицистики. Москва: АиФ Принт, 2005. С. 50.

³⁸⁷ Там же. С. 47.

европеизма, заключающемся в отсутствии единого, преобладающего в обществе взгляда на культурную идентичность России, её принадлежность к Западу или Востоку при распространённости внешне западных форм быта и сохранении восточного содержания в организации общества. Россия действительно, как выразился Фернан Бродель, «Другая Европа»³⁸⁸. Русская элита столько веков восхищалась Европой и стремилась к ней, что оказалась не в состоянии видеть своих истоков. Сегодня сама мысль о чуждости западноевропейской цивилизации повергает многих представителей элиты и интеллигенции в шок, так же как это было до 1917 года. В этой связи приходится согласиться с Ф.М. Достоевским, считавшим, что России никогда не избавиться от духовных чар Европы, и писавшим о любви к Европе и столь же жгучей ненависти к ней. Просто любовь не взаимна и разрушительна. Именно в этой почти наркотической зависимости от западноевропейской культуры кроется главная опасность для российского самосознания, вследствие чего, как считал Н.А. Бердяев, надо прекратить находиться в «сервилистическом отношении к Западной Европе»³⁸⁹, нужно учиться и адаптировать для себя, перестать рабски перенимать вечно модные в России западные веяния.

Не принимая во внимание неоднозначности влияния вестернизации на самосознание российского общества, И.Б. Чубайс справедливо считает, что в истории России обнаруживается геополитическая связь между количественными и качественными изменениями в обществе. Показателем стратегического успеха или поражения, по его мнению, является «направление, в котором перемещаются столицы и западная граница государства»³⁹⁰. Движение на Запад рассматривается как прогресс, движение на Восток – как регресс. Так, перенос политического и культурного центра из Киева в Москву – стратегическое поражение, компенсировавшееся впоследствии основанием Санкт-Петербурга. Можно согласиться в том, что в плане качественного, материального развития это в какой-то степени действительно было так, но стоит подчеркнуть, что одновременно с продвижением на Запад в

³⁸⁸ Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. Москва: Издательство «Весь Мир», 2008. С. 500–545.

³⁸⁹ Бердяев Н.А. Судьба России: Сочинения. С. 285.

³⁹⁰ Чубайс И.Б. Разгаданная Россия. С. 94.

обществе всё больше проявлялся кризис самосознания. Расширение территории только усиливало восточные черты социальной организации российского общества.

Модернизация пришла в Россию с Запада, но вся предшествовавшая модернизации духовная и материальная культура, так же как и религиозно-светские традиции монархизма пришли с византийского Востока. Ещё в период хождений «из варяг в греки» славяне попали в культурную орбиту Византии. Впоследствии, с принятием византийского православия, возвышением Москвы и падением Константинополя заданный Востоком путь развития стал русским путём, что упускают из виду многие исследователи русского общества постпетровской эпохи. Россию как духовную дочь Византии и страну, большая часть территории которой располагается в Азии, нельзя оценивать с позиций западно-европейских ценностей и представлений о прогрессе.

Выдвинутая И.Б. Чубайсом концепция русской идеи продолжает укоренившуюся в русской философии традицию создания систем должностования без учёта многофакторной и противоречивой реальной действительности и одновременно мифологизирует прошлое. В связи с этим следует подчеркнуть, что на России отрицательно сказались мессианские идеи борьбы за освобождение славян, светлое будущее человечества и постоянная оглядка на Европу как на непререкаемый авторитет, что доказывает необходимость отказа от мифологем прошлого, необходимость как можно более прагматичного рассмотрения вопроса о национальном и культурном самосознании России. Важно помнить, что Петровские реформы настолько изменили сознание российского общества, что некоторые исследователи всерьёз полагают, что Россия – западная страна, настолько неочевиден для них русский византизм и непонятны истоки российской государственности и духовной культуры. Европоцентризм порождает *предвзятость*, которая чрезвычайно пагубно сказывается на анализе русского общества.

Если приверженцы западных ценностей прошлого византизм порицали, то современные европоцентричные исследователи его просто замалчивают, не замечают, часто просто не знают о нём в силу коматозности российской политической культуры. Тем не менее, русское православие невозможно отделить от Ви-

зантии. В силу чего, признающие принадлежность России к Западной цивилизации авторы, принимая православие в качестве основного источника русской идентичности, так слабо обосновывают свой взгляд на якобы западные истоки Православной цивилизации, предпочитая не углубляться в происхождение доктрины «Москва – Третий Рим» и акцентировать внимание на норманнской теории происхождения российской государственности, привязывающей Россию к Западу. Часто неосознанно русская историософия сводится, таким образом, к подгонке России под «западные стандарты».

В результате присущей российскому обществу европоцентричной картины мира даже верящие в самобытную сущность Православной цивилизации исследователи постоянно доказывают, что Россия не хуже и не глупее Европы. Под влиянием этого, часто неосознанного, вошедшего в привычку благоговения перед Европой, Россию противопоставляют Западу, сравнивают с ним. А между тем, Россия – целый мир, особенный и необычный, анализируя который целесообразно отрешиться от западных влияний, шум которых мешает углубиться в действительное самопознание.

И.Б. Чубайс пришёл к выводу, что воплощением русской идеи является формула: «православие, самодержавие, народность», содержащая в себе три начала русской идеи – православие, развитую имперскую государственность и общинный коллективизм, – формула, принятая в середине XIX столетия царским правительством, но полностью соответствующая концепции «разорванной во времени России» и весьма своеобразно понимаемого «преемства».

Касаясь триады «православие, самодержавие, народность», целесообразно остановиться на истоках её возникновения.

Граф С.С. Уваров при вступлении в должность министра народного просвещения в докладе Николаю I «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения», писал: «Углубляясь в рассмотрение предмета и изыскивая те начала, которые составляют собственность России (а каждая земля, каждый народ имеет таковой Палладиум), открывается ясно, что таковых начал, без

коих Россия не может благоденствовать, усиливаться, жить – имеем мы три главных: 1) Православная Вера. 2) Самодержавие. 3) Народность»³⁹¹. Удачный лозунг, излагавший принципы, которым должно следовать народное образование, был взят на вооружение благодаря своей лаконичной красоте, под которую подвели теоретическую базу общегосударственной идеологии. Однако формула С.С. Уварова, несмотря на её внешнюю привлекательность, вызывает ряд сложностей, связанных, прежде всего, с неоднозначностью содержания понятия «народность». Под народностью можно понимать: 1) общинность, коллективизм, 2) самобытность народа и 3) этнический национализм.

Сам Уваров считал, что основой народности, русского самосознания выступают православие и самодержавие, в первую очередь его интересовали благонамеренные, то есть православные и верные императору граждане.

Эпоха становления национальных государств дала повод идеологу русского «зоологического» национализма, инициатору создания Всероссийского Национального Союза М.О. Меншикову понимать уваровскую «народность» с позиций этнического национализма. Д.Д. Муретов, с другой стороны, считал, что «народность данного народа есть совокупность ценностей, созданных его историческим развитием», «народ есть совокупность людей; народность – их общее духовное достояние. Народ есть творящее; народность – творимое»³⁹², «народность есть живая личность народа», «национальность есть свойство людей, народность – свойство народов»³⁹³.

А.Б. Чубайс же, видимо, склоняется к «народности» в гражданском понимании, так как пишет о русскости как прилагательном, не ограниченном этническими рамками. Тем более важно оговаривать один из сложнейших вопросов содержания термина «народность». Например, Константина Леонтьева можно отнести к представителям культурного национализма; мыслитель прежде всего рассматривал членов общества в качестве носителей определённой культуры, питающей самосознание отдельных

³⁹¹ Уваров С.С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения // Река времён. Книга истории и культуры. Кн. 1. Москва: Эллис Лак; Река времён, 1995. С. 70.

³⁹² Муретов Д.Д. Правда нашей войны // Нация и империя в русской мысли начала XX века. С. 176, 179.

³⁹³ Муретов Д.Д. О понятии народности // Там же. С. 198, 197.

индивидов и общества в целом, не придавал основополагающего значения этнической стороне вопроса.

Из приведённых примеров видно, как субъективное восприятие основополагающих компонентов идентичности приводит исследователей к совершенно различному пониманию «народности».

Учитывая объективную сложность сведения национальной идентичности современного российского общества к православию, исследователям приходится вкладывать новый смысл в понятие «народность». Учитывая ослабление роли религии в современном российском обществе, по сравнению с эпохой Николая I, было бы целесообразно рассматривать «народность» как проявление коллективистского начала, «коммунаторности» по выражению Н.А. Бердяева, российского населения, прежде всего выражающихся в отказе от западного эгоцентризма в общественной жизни.

В целом возвращение к царской формуле «православие, самодержавие, народность» не приемлемо для современной России по ряду причин. Хотя введённая в политический оборот XIX века триада полностью отвечает закономерностям развития российского культурно-исторического типа, она, тем не менее, по форме своей неадекватна современному состоянию российского общества. В первую очередь это касается православия.

Утверждение о православности современной России после семидесяти лет официального государственного атеизма вызывает сомнения. Признавать православную сущность современной России можно, прежде всего, имея в виду ту цивилизационную матрицу, в рамках которой веками развивалась Россия. Этой матрицей было именно православие, так как цивилизационная принадлежность к какому-либо вероисповеданию определяется отнюдь не только верой членов общества: человек может быть атеистом, но при этом ментально принадлежать к христианской цивилизации, христианскому культурному контексту, который веками определял социальную генетику и мировоззрение поколений людей в нём (христианском контексте) живших.

С этой точки зрения Россия действительно является православной страной, но на современном этапе вряд ли можно говорить об универсальном значении социальных функций право-

славной церкви для общества. Церковь, как и раньше, служит государству. Сегодня это служение не оформлено законодательно, но по духу своему церковь всё ещё носит подчинённый характер, а население, несмотря на реставрируемые и вновь возведённые храмы, вряд ли верит настолько, чтобы довериться церковному авторитету в повседневных делах. Кроме того, нельзя забывать, что после революции народ не отстоял веру отцов от коммунистического варварства. Большевики планомерно взрывали храмы, и никто им в этом не помешал. Здесь не место искать причины произошедшего, но вопрос об успехе революции в, по всеобщему мнению, очень религиозной стране заставляет задуматься о многом и вспомнить мнения И.С. Аксакова о характере русской православной церкви, столь полно приведённые в докладе В.С. Соловьёва о русской идее. Церковь слишком привыкла опираться на светскую власть. Не стало власти, не стало и церкви. В православной церкви не нашлось вождя, способного поднять народ на религиозный подвиг. О разлагавшемся капитализмом, городами, фабриками, а затем революцией православия писал П.А. Флоренский: «Разорив православный быт, реформа Петра нанесла сильный удар православию, лишив его, по крайней мере в городах и образованном классе, его тела – быта. Результаты второго исторического удара православию, революции – ещё нельзя учесть. Во всяком случае революция усилила тот упадок и разложение православного быта, а значит – и православия, которое давно уже совершается капитализмом, городами и фабриками. Как ни медленно движется культурная (не политическая) история, всё же православие близко к какому-то рубежу, где оно должно или совсем разложиться, или, изменившись, возродиться. ... «Изменившись», потому что православие своим бытом тесно связано с жизнью, а жизнь меняется и ломает этот быт, ломая и православие. С другой стороны, православие крепко и внутренне связано даже с политической историей – через самодержавие. Вера в царское самодержавие, мистическое к нему отношение – это один из неизменных элементов православия, и поэтому изменения в способах управления страной наносят православию новый удар»³⁹⁴. Так было сто лет назад. Сегодня, несмотря на отмечавшийся в девяностые годы XX века и продолжающийся всплеск

³⁹⁴ Флоренский П.А. Православие // Вопросы религиозного самопознания. С. 183.

религиозной активности, православие как общественный институт кажется не настолько сильно, чтобы консолидировать вокруг себя общество, тем более в многоконфессиональной России. В современных условиях принятие православия в качестве одного из ключевых оснований российского национального самосознания может вызвать противодействие со стороны мусульманских общин России, что особенно опасно на современном этапе идеологического противостояния между исламским миром и Западом.

Второе звено триады – самодержавие, понимаемое в качестве развитой имперской государственности, приращения территорий, собирания земель и централизации – является более приемлемой идеей для государства с мощной вертикалью власти и мнимо либерально-демократическими формами, что вряд ли будет с энтузиазмом принято прозападно настроенными представителями элиты и интеллигенцией, которые, впрочем, как это всегда было и раньше, подчинятся сильной власти. Самодержавие авторитарно, и это вполне приемлемо в современном российском обществе в условиях, когда новые вызовы, главным образом терроризм, грозят самому существованию устоявшихся западных демократий. Если сегодня возникают причины, позволяющие ставить вопрос о существовании демократии на Западе, то чего же ждать от России, общество которой после возвышения Москвы никогда не отличалось либерально-демократическим характером?

Можно согласиться, что самодержавие, определяемое в качестве агрессивного империализма, в современных условиях утопично. Сегодня Российская Федерация не обладает достаточными человеческими ресурсами, чтобы освоить собственную территорию, наблюдается структурный кризис власти, отсутствует политическая воля, экономическое положение страны зависит от цен на сырьё и не предпринимается активных шагов, направленных на модернизацию. И, тем не менее, при определённых условиях Россия в перспективе может получить возможность осуществить имперскую идею, включив в сферу своего влияния государства Православной цивилизации, так, по крайней мере, считал С. Хантингтон. Иной вопрос насколько подобное гипотетическое расширение отвечало бы интересам Российской Федерации. В современном мире империализм приобрёл несколько

иные формы. В информационную эпоху глобального рынка осуществить имперскую идею можно, прежде всего, в области достижений в науке и технике, экономического роста. На данном этапе необходимо сохранить территории и обеспечить экономический рост.

Преклонение перед государством было всегда присуще российскому обществу, в связи с чем, С. Хантингтон даже выделил бюрократический деспотизм в качестве одной из отличительных особенностей Православной цивилизации³⁹⁵. Мощная централизованная, «самодержавная» власть всегда была особенностью территориально интегрированных империй. Таким образом, самодержавие, хотя бы и в президентском облики, в России детерминировано самой географией страны. Н.М. Карамзин отмечал: «Самодержавие основало и воскресило Россию: с переменною Государственным Уставом её она гибла и должна погибнуть, составленная из частей столь многих и разных, из коих всякая имеет свои особенные гражданские пользы» и задавал риторический вопрос: «Что, кроме единовластия неограниченного, может в сей машине производить единство действия?»³⁹⁶

Третье звено триады – народность, коллективизм как основа ментальности – не могло быть изжито и, несомненно, присутствует в характере населения России. К проявлениям коллективизма или его пережиткам можно, в частности, отнести наблюдающуюся в обществе аполитичность, отсутствие гражданского общества и его устоявшихся институтов, присущего англо-протестантской культуре индивидуализма и традиции противостояния государству, вследствие чего коллективизм в России характеризуется относительно высокой степенью готовности подчиняться властям. Это черта народного характера, которая не исчезла, но не может быть национальной идеей, прежде всего потому, что современное общество всё больше зависит от личной инициативы. На современном этапе пережитки коллективизма проявляются в покорности властям, но в области экономики, социальных отношений постепенно изживаются, во всяком случае,

³⁹⁵ *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. P. 45–46.

³⁹⁶ *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей. С. 59–60.

в крупных городах. Уже возникло поколение, которое в той или иной форме приняло западные ценности. Кроме того, значительный удар по коллективизму нанесла проведённая большевиками посредством индустриализации и урбанизации декрестьянизация России. Наряду с пережитками коллективизма сегодня наблюдается явная дезинтеграция общества, неумение людей объединяться, отсутствие самоорганизации. Значение коллективизма в России, само содержание этого понятия – отдельная сложная проблема.

Народность, понимаемая как коллективизм, быть может, идеальное воплощение национального самосознания для Японии или таких конфуцианских обществ, как сингапурское или китайское, но коллективистская или византийская, как называл её К.Н. Леонтьев, самобытность современной России слишком размыта, чтобы российское общество могло воспринять идеи коллективизма в качестве идеологически значимой ценности. Ведь, чтобы принять коллективизм, общинность, нужно отказаться от идей либерализма, которые, как и сто с лишним лет назад, в той или иной степени популярны в обществе. Чтобы коллективизм прижился в европейском варианте, как в Германии, нужна внятная социальная политика скандинавского или германского образца. И, тем не менее, народность-коллективизм – не тот лозунг, который сможет воодушевить общество, хотя это отнюдь не означает, что он не присущ обществу на фундаментальном, неосознанном, коллективно-бессознательном уровне. Сегодня скорее можно говорить о коллективизме ментальном, а не социальном.

Формула «самодержавие, православие, народность» подходила Российской империи, так как каждый элемент этой триады плавно переходил один в другой: самодержавие воплощалось в лице обожествляемого монарха, власть которого тесно переплеталась с православной традицией и распространялась на православных подданных, за которых монарх отвечал перед Богом. Это византийская традиция, которую сегодня невозможно возобновить никакими средствами. Власть утратила религиозно-мистический характер вместе с революцией, религиозным охлаждением масс и последующим развенчанием культа личности. Лидер больше не является отцом народа. Второе рождение этой формулы в чистом виде может произойти только в тоталитарном

обществе с мощным идеологическим аппаратом, которое, кажется, невозможным в современном информационном обществе в том виде, который оно приобрело к концу XX – началу XXI века. Однако в значительно видоизмененных формах подобный взгляд на российскую национальную и культурную идентичность может иметь успех, так как не противоречит алгоритмам развития Российской цивилизации.

Несмотря на неприемлемость возвращения к формуле «православие, самодержавие, народность», в ней, несомненно, заключены глубинные характеристики русской социокультурной идентичности, вследствие чего данное И.Б. Чубайсом решение вопроса о русской идее правомерно рассматривать в контексте фундаментального подхода к рассмотрению национальной идеи, но идеологический или практический подход требует в данном случае иного решения, новой, более соответствующей современным условиям формулы, хотя когда-то триада «самодержавие, православие, народность» явно относилась к области официальной идеологии, отвечавшей к тому же цивилизационной матрице Российского культурно-исторического типа – недаром, как уже отмечалось, именно на основе модернизации этой формулы евразийцы предложили новую триаду российской ментальности: «централизация, дисциплина, самопожертвование».

На примере книги И.Б. Чубайса хорошо видно, что в российском обществе продолжает жить тенденция дробить страну во времени. Любить её не целиком, а по частям. Придумывать ей всевозможные образы, которым она исторически не отвечает. Западники пытались вылепить из России западноевропейскую принцессу, современные европоцентристы и либералы хотят забыть её советское прошлое и прямо его ненавидят, не понимая, что по-настоящему любить можно только целиком, хотя и сожалея иногда о прошлом. Общество никак не может примириться со своей историей, принять её во всей полноте со всеми преступлениями и подвигами. Невозможно произвольно выбрасывать из народной памяти неуютные моменты истории. В России же часто доминирует соблазн менять символику, гимны, убирать, а потом возвращать на прежние места памятники – одним словом, вносить сумятицу в представления народа о своей стране. Между тем, у стен британского парламента можно видеть памят-

ники Ричарду Львиное Сердце, Уинстону Черчиллю и казнившему короля диктатору Оливеру Кромвелю. Память, сохраняемая в обществе не только о праведниках, но и о самых великих тиранах, – лучшее предостережение на будущее. Отношение к памятникам отражает отношение к истории, без любви и уважения к которой не может быть ни глубокого национального и культурного самосознания, ни понимания судеб Родины, ни истинного патриотизма. Речь совсем не идёт о насаждении исторических знаний в массах, но о ясном понимании своего исторического прошлого.

Принятие доктрин, основанных на односторонней прозападной интерпретации исторических фактов и «разорванности во времени», вызывает риск совершенного искажения собственной истории, а вслед за ним непонимания современных процессов.

Советский Союз нельзя рассматривать вне контекста системы, имя которой Российская, или Русско-православная цивилизация со своими закономерностями исторического развития, которые нельзя произвольно изменить. Советская идеология – продолжение русского мессианизма. Н.А. Бердяев отмечал, что «сам русский атеизм религиозен. Героически настроенная интеллигенция шла на смерть во имя материалистических идей. Это странное противоречие будет понятно, если увидеть, что под материалистическим обличьем она стремилась к абсолютному. ...И Бакунин в своей пламенной жажде мирового пожара, в котором всё должно сгореть, был русским, славянином, был мессианистом»³⁹⁷. В Советской России мессианизм перешёл на качественно иной уровень развития – стал истинно универсальным, лишённым ограничивавших его православия и славизма. «Русский мессианизм оторвался от своих религиозных основ и явился в новом обличье мессианизма революционного»³⁹⁸.

СССР вполне вписывается в систему Русско-православной цивилизации, недаром А. Тойнби писал: «в таком тоталитарном государстве византийского типа Церковь может быть хоть христианской, хоть марксистской, лишь бы она служила интересам светского государственного управления. ...Как под Распяти-

³⁹⁷ Бердяев Н.А. Судьба России: Сочинения. С. 283.

³⁹⁸ Бердяев Н.А. Философия неравенства // Там же. С. 564.

ем, так и под серпом и молотом Россия – всё ещё «Святая Русь», а Москва – всё ещё «Третий Рим»³⁹⁹.

Прочным, но не вечным, фундаментом национальной идеи может служить государственный аппарат, но одного аппарата мало, прежде всего, нужна политическая воля и определённые, быть может, только внешние, успехи.

XX столетие дало немало примеров искусственного и в какой-то мере вполне успешного насаждения выработанного правительствами, историками и философами национального самосознания. И в национал-социалистической Германии, и в Советском Союзе национальное самосознание развивалось в условиях сильной политической власти и явных успехов (другой вопрос, на чём эти успехи основывались) в области экономики и вооружения, после длительного периода внешнеполитических неудач и кризиса патриотизма. Обществу нужна вера или заменяющая её идеология, особенно после длительного периода упадка нравственных сил и утраты ценностей. Однако спецификой приведённых примеров является явно тоталитарный характер опирающихся на национальную идею и поддерживающих её властей.

Современность даёт несколько других примеров успешно сконструированного национального самосознания, истоки которого лежат в области экономики. Сингапур, Малайзия и Китай во многом обязаны своей идентичностью экономическим успехам и политической воле своих правительств.

Воля и успех больше всего способствуют выработке национального самосознания. Без преодоления апатии властей, принятия истории страны без дробления на предпочтительные периоды и воли к продуманным и планомерным реформам в обществе не выработается сильной национальной, культурной, гражданской идентичности. Правда, существует ещё один вариант поддержания идентичности. Источником идентичности, стимулом к её проявлению может стать какое-либо потрясение, грозящее существованию общества. Если общество устоит перед этой угрозой и не погибнет, то в нём может открыться второе дыхание. Так, наполеоновские войны стали причиной модернизации Германии и подъёма национального духа. Это теория «вызова-ответа» А. Тойнби. Без всех этих сопутствующих условий выра-

³⁹⁹ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: Сборник. 2-е изд. Москва: Айрис-пресс, 2003. С. 381.

ботанная в тишине кабинета идея может остаться невостребованным практикой философским изобретением в духе «Государства» Платона.

Русская философия так и не смогла решить вопрос о русской идентичности, русской идее. Если в сфере официальной идеологии общепринятой формулой русской идеи стало «самодержавие, православие, народность», то в русской философии так и не возобладал какой-либо доминирующий взгляд. Даже если большая часть философов связывала русскую идею с православием, то православие это было всецело пропитано метафизическим, мистическим духом, столь свойственным русской социально-философской мысли.

Образование и распад СССР привели к тому, что на современном этапе российское общество менее подвержено идеологическому влиянию Запада, что несколько смягчает традиционную для России проблему Востока и Запада и в дальнейшем может помочь утверждению нового национального и культурного самосознания.

В условиях отсутствия идеологических и исторических предпосылок для дальнейшего развития русского мессианизма, накопившейся в обществе усталости не только от десятилетий реформ, но и от неосуществившихся глобальных русских проектов, уже не возникает характерных для дореволюционной России мощных интеллектуальных движений западников и славянофилов. Вместе с царской Россией исчезли мечты о панславизме. Распад СССР покончил с грёзой коммунистического интернационала. Все эти и многие другие события не оставили российскому обществу начала XXI столетия былого простора для постановки вопроса о национальной идентичности в контексте принадлежности к Востоку или Западу. За исключением небольшого числа прозападно настроенной интеллигенции, общество всё больше сосредотачивается на себе. Быть может, Россия получит в XXI веке шанс стать сама собой, как это было в допетровские времена, то есть рассматривать себя самодостаточно, целостно и непротиворечиво, без постоянных попыток причислить себя к Западу или Востоку.

Глобальная тенденция отдавать первенствующее значение экономике находит себе место и в России, наглядно проявившись

в попытках властей подменить комплексно сформулированную национальную идею удвоением ВВП⁴⁰⁰ и попытками позиционировать Россию в качестве энергетической сверхдержавы. Однако само по себе удвоение ВВП, экономическая выгода, не могут быть фундаментом объединяющей общество идеи, так как для масштабных экономических преобразований нужна некая духовная база. Узкий экономизм, положенный в основу формулирования национального самосознания, не вдохновляет массы, так как не имеет духовного содержания, необходимого для успеха нравственного элемента, который, между прочим, присутствовал и в царской, и в советской идеологии. В первом случае основой был пафос религиозной правоты и благородного порыва освобождения и объединения славян. Во втором – священная борьба за классовую справедливость. Оба эти примера наглядно демонстрируют тот факт, что даже самым недалёким обывателям, как очень часто смотрят на народ представители всевозможных элит, необходимы возвышенные цели, сообразуясь с которыми в дальнейшем и выстраивается хозяйственная жизнь, как то: удвоение ВВП или проведение модернизации. Несмотря на многовековую разорванность, по терминологии С. Хантингтона, многовековой кризис национальной идентичности, в России всё же всегда присутствовали столь необходимые для самосознания нации идеальные основания. Именно отсутствие этих оснований в современной России делает вопрос формирования национальной и культурной идентичности ключевой проблемой в контексте социокультурной трансформации современного российского общества.

Не являясь удовлетворительной формулой русской идеи, концепции «удвоения ВВП» и «энергетической империи» могут способствовать укреплению национального самосознания российского общества, но не в качестве целей модернизации государства и общества, не главных лозунгов формулируемой властью идеологии, а в качестве элементов фундамента, на основании которого может создаваться новая идентичность. Ориентация на экономический рост и модернизацию, успехи в области народного хозяйства и производства могут привести к укреплению са-

⁴⁰⁰ Послание Президента России *Владимира Путина* Федеральному Собранию РФ // Российская газета. 2003. № 93; Послание Президента России *Владимира Путина* Федеральному Собранию РФ. 10 мая 2006.

мосознания, которое обретёт приемлемые для общества формы национальной идеи, выраженные в нравственных категориях патриотизма.

Хотя экономический рост сам по себе не может отождествляться с национальной идеей, при определённых благоприятных обстоятельствах он приводит к её обретению, способствует укреплению самосознания и консолидации общества. Недостаточность одних экономических факторов, необходимость придания нравственного содержания вульгарному экономизму приводит к поискам ценностной основы новой идентичности. Такой сопутствующей укреплению национальной и культурной идентичности основой параллельно с экономизмом может выступать работа по планомерному созданию *гражданской идентичности*, когда общество идентифицирует себя не по национальному (этническому) или религиозному принципу, а по принципу гражданской принадлежности к государству. Так, как это было (в значительной степени) в СССР и всё ещё наблюдается в США. В то же время, в условиях глобального обострения межнациональных и религиозных конфликтов, неконтролируемых миграционных потоков, концепция построения гражданской идентичности может быть ненадёжной, так как возникли новые вызовы времени, ответ на которые ещё предстоит найти. В первую очередь это связано с дисбалансом в пропорциях народонаселения на планете – гражданская идентичность «работает», когда в обществе, где она привилась, существует доминирующая стержневая культура и доминирующая общность людей-носителей этой стержневой культуры, к среде которых, принимая ценности данного общества, адаптируются новые граждане. Когда баланс носителей разных культур меняется, когда их количество уравнивается, процесс интеграции замедляется, в крайнем случае, переходя в совершенно противоположный процесс – дезинтеграцию, войну, раскол. «Переизбыток этнической пестроты, – писал Л.Н. Гумилёв, – столь же опасен, как её отсутствие: оптимальная мера внутри суперэтноса в границах ландшафтного региона, в нашем случае совпадающая с границами нашего государства»⁴⁰¹.

XX век привёл к сглаживанию православного самосознания России и истощению русского мессианизма, который сегодня предстаёт в виде постимперского синдрома, становится достав-

⁴⁰¹ Гумилёв Л.Н. Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи. С. 313.

шимся в наследство от прошлого остаточным явлением, что позволяет предположить возможность вступления России на прагматичный путь нового национального самосознания. Тот начисто лишённый поэтической красоты «мещанский» путь, которого так боялись мечтавшие о «выходе в мировую ширь» русские философы XIX столетия.

Иллюстрацией наблюдающейся тенденции к изживанию мессианских стремлений прошлого и вступления современного российского общества на более прагматичный путь социально-экономического развития на основе укрепления национальной и культурной идентичности могут служить Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ. В послании 2007 года виден явный отход от выдвигавшихся в предыдущих посланиях попыток построения национальной идентичности и модернизации общества исключительно на основании удвоения ВВП. «Решая поставленные перед нами задачи и используя при этом всё самое современное, – отмечал В. Путин, – всё самое новое, генерируя эту новизну, мы вместе с тем должны и будем опираться на базовые морально-нравственные ценности, выработанные народом России за более чем тысячелетнюю историю. Только в этом случае мы сможем правильно определить ориентиры развития страны. И только в этом случае нас ждёт успех»⁴⁰².

На основании анализа таких программных документов как послания президента Федеральному Собранию можно прийти к заключению, что представители правящей элиты постепенно осознают полифакторность социокультурных трансформаций, отходят от принятой в период реформ 1990-х годов односторонности экономического детерминизма взращённых на почве Западной цивилизации либеральных доктрин. Вследствие чего возникают новые, более взвешенные и комплексные предложения по развитию российского общества посредством успехов в экономической сфере, интеграции общества на основании общих культурных ценностей. «Духовное единство народа и объединяющие нас моральные ценности – это такой же важный фактор развития, как политическая и экономическая стабильность. Общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи, когда у него есть общая система нравствен-

⁴⁰² Послание Президента России *Владимира Путина* Федеральному Собранию РФ. 26 апреля 2007.

ных ориентиров, когда в стране хранят уважение к родному языку, к самобытной культуре и к самобытным культурным ценностям, к памяти своих предков, к каждой странице нашей отечественной истории»⁴⁰³.

В современном российском обществе существует преемственная связь в постановке проблемы национального самосознания, выражающаяся в существовании традиционных для русского общества идейных течений – славянофилов-почвенников в лице современных государственников, западников – сторонников либеральной модели общественного развития и евразийцев. Основу идеологических противоречий среди этих идейных направлений по-прежнему составляет традиционная для России проблема «Востока-Запада», заключающаяся в выборе пути модернизации, который в наибольшей степени способствовал бы социально-экономическому развитию страны.

Основанием анализа социокультурной трансформации современного российского общества, как и до революции 1917 года, служит осмысление прошлого с западнических или российско-евразийских позиций.

Наблюдается тенденция к пониманию необходимости интеграции общества на базе прагматичной социально-экономической деятельности и самобытного российского культурного самосознания.

Глобализация и идентичность

Пока неясно, насколько глобализация меняет глубинные основы локальных цивилизаций. Меняются рынки, сфера потребления и производства, видны новые черты постиндустриального, информационного общества, о котором так много писали в последние десятилетия XX века. «Конец истории» Френсиса Фукуямы, «Шок будущего», «Третья волна» и «Метаморфозы власти» Элвина Тоффлера предвещали новый мир, параметры развития которого будут заданы новыми технологиями и западными

⁴⁰³ Послание Президента России *Владимира Путина* Федеральному Собранию РФ. 26 апреля 2007.

ценностями. Однако если первое утверждение кажется несомненным, то второе вызывает возражения, так как ещё неясно, насколько глубоко глобализация меняет идентичность, культурную сущность незападных обществ. В данный момент можно сказать только то, что глобализация открывает для них новые возможности, позволяет перенять западные технологии, чтобы противостоять Западу, оградить от западных влияний свою культуру и самосознание. В целом, на сегодняшний момент, по-видимому, ясно только то, что ценности действительно меняются, но не в том направлении, о котором писали в вышеуказанных работах. Кроме того, заданный Западом вектор развития приводит к трансформации ценностей самого Запада и это нравится далеко не всем его представителям.

После крушения СССР многие представители Западной цивилизации пришли к заключению, что устранено последнее препятствие для вестернизации всего остального, незападного, мира. Об этом писались книги, возник громадный поток проникнутых оптимизмом публикаций. Но с каждым днём западный оптимизм таял, так как после крушения Советского Союза мир изменился, стал не биполярным, а многополярным, и если раньше международные отношения строились на противоборстве двух идеологий и двух супердержав, под которые вынужденно подстраивались все остальные страны, то теперь Запад столкнулся с «хаотичным» и непредсказуемым, намного более сложным, многополярным, мультикультурным, полицивилизационным миром, у множества стран которого существуют собственные интересы, которые более не согласуются с ранее доминировавшими наднациональными и надцивилизационными мировыми идеологиями – коммунизмом и западным либеральным капитализмом. Всё большее звучание приобретают идеологии национальные и цивилизационные, что выражается, в том числе, в так называемом «международном терроризме», у которого, впрочем, ярко выраженные черты Исламской цивилизации с её идеалом всемирного халифата. В древних цивилизациях Индии и Китая изменившееся международное положение позволяет продолжить традиционный для этих цивилизаций самобытный путь развития, не отвлекаясь на заимствованные у других стран идеологии как марксизм или либерализм. Таким образом, вполне можно сказать,

что на современном этапе глобализация – лишь свидетельство утраты Западом монопольных прав на технический прогресс.

После крушения СССР доминировало мнение, что процесс глобализации будет проходить под эгидой Западноευропейской цивилизации и по её пути, но довольно скоро выяснилось, что глобализация заключается не в универсальности Западной цивилизации, а в многоликости самой глобализации. С точки зрения внешних форм, мир действительно унифицируется: в Лондоне, Нью-Йорке, Сиднее, Дубае, Шанхае, Куала-Лумпуре, Токио и Сингапуре стоят похожие небоскрёбы, читают одни деловые издания, всюду проникает популярная, массовая культура и продукция транснациональных корпораций, во всех модернизирующихся странах можно найти Макдональдс и иные международные бренды западного происхождения. Все эти черты проникающей всюду глобализации многим кажутся проявлением надвигающихся кардинальных изменений. Однако при более внимательном рассмотрении оказывается, что даже вездесущий символ западного общества потребления и глобализации – Макдональдс вынужден менять ассортимент в зависимости от культурных особенностей тех стран, в которых открываются его филиалы, да и возникшая на Западе массовая культура принимает на Востоке совершенно своеобразные, самобытные черты. Были взяты и развиваются информационные технологии, но используются они для передачи своей, хотя бы и массовой, но самобытной, незападной культуры.

Китай и Индия перенимают технологии Голливуда, но кино снимают своё – китайское и индийское. Здесь очень важны часто незаметные на фоне масштабных изменений столь быстро меняющегося мира детали, например бытовые. Так, китайцы повсеместно сохраняют свой быт. Везде, где появляются колонии китайцев, возникает китайский квартал – чайна-таун. Именно в быту ярче всего проявляются цивилизационные различия, например, в кухне, традициях приготовления и приёма пищи. Где бы ни жили китайцы, они предпочитают свою кухню. О степени различия или родства между обществами и образующими их народами можно судить по тому, насколько легко представители этих обществ учат языки и относятся к гастрономическим предпочтениям друг друга, и чем менее приемлема пища и легко доступен

для изучения язык одного народа для другого, тем более ярко выступают цивилизационные различия этих народов. Именно тут заключается «столкновение цивилизаций»; многие ли европейцы примут индийский рацион и заговорят на хинди? Вестернизация не может заменить представителям других культур любимого ими и традиционного для них быта. Такие народы как евреи, армяне, ирландцы пронесли свою культуру сквозь века гонений и не изменили свою идентичность, не ассимилировались, не растворились. Поэтому противники культурной глобализации, судя по всему, могут не опасаться всеобщего обихличения. Если некоторые отдельные народы выказали столь удивительное упорство в сохранении своих обычаев и культуры в столь неблагоприятных для этого обстоятельствах, то у отдельных государств, целых обществ и цивилизаций тем более есть шансы сохранить свою самобытную культуру, вступить в XXI век современными, но не вестернизовавшимися. О тесной связи внешних форм быта и самосознания много писали Н.Я. Данилевский, Освальд Шпенглер и К.Н. Леонтьев, переосмысление наследия которых применительно к проблемам глобализации представляется весьма интересным.

Наличие многочисленных локальных ответов на вызовы глобализации позволяет согласиться с определением глобализации как суммы локализаций. При этом можно выделить разные уровни локализации.

1. Глобальная локализация.

В случае с продукцией глобальных транснациональных корпораций, продуктовая линейка корректируется исходя из культурного контекста рынка, на который продвигается продукт. Ассортимент McDonalds в Нью-Йорке и Пекине отличается, хотя и в том, и в другом случае в нём присутствуют основные, в каком-то смысле уже ставшие классическими наименования продукции этой цепочки быстрого питания.

2. Локализация поддерживающая.

Собственно в культурном, духовном плане локализация ярче всего проявляется в возникшей возможности проживать в культурно чуждых обществах, не теряя связи с культурной, исторической родиной. Электронные информационные ресурсы, спутниковое телевидение, Internet, ICQ, Skype, многочисленные

социальные сети – всё это даёт людям возможность, находясь за тысячи километров от родной страны жить её новостями и целиком погружаться в родную языковую и культурную среду. Новые технологические возможности позволяют сохранять культурную, национальную, языковую идентичность независимо от общества проживания. Если раньше основой сохранения культуры в инкультурных обществах была диаспора или религиозная община, то теперь поддерживать национальные обычаи и связи с родиной можно без этих традиционных каналов сохранения национально-го самосознания в иной культурной или этнической среде. Поддерживающая локализация может значительно усложнить процесс инкорпорации иммигрантов в новое для них общество.

3. Локальная глобализация.

Развитие информационных технологий и распространение экономического роста на незападные страны привело к тому, что глобализация стала разнонаправленным процессом. Если вначале, во всяком случае, в экономическом и политическом планах, мир глобализировал Запад, то теперь прежние общества-локомотивы глобализации оказались под воздействием встречных волн глобализации – исходящих из обществ ранее составлявших периферию процесса глобализации. Локальность становится глобальной – «глобализация наоборот», «globalization in reverse»⁴⁰⁴. «Не глобальные средства массовой информации окутывают Азию, а региональные «локальные» медиа становятся глобальными. Феномен глобализации локального вызван спросом азиатских диаспор, особенно миллионов китайских и индийских иммигрантов, живущих по всему миру, на локальные новости и информацию»⁴⁰⁵.

Локальные некогда продукты, расширяя ареал своего потребления, становясь глобальными, вынужденно меняются. Итальянская пицца приобретает новые черты. В Японии, Китае, Индии, России этот продукт адаптируется исходя из предпочтений новой потребительской среды.

Постепенное снижение военно-политической и культурной мощи Запада, когда глобализация перестаёт быть идеологией «высшего материализма, превосходящей в этом плане даже

⁴⁰⁴ *Friedman T.L.* The World is Flat. The Globalized World in the Twenty-First Century. Updated and expanded. London: Penguin Books, 2006. P. 480.

⁴⁰⁵ Там же.

марксизм»⁴⁰⁶, приходится по-новому анализировать происходящие в мире процессы, тщательно сопоставлять различные сферы глобализации политической, экономической, технологической, культурной, социальной и т.д.

Западные влияния стали импульсом модернизации, ускоренной урбанизации незападных стран, подтолкнули глобализацию, но сущность чуждых культур они изменить не могут, во всяком случае, в ближайшей исторической перспективе. Кроме того, сам Запад утрачивает основы своей культуры, носителем которой является население. В США, носителями стержневой англо-протестантской культуры которых выступали исчезающие теперь WASP (White Anglo-Saxon Protestants) – белые англосаксонские протестанты, и в Европе убывает коренное для этих культур население. В Соединённых Штатах утрата национальной идентичности идёт тем быстрее, чем большее количество представителей иных цивилизаций, носителей иных культур, приезжает в страну. Но без англо-протестантской американской идентичности Соединённые Штаты уже не будут принадлежать Западной цивилизации, станут составной частью не Западноевропейской, и какой-то иной, может быть Латиноамериканской цивилизации. В данном случае, одной из причин поразившего страны Западной цивилизации кризиса идентичности является демография – Запад имеет всё меньше возможностей сохранить свою культуру и при этом никак не может изжить доставшийся в наследство от минувших эпох просветительский мессианиззм.

Глобализация стала новым уровнем международной конкуренции во всех сферах – науке, искусстве, идеологии, экономике. Мир стал одним большим, прежде монополизированным Западом, но теперь открытым для конкуренции рынком, где каждый может продавать свой товар. Вестернизация становится менее привлекательной, так как у человечества накоплен достаточный опыт модернизации на её основе. Раньше такого опыта просто не было, и великим реформаторам прошлого приходилось импортировать западные технологии вместе с западными обычаями и культурными образцами, то есть вестернизировать свои страны. Именно так поступали Пётр I в России и Мустафа Кемаль Ататюрк в Турции. Они были первопроходцами на пути со-

⁴⁰⁶ Бжезинский Зб. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. Москва: Междунар. отношения, 2007. С. 197.

временной догоняющей модернизации на основе вестернизации, и у них не было никаких накопленных эмпирических знаний в области теории модернизации. Однако сегодня на эту тему пишут книги и защищают диссертации, накоплен значительный практический опыт; незападным обществам стало ясно, что модернизация без вестернизации возможна.

Задачи у обществ остались те же, только решение этих задач становится всё сложнее ввиду ускорения научно-технического прогресса, всё большей взаимозависимости стран друг от друга и возникновения новых, часто глобальных угроз извне.

Иногда глобализацию трактуют как диалог культур или их равноправие. Это не прагматичный, идеалистический подход. В нерегулируемом высшими этическими нормами мире реальной политики, как и в отношениях между людьми, слишком часто действует право сильного, более влиятельного, авторитетного. Как успешные индивиды часто предпочитают не общаться с неудачниками или смотрят на них свысока, так и чувствующие свою силу процветающие общества склонны навязывать своё мнение менее развитым обществам. Борьба всех против всех принимает в международных отношениях смягчённый международным правом характер, но суть международной политики от этого не меняется. Глобализация помогает народам лучше понять, узнать друг друга, но как бы представители одной культуры ни восхищались культурой другого общества, в решающий, критический момент они встанут на защиту именно своей идентичности и культуры, на «вызов» последует «ответ».

Кажется, что единственной силой, которая могла бы консолидировать человечество, является угроза глобального экологического кризиса или сам кризис, который должен стать настолько всем очевиден, чтобы никто не остался в стороне, как это происходит ныне с Киотским протоколом, к которому упорно не присоединяются США. Пока же мир раздираем противоречивыми интересами, а человечество не готово сообща решать глобальные проблемы, в результате чего все мечты о Мировом Правительстве и совместном рациональном управлении Землёй становятся очередной радужной утопией, порождённой исключительной верой в человеческий разум и оптимистическим взглядом на

человека и коллективную мудрость человечества.

Глобализация помогает понять другие культуры, но она же многократно обостряет межцивилизационные конфликты, противоречия культур. Раньше эти противоречия смягчались относительной изоляцией культурно-исторических типов, отсутствием информационного потока, охватывающего весь мир, когда напечатанные в Дании карикатуры антиисламской направленности способны всколыхнуть волну беспорядков в самых отдалённых от этой страны областях мира.

В этих условиях перед Россией встаёт целый комплекс новых задач, зависящих от общемировых тенденций исторического развития и от всё большей взаимозависимости стран. Эти внешние причины становятся источником социокультурных и социально-экономических трансформаций внутри общества, когда самосознание и самоопределение страны зависят от «общей ситуации в мире, от тенденций мирового развития, политики других государств, мирового общественного мнения»⁴⁰⁷.

В мировой истории всегда наблюдалась тенденция перенимать успешный опыт других обществ. При этом процесс подражания прерывался, как только у «эталонного» государства возникали проблемы в области социально-политического развития и экономического роста. Об этом можно судить на примере Китая, восприятие которого на Западе напрямую зависело от соотношения достижений, как самого Китая, так и Запада⁴⁰⁸. Чем более успешным, экономически развитым и политически сильным было общество, тем больше ему подражали и им восхищались.

В современных условиях возможности модернизации по чужому образцу возросли многократно. При этом появилось понимание того, что в силу цивилизационных особенностей обществ не существует универсальных средств достижения благосостояния или политической мощи. Обусловленные особенностями исторического развития и культурой феномены западного индивидуализма и восточного коллективизма произвольно неискоренимы и не взаимозаменяемы, на определённом этапе, час-

⁴⁰⁷ Самоопределение России в глобализирующемся мире // Горбачёв М.С. и др. Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. Москва: Альпина Паблишер, 2003. С. 449.

⁴⁰⁸ Фицджеральд Ч.П. История Китая. Москва: ЗАО Центрполиграф, 2004. С. 452.

то составляющем большую часть их истории, выполняют собственные функции и в наибольшей степени подходят тем обществам, в которых самобытно выработались.

Информационная эпоха и глобализация демонстрируют расслоение мира на богатый Север и бедный Юг, сталкивают ценности и культуры представителей различных цивилизаций и приводят к практически повсеместному отказу от практики проведения модернизации на основе полномасштабной вестернизации. В отдельных случаях этот отказ приобретает черты агрессивного противодействия и попыток противопоставить свои, исламские, конфуцианские и другие ценности успешным моделям западного социально-политического устройства и духовных установок.

Постепенно глобализация утверждает мысль об отсутствии универсальных моделей социальной жизни и ставит перед каждым обществом, каждым культурно-историческим типом вопрос о самоопределении, самоопределении в политике, экономике, культуре. Россия – страна, в которой вопрос самоопределения во всех этих областях стоит очень остро.

Россия с начала 1990-х годов пыталась перенять и во многих чертах переняла заданный Западом импульс. Посредством развития этого импульса реформаторы намеревались решить социально-экономические и политические проблемы России. Социально-культурная трансформация общества ельцинского периода проводилась под знаменем либерализма, включавшего в себя как политические – демократия, так и социально-экономические компоненты – реформы в либеральном ключе. Однако активно проводившиеся реформы не смогли изменить цивилизационной матрицы общества, социально-культурная трансформация которого постепенно приобрела более консервативные и привычные формы. Россия повторила судьбу многих стран, пытавшихся до неё перенять англо-протестантскую либеральную модель общественного устройства и потерпевших крах или адаптировавших её под свои нужды.

В связи с глобализацией особое место занимает либерализм, который стал идеологической основой начавшейся под эгидой Запада глобализации. Рождённый английской философией XVII века либерализм представлял собой чрезвычайно умерен-

ный и взвешенный взгляд на общество. Таким он был в работах Джона Локка и Герберта Спенсера. С течением времени либерализм стал приобретать черты всё более бескомпромиссного учения, черты идеологии на вооружении политиков, проникся нетерпимостью и агрессивностью, которые столь явно наблюдаются в работах Людвиг фон Мизеса. Именно в качестве идеологии Запада приходится сегодня рассматривать либерализм западным обществам. Рамки этой книги не позволяют уделить проблеме либерализма в связи с глобализацией достаточно места, но не указать на неё нельзя, так как либерализм в широком смысле – голос инициировавшего процесс глобализации Запада, а дискуссии о либерализме, его значении и содержании возникают во всех странах, вовлечённых в процесс глобализации. Именно поэтому, начиная с XIX столетия, либерализму уделялось столько внимания в пытавшихся модернизироваться обществах, и именно либерализм становился основной темой в интеллектуальной борьбе между сторонниками сохранения самобытной культурной идентичности и сторонниками модернизации на основе вестернизации.

Носителями феномена либерализма в чистом виде и самой жёсткой форме являются Великобритания и Соединённые Штаты. Со времён промышленной революции и до сего дня англо-саксонская протестантская модель доминирует в мире, точнее, воспринимается, в качестве передовой, а Нью-Йорк и Лондон являются крупнейшими мировыми финансовыми центрами. Сегодня точно так же, как и 100–150 лет назад многие общества стремятся перенять эту модель, несмотря на свою самобытность, ментальные отличия и отсутствие социокультурной почвы для её (этой модели) адаптации. Однако основанная в значительной мере на финансовой сфере привлекательность Запада сталкивается с вызовами – возникновением новых, западных финансовых центров.

Касаясь проблем либерализма на чуждой ему почве, О. Шпенглер не без оснований утверждал, что либерализм никогда не сможет привиться в обществе, идеей которого является служение, а не свобода. Шпенглер приводил пример блеска либерализма в Англии и его нищеты в Германии: «В конечном счёте, английская политика – это политика частных лиц и групповых

объединений таких лиц. Именно *это, и ничто другое обозначает термин «парламентское правительство»*. Сесиль Родс был частным лицом, завоевавшим целые страны, американские миллиардеры – частные лица, которые властвуют над странами при помощи класса профессиональных политиков. Немецкий же либерализм в своём нравственном ничтожестве только отрицает государство, не имея способности оправдать своё отрицание столь же энергичным утверждением противоположного. Глубокое значение может иметь в Германии только социализм в том или ином понимании. Мы так созданы, мы не можем быть англичанами, а лишь карикатурами на англичан, и мы достаточно часто были ими. Каждый за себя – это по-английски; все за всех – это по-прусски. Либерализм же означает: государство само по себе и каждый сам по себе. Это формула, по которой жить невозможно»⁴⁰⁹. Немецкий либерализм, отмечал мыслитель, оказался «нежизнедеятельный, деятельный лишь в области мышления, без внутреннего воспитания, без глубины живого бытия, без малейшего понятия о напряжённой активности и уверенности в своих целях английского либерализма – этот либерализм всегда лежал камнем на нашем пути»⁴¹⁰. Либерализм стал предметом поклонения немецких интеллектуалов, теоретиков, зачитывавшихся трудами английских экономистов. Они путали реальный мир с прочитанными книгами. Не понимали, что поклоняющиеся своему государству, исполнительные и любящие подчиняться немцы не могут бороться за «свободу» против своего правительства с яростью англичан или американцев. Немцам был чужд индивидуализм, они были коллективистами, которые не могли выжить в бурном океане ничем несдерживаемого англо-саксонского капитализма. И Шпенглер оказался прав: немецкий народ не перенёс претворения либеральных теорий в жизнь, не смог адаптироваться к несдерживаемому государством капитализму. Немцы оказались беззащитны перед лицом столь желанной англо-американцам «свободы», и в 1933 году к власти пришёл Адольф Гитлер, национальный социализм которого полностью соответствовал характеру немецкого общества. Впоследствии ФРГ выработала собственную модель социально ориентированного капитализма.

⁴⁰⁹ Шпенглер О. Пруссачество и социализм. Москва: Праксис, 2002. С. 56.

⁴¹⁰ Там же. С. 57.

Похожим образом происходило утверждение либеральных ценностей в дореволюционной России. Как и в Германии, они стали предметом преклонения в среде интеллектуалов и русских экономистов. «Внутренними эмигрантами» назвал Ф.М. Достоевский либералов своего времени. Действительно, они думали по-европейски и совершенно не знали, не хотели знать характер общества, которое намеревались изменить. Проводившиеся в XIX столетии реформы ещё более усугубили отрыв правящих классов от народа. К.Н. Леонтьев задолго до революции 1917 это понял, предрекая плоды такой политики в статье «Чем и как либерализм наш вреден?»

Континентальный, территориально интегрированный, восточный тип империи, к которому относилась Россия, обуславливал деспотическое правление, переход которого к либерализму и демократии мог быть осуществлён только в условиях политической воли сильной власти. Как только власть ослабла, возникшие в обществе либерально-демократические начала стали чрезвычайно вредны и привели к краху 1917 года. Народ не принял царских либеральных реформ, так же как впоследствии не принял реформ постсоветских. В прошлом этот разрыв между элитой и властью проявился, в частности, во время инициированной царским правительством судебной реформы.

Российское общество не было готово к реформам: революция смела реформаторов, общество стало развиваться в привычном русле жёсткой вертикали власти. Схожий, но менее болезненный процесс наблюдался и в период после перестройки, и наблюдается теперь: о реформах 1990-х в общественном сознании остались негативные воспоминания, наметившееся тогда усиление средств массовой информации и олигархических групп сменилось всёвозрастающей ролью государства. В результате чего и современные предприниматели, и обычные граждане тем или иным образом пытаются попасть на государственную службу, так как в современной России, как и в прошлом, только государство представляется поистине незыблемым, надёжным институтом.

Рыночные реформы 1990-х годов не изменили ценностных ориентаций россиян. «Можно утверждать, – писал в данной связи И.Е. Дискин, – что практически сохранившейся в

качестве фундаментальной сверхценности остаётся социальная справедливость, задающая установку по отношению ко многим явлениям социальной жизни. ...Можно констатировать фундаментальную преемственность в сложившейся за ряд столетий цивилизационной опоре российского общества, получившей подкрепление в идеологемах социализма и продолжающей влиять на модели социального действия до настоящего времени»⁴¹¹. Анализ цивилизационных особенностей трансформации российского общества применительно к его настоящему позволяет говорить о либерализме как об идеологии, не воспринимаемой обществом, склонным к традиционным ценностям.

В России народ всегда был пассивным орудием в руках государства, средством расширения территорий и сохранения границ. Бюрократия и народ были двумя разными мирами. Аполитичный, пассивный, коммюнаторный, безгосударственный народ и сильная бюрократическая государственная власть. «Великие жертвы понёс русский народ для создания русского государства, – писал Н.А. Бердяев, – много крови пролил, но сам остался безвластным в своём необъятном государстве»⁴¹². Русский народ «хочет не власти, а отдания себя власти, перенесения на власть всего бремени»⁴¹³.

Вся русская история демонстрирует сложность, если не невозможность развития либеральных идей в России. Тысячелетнее, огромное монолитное по своей территориальной структуре государство от века нуждалось в жёсткой централизации и укреплении границ. В огромной России не могло выработаться корсарского индивидуализма англичан и предприимчивости европейских колонизаторов Нового Света. Не одно православие формировало характер русского народа и его социальных институтов. Прежде всего, влиял географический фактор – Великая равнина, на территории которой один кочевой народ сменялся другим, быт же оставался прежним.

Из древности дошёл рассказ о походе персидского царя Дария в Скифию. Вторгшись в страну, персы не встретили ника-

⁴¹¹ *Дискин И.Е.* Россия: социальная трансформация элиты и мотивация // Куда идёт Россия?.. Альтернативы общественного развития / Под общ. ред. *Т.И. Заславской, Л.А. Арутюнян.* Москва: Интерпракс, 1994. С. 123.

⁴¹² *Бердяев Н.А.* Судьба России: Сочинения. С. 277.

⁴¹³ Там же. С. 280.

кого сопротивления; скифы уходили в глубь страны, засыпая по пути колодцы и источники. Персидские войска преследовали скифов, но решающей битвы добиться так и не смогли. Дарий послал сказать скифскому вождю, чтобы тот принял бой или покорился. Вот скифский ответ: «Никогда ещё ни перед одним человеком не бегал я из страха; не побегу и перед тобою: что делаю я теперь, то привык делать и во время мира; а почему не бьюсь с тобою, тому вот причина: у нас нет ни городов, ни хлебных полей, и потому нам нечего биться с вами из страха, что вы их завоюете или истребите. Но у нас есть отцовские могилы; попробуйте их разорить, так узнаете, будем ли мы с вами биться или нет»⁴¹⁴. Не народ охранял землю, а земля хранила народ. Проницательный Освальд Шпенглер писал о России в 1933 году: «Население этой огромной части суши защищено извне. Протяжённость в пространстве – это такая политическая и военная сила, которая ещё никогда не была преодолена»⁴¹⁵.

В отличие от тесных государств Европы в России всегда было место, чтобы отступить. Скифский, степной характер переняли сменившие скифов народы. И в 1812, и в 1941 разоряли свою страну и оставляли врагу выжженные поля и сожжённые города. Этот военный характер русского общества, готового на значительные жертвы ради сохранения государственности, в полной мере прочувствовал Наполеон. Когда утром 16 сентября 1812 года французского императора разбудили в пылающей Москве и обезумевшие от ужаса генералы умоляли его оставить дворец, который грозил вот-вот взорваться, император воскликнул: «Да это скифы!»⁴¹⁶

В огромном континентальном Российском государстве было невозможно в равной степени развить все регионы. А значит и уровень материальной культуры и сама психология подавляющего числа населения были далеко не столь рафинировано-буржуазными как, например, в покорившейся французам Германии, в которой опасавшиеся материального ущерба горожане приходили делегациями к комендантам первоклассных близле-

⁴¹⁴ Геродот. «История». Книга IV. Цит. по: Соловьёв С.М. Чтения и рассказы по истории России. Москва: Правда, 1989. С. 161.

⁴¹⁵ Шпенглер О. Годы решений. Германия и всемирно-историческое развитие. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. С. 65.

⁴¹⁶ История XIX века. Т. 2. С. 208.

жащих крепостей с просьбами сдаться без боя врагу, чтобы сохранить стиль своей мирной буржуазной жизни⁴¹⁷. Социально-экономическая отсталость России начала XIX столетия так же как и отсталость отчаянно сопротивлявшейся французам Испании по сравнению с ведущими государствами своего времени, положительно сказывалась на воинственности населения, которое не привыкло к западноевропейскому комфорту, и которому было в материальном плане очень мало чего терять, в отличие от менее воинственных обуржуазившихся европейских соседей из более развитых стран.

В условиях огромной континентальной империи только безжалостная, сильная, централизованная власть придавала России государственную форму. Подписывая в 1942 году 227-й приказ, И.В. Сталин хорошо понимал эту особенность – было куда отступать, и отступали бы до Урала: «Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке. Этим они хотят оправдать своё позорное поведение на фронтах»⁴¹⁸. Ведь в 1812 году уже оставляли Москву.

Громадные пространства определяли не только политические формы, но и весь быт, и способ хозяйствования. Освоение территории вширь, экстенсивный путь развития отличали всю социальную структуру исторической России. Веками крестьяне оставляли оскудевшие земли, переходя на новые, отвоёванные у леса пространства. В таких условиях не могла сформироваться привязанность к дому, к конкретному месту. Домом была вся обширная и Святая Русь. Так же было и на войне – взять количеством, задавить массой. Ценность человеческой жизни в таких условиях не могла быть высока. Столь большая страна не могла развиваться интенсивно, количество превалировало над качеством. В таком обществе не могло родиться необходимого для либеральных идей индивидуализма. Не только община противодействовала индивидуализму, но весь строй исторической жизни. Одним из источников индивидуализма на Западе был феодализм, рыцарство. Зависимый поначалу от милости короля

⁴¹⁷ *Тарле Е.В.* Наполеон. Минск: «Беларусь», 1992. С. 170–171.

⁴¹⁸ *Сталин И.В.* О великой Отечественной войне Советского Союза. Москва, 2002. С. 51.

феодал со временем становился наследственным обладателем своей земли, замка, города. Феодал был сам себе хозяином. Много прошло веков, прежде чем центральная власть окрепла настолько, чтобы низвести дворянство до уровня привилегированных лакеев, как это было в абсолютистской Франции.

В России никогда не было феодала западноевропейского типа. Боярство носило служебный характер. Удельные князья времён родового владения Русской землёй не имели своей земли, то и дело пересаживаясь с престола на престол. Как и менявшие истощённые земли на более плодородные крестьяне князья не успевали привязаться к своей временной вотчине. И высший и низший классы русского общества на протяжённом этапе истории не были привязаны к своей земле. Географическое положение и вытекающие из него политическая и хозяйственная сфера были дополнены византийским православием – таким же служебным орудием в руках государства, как дворяне и народ.

Осмысление прошлого России и географический детерминизм помогают понять истоки менталитета русского народа, его поведенческих установок и социальной структуры российского общества. В России до сих пор существует брешь между представителями элиты, правящей, интеллектуальной, творческой и народными массами, проявляющаяся не столько в имущественном дисбалансе, сколько в полярно противоположных ценностях и нравственных установках. В прошлом это проявлялось особенно резко в моменты, когда европействующая и либеральничающая власть прививала народу несвойственные ему западные институты. Однако царское правительство в эпоху Великих реформ было куда независимее в своей политике и вполне могло лепить из России идеал по западноевропейскому образцу, тогда как современная власть ещё помнит «холодную войну», и вдоволь наслушалась западной критики, чтобы забыть чаяния Александра II. Но, как и до революции, в современной России продолжает существовать слой либеральных интеллектуалов, которые продолжают верить в непогрешимость Европы и мнимую универсальность западных ценностей.

Сопоставление современного состояния мира, и как древнего, так и относительно недавнего прошлого России, приводит к пониманию непреложной связи, которая существует между на-

стоящим, кажущимся столь новым и неизвестным миром и фундаментальными особенностями развития общества.

В современной России успех модернизации и реформ снова зависит от Власти. В России всё ещё нет гражданского общества, институты которого придают государству характер стабильной саморазвивающейся системы западного образца. Это значит, что общество не готово отстаивать свои права и призывать власть к ответу. В России не развиты традиции корректирующего противостояния между обществом и властью. Даже когда в российском обществе имеются противники существующего режима, их слишком мало, чтобы увлечь массы. И так было всегда. В далёком прошлом в России существовала демократия в виде вечевых сборов, но после возвышения Москвы, собирания земель и централизации власти эти муниципальные демократии исчезли как не отвечающие духу времени.

России не знаком пафос противопоставления народной воли воле государственной. Другое дело – Англия, в которой основы прав личности были заложены Великой хартией вольностей 1215 года и Habeas Corpus актом года 1679. Процесс рождения гражданского общества чрезвычайно сложен. Так, Франции потребовалась немыслимая череда революций и политических реформ, чтобы достигнуть современного уровня развития институтов гражданского общества и соответствующего им правосознания, при сохраняющемся, тем не менее, высоком социальном статусе государственных служащих и сильной бюрократии.

В каждой стране формирование гражданского общества проходило особенно, но сравнительный анализ процесса трансформации обществ разных стран даёт возможность выявить определённые закономерности и возможные пути развития.

Развитые институты гражданского общества – отличительная черта западноевропейских государств. Но даже в Европе в разных странах формирование такого общества происходило различно. В этой связи, применительно к России, может быть полезно изучение опыта Германии, в которой долгое время существовала жёсткая власть, существует народ-коллективист и невероятно высоко уважение к государству и желание ему служить. Часто сопоставление Германии и России подвергается резкой критике как недопустимое. Как правило, эта критика имеет в сво-

ей основе противопоставление трудовой этики немцев предполагаемому отсутствию оной у россиян. Но этот достаточно распространённый взгляд совсем не означает, что между историей социокультурной трансформации в России и Германии нет очевидных параллелей. О сближающих Россию с Германией чертах писал К.Н. Леонтьев. Интересный сравнительный анализ России и Германии, переживших с конца XVIII до начала XX века «существенную трансформацию экономической системы, общественной структуры и политического мира», провёл Г.И. Мухихин в книге «Власть перед вызовом современности: Сравнительный анализ российского и немецкого опыта конца XVIII – начала XX веков». Анализ немецкого опыта проведён также в исследовании Д. Травина и О. Маргании «Европейская модернизация».

В Германии, как и в России, был развит коллективизм, который Шпенглер называл прусским социализмом, поздно разложилась община, исторически была очень сильная централизованная власть, несмотря на поздно возникшую общегерманскую государственность, плохо приживался либерализм и демократия. Немецкое общество довольно долго было разделено на два лагеря – сторонников романской культуры Италии и французской моды и яростных борцов за немецкую исключительность и самобытность – аналог противостояния западников и славянофилов в России. Немцы так же верили когда-то в свою миссию, хотели сказать «новое слово» миру. И точно так же стремились в Европу, которая далеко не всегда безоговорочно признавала их своими детьми. Сегодня эти черты очень смягчены, но исторически Германия довольно сильно отличается от государств Западной Европы, что дало Шпенглеру основание сформулировать прусскую идею как идею служения государству, а не противостояния ему в отличие от англичан. Уже после краха Второго рейха, во время торжества либеральных идей Веймарской республики, он предрекал ей скорую гибель, так как немцам глубоко чужд дух либеральных реформ и они не умеют отстаивать личные права и противостоять государству; они коллективисты, любящие сильную власть. И Шпенглер оказался прав. Немцы сами избрали Гитлера, риторика которого полностью соответствовала ожиданиям масс и немецким традициям. Фридрих Великий, Бисмарк, кайзер и фю-

пер более соответствовали духу Германии, чем веймарская «говорильня». Проиграв две мировые войны и пережив разделение на два лагеря, Германия смогла обрести демократические политические формы и институты гражданского общества. Не являлись ли эти метаморфозы результатом поражений, чувства «вины Германии» и уничтожения немецких имперских амбиций? Нельзя забывать, что после объединения Германии при Бисмарке и накануне Первой Мировой войны немецкое общество грезило предчувствием великого будущего, истово верило в «новое слово», которое скажет Германия и немцы, как самый молодой народ Европы, миру.

Создаётся впечатление, что вышеназванные поражения и разбитые надежды, а также принадлежность к Западной цивилизации в немалой степени способствовали возникновению в Германии гражданского общества.

Иначе обстояло дело на Востоке, где гражданские свободы никогда не имели столь большого значения, как на Западе.

Китай, Сингапур, Малайзия достигли экономического роста, совершили модернизационный скачок и осуществили ряд беспрецедентных реформ в области образования, здравоохранения и науки с исключительной опорой на сильную власть при отсутствии даже намёка на гражданское общество. Ряд западных исследователей полагает, что осуществляющаяся так успешно модернизация приведёт эти незападные общества к повсеместной социокультурной трансформации, следствием которой станет принятие западного идеала саморегулирующегося общества. Однако этот взгляд не учитывает происходящих в успешных незападных обществах культурных процессов: чем быстрее движется Азия по пути прогресса, тем большую уверенность в своих силах и ценностях чувствуют её жители. Свои успехи они связывают с конфуцианскими ценностями служения и долга, с верой в коллективизм как единый возможный способ существовать. Они всё больше презирают разлагающий западный индивидуализм и подчёркивают своё превосходство. Жители Шанхая и Сингапура зачастую скептически относятся к западным ценностям, хотя постепенно и принимают его модель общества потребления.

Фундаментальные особенности культурной и национальной идентичности проявляются в народном характере, его отли-

чительных чертах. Индивидуализм англичан отражён в их политических, экономических, даже научных теориях. В борьбе всех против всех Т. Гоббса, идеях свободного рынка А. Смита, даже в теории борьбы за существование Ч. Дарвина видна нацеленность англичан на борьбу и повсеместную конкуренцию.

Буржуазная и промышленная революции Англии стали отправной точкой современного экономического роста и глобализации, культурного, политического и экономического империализма Западной цивилизации.

Очень хорошо показал суть английского восприятия мира, и неверное отношение к *национальным* ценностям как к *общечеловеческим* Николай Яковлевич Данилевский, который писал: «Можно представить целый ряд теорий, которые все носят несомненный признак всеми признанного отличительного характера той национальности, которая их произвела. ... Существенную преобладающую черту в английском национальном характере составляет любовь к самодеятельности, ко всестороннему развитию личности, индивидуальности, которая проявляется в борьбе со всеми препятствиями, противопоставляемыми как внешней природой, так и другими людьми. Борьба, свободное соперничество есть жизнь англичанина: он принимает их со всеми их последствиями, требует их для себя как права, не терпит никаких ограничений, хотя бы они служили ему же в облегчение, находит в них наслаждение. Начиная со школы, англичанин ведёт эту борьбу, и где жизнь не предоставляет достаточных для неё элементов, он создаёт их искусственно. Он бегаёт, плавает, катается на лодках взапуски, боксирует один на один – не массами, как любят драться на кулачки наши русские, которых и победа в народной забаве радует только тогда, когда добыта общими дружными усилиями. Борьбу вводит англичанин во все свои общественные учреждения. В суде ли, или в парламенте – везде личное состязание. В подражание парламентской борьбе они учреждают общества прений, где обсуждаются предложенные темы и решения поставляются большинством голосов. Всякую забаву англичане приправляют посредством пари, которое есть форма борьбы мнений. Эти пари приведены в настоящую систему. У англичан есть клуб лазильщиков по горам, не с учёной целью исследований (что если и бывает, то – так, между прочим), а единственно

для доставления себе удовольствия преодоления трудностей и опасностей, и притом не просто, а состязательно с другими. Итак, борьба и соперничество составляют основу английского народного характера; и вот трое знаменитых английских учёных создают три учения, три теории в различных областях знания, которые все основаны на этом коренном свойстве английского народного характера.

В половине XVII века англичанин Гоббес создаёт политическую теорию образования человеческих обществ на началах всеобщей борьбы, на войне всех против всех (*bellum omnium contra omnes*).

В конце XVIII века шотландец Адам Смит создаёт экономическую теорию свободного соперничества – как между производителями и потребителями (что устанавливает цену предмета), так и между производителями (что удешевляет и улучшает произведения промышленности) – теорию непрестанной борьбы и соперничества, которые должны иметь своим результатом экономическую гармонию.

Наконец, ... англичанин Дарвин придумывает в области физиологии теорию борьбы за существование (*struggle for existence*), которая должна объяснить происхождение видов животных и растений и производить биологическую гармонию.

Эти три теории имели весьма различную судьбу. ... Все они односторонни и носят на себе тот же характер преувеличения, как преувеличена общая их основа в английском народном характере. Как бы то ни было, для нас важно то, что печать национальности, которой они запечатлены, лежит вне всякого сомнения»⁴¹⁹.

Английскому индивидуализму и антиэтатизму Данилевский противопоставлял этатизм французский.

Понимание англо-саксонского восприятия мира чрезвычайно важно, так как не может быть произвольно принято другими обществами без наличия благоприятных предпосылок к развитию соответствующего мироощущения и, тем не менее, повсеместно транслируется на весь мир в качестве «эталонного».

Показательный гимн либеральному антиэтатизму англичан можно найти в «Истории цивилизации в Англии» Генри Томаса Бокля: «Мы, англичане, народ разборчивый, недовольный и

⁴¹⁹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 163–165.

придирчивый; мы постоянно жалуемся на наших правителей, не доверяем их планам, с враждебным настроением обсуждаем их меры, оставляем весьма мало власти как церкви, так и короне; мы управляем своими делами по своему и готовы при малейшем к тому поводе отрешиться от той условной преданности престолу, – преданности на словах, которая никогда собственно не касалась наших сердец и составляет только привычку внешности, а не страсть, укоренившуюся в душе. Преданность престолу англичан не такова, чтобы она могла заставить их пожертвовать свободой в угождение своему государю; она никогда ни на минуту не заглушает в них глубокого сознания собственных интересов. Вследствие этого наш прогресс никогда не прерывается, будут ли хороши или дурны наши короли. При том ли, при другом ли условии – великое движение идёт своим порядком. Были у нас и слабоумные, и злонамеренные короли. Но даже люди, как Генрих III и Карл II, были не в состоянии повредить нам. Точно также в течение восемнадцатого и многих лет девятнадцатого столетия, когда мы весьма заметно шли вперёд, наши правители были люди далеко не способные. Анна и первые два Георга отличались невежеством; они были плохо воспитаны и от природы слабохарактерны и в то же время упрямы. Царствование обоих их вместе продолжалось почти шестьдесят лет; а после них мы были в течение другого шестидесятилетия управляемы государем, способности которого были долго ослаблены болезнью, но о котором мы можем по совести сказать, что вообще в своей политике он делал наименее зла, когда был наиболее неспособен. Здесь не место излагать чудовищные принципы, которые защищал Георг III; потомство отдаст им ту справедливость, от которой обыкновенно воздерживаются современные писатели; но то достоверно, что ни его ограниченный ум, ни его деспотический нрав, ни его жалкое суеверие, ни невероятная низость того гнусного сластолюбца, который наследовал ему, – не могли остановить ход английской цивилизации, ни удержать прилив благосостояния Англии. Мы шли своим путём, не радуясь ничему этому и ни о чём не заботясь. Нас не могло сбить с него безрассудство наших правителей: мы хорошо знали, что сами держим в руках свою судьбу и что английский народ носит в самом себе тот запас средств и то богатство соображения, которые одни могут сделать людей вели-

кими, счастливыми и мудрыми»⁴²⁰.

«Дух сопротивления незаконности и притеснению, – писал Франсуа Гизо, – был всегда одною из самых благородных и самых спасительных сторон английского характера во всё продолжение истории этого народа»⁴²¹.

Неудивительно, что Англия стала родиной либерализма, классической экономической теории и утилитаризма в философии. И сегодня совершенно ясно отличие англо-протестантского либерального капитализма Великобритании и США (классическое «sense of property» Форсайтов) от капитализма их собратьев по Западной цивилизации – Франции (с сильными дирижистскими традициями, истоки которых лежат в рационализме эпохи Просвещения и невероятно высоком социальном статусе чиновничества), Германии (социальное рыночное хозяйство), Норвегии, Швеции, Финляндии (скандинавский социализм). Даже в рамках европейской цивилизации англосаксонский либерализм не привился повсеместно. Тем более кажется невозможным привить либеральные ценности в незападных обществах – Индийской, Конфуцианской, Арабской, Православной цивилизациях.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что единого пути к процветанию нет. И если на Западе интересы народа охраняет гражданское общество и воспитанная им дисциплинированная власть, то на Востоке существуют блестящие примеры экономического роста в условиях полного отсутствия свободных выборов, многопартийности, парламентаризма и гражданского общества, которые, теоретически, могут, стать основой стратегического планирования развития России в XXI веке.

Проиллюстрировав Западный и Восточный пути к успеху, можно говорить о двух возможных путях модернизации России.

1. Развитие двух взаимодополняющих и в то же время противостоящих друг другу начал: усиление наделённой *политической волей* власти, без которой невозможно установить жёсткие правила игры – законодательство, и обеспечение его соблюдения – с одной стороны, и формирующееся гражданское общество – с другой.

⁴²⁰ Бокль Г.Т. История цивилизации в Англии. Т. 2. С. 400.

⁴²¹ Гизо Ф. История Английской революции. В 2 т. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1996. Т. 1. С. 37.

2. Второй вариант предполагает всемерно возрастающую роль государства при отсутствии политических свобод, но свободной экономике, развивающейся в условиях стабильной политической обстановки и действенного законодательства. При этом *политическая воля* является основополагающим фактором.

Особенно важен вопрос о гражданском обществе и коррумпированности бюрократии. Вопрос не в том, насколько коррумпирована власть, а в том, насколько она при этом дееспособна и какой механизм эту дееспособность обеспечивает – гражданское общество или государственный же аппарат. Взятки брали и будут брать во все времена и у всех народов, главное, чтобы это не мешало поступательному развитию общества в целом – так повидимому обстоит дело в Китае. Надо учитывать и то, что в наиболее развитых странах мира взятки могут не брать рядовые полицейские и чиновники низовых звеньев, но это отнюдь не значит, что ими, в особо крупных размерах, не брезгуют их начальники. Чем более развито общество, тем более в нём «развита» коррупция, стоящая на качественно ином, в отличие от развивающихся стран, уровне – взяточничество не поражает всё чиновничество сверху донизу, а распространено больше сверху, где и ставки более высоки. Особым примером могут служить Соединённые Штаты, о значении групп влияния и лоббизме в политической и экономической практике которых так много написано. В Китае постоянно расстреливают чиновников, но это не слишком помогает, и быть китайским должностным лицом всё ещё весьма прибыльное дело. Главное, что Китай, несмотря на это, развивается, набирает экономическую мощь и модернизируется. Взятничество, экономический рост и успешная модернизация – намного лучше, чем, как это происходит в современной России, – взяточничество без качественного экономического роста и модернизации.

В современном мире бизнесу принадлежит основополагающая роль в созидании национального богатства государств и благополучия граждан. Однако, это совсем не означает, что бизнес приносит свои плоды только обществам, где царит демократия и либерализм. Капитал любит стабильность и очень даже не прочь работать с обеспечивающими эту стабильность диктатурами. Другое дело, что в странах Латинской Америки подобное со-

трудничество бизнеса и власти приводило к поголовной коррумпированности, буквально купленной капиталом бюрократии, с другой стороны в современном Китае «недемократическая» стабильность приносит процветание и прогресс, содействует быстрым темпам модернизации.

Рассмотрев пути успешной трансформации различных государств современного мира и наложив эти успехи на исторические закономерности развития их обществ, можно с относительной уверенностью сказать, что второй вариант развития может быть более органичен для России, так как, по-видимому, в наибольшей степени соответствует закономерностям её исторического развития.

Принципиально важен вопрос: имеют ли демократия и либерализм самостоятельную ценность? Часто эти понятия приобретают характер идеологических штампов, абстракций. Многие поборники демократии и либерализма готовы разрушить всё, только бы получить в обществе хоть какое-то отражение этих западных ценностей. Они хотят демократии и либерализма немедленно, прямо сейчас, независимо от того, будут ли демократия и либерализм работать или нет. Чтобы отрешиться от подобных разрушительных идеализаций, нужно чётко осознать, что демократия и либерализм – не самоцель и не социальное чудо, возникающее само по себе на любой почве. Они хороши ровно настолько, насколько они работают, приносят пользу. Необходима большая осторожность при перенесении ценностей и институтов одного общества в другое. Известно немало попыток привить эти ценности в незападных обществах, и все они рано или поздно заканчивались провалом. Так, в реформирующихся на западный манер странах ислама к власти демократическим, совершенно легальным путём приходят антидемократические радикальные партии, ставящие крест на реформах и возвращающие свои общества на рельсы традиционного развития. Этот феномен объясняется факторами культуры и тем, что ценности демократии и либерализма заключаются не в них самих, а в их плодах, в том, работают они или нет и могут ли представлять практическую ценность в странах, где они исторически не сложились самостоятельно. «Нет правления, – писал Франсуа Гизо, – которому бы в большей степени нужно было всеобщее и свободное согласие,

как республиканскому. Можно понять монархическое государство, основанное силою; и такие примеры бывали; но навязать народу насильно республику, учредить народное правление вопреки инстинкту и желанию народа – это совершенно несогласно со здравым смыслом и справедливостью. Английским колониям в Америке не нужно было преодолевать этой трудности, чтобы стать республикой Соединённых Штатов: они были и без того республикой; принимая республиканское правление, они только исполняли желание народа и не уничтожали, а развивали своё прежнее правление»⁴²².

Людям нужны не западные ценности как таковые, а стабильность, возможность достойно жить и работать, а уж какими методами этого можно достичь – другой вопрос, совсем не связанный с западноевропейской социально-политической практикой.

Здесь снова играет роль историческая закономерность. В обществах, где всегда была значительная опасность голода и высокое демографическое давление, существуют древние аграрные традиции (как, например, в Китае), не могли развиться идеи, выражением которых является «американское кредо», «американская мечта», – вера в то, что отдельный трудолюбивый и целеустремлённый человек, даже с одним долларом в кармане, может добиться успеха и осуществить свою мечту. На Востоке всегда было большее демографическое давление, чем на Западе, и выжить помогал коллективизм, когда семья важнее отдельного своего члена, а общее благо – выше частного. Отсюда вытекает совершенно разное представление о справедливости и ценности человеческой жизни, которая имеет гораздо меньшее значение в странах Востока, нежели на Западе. На Востоке – справедливость – равенство, на Западе – справедливость – равные возможности. В Китае не могло возникнуть «американское кредо», потому что критерием успешного развития общества был не экономический рост и не возможность накопления богатств, а отсутствие голодных. Западные мечты об обществе всеобщего благоденствия неприменимы к стране, в которой проживает 1 миллиард 300 миллионов человек. Все они никогда не смогут поселиться в собственных коттеджах и обзавестись личными автомобилями. И это справедливо не только для Китая, но и для Индии и многих араб-

⁴²² Гизо Ф. История Английской революции. Т. 1. С. 114.

ских государств. В силу приведённых фактов в этих обществах сложно прививаются западные институты демократии и либерализма. К этому просто нет многих имеющихся на Западе предпосылок. Только общий рост благосостояния, образование стабильной страты среднего класса могут побудить общество к преобразованиям в либерально-демократическом духе. Людям, которым нечего терять, не нужна демократия. Где нет активного и уверенного в завтрашнем дне среднего класса, там нет почвы для демократии. Только средний класс может заполнить пространство, отделяющее бюрократию от бедных слоёв населения, и корректировать её действия. С. Хантингтон справедливо заметил по этому поводу: «Если демократия придёт в новые азиатские страны, то придёт только в том случае если значительно усилившаяся буржуазия и средний класс захотят, чтобы она пришла»⁴²³.

Хотя, тезис о прямой зависимости между социально-экономическим благополучием и демократией распространён повсеместно, он в значительной степени обусловлен либеральной идеологией, связывающей демократию не просто с экономическим ростом, но и с глобализацией, как инструментом его (экономического роста) достижения. «Уделив сначала внимание только экономической перспективе, – писал Збигнев Бжезинский – сторонники глобализации быстро поняли, что её привлекательность может быть значительно усилена за счёт политической составляющей, и тогда в качестве дополнительного довода в пользу глобализации было выдвинуто мнение, что она непременно приведёт к усилению демократии. В результате глобализация стала логическим доводом, особенно полезным, когда критики доктрины стали утверждать, что она служит средством оправдания максимизации прибыли и инструментом инвестиционной политики в отношении экономически успешных стран с деспотическими режимами»⁴²⁴.

В целом, уверенность в связи между благосостоянием и демократией, так же как и представление о «конце истории», во многом стала следствием эйфории, рождённой на Западе крушением СССР, и не может рассматриваться как окончательно и на-

⁴²³ *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. P. 195.

⁴²⁴ *Бжезинский Зб.* Ещё один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. Москва: Междунар. отношения, 2007. С. 38–39.

учно установленная. Люди готовы терпеть тиранию при определённых условиях, исторический опыт показывает, что она бывает необходима и неизбежна.

При анализе глобальных тенденций, трансформирующих современные общества, важно учитывать ряд негативных тенденций, наблюдающихся в развитых западных обществах, прежде всего, целый ряд предпосылок к снижению уровня жизни и нарастанию противоречий социального развития, например, всё увеличивающийся разрыв в доходах населения развитых стран. Кьелл Нордстрем и Йонас Риддерстрале из Стокгольмской школы экономики назвали это явление «двойной экономикой», экономикой без среднего класса, экономикой чрезвычайно богатых, продолжающих богатеть и беднеющих, перестающих быть средним классом, экономикой, существующей по принципу «победитель получает всё». Если раньше количество «победителей» постоянно увеличивалось, то теперь оно сокращается.

Эта тенденция наглядно проявляется в США, где воплощение «американской мечты» индустриального XX века – свой дом, двое детей, неработающая жена и две машины становится утопией. Информационная эпоха «бизнеса в стиле фанк» и «караоке капитализма» ставит перед развитыми обществами целый комплекс новых вопросов, которые пока не находят полномасштабного отражения в научной литературе по причине своей новизны. Многие симптомы отражены в периодической научной печати, произведениях отдельных политиков и представителей крупного бизнеса, но комплексные оценки этих явлений и прогнозирование отсутствуют. Легендарный менеджер, бывший президент компаний Ford и Chrysler Ли Якокка на протяжении последних 30 лет последовательно указывал на противоречия деиндустриализации США: социальные последствия глобализации, снижение уровня доходов населения, расслоение общества, гипертрофированный рост финансового сектора в ущерб реальному. Немало страниц посвятил этой проблематике нобелевский лауреат в области экономики Пол Кругман, назвавший складывающееся положение «капитализмом для избранных».

Тревожные тенденции развития Запада важны для всего мира, так как западные модели многими принимались за абсолют. Симптоматично, что подзаголовком книги Барака Обамы «Дер-

зость надежды» стали слова «Мысли о возрождении американской мечты». Этот подзаголовок, как и текст самой книги, констатирует исчезновение той идеи, которая десятилетиями не просто вдохновляла людей, но и находила своё выражение в воплощении «американской мечты» в реальной жизни представителей поколения бэби-бума.

Идеологизированный XX век прошёл под знаменем борьбы идеологий – разной веры в пути достижения счастливого будущего. Поскольку мир развивался под воздействием заданного Западом импульса, то и боровшиеся друг с другом идеологии были западными: либерализм, фашизм, коммунизм. На сегодняшний день выжила рождённая теряющим былое влияние Западом идеология либерализма, глобальный же мир развивается так быстро и неравномерно, что справедливо возникает вопрос о том, какая идеология, какие ценности, культуры и цивилизации будут доминировать в будущем.

Немаловажное значение в контексте развития и сохранения демократии имеет географический фактор. Расширение территориальной экспансии, консолидация власти, рост политической и военной мощи приводят к угрозам демократии. Древнегреческие полисы могли сохранять демократическую форму правления, только соблюдая географическую ограниченность. Рост могущества древнего Рима привёл к упразднению республики и торжеству обставленного демократическими формами абсолютизма цезарей. Также и вечевые демократии Руси не смогли уцелеть при территориальном росте государства.

Исторический опыт подтверждает правоту Монтескье, писавшего о географически детерминированных отличительных свойствах деспотического образа правления: *«Обширные размеры империи – предпосылка для деспотического правления. Надо, чтобы отдалённость мест, куда рассылаются приказания правителя, уравновешивалась быстротой выполнения этих приказаний; чтобы преградой, сдерживающей небрежность со стороны начальников отдалённых областей и их чиновников, служил страх; чтобы олицетворением закона был один человек; чтобы закон непрерывно изменялся с учётом всевозможных случайностей, число которых всегда возрастает по мере расширения границ государства»*⁴²⁵.

⁴²⁵ Монтескье Ш.Л. О духе законов. С. 113.

Противоречие между ростом политического влияния и демократическими институтами отмечается и на современном этапе. Подобно тому, как Эдмунд Бёрк в XVIII столетии задавался вопросом о том, насколько «сильная держава», «необходимая для сохранения обширной, разъединённой и разнообразной империи, ... может быть примирена с сохранением традиционных Британских свобод»⁴²⁶. Збигнев Бжезинский высказал похожие опасения относительно Америки начала XXI века: «Американская глобальная мощь противоречит американской демократии, как внутренней, так и экспортированной. Внутренняя американская демократия затрудняет осуществление национальной мощи на международной арене, и наоборот, глобальная мощь Америки может создать угрозу демократии в США»⁴²⁷. По мнению Бжезинского, «основная дилемма Америки в век глобализации заключается в том, чтобы определить верный баланс между суверенной гегемонией и нарождающимся мировым сообществом и найти пути разрешения опасного противоречия между демократическими ценностями и обязанностями глобальной державы». «Американская глобальная гегемония управляется американской демократией; никогда прежде глобальная гегемония не осуществлялась по-настоящему демократическим и плюралистическим государством. ... Требования гегемонии могут вступить в принципиальное противоречие с достоинствами демократии, противопоставить гражданские права и национальную безопасность»⁴²⁸. Похожие опасения высказал Джордж Сорос⁴²⁹.

Рассматривая вопрос о перспективах развития в России демократических институтов с позиций демографического давления, нужно признать, что в обладающей огромными природными ресурсами и всё ещё неисчерпанным интеллектуальным потенциалом населения стране вполне могут привиться западные ценности. Население России, если исходить из занимаемой государством территории, настолько мало, что при умелом ведении дел общество должно богатеть, что в свою очередь создаст предпо-

⁴²⁶ Цит. по: Макарова Е.А. Национальная мысль и национальное сознание в Англии // Национальная идея в Западной Европе в Новое время. С. 70.

⁴²⁷ Бжезинский Зб. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. С. 179.

⁴²⁸ Там же. С. 183, 251.

⁴²⁹ Сорос Д. Мыльный пузырь американского превосходства. На что следует направить американскую мощь. С. 41, 47–50.

сылки к развитию гражданского общества и соответствующей политической культуры.

Приведённые примеры демонстрируют возможные пути модернизации. При этом снова поднимается вопрос о том, какой путь избрать, Западный или Восточный? С позиций демографии и экономики Западный путь теоретически осуществим, однако весь ход тысячелетней российской истории, её география свидетельствуют об обратном. Цивилизационная система под названием «Россия» не может развиваться по законам других систем. Это значит, что как бы ни было больно расставаться с западными ценностями, но самый безопасный путь развития России – свой особенный, более восточный, нежели западный путь с адаптацией под свои нужды достижений западноевропейской цивилизации. России ещё ни разу не удавалось полноценное внедрение западных ценностей. «Вестминстерская» модель бюрократии может поражать своей эффективностью, но это отнюдь не означает, что, будучи таковой в небольшой Великобритании, она будет столь же успешной в гигантской России. Всякий раз либеральные реформы давали в России сбой или приводили к катастрофе. Значит, направление реформ было не тем, они не были имманентны России, были преждевременны. В то же время важно преодолеть ментальное раздвоение между Востоком и Западом, научиться воспринимать Россию предметно и цельно.

Образование и распад СССР привели к тому, что на современном этапе, несмотря на широкое применение категориального аппарата западных политико-экономических моделей, российское общество менее подвержено идеологическому влиянию Запада, что несколько смягчает традиционную для России проблему Востока и Запада и в дальнейшем может помочь утверждению нового национального самосознания.

Глобализация расширяет возможности модернизации, не прибегая к вестернизации, создаёт альтернативные модели и источники развития, приводит к возможности модернизации общества без ущерба его социальной и культурной идентичности, так как в многополярном мире, где формируются новые незападные центры политического и культурного влияния, быть современным и развитым не означает быть представителем какой-то определённой эталонной цивилизации.

Заключение

Проблема развития национального самосознания чрезвычайно комплексна и сложна. Применительно к России необходимо провести обширный анализ российской истории с целью выявления различных векторов развития российского общества, обнаружения «западных» тенденций в период истории Киевской Руси и их радикального изменения при переходе центра власти в Москву.

Отдельной важной проблемой выступает вопрос о классификации цивилизаций и выявлении хронологических рамок их развития, в связи с чем кажется целесообразным выделение *протоцивилизаций*, которые готовят почву для развития будущих цивилизаций, связанных со своими предшественниками общим культурным наследием, но в то же время значительно отличающихся социально-политической структурой и географией. С этой точки зрения Киевскую Русь можно рассматривать в качестве протоцивилизации возникшей впоследствии Российской цивилизации с центром в Москве.

Все эти вопросы в свою очередь связаны с теорией модернизации и различными идейными течениями, в русле которых модернизация может проводиться. Здесь прежде всего возникает вопрос об идеологии либерализма, его роли в процессе реформирования обществ и глобализации. Все эти проблемы постоянно возникали при работе над этой книгой, но из-за ограниченности во времени не были решены. Тем не менее, кажется целесообразным уделить некоторое место этим вопросам хотя бы посредством самой их постановки.

Проблема выявления протоцивилизации и хронологии цивилизаций. Изучая историю раннесредневековой Скандинавии и древней Руси, можно найти ряд сходных черт в их общественном развитии: и в той, и в другой на раннем этапе истории наблюдаются проявления независимого духа феодальной вольницы. При этом в Киевской Руси существовали ещё и вечевые демократии.

То есть при рассмотрении ранней истории этих стран можно предположить, что при определённых условиях они могли стать представителями очень похожих общественных образований. Древние русские князья, вся норманнская теория российской государственности демонстрируют это сходство в нравах. Однако дальнейшее развитие Скандинавских стран и России кардинально разошлось. Таким образом, при применении цивилизационного подхода особое значение приобретает выяснение времени, с которого определённый культурно-исторический тип можно считать сформировавшимся. Этот сложный вопрос хронологии цивилизаций приводит к необходимости выделения этапов их становления. Говоря о Российско-Православной цивилизации, нужно определить те временные рамки, в которых эта цивилизация стала действительно Российско-Православной, и те черты, которые отличают её от протоцивилизации.

Касаясь вопроса хронологии цивилизаций, было бы, видимо, неправильно говорить о более чем тысячелетнем существовании Византии, так как история её была динамична, и сравнивать «империю» после взятия Константинополя крестоносцами в 1204 году с империей времён Исаврийской и Македонской династий сложно в силу огромного различия в характере их политических, экономических и социальных отношений, хотя, Восточная Римская империя вплоть до 1453 года сохраняла ряд отличительных черт, которые не смогла изгладить даже череда сокрушительных внешнеполитических и военных поражений. Определение истинного «византизма», пика его развития представляется делом сложным и очень субъективным. В зависимости от позиции исследователя, за наиболее типичный образчик византийской цивилизации, «византизма» можно принять ту или иную эпоху, правление определённых династий и отдельных личностей или, абстрагируясь от политики, принимать во внимание только интеллектуальную сферу и искусство.

Следует также учитывать, что материальный убыток и политическое бессилие далеко не означают уничтожения комплекса выработанных обществом норм, ценностей и понятий. Сравнение «империи» Палеологов с империей Константина Великого или Льва III наглядно демонстрирует ничтожность первой и может обоснованно вызвать у почитающего древний блеск Ви-

зантии исследователя только сожаление, но некоторые сохранённые Палеологами византийские духовные ценности: православие, имперский, великодержавный взгляд на окружающий мир, несмотря на отсутствие материальных сил, – всё это позволяет сделать вывод, что несмотря на практически полное уничтожение и крах, погибающие цивилизации обладают определённым количеством нематериальных ценностей, которые могут видоизменяться и сохранять преемственную связь на почве новой зарождающейся цивилизации. Именно в такой форме произошло принятие Россией византийских идеалов.

Интересно отметить, что идея византийской империи, точнее её нового воплощения, была известна не только в России – ранее и сербы, и болгары дерзали воплотить в своих государствах образ византийской империи, нового Рима, но в силу неблагоприятных исторических обстоятельств им этого сделать так и не удалось. Россия же максимальным образом использовала культурное и идеологическое наследие Византии. Не всегда эта преемственность шла России на пользу, и хотя до вооружённого захвата Константинополя так и не дошло, но основать самое обширное в мире и при этом независимое православное государство русским правителям удалось.

На примере упадка Византии хорошо видно противоречие и неравнозначность между материальным бессилием государства, носителя определённой цивилизации – «стержневого государства», если придерживаться терминологии Самуэля Хантингтона – и его духовным потенциалом развития на другой почве. При этом потенциал развития выражается в нормах, ценностях, вере.

Возвращаясь к вопросу выявления своеобразного пика развития цивилизации и переносу наследия одной цивилизации на иную географическую и этническую почву, можно сказать, что хотя с точки зрения целостного рассмотрения истории Византии говорить о Палеологах как о выдающихся императорах смешно – слишком незначительно было их международное влияние по сравнению с могущественными предшественниками, они тем не менее, являлись носителями великих преданий, которые как завет привезла в Москву София Палеолог. И завет этот был воспринят тем крепче, чем долее до этого славянские племена соприкасались с Византией. Этот культурный опыт и православное вероис-

поведение стали фундаментом, на котором развилась и воплотилась в реальность российская теория и практика Третьего Рима. Так на культурной почве византийского мира родилась новая Российско-Православная цивилизация.

Неоднозначность хронологических рамок, разнообразие областей культурного и политического влияния цивилизаций позволяет говорить о целесообразности выделения хронологии «политической» и хронологии «культурной». Исчерпав политическое влияние, даже вообще исчезнув с политической карты мира, цивилизация может передать своё культурное наследие другим обществам, которые видоизменяют его исходя из своих реалий, но в то же время сохраняют определённые черты протоцивилизации.

Вопрос хронологии Российской цивилизации, её явной двойственности (Киевский и Московский периоды), или тройственности (Киевский, Московский, Петербургский периоды), хорошо виден в творчестве евразийцев, которые несколько дисгармонично рассматривали исторический опыт России. Хотя выводы их во многом верны, они отбросили целый, очень интересный пласт русской истории, не вписавшийся в контекст их теории, а потому не очень их занимавший – первые века истории России, период Киевской Руси со всеми его «западноевропейскими предпосылками», которые были в дальнейшем сведены на нет фактором географии, расширением Русского государства.

Общность исторических судеб с Европой, которую можно наблюдать в Русской Правде и древнегерманском законодательстве, династической вовлечённости российских князей в западноевропейскую политическую систему, была перечёркнута экспансией на северо-восток, вызвавшей необходимость в иной социальной организации и политических механизмах.

Учитывая географический детерминизм, довлеющий над социальной и политической сферами жизни общества, можно сказать, что, например, у Украины может быть демократическое в западноевропейском смысле этого слова будущее, учитывая её прошлое вечевых демократий и династические связи киевских князей с Европой. Сегодня, когда Украина политически не связана с евразийским громадным пространством, она вполне может идти по западноевропейской колее, хотя, цивилизационные особенности, заданные многовековой включённостью в territori-

ально интегрированное Российское государство, византийское наследие и внутренняя разделённость запада и востока страны могут мешать ей на этом пути.

«Демократизм» Киевской Руси нуждается в серьёзном историософском анализе. Хорошо показал различие заданного историей вектора развития Киевской Руси от вектора развития Руси Московской Фернан Бродель. Расширение на восток породило новый геополитический организм и послужило одной из ключевых основ цивилизационной матрицы собственно России. Это также может подтвердить европейские истоки Украины. Исходя из этого, отправным пунктом начала собственно Российской цивилизации можно считать возвышение Москвы. И именно в Москве приняли концепцию Третьего Рима и византийские символы власти. В таком контексте историю России можно поделить не только на Московский и Петербургский периоды, но и на Киевский. Таким образом, получаются три периода российской истории, каждый из которых географически привязан к столичному городу и определяемому им, как средоточию культуры и власти, вектором развития. В целом выделение Киевского и Московского периодов значительно важнее. Петербургский период можно смело отнести к Московскому. Обычно его выделяют по сложившейся и идущей от славянофилов традиции, которая противопоставляла старую добрую самодостаточную Москву новому, ориентированному на Запад Петербургу, но если принять во внимание политические и социальные тенденции развития Российского Государства, можно сказать, что Петербургский период является продолжением Московского, между ними не лежит столь заметная социально-политическая пропасть, которая наблюдается между древним Киевом и Москвой.

Ранний период русской истории характеризуется междоусобиями князей и родовым владением Русскою землёю, постоянным противоборством властных центров в виде удельных княжеств и городов, многие из которых тяготели к вечевой демократии и пытались проводить не всегда последовательную, но независимую от князей политику (например, Новгород). Отдельные князья, осознав гибельность удельно-родовой системы, пытались выйти из неё посредством продвижения на север с тем, чтобы на вновь приобретённых землях образовать наследственную монар-

хию с передачей власти не старшему в роде (например, брату или дяде), а прямому потомству, сыновьям. Это стремление к самодержавию было совершенно необходимо для будущего существования России в качестве обширного независимого государства, и татаро-монгольское нашествие подтвердило это, стало толчком к сосредоточению власти в одних руках, необходимым вызовом, ответом на который стало возвышение Москвы в качестве объединяющего центра российских земель.

Кажется удивительным запоздалое, как часто смотрят на этот вопрос, образование государств у славян. Славянские племена были многочисленны и предприимчивы, облагали данью Константинополь, активно занимались мореходством (свидетельством чему является Византийская история), торговлей, осели на обширных территориях. Массовое переселение славян в Грецию дало Я.Ф. Фальмерайеру повод говорить о фактическом отсутствии в Греции XIX столетия собственно греков. И при всех этих проявлениях этнической мощи, славяне поразительно долго, по сравнению с народами Западной Европы, не могли политически организовать в государства. Столетиями эта особенность славянской истории давала повод к дискуссиям между западниками и славянофилами о судьбе России, о том, что русскому народу от веку суждено пребывать в рабстве. Некоторые западные авторы дошли до того, что этимологию слова «славянин» стали производить не от «славы», а от «раба» – английское *slave*, латинское *sclav* – раб, славянин⁴³⁰.

В действительности же позднее созревание славянской государственности можно объяснить двумя факторами: обширностью территории расселения и явно наличествовавшей у древних славян пассионарностью, которая, несмотря на постоянные междоусобия, позволяла им до определённого времени сохранять независимость от окружающих иноплеменников, не прибегая к твёрдому политическому объединению, и даже успешно воевать с Восточной Римской империей и Болгарией, как это делал сын княгини Ольги Святослав.

В этнической силе, многочисленности, с точки зрения построения государства, была слабость – этнос был настолько силен, что мог выжить и без централизации. И только Батыево на-

⁴³⁰ Поньон Э. Повседневная жизнь Европы в тысячном году. Москва: Молодая гвардия, 1999. С. 336–337.

шествие стало действительно страшной угрозой, на которую, если следовать теории Арнольда Тойнби, пришлось дать необходимый ради выживания ответ.

Учитывая роль татаро-монгольского нашествия, можно сказать, что, только преодолевая его, Русь действительно оформлялась в политически единое целое. Таким образом, этап княжеских усобиц и вечевых демократий Древней (Киевской) Руси было бы целесообразно назвать Российской протоцивилизацией или Протороссийской цивилизацией – основой, на которой впоследствии развился собственно Российский культурно-исторический тип или Российская цивилизация.

Свойственное Киевской Руси мятежное демократическое начало было уничтожено жестокой неизбежностью исторических обстоятельств татаро-монгольского нашествия. До него, несмотря на усобицы, Россия справлялась с внешними, оформившимися в более жесткие политические образования народами, – венграми, поляками и другими, но с татаро-монгольским нашествием справиться на прежних началах не удалось. Татаро-монгольское нашествие и возвышение Москвы – водораздел между Протороссийской Киевской и собственно Российской цивилизацией.

О возможности «западного» пути на раннем этапе исторического развития России свидетельствует множество факторов, среди которых можно выделить три основных факта древнерусской истории: развитую городскую культуру, тесные династические связи с Западом, развитую торговлю.

Киевская Русь была городской цивилизацией. Скандинавы называли Русь «Гардарики» (исландское *Gaṛḁaríki* или *Gaṛḁaveldi*, шведское *Gårdaríke*), «страной городов». «Тогдашние русские города были настоящими западными городами. Киевская Русь веками славилась именно блеском своих городов, символизировавших материальное благосостояние страны: в этом плане между Западом и Востоком Европы не наблюдалось никакого отставания, никакого разрыва»⁴³¹. Фернан Бродель прямо сравнивал древнерусские города с «открытыми» городами античности в отличие от представлявших привилегии только своим гражданам «закрытых» городов Запада.

Можно привести множество примеров династических связей Запада и Киевской Руси.

⁴³¹ Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. С. 504.

Ярослав Мудрый был женат на Ингегерде, дочери короля Швеции Олафа Шётконунга. Предполагают, что приданым Ингегерды был город Альдей Габорг (Старая Ладога) с прилегающими землями, которые на долгое время получили название Земли Ингегерды – Ингерманландии (часть современной Ленинградской области).

Сын Ярослава Изяслав женился на сестре польского короля Казимира I Восстановителя Гертруде, в то время как сам Казимир был женат на сестре Ярослава – Добронеге.

Подобной же западной династической ориентацией отличались и союзы дочерей Ярослава. Елизавета стала женой норвежского короля Харальда Сурового. Анастасия вышла замуж за короля Венгрии Андраша I. Анна (после схизмы 1054 года – Агнесса) стала женой короля Франции Генриха I Капетинга и вошла в историю как Анна Киевская. На протяжении девяти лет Анна была регентом Франции, знала греческий и латинский языки, наряду с мужем подписывала государственные акты, так что сохранился документ с её начертанной кириллицей подписью – «Ана Ръина», то есть латинское *Anna Regina*, «Королева Анна». С влиянием Анны связывают распространение во Франции византийского имени Филипп, не употреблявшегося до тех пор в Западной Европе, но вошедшего в обиход, после того как Анна назвала Филиппом своего старшего сына.

Брак Анны с Генрихом I был заключён по инициативе французов и является подтверждением высокого престижа Ярослава Мудрого в Европе тех лет.

Внуку Ярослава Мудрого Владимиру Мономаху было суждено жениться на дочери погибшего в битве при Гастингсе короля Англии Гарольда Гите Уэссекской, а внучка – дочь Изяслава Евпраксия под именем Адельгейды стала женой германского императора Генриха IV.

Только этих примеров хватает, чтобы понять весь размах вовлечённости Киевской Руси в династическую жизнь Западной Европы, не говоря уже о тесных экономических, политических, религиозных, культурных, династических связях⁴³² с Византией, которые позволяли многим русским князьям чувствовать себя в

⁴³² Родословие Российских государей мужеского и женского полу и брачные союзы с иностранными государями // *Ломоносов М.* Записки по русской истории. С. 183–193.

Константинополе как дома⁴³³. Известен и обратный совершенно удивительный пример пребывания будущего византийского императора Андроника I Комнина в Галиче, где он нашёл убежище от опалы императора Мануила у своего двоюродного брата по материнской линии Ярослава Осмомысла, даже принимал участие в заседаниях совета бояр⁴³⁴.

Отдельное место занимает международная торговля Древней Руси. «В Киевской Руси, как и в Византии, монетарная экономика превалировала над натуральным хозяйством. И, в отличие от Запада, не феодальное поместье, а город был главным фактором экономической и социальной эволюции страны»⁴³⁵. В целом, если исходить из идеи прогресса как основного принципа западной цивилизации, необходимо признать, что Киевская Русь обладала достаточным потенциалом для такого развития и даже опережала в нём западноевропейские феодальные общества.

Все эти данные при сопоставлении их с историей Московского периода российской истории подтверждают обоснованность выделения Протороссийской цивилизации, которая позволяет яснее выявить хронологические рамки формирования собственно Российского культурно-исторического типа.

Византийско-российские параллели. Отдельной разработкой достойна тема сравнительного анализа России и Византии в контексте их промежуточного положения между Западом и Востоком. Как и России, Византии приходилось сосуществовать между двумя разными мирами. Как и Россия, Византия сталкивалась с вызываемым западными влияниями кризисом самосознания, взаимодействием различных культур, религий, народов, стояла перед выбором пути дальнейшего развития, особенно в последние века своей истории, когда давление исламского востока становилось нестерпимым.

Для Византии, так же как впоследствии и для России, было важно налаживание отношений с западноевропейским миром. И при этом наблюдался явный или скрытый, но всегда неизменный антагонизм. В случае с Византией причиной противоречий выступала не только вера (окончательное разделение церквей произошло значительно позже), а из глубин веков проистекавшая

⁴³³ Вернадский Г.В. Киевская Русь. Тверь: ЛЕАН, Москва: АГРАФ, 2004. С. 373.

⁴³⁴ Юревич О. Андроник I Комнин. С. 84–92, 158.

⁴³⁵ Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 16.

неприязнь западноевропейских варварских племён к Византии. Недоразвитые вестготы, гунны и остготы не могли спокойно терпеть существование византийской сверхдержавы с её высокомерием, развитой культурой и древними политическими традициями. Византия столетиями вызывала зависть западных народов, которая, в конце концов, нашла выход в разграблении Константинополя крестоносцами в 1204 году и основании Латинской империи.

Стоит вспомнить, что вестготский вождь Аларих получил от императора Аркадия должность *magister militum per Illiricum* – главнокомандующего Иллирика. Гуннский вождь Атила, став королём, не удовольствовался увеличением дани от Феодосия II, но потребовал также титула *magister militum*. Остготский вождь Теодорих получил от Льва I титул консула, а после завоевания Италии обращался к императору Анастасию с просьбой признать его королём. Король франков Хлодвиг также удостоился звания консула⁴³⁶. Из этих примеров видно, что в период раннего средневековья византийские императоры считались единственными легитимными преемниками Римской империи Цезарей, именно с их помощью варварские вожди пытались придать легитимность своей власти. После разделения Империи западная её часть была затоплена великим переселением народов, которым впоследствии суждено было стать основоположниками уникального и враждебного Византии западноевропейского мира.

С течением времени, вместе с утратой восточных владений в высших кругах византийского общества появился целый ряд прозападно настроенных политических деятелей. Прежде всего, к ним можно отнести Мануила I Комнина (1118–1180 гг.), а затем и императоров династии Палеологов. Все они больше ориентировались на Запад, чем на Восток. Но если в последние века существования империи эта ориентация объяснялось фактической безвыходностью положения перед лицом турецкой угрозы, то во времена правления Мануила византийское западничество обрело характер ценностной дезориентации общества, подавляющая часть которого отчаянно сопротивлялась западным веяниям, несмотря на прозападные настроения правящей элиты.

⁴³⁶ Лемёрль П. История Византии // На перекрёстке цивилизаций. Москва: Издательство «Весь Мир», 2006. С. 34–37.

После четвёртого крестового похода можно было понять цену заверениям папы римского и западных правителей в поддержке, но неумолимость турецкой экспансии продолжала толкать последних византийских императоров к сближению с Западом. Показательны поездки, предпринятые императорами Мануилом II и Иоанном VIII по странам Запада с целью получения помощи от латинян. Византия шла на бесконечные уступки, передала всю торговлю в руки Венеции и Генуи, в 1439 году была подписана, третья по счёту, Флорентийская уния, но никакой действенной помощи так и не поступило. Политика папы и западных государств предстаёт в эту эпоху возмутительным идеологическим лицемерием в духе экспорта революции СССР или экспорта «демократии» США в XX – начале XXI веков. «Принято считать, – писал Поль Лемёрль, – что с политической точки зрения ослабление Византии вызвано расколом: он помешал ей найти на Западе поддержку, в которой Константинополь нуждался, например в борьбе против турок. Но рассуждение о том, что Запад обязательно ответил бы на призыв Востока – лишь гипотеза, причём весьма сомнительная»⁴³⁷.

Антагонизм между Западом и Византией лучше всего характеризуют два высказывания. Одно принадлежит Петrarке: «Турки – враги, но раскольники-греки хуже, чем враги», второе – мегадукке Луке Нотаре: «Лучше увидеть, как в Константинополе царствует тюрбан турок, чем митра латинян»⁴³⁸. И Нотара (несмотря на собственную трагическую участь) в итоге оказался прав: «Вступив в Константинополь, Мехмед II, торопившийся дать отпор своему злейшему врагу – папе римскому, незамедлительно предоставил большие полномочия вселенскому патриарху, духовному главе самой распространённой в то время религии в империи»⁴³⁹.

Последние века истории Византии наглядно демонстрируют объективное существование «столкновения цивилизаций» – восточной, православной Византийской и Западноевропейской. Примечательно, что, судя по всему, мусульмане делили христиан на восточных и западных, отличали румийцев – римлян, то есть византийцев, от франков. (В российской и западноевропейской

⁴³⁷ Там же. С. 77.

⁴³⁸ Там же. С. 101.

⁴³⁹ *Кицикис Д.* Османская империя. С. 119.

исторической традиции представителей Западной Европы во взаимоотношениях с Византией традиционно называют латинянами, в арабской – франками (Franj, Faranj, Faranjat, Ifranj, Ifranjat), а крестовые походы – Франкскими нашествиями)⁴⁴⁰. Многовековой период сосуществования друг с другом научил восточных христиан понимать мусульманских соседей. Последним императорам приходилось периодически вступать в союзы с мусульманами и даже отправлять своих дочерей в гаремы султанов. Византийцы и турки привыкли друг к другу, лучше понимали друг друга, в отличие от не имевших столь длительного опыта сосуществования нетерпимых латинян. Разница цивилизационного контекста между латинянами и византийцами привела к непримиримой, хотя часто и не формализованной, заретушированной пониманием стратегического значения Византии в качестве заслона на пути мусульманской угрозы, христианской риторикой и обменов посольств, вражде. Петрарка не без оснований считал греков большими врагами, нежели турок. Византийцы знали чего ожидать от турок, но железный поток франков был для них непредсказуем, неуправляем, разрушителен и намного более враждебен.

Палеологи искали на Западе поддержки против турок, но духовенство и большая часть православного населения, культурное самосознание византийского общества не могли мириться с зависимостью от Запада.

Православная Византия является поучительным примером взаимоотношений враждебных друг другу цивилизаций и иллюстрирует важность понимания людьми своей культурной, цивилизационной идентичности.

В многовековой истории России чётко прослеживается затемнённая кризисом национальной и культурной идентичности социокультурная преемственность развития общества. Однако в условиях отсутствия идеологических предпосылок для дальнейшего развития русского мессианизма, накопившейся в обществе усталости не только от десятилетий реформ, но и от неосуществившихся глобальных русских проектов, в современном российском обществе уже не возникает характерных для дореволюционной России мощных интеллектуальных движений западников и славянофилов, хотя данное мировоззренческое разделение всё

⁴⁴⁰ Foreword // *Maalouf A. The Crusades through Arab Eyes*. London: SAQI, 2006.

ещё существует. Вместе с царской Россией исчезли мечты о панславизме. Крушение СССР покончило с грёзой коммунистического интернационала. Все эти и многие другие события не оставили российскому обществу былого простора для постановки вопроса о национальном самосознании в контексте принадлежности к Востоку или Западу. За исключением небольшого числа прозападно настроенной интеллигенции общество всё больше сосредотачивается на себе.

1990-е годы ознаменовались распространением в российском обществе кризиса национальной идентичности, расширением возможностей для поиска новых источников самосознания. Однако к концу XX века в эволюции духовной сферы российского общества стали проявляться новые тенденции. Так, массовая культура, политическая и экономическая практика отражают всё возрастающую ностальгию по СССР и его прошлому. Таким образом, одним из ключевых оснований и составной частью новой формирующейся российской идентичности становится советское наследие наряду с возрождающимися ценностями, которые были присущи Российской империи.

XX век привёл к сглаживанию православной идентичности России и истощению русского мессианизма, который сегодня предстаёт в виде постимперского синдрома, становится доставшимся в наследство от прошлого остаточным явлением, что позволяет сделать предположение о возможности вступления России XXI века на прагматический путь новой национальной и культурной идентичности, не питающей бесплодные экспансионистские проекты.

В результате постоянной необходимости отвечать на вызовы извне России пришлось ускоренными темпами модернизироваться, применять для освоения обширных пространств достижения технически более развитых государств, сохраняя при этом традиционные, исторически сложившиеся формы государственной организации, необходимые для сохранения целостности страны. Необходимость принимать инновационность Запада, сохраняя собственные традиции, привела к расколу общественного сознания, кризису национальной и культурной идентичности, который впоследствии попыталась преодолеть советская власть посредством искусственного конструирования надцивилизацион-

ной и наднациональной идеологии, которая какое-то время удовлетворяла нуждам модернизации общества, но затем перестала им отвечать, следствием чего стал распад СССР и углубление кризиса национального самосознания. При этом российское общество столкнулось с теми проблемами общественного развития, с которыми сталкивалась Россия до революции, но которые были сняты в СССР – прежде всего, необходимость встроиться в мировой рынок и обрести новую идентичность, как культурную, социальную, так и политическую.

В период реформ 1990-х годов российское общество искало новых смыслов социального бытия в ставших доступными категориях демократии, прав человека, свободы слова, утилитарных ценностей общества потребления и недоступных прежде религиозных практик. Но к началу XXI века в российском обществе проявляются тенденции возврата к традиционным для Российского культурно-исторического типа социально-политическим практикам – тяготение к государственному патернализму, устранение от общественной жизни и сосредоточение на индивидуальных интересах.

Российский культурно-исторический тип социально-экономического развития обладает собственной, уникальной, заданной географическими особенностями, структурой народонаселения и историей моделью развития, специфика которой заключается в цивилизационной (пусть и плохо осознаваемой) самодостаточности и кризисном характере социокультурных изменений.

Многовековой поиск «Русской идеи» является следствием порождённого догоняющей модернизацией кризиса национальной и культурной идентичности, продолжительной тенденцией, оказывающей влияние на социокультурную трансформацию современного российского общества. Можно говорить о глубинной преемственной связи в постановке вопроса о социально-идеологическом и философском содержании российского самосознания в дореволюционной и современной России.

Отвечая на вызовы глобализации, преодолевая кризис национального и культурного самосознания, преодолевая остаточные признаки постимперского синдрома, которые всегда наблюдаются в обществах, прошедших стадию пика военно-

политического могущества и приучающихся существовать в новых для себя условиях национальной идентичности, лишённой мессианизма, но с опорой на свои культурные ценности и историческое наследие, Россия может выйти на путь эволюционного развития, отказавшись от характерной для неё в прошлом модернизации на основе революций, которые приводили к слою устоявшихся социальных связей и потрясениям социальной структуры.

Концептуальные основы исследования

*Сравнение чрезвычайно эффективно.
Никакой другой способ отбора и классификации
материала не даёт возможности найти
столь полезные аналогии.*

Фелипе Фернандес-Арместо

Развитие общества настолько сложно и многофакторно, что дать всеобъемлющую теорию его развития невозможно, и, хотя подобные попытки осуществлялись неоднократно, всё очевиднее становится их тщетность и неоднозначность. Теории свойственно упрощать реальный мир, к тому же теории часто вульгаризируются, как это произошло с марксизмом. Чуть показавшись в одной теории, истина снова ускользает, раскрываясь в другой. Она антиномична и её элементы могут одновременно содержаться сразу в двух опровергающих друг друга теориях. Развитие научного знания, его осмысление в XX веке лишило человечество заносчивой самоуверенности всезнающего века XIX, поставило вопрос о «научности» и перестало искать «истину». Сегодня человек не властен над наукой, стал заложником собственного гения и технического прогресса. В условиях подобного «научного агностицизма», множества как взаимодополняющих, так и взаимоисключающих теорий, «нищеты историцизма» и многочисленных опровергнутых XX веком теорий, анализ развития общества может показаться тщетным, а трансформации всех сфер общественной жизни неуловимыми. И, тем не менее, общественные науки востребованы и необходимы. Это значит, что, несмотря на критику основанного на истории и сравнении анализа, лучшего метода пока нет. Даже если история не может пред-

сказать будущего, она, несомненно, лучше всего объясняет настоящее и содержит в себе определённые черты, накладывающие отпечаток на всю дальнейшую жизнь общества.

Глобализация и тенденции общемирового развития последних десятилетий приводят к необходимости ответить на вопрос: существуют ли универсальные пути решения социально-экономических проблем и модернизации обществ на основе моделей, выработанных другими обществами? На сегодняшний день в обширной литературе на эту тему не существует доминирующего взгляда, преобладает полемический тон, отсутствуют общепринятые определения. Таким образом, единственным надёжным источником оценки эффективности воспринятых извне политических, экономических и социокультурных моделей выступает сравнительный анализ их эффективности и взаимодействия с индигенными общественными структурами в различных странах. Сравнительный анализ современных моделей общественного развития позволяет выявить причины успехов и неудач одних и тех же процессов в различных обществах, выявить фундаментальные особенности их развития. С этой точки зрения большой интерес для осмысления переходного периода постсоветской России в условиях глобализации и многополярного мира представляет книга С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций», в которой проведён анализ трансформаций национальной идентичности и индигенизации в различных обществах (в том числе и в России), столкнувшихся с концом эпохи наднациональных идеологий XX столетия.

При исследовании социокультурной трансформации общества традиционно значительное внимание уделяется изменению духовной сферы общества в связи с трансформацией социально-экономической и политической сфер.

Цивилизационный подход позволяет выявить взаимообусловленность и подчас фактическую неизменность глубинных основ духовной жизни общества как носителя исторически сложившегося культурно-исторического типа, откладывающих отпечаток на всю историю его развития.

Проблема социокультурной трансформации российского общества традиционно рассматривалась русской социально-философской мыслью в контексте закономерностей историческо-

го развития России, особое место в осмыслении которых занимает географический детерминизм. Данный подход к социальному анализу трансформаций российского общества хорошо применим и сегодня, хотя и основывается на преобладавшей в XIX веке и неоправданно забываемой в наше время теории эволюции, в соответствии с которой всё непрерывно трансформируется, но обуславливающие эти трансформации законы постоянны. Такой подход позволяет примирить этернализм⁴⁴¹ неизменных положений цивилизационной теории с темпорализмом⁴⁴² теорий линейного развития общества.

Сама постановка вопроса об идентичности, рассматриваемой с точки зрения основанного на цивилизационном подходе анализа социальной эволюции, обычно строится на уверенности в том, что осознание своего собственного пути развития, своей идентичности – одно из основных условий устойчивого развития. В целом можно сказать, что в отыскании этого пути и состоит сущность проблемы социокультурной трансформации современного российского общества.

В ретроспективе вопрос об идентичности в контексте модернизации и социокультурной трансформации российского общества рассматривался в работах А.С. Хомякова, И.С. Аксакова, К.Н. Леонтьева, Н.А. Бердяева, Е.Н. и Н.С. Трубецких, Ф.М. Достоевского, Н.Я. Данилевского, С.Л. Франка и многих других русских мыслителей. Великий спор западников и славянофилов – лучшая иллюстрация напряжённого осмысления этой проблемы. В Советском Союзе мощная идеология и пропаганда отодвинули этот вопрос на второй план. По сути, он совсем исчез из поля зрения, но в лишённой идеологической базы современной России эта проблема вновь актуальна как никогда, но затемнена, неявна и даже в научной среде не очень обсуждается. Часто вопрос сводится только к поверхностному осмыслению идентичности, попыткам создания новой идеологии, рассматривается больше с позиций политологии и public relations, нежели подвергается философскому анализу.

В связи с применением цивилизационного подхода к рассмотрению идентичности в контексте процесса социокультурной трансформации стоит проблема поиска устойчивого пути разви-

⁴⁴¹ Этернализм (от англ. eternal) – вечность, неизменность.

⁴⁴² Темпорализм (от ит. tempo) – временность, скоротечность.

тия России, основой которого должна быть социокультурная модель имманентная исторически сложившимся особенностям Российской цивилизации. Теоретической основой выявления такого пути являются работы Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби и С. Хантингтона, фактической – произведения российских историков.

Соглашаясь со многими критическими замечаниями в адрес цивилизационного подхода – тенденция к широким обобщениям, спорное отрицание кардинальных изменений в культуре, ментальности и психосоциальном типе общества и т.д. и, тем не менее, широко применяя его на протяжении всего исследования, я исходил из уверенности в том, что даже несмотря на дискуссионность вопроса о изначально заданных закономерностях развития культурно-исторических типов (по терминологии Н.Я. Данилевского) или локальных цивилизаций (по терминологии Арнольда Тойнби), цивилизационный подход многое объясняет и тем более оправдан, учитывая многочисленные сомнения, возникшие после распада СССР по поводу теории общественно-экономических формаций Карла Маркса.

Одной из основных составляющих цивилизационного подхода является теория «вызова-и-ответа» А. Тойнби, в соответствии с которой развитие, прогресс, модернизация общества зависят от вызовов извне и способности на них отвечать и адаптироваться. Согласно теории Тойнби, вся связанная с модернизацией социокультурная динамика России предстаёт в качестве реакции на вызовы Запада. В этой связи стоит отметить, что данный взгляд на историю модернизации России и её социокультурные процессы многое объясняет в вековом споре западников-славянофилов по поводу культурной принадлежности, судьбы и пути России.

Интересным с точки зрения анализа кризиса национальной и культурной идентичности российского общества в постсоветский период представляется теория социальной и культурной динамики и флуктуаций систем истины и знания в больших системах П.А. Сорокина, в соответствии с которой социокультурные процессы являются пульсирующими, прерывными и повторяющимися. На определённом этапе, в переходный период разнонаправленные тенденции развития общества сосуществуют, прежде

чем одна из них получит преобладающее значение. При анализе длинных промежутков развития общества П.А. Сорокин обосновал четыре стадии социокультурных трансформаций, соответствующие четырём системам культуры: идеациональной, чувственной, идеалистической и смешанной. Эта достаточно обоснованная П.А. Сорокиным теория, позволяет лучше понять особенности трансформационного периода последних десятилетий и ретроспективность тенденций общественного развития, проявившиеся в вопросе о национальной и культурной идентичности российского общества. Теория социальной и культурной динамики П.А. Сорокина позволяет рассмотреть социокультурные трансформации российского общества на основе выявления наличествовавших в истории российского общества определённых идеологических стадий – периодов, когда кризис национальной идентичности ослабевал или обострялся.

Исследование феномена византизма предпринято в работах таких мыслителей, как К.Н. Леонтьев и В.С. Соловьёв.

Анализ обоснованности идеологических притязаний, исходившего из «византийского наследия» России русского мессианизма, представлен фундаментальными «Историей Византийской империи» Ф.И. Успенского и «Историей Византии» Ю.А. Кулаковского, работами Д. Оболенского, Г.Г. Литаврина, А.П. Каждана, Н.А. Бердяева, который часто касался этой проблемы, а также, Н.Я. Данилевского, Ф.М. Достоевского, К.Н. Леонтьева и других мыслителей.

Отражение кризиса национального самосознания дореволюционного российского общества в связи с оценкой феномена византизма можно отметить, кроме выделяющейся «Русской идеи» В.С. Соловьёва, в знаменитых «Философических письмах» П.Я. Чаадаева.

В контексте цивилизационного подхода о византийских истоках российской национальной идентичности, русского мессианизма, особенностях развития российской цивилизации писал Н.Я. Данилевский, А. Тойнби и С. Хантингтон.

Фактическая сторона вопросов, исследуемых в связи с византизмом и его влиянием на социокультурные трансформации российского общества, представлена, кроме вышеуказанной работы Ф.И. Успенского, работами В.О. Ключевского, Н.М. Карам-

зина и других специалистов в области русской истории и общественной мысли.

В качестве иллюстрации значения феномена византизма для русской национальной и культурной идентичности, кроме произведений историков, философов и социальных мыслителей, использовались источники, связанные с непосредственными свидетелями объективного существования этого феномена и его влияния на российское общество и поведенческие установки его руководителей. Особое значение приобретают в данной связи свидетельства сторонних наблюдателей, которые подтверждают значение византизма для социокультурных установок российского общества, например, переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским и европейскими монархами, Вольтера с Екатериной II, мемуары О. Бисмарка и другие источники.

Анализ истоков русской национальной и культурной идентичности необходим по трём основным причинам.

1. В силу специфики российского общества русская социальная философия всегда носила историософский характер, имеет глубокие традиции историософского осмысления социальной действительности. С.Л. Франк справедливо полагал что «социальная философия есть познание вечного в общественности жизни, соотносительное историческому познанию её изменчивости и многообразия». Таким образом, «социальная философия, как самосознание вечной и неизменной природы общественной жизни человека, есть необходимое введение в подлинно объективную, адекватную полноте своего предмета философию истории»⁴⁴³. Отказ от этих традиций кажется малопродуктивным.

2. Игнорирование истоков социокультурных реалий современного общества чревато ошибками, связанными с поиском надуманных современных причин для объяснения современных же проблем, тогда как причины возникновения некоторых из них можно найти в истории, в случае если изучаемый аспект общественного бытия возник не недавно и наличествовал в прошлом. Это становится тем более очевидно, если учесть тот факт, что вопросы, находившиеся в центре социально-философской реф-

⁴⁴³ Франк С.Л. Социальная философия и философия истории // Русская историософия. Антология. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. С. 355, 359.

лекции российских мыслителей 100 – 200 лет назад, по-прежнему актуальны и до сих пор волнуют общество.

3. При изучении социокультурных трансформаций современного российского общества исследователь сталкивается с отсутствием надёжных эмпирических данных, вследствие чего анализ и интерпретация современных событий необходимо основываются на историческо-социологической, культурологической, цивилизационной базе, – исследованиях, оперирующих более длинными временными отрезками и циклами, предполагающих более общих, фундаментальный, детерминированный, теоретический характер, так как «...изучения одних только краткосрочных флуктуаций в любой сфере культуры недостаточно. Более длительные тенденции имеют важное значение не только сами по себе, но и для правильного понимания краткосрочных флуктуаций»⁴⁴⁴.

Сходного взгляда, настаивая на необходимости исследования именно длительных процессов развития общества, придерживался Н. Элиас, писавший: «Долговременные трансформации социальных, а тем самым и личностных структур остаются сегодня в общем и целом вне поля зрения». Хотя последний том «Социальной и культурной динамики» П.А. Сорокина был издан в 1941 году, а второе издание труда Н. Элиаса было предпринято в 1968, можно констатировать, что и сегодня как социология, так и социальная философия зачастую интересуются «относительно кратковременными процессами, по большей части вообще лишь проблемами, обусловленными нынешним состоянием общества»⁴⁴⁵.

Длительные во времени тенденции общественного развития, фундаментальные особенности функционирования общественного организма, остающиеся неизменными на протяжении столетий, среди которых наряду с географическими параметрами и ограничениями производительности выступают также специфические для каждого конкретного общества особые духовные рамки, наблюдающиеся в обществе, несмотря на радикальные перемены государственного и социально-экономического строя,

⁴⁴⁴ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. Москва: Астрель, 2006. С. 373.

⁴⁴⁵ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. В 2 т. Москва–Санкт–Петербург: Университетская книга, 2001. Т. 1. С. 6.

историки Школы «Анналов» назвали термином *longue durée*, что примерно можно перевести на русский язык как «длительная продолжительность».

Именно в силу существования длительных тенденций общественного развития, преемственности (часто незаметной) многих дискурсов по отношению к отдалённым эпохам необходимо взвешенное осмысление современности с учётом существующих в рассматриваемой области наработок мыслителей дореволюционной России, быть может даже в большей степени, нежели произведений современных авторов, в чьих работах часто наблюдается тенденция дробить страну во времени, усматривая только разницу между романовской Россией и Советским Союзом, без выявления преемственности многих черт, унаследованных СССР от дореволюционного российского общества, вследствие чего при анализе современного кризиса национальной идентичности не учитываются и не анализируются присущие России византизм, мессианизм и кризис самосознания, который был в значительной степени изжит в период расцвета СССР, но был присущ дореволюционной России и снова возник в постсоветский период. Постсоветский период истории России настойчиво демонстрирует возобновление целого комплекса проблем, которые были вытеснены из общественного поля зрения после 1917 года, но снова возникли после слома советской всё охватывающей идеологической парадигмы.

Полезным для осмысления социокультурных трансформаций российского общества начала XXI века представляется цивилизационный подход, адекватность которого при изучении общества подтверждается всё большим количеством исследований. Несмотря на кажущийся крах характерных для советского общества ценностей «более глубокий анализ показывает, что даже при радикальных преобразованиях сознания нередко причудливо воспроизводятся стереотипы «старого» мышления, прежних ценностных ориентаций... Даже сознание интеллигенции, становящееся предметом саморефлексии, имеет подобные особенности»⁴⁴⁶.

⁴⁴⁶ Козлова Н.И., Рылёва С.И., Степанов Е.И., Федотова В.Г. Ценностные ориентации – предпосылка программ переустройства общества // Общественные науки и современность. 1992. № 1. С. 36.

Выделяя в структуре современного общественного сознания три комплекса: инновационный, традиционный и советский, можно прийти к выводу, что во всех социальных группах отмечается активный поиск новых ценностно-смысловых ориентиров, но институционализации трансформированных ценностей, их закрепления в качестве регулярных и долговременных практик не происходит⁴⁴⁷.

Можно говорить, что в современном российском научном сообществе наблюдается рост интереса к большим циклам развития общественных систем, так как изучение кратковременных тенденций общественного развития не приносит ожидаемого результата, в связи с чем анализ российского общества начала XXI века, предпринятый на основании цивилизационного подхода, становится особенно актуальным.

Тем более понимание длительных тенденций общественного развития необходимо обществу, интеллектуальная элита которого на протяжении целого ряда поколений пренебрегала собственной историей.

Размышляя о тенденциях развития общества, сложно избежать использования двух понятий, характеризующих процесс социальной динамики. Это понятия трансформации и модернизации.

Трансформация

Приступая к осмыслению понятия «*трансформация*», необходимо отметить, что большая часть работ и споров, связанных с тем, какой термин наилучшим образом характеризует происходящие в обществе процессы, относится к 1990-м годам, когда российское научное сообщество стремилось ответить на вопрос о сущности произошедших в стране перемен. В ходе этих поисков для обозначения претерпеваемых обществом метаморфоз использовались последовательно сменявшие друг друга понятия: «ускорение» (темпов экономического развития страны), «перестройка», «переход» (от посттоталитаризма к демократии, от плановой

⁴⁴⁷ *Рассадина Т.А.* Трансформация традиционных ценностей россиян в постперестроечный период // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 95–101.

экономики к рынку), «революция», «контрреволюция», «кризисная эволюция», «трансформация». При этом многие авторы предлагали свои определения. Так, например, революцию «можно рассматривать как некий базовый переход, включающий в себя множество параметров»⁴⁴⁸, «социальную трансформацию в условиях слабой власти»⁴⁴⁹ или «...быстрое, фундаментальное и насильственное изменение внутреннего положения страны, основных ценностей и мифов общества, его политических институтов, социальной структуры, лидерства и деятельности власти»⁴⁵⁰.

Исходя из того, как вышеперечисленные понятия сменяли друг друга в научном обиходе, можно выделить три условных периода развития российского общества последних двадцати лет: 1 этап – перестройка, 2 этап – радикальные рыночные (либерально-демократические) реформы, 3 этап – современный постреформенный период стабилизации общества и его адаптации к последствиям двух предшествовавших этапов. При этом третий этап характеризуется значительным расширением участвующих в преобразованиях общества акторов⁴⁵¹, усложнением структуры общества и неконтролируемым, стихийным характером его эволюции, что позволяет говорить именно о его трансформации.

К концу 2000-х годов в научном сообществе наиболее распространён термин «трансформация», сущность которого, по мнению академика Т.И. Заславской, заключается в «относительно мирном эволюционном характере протекания, фундаментальной зависимости от поведения, установок и интересов не только элитных, но и массовых общественных групп, значительном уровне стихийности, ограниченной управляемости и слабой предсказуемости результатов»⁴⁵². Таким образом, главной чертой, отличающей трансформацию от модернизации, реформирования, перестройки, является неконтролируемый со стороны вла-

⁴⁴⁸ Итоги и перспективы современной российской революции // *Общественные науки и современность*. 2002. № 2. С. 26.

⁴⁴⁹ Там же. С. 16, 18.

⁴⁵⁰ *Huntington S.P. Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale University Press, 1968. P. 264.

⁴⁵¹ Актор (в социологии) – действующий субъект, индивид, совершающий действия, направленные на других.

⁴⁵² *Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция*. – 2-е изд., испр. и доп. Москва: Дело, 2003. С. 176.

стных институтов глубинный характер преобразований, затрагивающих социокультурные характеристики общества, среди которых Т.И. Заславская выделила: «структуру доминирующих ценностей, потребностей, целевых ориентаций, мотиваций, норм и способов повседневной деятельности»⁴⁵³.

Понятия «трансформация» (transformation) и «переход» (transition) нередко рассматриваются как синонимы. Особенно часто без уточнения содержания понятие «переход» употреблялось в последнее десятилетие XX – начале XXI века, в результате чего, по сути, стало синонимом понятия «трансформация». Впрочем, в условиях постсоветской современности такое уточнение многие считали излишним, так как предполагалось общепризнанным, что содержанием «перехода» может быть путь от тоталитарного социалистического прошлого к новому демократическому, либеральному будущему. Однако по прошествии эпохи радикальных реформ и наступлении стабилизации в научных кругах произошло переосмысление данного понятия и практически повсеместная замена его «трансформацией».

Понятие «переход» подразумевает «наличие субъекта, знающего конечную цель движения и пользующегося доверием тех, кого он ведёт в избранном направлении»⁴⁵⁴. Таким образом, «переход» целесообразно рассматривать в качестве близкого таким понятиям, как «модернизация» и «реформирование», так как он предполагает прохождение определённого пути от исходной точки эволюции (развития) процесса до его предполагаемой цели (целенаправленный переход), знание ответа на вопрос, от чего общество уходит и к чему идёт, т.е. наличие элемента управляемости, который отсутствует в современной российской действительности, позволяя говорить о «стихийной трансформации»⁴⁵⁵.

Если переход, модернизация и реформирование предполагают ясно сформулированные цели, стоящие перед обществом, и необходимость политической воли, формулирующей эти цели элиты, то «концепция трансформации подчёркивает зависимость общественных сдвигов от действий не только верхнего, но также среднего и базового слоёв общества, представители которых ис-

⁴⁵³ Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. С. 176.

⁴⁵⁴ Там же. С. 189.

⁴⁵⁵ Там же. С. 190.

ходят из собственных интересов и действуют в условиях не вполне сформулированной и нежёсткой институциональной сферы. Главными движущими силами трансформационного процесса являются, с одной стороны, правящая элита с примыкающей к ней бюрократией, а с другой – социально зрелые, экономически и политически активные представители массовых общественных групп, в первую очередь – средних слоёв. ...В значительной степени спонтанный характер социальной трансформации общества исключает характерную для перехода презумпцию движения в заранее заданном направлении – результаты трансформации трудно предсказуемы. Хотя проблема стратегических ориентиров и в этом случае остаётся достаточно актуальной, однако на первый план выдвигается сохранение социальной стабильности»⁴⁵⁶.

В литературе, в зависимости от взглядов авторов, синонимами «трансформации» выступают такие понятия, как «флуктуация»⁴⁵⁷ (термин, широко применяемый к исследованию общества в работах П.А. Сорокина), «метаморфоза»⁴⁵⁸, «преобразование», «изменение», «превращение», которые в свою очередь также неоднозначны.

Трансформация – спонтанный, неконтролируемый комплекс изменений доминирующих в обществе моделей и мотивов социального действия, ценностей и идентичностей в рамках определённого культурно-исторического типа (локальной цивилизации), задающего вектор (направление) развития этих изменений.

⁴⁵⁶ Там же.

⁴⁵⁷ «Флуктуация [*лат. fluctuatio* колебание] – случайное отклонение величины, характеризующей систему из большого числа частиц, от её среднего значения; напр. временное, случайное отклонение от равномерного распределения молекул в газе или жидкости, возникающее в результате теплового движения, или флуктуация плотности населения в пределах страны». Словарь иностранных слов. – 15-е изд., испр. Москва: Русский язык, 1988. С. 533.

⁴⁵⁸ Согласно словарю иностранных слов «метаморфоза» предполагает совершённую перемену. Там же. С. 306.

Модернизация

«Модернизация» – явление, проблема определения которого связана с отсутствием единого мнения о том, включать ли в него только техническую модернизацию и/или современный экономический рост, и может ли модернизация затрагивать социально-политическую сферу.

В литературе преобладают два подхода к рассмотрению модернизации.

В развитых странах и странах догоняющей модернизации, ориентирующихся на западные экономические модели, распространено мнение, что вслед за технической и экономической модернизацией, рано или поздно, обязательно последует модернизация социально-политическая, выражающаяся в принятии обществом определённых ценностей (часто их называют западными), возникновении гражданского общества, свободы слова, прав человека и демократии. «Модернизированное общество, – отмечают в данной связи Д. Травин и О. Маргания, – отличается от традиционного высоким уровнем гражданской культуры населения, благодаря чему политической формой его существования становится демократия»⁴⁵⁹. Часто этот процесс именуют вестернизацией, или модернизацией на основе вестернизации.

Второй взгляд на модернизацию тесно связан с цивилизационным подходом к изучению общества и заключается в уверенности в том, что принятие модернизационного импульса западных стран в технической и экономической областях не ведёт за собой (в долговременной перспективе) принятия западных социально-политических моделей и общей вестернизации. Главными идеологами этого взгляда на сущность модернизации являются С. Хантингтон, П. Бергер и другие продолжатели цивилизационных теорий Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера и А. Тойнби.

Отличие двух методологических оснований состоит в следующем.

⁴⁵⁹ Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация. В 2-х т. Москва: ООО «Издательство АСТ»; Санкт-Петербург: Terra Fantastica, 2004. Т. 1. С. 40.

Первый взгляд опирается на веру в «западные ценности», либерализм, связан с длительным доминированием Запада в качестве источника модернизации и убеждённостью, что и в будущем западные экономические и политические модели будут демонстрировать такую же успешность; основан на том, что всемирно-исторический процесс информатизации и глобализации качественно изменит социокультурные характеристики незападных обществ по западному образцу и приведёт к стиранию межнациональных и культурных различий и возникновению единой универсальной цивилизации, прогнозирует будущее исходя из современной реальности.

Второй взгляд, цивилизационный подход, черпает аргументы для прогнозирования будущего в многовековом прошлом не только западной, но и всех остальных локальных цивилизаций, как существующих ныне, так и уже ушедших в историю, рассматривает их комплексно и на основе их истории, сравнительного анализа, делает выводы о закономерностях развития составляющих различные цивилизации обществ, вне контекста культуры которых невозможна никакая модернизация, то есть провозглашает своеобразный примат культуры над экономикой.

Учитывая вышеизложенное, уместно заметить, что у России достаточно длинная история и многовековой кризис самосознания, поэтому при анализе её современного положения второй взгляд на модернизацию выглядит предпочтительнее. Молодым государствам первый подход, быть может, соответствует больше, хотя и это сомнительно, если учесть, что США, Канаде, Австралии и Новой Зеландии вообще не пришлось вестернизироваться, ибо они являлись непосредственными детьми Западной цивилизации, в отличие от многочисленных вновь возникших после крушения колониальных империй Запада независимых государств незападных цивилизаций; сколько бы не владели англичане Индией, но вестернизировать её в социокультурном плане им не удалось. Даже небольшой, насыщенный сверхсовременными технологиями Сингапур так и остался представителем Конфуцианской цивилизации⁴⁶⁰, хотя во многом именно англичанам обя-

⁴⁶⁰ Самуэль Хантингтон, упоминая Китайскую цивилизацию и Конфуцианскую цивилизацию, останавливается применительно к цивилизации Китая и входящих в орбиту его культурного влияния стран на названии «Синская цивилиза-

зан оформлением в молодое независимое государство. И здесь социокультурная сфера не подверглась кардинальным изменениям, хотя на протяжении нескольких десятилетий в Сингапуре наблюдались трансформационные колебания социокультурной сферы, связанные с боязнью коммунистического Китая. Имела место некоторая трансформация, но радикальных изменений, «социокультурной модернизации» не возникло; прошло время, и Сингапур подтвердил свою конфуцианскую идентичность.

Было бы неправомерно говорить о социокультурной модернизации, так как в этом случае в суждение вносится оценочный момент, предположение о линейном развитии обществ по заданной Западом прогрессивной модели, то есть подспудное признание одной культуры и цивилизации выше другой. Модернизация в таком случае заключается в изменении «низшей» культуры по отношению к «высшей», в данном случае западной культуре, так как именно Запад стал источником современного экономического роста и стремительного научно-технического прогресса. Но, как справедливо отмечал Н.Я. Данилевский, Египет нельзя мерить Грецией, каждый культурно-исторический тип самобытен и не может оцениваться посредством другого. В таком случае, адекватной заменой термина «модернизация» становится более нейтральный термин «трансформация», фиксирующий изменения, которые в отличие от модернизации, подразумевающей развитие, могут носить регрессивный характер, и не несёт в себе заведомо предвзятого взгляда по отношению к незападным обществам.

Часто термин «модернизация» употребляется в предельно широком смысле или используется в качестве синонима «трансформации» применительно к социокультурным изменениям, с которыми принято связывать успехи модернизации (модернизация параллельно и на основе вестернизации). Таким образом, в определённом контексте термины «трансформация» и «модернизация» могут быть тесно связаны, синонимичны. При этом необходимо отметить, что термином «трансформация» можно заменить термин «модернизация», но не наоборот, так как не всякая трансформация является модернизацией: модернизация подразумевает качественное изменение в положительную сторону, а

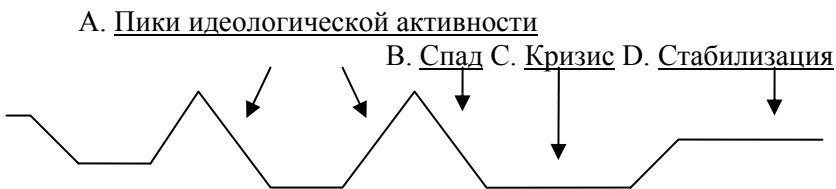
ция» (Sinic civilization). *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. P. 26, 45, 106, 168.

трансформация фиксирует только изменение как таковое, абстрагируясь от его качественного содержания.

Долгое время большая часть концепций модернизации была немыслима без «вестернизации» – принятия западных ценностей, обычаев, нравов, моды вместе с достижениями западной науки и техники. Так проводилась модернизация России при Петре I – курение трубки, навязывание новых обычаев и моделей потребления, запрет национальной одежды (длинные рукава), налог на бороды и т.д. и Мустафой Кемалем Ататюрком в Турции – принятие западного стиля в одежде, запрет ношения фески, замена арабской вязи латинским алфавитом, отмена многоженства, создание светского государства и т.д. Не имея опыта проведения модернизации и многочисленных работ по теории модернизации, имеющих в распоряжении современных политиков, реформаторы прошлого считали, что стимулировать развитие собственных стран можно только на основе вестернизации – одновременного принятия западных технологий и западной культуры. Принятие концепции вестернизации долго являлось основным источником социокультурных трансформаций модернизирующихся обществ, вызывая в них внутренние конфликты и кризисы национального самосознания, отрывая элиту от народа, дезинтегрируя общества и приводя к необходимости психосоциальной адаптации подвергавшихся вестернизации народов к навязываемым элитой новшествам. Так модернизация на основе вестернизации становилась и всё ещё становится причиной кризиса национальной и культурной идентичности.

Приложение

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ СТАДИИ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

A. Пики идеологической активности

Характеризуются высокой степенью самосознания общества, часто сопровождаются радикальными внутренними преобразованиями, внешнеполитической активностью и конфликтами, возрастанием роли государства.

B. Спад идеологической активности

Наступает после пика идеологической активности в качестве реакции на предшествовавший период перенапряжения материальных и духовных сил общества. Характеризуется ростом скептических настроений по отношению к идеалам и ценностям, принимавшимся большинством в предшествующий период.

C. Идеологический кризис

Является заключительной стадией спада идеологической активности и характеризуется усилением негативного отношения к принявшейся ранее большинством идеологии, усталостью общества от обусловленных идеологией романтических проектов, утратой старых ценностей и отсутствием новых, распространением гедонизма, нигилизма и различных религиозных течений и сект как альтернативы повсеместному отсутствию в обществе устоявшихся поведенческих установок и моральных норм.

D. Стабилизация

Характеризуется возрастающей потребностью общества в «умеренной» прагматичной идеологии и преодолении кризиса национального самосознания, более рациональным подходом к интерпретации национальных интересов.

Литература

Аббат Сийес. От Бурбонов к Бонапарту. Санкт–Петербург: Алетейя, 2003.

Авалов З.Д. Присоединение Грузии к России. Санкт–Петербург: ЗАО «Журнал «Звезда», 2009.

Аврамова Е.М. Время перемен: социально-экономическая адаптация населения. Москва: ИСЭПН РАН, 1998.

Аверинцев С.С. Другой Рим: Избранные статьи. Санкт–Петербург: Амфора, 2005.

Аксаков И.С. Отчего так нелегко живётся в России? Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002.

Александр Ф., де л’Онуа Б. Королева Виктория. Москва: Молодая гвардия, 2007.

Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. Москва: РГГУ, 2000.

Англия в памфлете. Английская публицистическая проза начала XVIII века. Москва: Прогресс, 1987.

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. Москва: Канон-Пресс-Ц, 2001.

Атеистический словарь. Под общ. ред. *М.П. Новикова.* Москва: Политиздат, 1983.

Аттали Ж. Карл Маркс: Мировой дух. Москва: Молодая гвардия, 2008.

Арабески истории. Каспийский транзит. В 2 т. Вып. 5–6. Москва: ДИ–ДИК Танаис, 1996.

Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). В 3 т. Москва, 1991.

Ахиезер А.С. Социально-культурные проблемы развития России: Философский аспект. Москва, 1992.

Ахиезер А.С. Российский либерализм перед лицом кризиса // Общественные науки и современность. 1993. № 1.

Ахиезер А.С. Россия: некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России. 1995.

Бабурин С.Н. Мир империй: Территория государства и ми-

ровой порядок. Санкт-Петербург: Издательство «Юридический центр Пресс», 2005.

Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720–1860. Москва: ЗАО Центрполиграф, 2010.

Басовская Н.И. Столетняя война: леопард против лилии. Москва: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2003.

Бастиа Ф. Экономические гармонии. Избранное. Москва: Эксмо, 2007.

Белинская А.Б. Идентификация конфликтов в современной России как философская проблема. Москва: Изд-во МосГУ, 2007.

Белов В.И. Лад. Очерки о народной эстетике. Москва: А2-А4, 2007.

Беляев Д.И. Земский строй на Руси. Санкт-Петербург: Наука, 2004.

Бердинских В.А. Крестьянская цивилизация в России. Москва: Аграф, 2001.

Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. Санкт-Петербург: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1910.

Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков. Москва: Путь, 1912.

Бердяев Н.А. Евразийцы // Евразийский вестник. Книга Четвёртая. Берлин, 1925.

Бердяев Н.А. Утопический этатизм евразийцев // Путь. 1927. № 8.

Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. Париж: YMCA-Press, 1949.

Бердяев Н.А. Русская идея. Москва: Эксмо; Санкт-Петербург: Мидгард, 2005.

Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. Москва: Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 2000.

Бердяев Н.А. Судьба России: Сочинения. Москва: Изд-во Эксмо; Харьков: Изд-во Фолио, 2004.

Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. Москва: Международные отношения, 2009.

Бжезинский Зб. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. Москва: Международные отношения, 2007.

Бжезинский Зб. Ещё один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. Москва: Междунар. отношения, 2007.

Бибо И. «О смысле европейского развития» и другие работы. Избранные эссе и статьи. Москва: Три Квадрата, 2004.

Биллингтон Д. Россия в поисках себя. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006.

Бисмарк О. Воспоминания, мемуары. В 2 т. Москва: АСТ; Минск: Харвест, 2002.

Блехер Л.И., Любарский Г.Ю. Главный русский спор: от западников и славянофилов до глобализма и Нового Средневековья. Москва: Академический Проект; Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.

Бокль Г.Т. История цивилизации в Англии. В 2 т. 2-е издание Ф. Павлёнкова. Санкт–Петербург, 1896.

Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. Москва: Издательство «Весь Мир», 2008.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. В 3 т. Москва: Издательство «Весь Мир», 2006–2007.

Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. В 3 т. Москва: Языки славянской культуры, 2002–2004.

Булгаков С.Н. Два града: исследование о природе общественных идеалов. Москва: Астрель, 2008.

Булгаков С.Н. Философия хозяйства. Москва: ТЕРРА – Книжный клуб, 2008.

Булгаков С.Н. История экономических и социальных учений. Москва: Астрель, 2007.

Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии. 1895–1903. Москва: Астрель, 2006.

Булгаков С.Н. О рынках при капиталистическом производстве. Москва: Астрель, 2006.

Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада. Москва: ООО «Издательство АСТ», 2003.

Бьюкенен П.Дж. На краю гибели. Москва: ООО «Издательство АСТ», 2008.

Вальденберг В.Е. Государственное устройство Византии до конца VII века. Санкт–Петербург: Изд-во СПбГУ, 2008.

Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. Москва: Территория будущего, 2006.

Вардомацкий А.П. Сдвиг в ценностном измерении // Социо-

логические исследования. 1993.

Васильев Ю.А. Модернизация под красным флагом. Москва: Современные тетради, 2006.

Вебер М. Аграрная история Древнего мира. Москва: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Иваново-Франковский: Ист-Вью, 2002.

Великий князь Владимир Мономах. Слово Мономаха. Князь Владимир Всеволодович глазами современников и ближайших потомков. Легенда о Мономаховых дарах. Взгляд из Нового времени. Изд. подг. *А.Ю. Карпов*. Москва: Русский мир, 2006.

Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания. Москва: Культурная революция, 2007.

Вернадский Г.В. Киевская Русь. Тверь: ЛЕАН; Москва: АГРАФ, 2004.

Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Москва: Айрис-пресс, 2004.

Вернадский Г.В. Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры. Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2005.

Верт А. Россия в войне 1941–1945. Москва: Издательство «Прогресс», 1967.

Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. Москва: Грифон, 2007.

Виллари П. Джироламо Савонарола и его время. Москва: Ладомир, 1995.

Витте С.Ю. Воспоминания, мемуары. В 3 т. Москва: АСТ; Минск: Харвест, 2002.

Византийские историки о падении Константинополя в 1453 году. Санкт–Петербург: Алетейя, 2006.

Волков Ю.Г. Российская идентичность: особенности формирования и проявления // Социологические исследования. 2006. № 7.

Вольтер. Собрание сочинений. В 3 т. Москва: Литература, РИК Русанова, «Сигма-Пресс», 1998.

Всемирная история. В 4 т. Санкт–Петербург: издание *А.А. Каспари*, 1902–1904.

Воронцов В.П. Экономика и капитализм: Избранные сочинения. Москва: Астрель, 2008.

Вриенний Н. Исторические записки (976–1087). Москва: Посев, 1997.

Гавриков Ю.П. Фидель Кастро: Неистовый команданте Ост-

рова свободы. Москва: Вече, 2006.

Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. Москва: Дело, 2005.

Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006.

Гайдар Е.Т. Авторитарные режимы: причины нестабильности // *Общественные науки и современность*. 2006. № 5.

Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века / Отв. редакторы *Б. Пиетров-Эннкер, Г.Н. Ульянова*. Москва: РОССПЭН, 2007.

Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. Москва: Московская школа политических исследований, 2004.

Генон Р. Восток и Запад = *Orient et Occident*. Москва: Беловодье, 2005.

Генон Р. Кризис современного мира. Москва: Эксмо, 2008.

Герберштейн С. Великая Московия: Записки о московитских делах. Москва: Эксмо, 2008.

Геттнер Г. История всеобщей литературы XVIII века. Санкт-Петербург, 1896–1897.

Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. В 7 т. Санкт-Петербург: «Наука», 1997–2000.

Гитлер А. Моя борьба. Каунас: «Ода», б/г.

Гийу А. Византийская цивилизация. Екатеринбург: У-Фактория, 2005.

Гизо Ф. История Английской революции. В 2 т. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1996.

Гизо Ф. История цивилизации в Европе. Москва: Территория будущего, 2007.

Глобализация: понятия, противоречия, вызовы // *Традиция, новые ценности и социальные трансформации*. Москва: МГИМО, 2001.

Гобино Ж.А. Опыт о неравенстве человеческих рас. Москва: Одиссей, Олма-Пресс, 2001.

Горбачёв М.С. и др. Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. Москва: Альпина Паблишер, 2003.

Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации (Социологический анализ). Москва: РОССПЭН, 2000.

Градовский А.Д. Сочинения. Санкт–Петербург: «Наука», 2001.

Грин. Краткая история английского народа. В 3 выпусках. Москва, 1897–1900.

Гринспен А. Эпоха потрясений: Проблемы и перспективы мировой финансовой системы. Москва: Альпина Бизнес Букс, 2008.

Гудков Л. К проблеме негативной идентичности // Мониторинг общественного мнения. 2000. № 5.

Гудков Л. Отношение к США в России и проблема антиамериканизма // Мониторинг общественного мнения. 2002. № 2.

Гудков Л.Д. Массовая идентичность и институциональное насилие. Статья первая: Партикуляризм и вытеснение прошлого // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2003. № 1.

Гудков Л.Д. Дело "ЮКОСа" в общественном мнении России // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 4.

Гулыга А.В. Творцы русской идеи. Москва: Молодая гвардия, 2006.

Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. Москва: Айрис-пресс, 2005.

Гумилёв Л.Н. От Руси до России. Москва: Айрис-пресс, 2005.

Гумилёв Л.Н. Конец и вновь начало: популярные лекции по народоведению. Москва: Айрис-пресс, 2007.

Гумилёв Л.Н. Открытие Хазарии. Москва: Айрис-пресс, 2007.

Гумилёв Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. Москва: Айрис-пресс, 2007.

Гумилёв Л.Н. Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи. Москва: Айрис-пресс, 2007.

Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Москва: Эксмо, 2007.

Гэд Т. 4D Брэнддинг: Взламываем корпоративный код сетевой экономики. Санкт–Петербург: Стокгольмская школа экономики в Санкт–Петербурге, 2005.

Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. Избранное. Москва: Эксмо, 2008.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому.

Москва: Известия, 2003.

Данн О. Нации и национализм в Германии 1770–1990. Санкт–Петербург: Наука, 2003.

Диль Ш. Основные проблемы византийской истории. Москва: Издательство иностранной литературы, 1947.

Диль Ш. Византийские портреты. Москва: «Искусство», 1994.

Дмитриев А.В., Степанов Е.И., Чумиков А.Н. Российский социум в 1995 году: конфликтологическая экспертиза (первое полугодие) // Социологические исследования. 1996. № 1.

Достоевский Ф.М. «Человек есть тайна...» Москва: Известия, 2003.

Дрэпер Дж.В. История умственного развития Европы. В 2 т. Санкт–Петербург, 1866.

Деминг Э. Выход из кризиса: Новая парадигма управления людьми, системами и процессами. Москва: Альпина Бизнес Букс, 2009.

Джаксон Т.Н. Austr í Gögðum: древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. Москва: Языки русской культуры, 2001.

Дубровская Д.В. Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552–1775 гг.) Москва: «Крафт+», Институт востоковедения РАН, 2000.

Дугин А.Г. Проект «Евразия». Москва: Эксмо, Яуза, 2004.

Дьяконов М.А. Власть московских государей. Очерки из истории политических идей древней Руси. Санкт-Петербург, 1889.

Дюверже К. Кортес. Москва: Молодая гвардия, 2005.

Еллинек Г. Общее учение о государстве. Санкт–Петербург, 1908.

Емельянов Ю.В. Сталин: Путь к власти. Москва: Вече, 2003.

Жаде З.А. Векторы геополитической идентичности. Майкоп: ООО «Качество», 2007.

Жевахов А. Кемаль Ататюрк. Москва: Молодая гвардия, 2008.

Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Москва: АСТ, Транзиткнига, 2005.

Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – пер. пол. XVI вв.). Москва, 2004.

Записки Юлия Цезаря; Гай Саллюстий Крисп. Сочинения.

Москва: Ладомир, ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999.

Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. – 2-е изд., испр. и доп. Москва: Дело, 2003.

Захаревич С.С. Босфорский поход Сталина. Минск: Харвест, 2007.

Здравомыслова О.М. «Русская идея»: антиномия женственности и мужественности в национальном образе России // *Общественные науки и современность*. 2000. № 4.

Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. Евреи и хозяйственная жизнь. Москва: Айрис-пресс, 2004.

Зуев К.А. Существует ли смысл истории? (О философии К. Поппера) // *Общественные науки и современность*. 1994. № 5.

Зуев К.А. Следует ли считать архаизмом понятие научной истины? // *Общественные науки и современность*. 1995. № 6.

Иван Грозный и иезуиты: миссия Антонио Поссевино в Москве. Москва: Аграф, 2005.

Иван IV Грозный. Сочинения. Санкт-Петербург: Издательство «Азбука», 2000.

Иванов В.И. По звёздам. Борозды и межи. Москва: Астрель, 2007.

Ильин И.А. Религиозный смысл философии. Москва: ООО «Издательство АСТ», 2003.

Иоселиани А.Д. Теоретические и социальные основы техно-сферы. Москва: Перспектива, 2004.

Истерли У. В поисках роста: Приключения и злключения экономистов в тропиках. Москва: Институт комплексных стратегических исследований, 2006.

История войн. В 3 т. Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс»; Москва: «Зевс», 1997.

История XIX века. В 8 т. / Под ред. *Лависса* и *Рамбо*. 2-е доп. и исп. изд. под ред. *Е.В. Тарле*. Москва: ОГИЗ, Государственное социально-экономическое издательство, 1938–1939.

История КПСС. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1960.

Итоги и перспективы современной российской революции // *Общественные науки и современность*. 2002. № 2.

Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. Санкт-Петербург: Издатель-

ство журнала «Звезда», 2005.

Кагарлицкий Б.Ю. Управляемая демократия: Россия, которую нам навязали. Екатеринбург: Ультра.Культура, 2005.

Каждан А.П. Византийская культура (X–XII вв.). Санкт-Петербург: Алетейя, 2006.

Каммари М.Д. Марксизм-ленинизм о роли личности в истории. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1953.

Кант И. Критика чистого разума. Минск: Литература, 1998.

Капустин Б.Г. Неомарксистская социология и исторический материализм. Москва: Ун-т дружбы народов, 1988.

Капустин Б.Г. Либеральное сознание в России // Общественные науки и современность. 1994. № 4.

Капустин Б.Г. Либеральные ценности в сознании россиян. Москва: РАГС, 1994.

Капустин Б.Г. Либеральная идея и Россия // Иное. Т. 3. Под ред. С. Чернышёва. Москва: Аргус, 1994.

Капустин Б.Г. Идеология и политика в посткоммунистической России. Москва: УРСС, 2000.

Карамзин Н.М. История государства Российского: XII томов в 4-х книгах. Москва: «РИПОЛ КЛАССИК», 2001.

Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений: В 18 т. Москва: ТЕРРА – Книжный клуб, 2008.

Карлейль Т. Герои и героическое в истории: Публичные беседы. Москва: Вузовская книга, 2001.

Карпов С.П. История Трапезундской империи. Санкт-Петербург: Алетейя, 2007.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Москва: ГУ ВШЭ, 2000.

Католическая энциклопедия. В 2 т. Москва: Издательство Францисканцев, 2002–2005.

Кеймен Г. Испания: дорога к империи. Москва: АСТ Москва, Хранитель, 2008.

Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. Москва: Эксмо, 2007.

Кенэ Ф., Тюрго А.Р.Ж., Дюпон де Немур П.С. Физиократы. Избранные экономические произведения. Москва: Эксмо, 2008.

Киндж Дж. Китай, который потряс мир. Москва: АСТ, 2008.

Киплинг Р. Немного о себе. Москва: Вагриус, 2003.

Киреева Р.А. Государственная школа: историческая концеп-

ция К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. Москва: ОГИ, 2004.

Киришин Ю.Я. Войны локальных цивилизаций. История и современность. Клинцы: Клинцовская городская типография, 2009.

Киссинджер Г. Дипломатия. Москва: Ладомир, 1997.

Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. В трёх книгах. Ростов-на-Дону: «Феникс», 2000.

Клямкин И.М. Посткоммунистическая демократия и её исторические особенности в России // ПОЛИС: Политические исследования. Декабрь 1993. № 2.

Князький И.О. Византия и кочевники южнорусских степей. Санкт–Петербург: Алетей, 2003.

Князьков С. Очерки из истории Петра Великого и его времени. Санкт–Петербург, 1914.

Ковалевский М.М. Очерки по истории политических учреждений России. Москва: Территория будущего, 2007.

Козлова Н.И., Рылёва С.И., Степанов Е.И., Федотова В.Г. Ценностные ориентации – предпосылка программ переустройства общества // Общественные науки и современность. 1992. № 1.

Козлов В.А. Российский посткоммунистический синдром: «разрушенное прошлое» и кризис советской идентичности // Общественные науки и современность. 2003. № 4.

Коковцов В.Н. Из моего прошлого (1903–1919): Воспоминания, мемуары. Минск: Харвест, 2004.

Командорова Н.И. Русский Стамбул. Москва: Вече, 2009.

Коммин Ф. де. Мемуары. Москва: «Наука», 1986.

Комнина А. Алексиада. Второе издание. Санкт–Петербург: Алетей, 1996.

Конституция Российской Федерации. Официальный текст по состоянию на 1 апреля 1999 года. Москва: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999.

Коровицына Н.В. От изучения социальных трансформаций к обновлённым восточноевропейским исследованиям // Социологические исследования. 2004. № 11.

Кортаев А.В. Тенденции социальной эволюции // Общественные науки и современность. 1999. № 4.

Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. Москва: Изд-во Эксмо, 2005.

Костюк В.Н. Теория эволюции и социальноэкономические процессы. Москва: Эдиториал УРСС, 2001.

Костюк В.Н. Социальная эволюция на больших временных

интервалах // *Общественные науки и современность*. 2007. № 1.

Кох-Хиллебрехт М. Номо Гитлер: Психограмма диктатора. Минск: ООО «Попурри», 2003.

Краткий политический словарь / Сост. и общ. ред. *Л.А. Оникова, Н.В. Шишлина*. Москва: Политиздат, 1983.

Кругман П. Великая ложь: Сбиваясь с пути на рубеже нового века. Москва: ООО «Издательство АСТ», 2004.

Кругман П. Возвращение Великой депрессии?: Мировой кризис глазами нобелевского лауреата. Москва: Эксмо, 2009.

Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред. *Т.И. Заславской*. Москва: МВШСЭН, 2001.

Куда идёт Россия?.. Альтернативы общественного развития / Под общ. ред. *Т.И. Заславской, Л.А. Арутюнян*. Москва: Интерпракс, 1994.

Куда идёт Россия? Альтернативы общественного развития / Под общ. ред. *Т.И. Заславской*. Москва: Аспект Пресс, 1995.

Куда идёт Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства / Под общ. ред. *Т.И. Заславской*. Вып. III. Москва: Аспект Пресс, 1996.

Куда идёт Россия? Общее и особенное в современном развитии / Под общ. ред. *Т.И. Заславской*. Москва, 1997.

Куда идёт Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика / Под общ. ред. *Т.И. Заславской*. Москва: Дело, 1998.

Куда идёт Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год / Под общ. ред. *Т.И. Заславской*. Москва: Логос, 1999.

Куда идёт Россия?.. Власть, общество, личность / Под общ. ред. *Т.И. Заславской*. Москва: МВШСЭН, 2000.

Куда идёт Россия?.. Формальные институты и реальные практики / Под общ. ред. *Т.И. Заславской*. Москва: МВШСЭН, 2002.

Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации / Под общ. ред. *Т.И. Заславской*. Москва: МВШСЭН, 2003.

Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай – Россия – 2050: стратегия соразвития. Москва: Институт экономических стратегий, 2006.

Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, диалог, будущее: В 2 т. Москва: Институт экономических стратегий, 2006.

Кутузов Б.П. Ошибка русского царя: византийский соблазн. Москва: Алгоритм, 2008.

Кутузов Б.П. Тайная миссия патриарха Никона. Москва: Алгоритм, Эксмо, 2008.

Кюстин А. Николаевская Россия. Смоленск: Русич, 2003.

Кулаковский Ю.А. История Византии. В 3 т. Санкт-Петербург: Алетейя, 2003–2004.

Култыгин В.П. Исследования социальной структуры в переходных обществах (Историко–методологический обзор) // Социологические исследования. 2002. № 4.

Лапин Н.И. Социальные ценности и реформы в кризисной России // Социологические исследования. 1993. № 9.

Левада Ю.А. «Человек ностальгический»: реалии и проблемы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 6.

Левада Ю.А. Рамки и варианты исторического выбора: несколько соображений о ходе российских трансформаций // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2003. № 1.

Левада Ю.А. Стабильность в нестабильности // Общественные науки и современность. 2003. № 5.

Левада Ю.А. Свобода от выбора? Постэлекторальные размышления // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 2.

Левада Ю.А. «Человек советский»: четвёртая волна. Рамки самоопределения // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 3.

Левада Ю.А. После Империи // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 6.

Ле Гофф Ж. Рождение Европы. Санкт-Петербург: Александрия, 2007.

Ленин В.И. Избранные произведения. В 2 т. Москва: ОГИЗ – ГОСПОЛИТИЗДАТ, 1946.

Леонтьев К.Н. Записки отшельника. Москва: АСТ, 2004.

Леонтьев К.Н. Избранное. Москва: «Рарогъ», «Московский рабочий», 1993.

Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней. Москва: Европа, 2007.

Ливен Д. Аристократия в Европе. 1815–1914. Санкт-Петербург: Академический проект, 2000.

Литаврин Г.Г. Как жили византийцы. Санкт-Петербург: Алетейя, 2006.

Лихачёв Д.С. Национальное самосознание Древней Руси. Очерки из области русской литературы XI–XVII вв. Москва – Ленинград: Академия наук СССР, 1945.

Лихачёв Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Ленинград: Художественная литература, 1978.

Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство; Женщина преступница и проститутка; Любовь у помешанных: Сборник. Минск: ООО «Попурри», 2000.

Ломоносов М. Записки по русской истории. Москва: Изд-во Эксмо, 2003.

Лурье В.М. История Византийской философии. Формативный период. Санкт–Петербург: Аxiōта, 2006.

Лутц Р.А. 7 законов Крайслер. Москва: Альпина Паблишер, 2003.

Майбурд Е.М. Введение в историю экономической мысли. От пророков до профессоров. Москва: Дело, 2000.

Маколей. Полное собрание сочинений. Т. 7. Санкт–Петербург: Издание Николая Тиблена, 1862.

Маколей Т.Б. Англия и Европа. Избранные эссе. Санкт–Петербург: Алетейя, 2001.

Малахов А. Коронованные особо // Деньги. 2005. № 10.

Малинова О. Россия и «Запад» в XX веке: Трансформация дискурса о коллективной идентичности. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.

Малыгина И.В. Национализм как форма культурной идентичности и его российская специфика // Общественные науки и современность. 2004. № 1.

Манифесты русского идеализма: Проблемы идеализма. Вехи. Из глубины. Москва: Астрель, 2009.

Мансуэлли Г. Цивилизации древней Европы. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Москва: Издательство политической литературы, 1967.

Мартен Д. Социальные измерения трансформации и модернизации: теоретические уроки эмпирических исследований // Социологические исследования. 2002. № 8.

Маршалл А. Основы экономической науки. Москва: Эксмо, 2007.

Макиавелли Н. Государь. Минск: Современный литератор, 1999.

Мак-Ким Д.К. Вестминстерский словарь теологических терминов. Москва: Республика, 2004.

Масси Р.К. Николай и Александра. Москва: «Пресс-Соло», 1996.

Мизес Л. фон. Индивид, рынок и правовое государство. Санкт-Петербург: Издательство «Пневма», 2006.

Мизес Л. фон. Бюрократия. Челябинск: Социум, 2006.

Мизес Л. фон. Либерализм. Челябинск: Социум, 2007.

Миллер А.И. Национализм и империя. Москва: ОГИ, 2005.

Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. Москва: Новое литературное обозрение, 2006.

Милль Дж. Ст. Рассуждения о представительном правлении. Челябинск: Социум, 2006.

Милль Дж. Ст. Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии. Москва: Эксмо, 2007.

Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. Москва: РОССПЭН, 1998.

Милов Л.В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // *Общественные науки и современность*. 1995. № 1.

Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // *Вопросы истории*. 1992. № 4–5.

Многоликая глобализация / Под ред. *П. Бергера* и *С. Хантингтона*. Москва: Аспект Пресс, 2004.

Модернизация и глобализация // *Мегатренды мирового развития*. Москва: Экономика, 2001.

Моммзен Т. История Рима. В 5 т. Москва: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2001–2002.

Монтескье Ш.Л. О духе законов. Москва: Мысль, 1999.

Мень А. На пороге Нового Завета. Москва: Изд-во Эксмо, 2005.

Метафизика глобализации. От утопии к антиутопии. Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба учёных «Глобальный мир». Москва: «Издательский Дом “НОВЫЙ ВЕК”». Институт микроэкономики, 2002.

Мусихин Г.И. Власть перед вызовом современности: Сравнительный анализ российского и немецкого опыта конца XVIII – нача-

ла XX веков. Санкт–Петербург: Алетейя, 2004.

Мыслящая Россия: История и теория интеллигенции и интеллектуалов. Москва: Наследие Евразии, 2009.

Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на Французскую революцию и Империю. В 2 т. Москва: ООО «Издательство АСТ»; Санкт–Петербург: Terra Fantastica, 2002.

Мюллер А. История ислама: От мусульманской Персии до падения мусульманской Испании. Москва: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2004.

Мюллер А. История ислама. От доисламской истории арабов до падения династии Аббасидов. Москва: Астрель, АСТ, 2006.

Мюллер Л. Понять Россию: историко-культурные исследования. Москва: Прогресс-Традиция, 2000.

На перекрёстке цивилизаций: Сборник (*Лемёрль П.* История Византии. *Кицикис Д.* Османская империя). Москва: Издательство «Весь Мир», 2006.

Назаретян А.П. Истина как категория мифологического мышления (тезисы к дискуссии) // Общественные науки и современность. 1995. № 4.

Назаретян А.П. Векторы исторической эволюции // Общественные науки и современность. 1999. № 2.

Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории: Синергетика, психология и футурология. Москва: ПЕР СЭ, 2001.

Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории / Отв. редактор *В.С. Бондарчук*. Москва: ИКД «Зерцало-М», Издательский дом «Вече», 2005.

Нация и империя в русской мысли начала XX века. Москва: Скимень, Пренса, 2004.

Неру Дж. Автобиография. Москва: Издательство иностранной литературы, 1955.

Неру Дж. Открытие Индии. Москва: Издательство иностранной литературы, 1955.

Неру Дж. Взгляд на всемирную историю. В 3 т. Москва: Прогресс, 1989.

Нейсбит Д. Мегатренды. Москва: ООО «Издательство АСТ», ЗАО НПП «Ермак», 2003.

Нефёдов С. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург: Издательство УГГУ, 2005.

Никовская Л.И. Трансформация в России с точки зрения теории конфликта // Социологические исследования. 2006. № 9.

Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Москва: Эксмо; Санкт-Петербург: Мидгард, 2005.

Новый энциклопедический словарь. Петроград: Издание Акционерного Общества «Брокгауз-Ефрон», 1911–1916.

Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейской идентичности. Москва: Новое издательство, 2004.

Норвич Д. История Венецианской республики. Москва: АСТ Москва, 2009.

Норвич Д. История Византии. Москва: АСТ Москва, 2010.

Нордстрем К., Риддерстрале Й. Бизнес в стиле фанк навсегда: Капитализм в удовольствие. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2008.

Новейший философский словарь / Сост. *А.А. Грицанов*. Минск: Изд. В.М. Скакун, 1998.

Обама Б. Дерзость надежды: Мысли о возрождении американской мечты. Санкт-Петербург: Издательский дом «Азбука-классика», 2008.

Оболонский А.В. Бюрократия для XXI века? Модели государственной службы: Россия, США, Англия, Австралия. Москва: Дело, 2002.

Образ врага / сост. *Л. Гудков*; ред. *Н. Кондратова*. Москва: ОГИ, 2005.

Олбрайт М. Религия и мировая политика. Москва: Альпина Бизнес Букс, 2007.

Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. Москва: «Наука», 1988.

Памятники истории Англии XI–XIII вв. Русский и латинский тексты великой хартии вольностей и других документов / Перевод и введение акад. *Д.М. Петрушевского*. Москва: Государственное социально-экономическое издательство, 1936.

Парадоксы глобализации – вызовы и поиски ответа. Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба учёных «Глобальный мир». Москва: «Издательский Дом “НОВЫЙ ВЕК”», 2001.

Паршев А. Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остаётся здесь. Москва: АСТ; Астрель, 2007.

Пёсикина Е.И. Народный комиссариат по делам националь-

ностей и его деятельность в 1917–1918 гг. Москва, 1950.

Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв. *Иржи Давид*. Современное состояние Великой России, или Московии. Рязань: Александрия, 2010.

Платон. Диалоги. Москва: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2001.

Плимак Е.Г., Пантин И.К. Драма российских реформ и революций: (Сравн.-полит. анализ). Москва: Весь мир, 2000.

Поньон Э. Повседневная жизнь Европы в тысячном году. Москва: Молодая гвардия, 1999.

Попов Д.С. Самосознание российской интеллигенции: траектории трансформации // Мир России: Социология, этнология. 2006. Т. 15. № 4.

Поппер К. Нищета историцизма. Москва: Прогресс, VIA, 1993.

Портер М. Японская экономическая модель: Может ли Япония конкурировать? Москва: Альпина Бизнес Букс, 2005.

Посольство Кунраада фон Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. Рязань: Александрия, 2008.

Послание Президента России *Владимира Путина* Федеральному Собранию РФ // Российская газета. № 93 (3207). 17.05.2003.

Послание Президента России *Владимира Путина* Федеральному Собранию РФ // Российская газета (Федеральный выпуск). № 4353. 26.04.2007.

Послание Президента России *Дмитрия Медведева* Федеральному Собранию РФ // Российская газета (Неделя). № 4787. 6.11.2008.

Примаков Е.М. Мир без России?: К чему ведёт политическая близорукость. Москва: Российская газета, 2009.

Проблемы глобализации: реальность, тенденции, прогнозы. Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба учёных «Глобальный мир». Москва: «Издательский Дом “НОВЫЙ ВЕК”», 2001.

Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийский царей. Санкт–Петербург: Алетейя, 2009.

Проскурина В. Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. Москва: Новое литературное обозрение, 2006.

Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6.

Пригожин И. Определено ли будущее? Москва: Институт

компьютерных исследований, 2005.

Путешествия Христофора Колумба. Дневники, письма, документы. Москва: Эксмо, 2010.

Пушкин А.С. Сочинения. В 3-х т. Москва: Художественная литература, 1985–1986.

Психология толпы: социальные и политические механизмы воздействия на массы. Москва: Изд-во Эксмо; Санкт–Петербург: Terra Fantastica, 2003.

Пятаков Г. Философия современного империализма: Этюд о Шпенглере // Красная новь. 1922. № 3.

Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 г. Москва: Издательство Сретенского монастыря, 2008.

Рассадина Т.А. Трансформация традиционных ценностей россиян в постперестроечный период // Социологические исследования. 2006. № 9.

Рассел Б. История западной философии и её связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней. Санкт–Петербург: Издательство «Азбука», 2001.

Риддерстрале Й., Нордстрем К. Караоке-капитализм: Менеджмент для человечества. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2008.

Российское общество: становление демократических ценностей? / Под ред. *М. Макфола* и *А. Рябова*; Моск. Центр Карнеги. Москва: Гендальф, 1999.

Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / Под ред. *А.И. Миллера*. Москва: Новое издательство, 2004.

Розанов В.В. Заветы быта и труда // Новое Время. 28 января 1910. № 12170.

Розанов В.В. Русская мысль. Москва: Алгоритм, Эксмо, 2006.

Розенберг А. Миф XX века. Оценка духовно-интеллектуальной борьбы фигур нашего времени. Таллинн: Shildex, 1998.

Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей. Москва: Айрис-пресс, 2004.

Русская историософия. Антология. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006.

Русские летописи XI–XVI веков: Избранное. Санкт–Петербург: Амфора, 2006.

Русский национализм в политическом пространстве (исследования по национализму в России). Москва: Франко-Российский

центр гуманитарных и общественных наук, 2007.

Рукавишников В.О., Рукавишникова Т.П., Халман Л., Эстер П. Россия между прошлым и будущим // Социологические исследования. 1995. № 5.

Рукавишников В.О., Рукавишникова Т.П., Золотых А.Д., Шестаков Ю.Ю. В чем едино «расколотое общество»? // Социологические исследования. 1997. № 6.

Саид Э.В. Ориентализм: Западные концепции Востока. Санкт–Петербург: Русский Мирь, 2006.

Светлицкая Е.Б. Новая российская идентичность // Общественные науки и современность. 1997. № 1.

Сворцов В.Н. Конец дороги мандаринов. Москва: Мысль, 1979.

Сворцов В.Н. Кампучия: спасение свободы. Москва: Политиздат, 1980.

Сворцов В.Н. Тридцать дней войны. Москва: Политиздат, 1981.

Сворцов В.Н. Белые слоны удачи. Москва: Мысль, 1983.

Скрынников Р.Г. Иван Грозный. Москва: АСТ, 2006.

Словарь иностранных слов. – 15-е изд., испр. Москва: Рус. яз., 1988.

Словарь психолога-практика / Сост. *С.Ю. Головин.* – 2-е изд., перераб. и доп. Минск: Харвест; Москва: АСТ, 2001.

Слово о полку Игореве. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1984.

«Слово о полку Игореве» и его время / Отв. ред. акад. *Б.А. Рыбаков.* Москва: Наука, 1985.

Синицына Н.В. Максим Грек. Москва: Молодая гвардия, 2008.

Смирнов Л.М. Эмпирическое изучение базовых ценностей // Мир России. 2002. Т. 11. № 1.

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Москва: Эксмо, 2007.

Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. Москва: Праксис, 2004.

Соловьёв В.С. Спор о справедливости. Москва – Харьков, 1999.

Соловьёв С.М. Чтения и рассказы по истории России. Москва: Правда, 1989.

Соловьёв С.М. История России с древнейших времён: В 15

кн. Москва: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2003.

Солженицын А.И. Двести лет вместе: В 2 ч. Москва: Русский путь, 2001–2002.

Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию. Посильные соображения. Брошюра к газете Комсомольская Правда. 18 сентября 1990.

Солженицын А.И. На изломах: Рассказы. Крохотки. Публицистика. Москва: АСТ, 2009.

Солженицын А.И. Размышления над Февральской революцией // Российская Газета (Федеральный выпуск). 2007. № 4303.

Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. Москва: Астрель, 2006.

Сорос Д. Мыльный пузырь американского превосходства. На что следует направить американскую мощь. Москва: Альпина Бизнес Букс, 2004.

Социологические наблюдения (2002–2004). Москва: Институт Фонда «Общественное мнение», 2005.

Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. Минск: Современный литератор, 1998.

Спенсер Г. Личность и государство. Челябинск: Социум, 2007.

Сталин И.В. О великой Отечественной войне Советского Союза. Москва: Изд-во «Крафт+», 2002.

Сталин И.В. Сочинения. В 13 т. Москва: ОГИЗ, 1946–1951.

Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. Москва: Информационно-издательский центр «Союз», 2007.

Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции от Кромвеля до Путина. Москва: Вагриус, 2004.

Степанов Е.И. О роли государства как основного социального института стабилизации и развития современного российского общества в условиях глобализации (конфликтолого-синергетический аспект) // Синергетика социальных институтов современной России. Йошкар-Ола, 2002.

Стиглиц Дж. Ю. Глобализация: тревожные тенденции. Москва: Мысль, 2003.

Страны Восточной Европы в поисках новой идентичности: Сборник научных трудов / РАН. ИНИОН. Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем. Москва, 2006.

Строчак В.М. Тема российского мессианизма в общественно-политической и философской мысли России (XV – первая половина XIX в.). Москва: РАГС, 2003.

Строчак В.М. Феномен российского мессианизма в общественно-политической и философской мысли России (вторая половина XIX – первая треть XX в.). Москва: РАГС, 2005.

Сеньобос Ш. Политическая история современной Европы. Эволюция партий и политических форм. В 2 т. 2-е илл., испр. и доп. издание. Санкт-Петербург: Знание, 1899.

Сулейменов О. АЗ и Я. Книга благонамеренного читателя. Москва: Грифон М, 2005.

Сургуладзе В.Ш. Русская идея и отражение кризиса национальной идентичности в русской социальной философии. Москва: Спутник+, 2006.

Сургуладзе В.Ш. О русском византизме в историко-философском контексте // Вестник Финансовой академии. 2007. № 1.

Сургуладзе В.Ш. Идентичность. Проблема социокультурной трансформации современного российского общества. Москва: Спутник+, 2007.

Тарле Е.В. Российский флот в Средиземноморье. Москва: АСТ; Владимир: ВКТ, 2009.

Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. Москва: АСТ Москва, 2009.

Тарле Е.В. Северная война: Северная война и шведское нашествие на Россию. Русский флот и внешняя политика Петра I. Москва: АСТ Москва, 2009.

Тарле Е.В. Политика: История территориальных захватов. XV–XX века: Сочинения. Москва: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001.

Тарле Е.В. Наполеон. Минск: «Беларусь», 1992.

Тарле Е.В. Крымская война. В 2 т. Москва – Ленинград: Государственное военно-морское издательство НКВМФ Союза ССР, 1941–1943.

Татарина К.Н. Очерки по истории Англии. 1640–1815 гг. Москва: Издательство ИМО, 1958.

Тацит Корнелий. Анналы. Малые произведения. История. Москва: ООО «Издательство АСТ», «Ладомир», 2001.

Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. Москва: Айрис-пресс, 2006.

Тойнби А. Дж. Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций. Москва: АСТ, 2009.

Тойнби А. Дж. Исследование истории: Цивилизации во времени и пространстве. Москва: АСТ, 2009.

Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: Сборник. 2-е изд. Москва: Айрис-пресс, 2003.

Тойнби А. Дж. Пережитое. Мои встречи. Москва: Айрис-пресс, 2003.

Тойнби А. Дж. Постигание истории: Сборник. 2-е изд. Москва: Айрис-пресс, 2002.

Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Москва: ООО «Издательство АСТ», 2001.

Тоффлер Э. Третья волна. Москва: ООО «Издательство АСТ», 2002.

Тоффлер Э. Шок будущего. Москва: ООО «Издательство АСТ», 2003.

Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация. В 2 т. Москва: ООО «Издательство АСТ»; Санкт-Петербург: Terra Fantastica, 2004.

Традиция и русская цивилизация / *Д. Володихин, С. Алексеев, К. Бенедиктов, Н. Иртенкина.* Москва: Астрель, АСТ, Транзиткнига, 2006.

Трансформация идентификационных структур в современной России / Под ред. *Т.Г. Стефаненко.* Москва: МОНФ, 2001.

Трофимова Р.П. «Локальные цивилизации» и взаимодействие в них культурных и экономических факторов // Вестник Финансовой академии. 2001. № 2.

Трофимова Р.П. Культуролого-экономический словарь. Москва: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003.

Трофимова Р.П. История русской культурологии. Москва: Академический Проект, Трикта, 2003.

Трофимова Р.П. Культура. Экономика. Финансы. Москва: Финансовая академия при Правительстве РФ, 2006.

Троцкий Л.Д. Перманентная революция. Санкт-Петербург: Издательская Группа «Азбука-классика», 2009.

Троцкий Л.Д. История русской революции. В 2 т. Москва: ТЕРРА, Республика, 1997.

Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. Москва: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2000.

Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. Москва: Аграф, 2000.

Турция в XX веке. Москва: ИНИОН РАН, 2002.

Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии

для меняющегося мира. Москва: Альпина Паблишер, 2003.

Тюпа В.И. Диагностика ментального кризиса // Мир России. 2002. Т. 11. № 1.

Тютчев Ф.И. Сочинения в двух томах. Москва: Правда, 1980.

Уваров С.С. Десятилетие министерства народного просвещения. 1833–1843. Санкт–Петербург, 1864.

Уваров С.С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения // Река времён. Книга истории и культуры. Кн. 1. Москва: Эллис Лак, Река времён, 1995.

Уортман Р.С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. Москва: Новое литературное обозрение, 2004.

Усачёв А.С. Longue durée российской историографии // Общественные науки и современность. 2002. № 2.

Успенский Ф.И. История Византийской империи. В 5 т. Москва: «Издательство АСТ», «Издательство Астрель», 2001–2002.

Успенский Ф.И. Очерки по истории византийской образованности. История крестовых походов. Москва: Мысль, 2001.

Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. Москва: Логос, 2001.

Уткин А.И. Новый мировой порядок. Москва: Алгоритм, Эксмо, 2006.

Уткин А.И. Подъём и падение Запада. Москва: АСТ, 2008.

Уткин А.И. Черчилль: победитель двух войн. Смоленск: Русич, 1999.

Уэллс Г. Очерки истории цивилизации. Москва: Изд-во Эксмо, 2004.

Ушаков А.Г. Феномен Ататюрка. Турецкий правитель, творец и диктатор. Москва: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002.

Флоренский П.А. Вопросы религиозного самопознания. Москва: ООО «Издательство АСТ», 2004.

Форд Г. Моя жизнь, мои достижения. Сегодня и завтра. Минск: Харвест, 2003.

Фицджеральд Ч.П. История Китая. Москва: ЗАО Центрполиграф, 2004.

Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. Москва: Ин-т философии РАН, 1997.

Федотова В.Г. Анархия и порядок. Москва: Эдиториал

УРСС, 2000.

Федотова В.Г. Когда нет протестантской этики... // Вопросы философии. 2001. № 10.

Федотова В.Г. Россия, Восток и Запад // Философские науки. 2002. №№ 1, 2.

Федотова В.Г. Неклассическая модернизация и альтернативы модернизационной теории // Вопросы философии. 2002. № 12.

Федотова В.Г. Мир культур против культуры мира // Свободная мысль. 2003. № 9.

Федотова В.Г. Модернизационный проект для России: население и территория // Свободная мысль. 2003. № 2.

Федотова В.Г. Социальное конструирование приемлемого для жизни общества // Вопросы философии. 2003. № 11.

Федотова В.Г. Хорошее общество. Москва: Прогресс-Традиция, 2005.

Федотова В.Г., Кросс Ш. Православие, Вебер и новый русский капитализм // Общественные науки и современность. 2006. № 2.

Федотова Н.Н. Кризис идентичности в условиях глобализации // Человек. 2003. № 6.

Фернандес-Арместо Ф. Цивилизации. Москва: АСТ, 2009.

Ферреро Г. Величие и падение Рима. В 2 т. Санкт-Петербург: «Наука», 1997–1998.

Франк С.Л. Русское мировоззрение. Санкт-Петербург: Наука, 1996.

Фридман М. Капитализм и свобода. Москва: Новое издательство, 2006.

Фукуяма Ф. Великий разрыв. Москва: ООО «Издательство АСТ», 2003.

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. Москва: ООО «Издательство АСТ», ЗАО НПП «Ермак», 2004.

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. Москва: ООО «Издательство АСТ», ЗАО НПП «Ермак», 2004.

Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. Санкт-Петербург: Наука, 2001.

Хабермас Ю. Демократия, разум, нравственность. Москва: УРСС, 2001.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Москва: ООО «Издательство АСТ», 2003.

Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. Москва: ООО «Издательство АСТ», ООО «Транзиткнига», 2004.

Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. Москва: Мысль, 2001.

Хайек Ф.А. фон. Дорога к рабству. Москва: Новое издательство, 2005.

Хайек Ф.А. фон. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. Москва: ИРИСЭН, 2006.

Хвостова К.В. Византийская цивилизация как историческая парадигма. Санкт-Петербург: Алетейя, 2009.

Хёйзинга Й. Осень Средневековья. 3-е изд., испр. Москва: Айрис-пресс, 2002.

Химанен П., Кастелс М. Информационное общество и государство благосостояния. Финская модель. Москва: Логос, 2002.

Хилл Н. Думай и богатей – 4. Шестнадцать законов успеха. Москва: Фаирпресс, 2000.

Хитцель Ф. Османская империя. Москва: Вече, 2006.

Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789–1848. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.

Хобсбаум Э. Век империи. 1875–1914. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.

«Хождение» игумена Даниила в Святую Землю. Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко, 2007.

Хрестоматия по диалектическому и историческому материализму. В помощь слушателям школ основ марксизма-ленинизма. Сост.: *Лавинская Л.А., Сидоров М.М.* Москва: Политиздат, 1970.

Хрущёв Н.С. О культе личности и его последствиях. Доклад XX съезду КПСС // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3.

Хэлдон Д. История византийских войн. Москва: Вече, 2007.

Царь Иван IV Грозный. Самодержавный и самовластный. Свидетельства прижизненные. Да ведают потомки... Изд. подг. *С.В. Перевезенцев.* Москва: Русский миръ, 2005.

Цветашева Н.Н. Ценности в биографическом дискурсе: от романтизма к прагматизму // Социологические исследования. 2005. № 9.

Цуцьев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). Москва: Европа, 2006.

Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего. Санкт-Петербург:

Азбука-классика, 2004.

Человек XV столетия: грани идентичности. Москва: ИВИ РАН, 2007.

Черчилль У. Вторая мировая война. В 6 т. Москва: ТЕРРА – Книжный клуб, 1997–1998.

Черчилль У. Мировой кризис. Автобиография. Речи. Москва: Изд-во Эксмо, 2003.

Чехов А.П. Собрание сочинений в 12 т. Москва: Художественная литература, 1954–1957.

Чубайс И.Б. Разгаданная Россия: что же будет с Родиной и с нами: опыт филос. публицистики. Москва: АиФ Принт, 2005.

Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира. Москва: Проспект, 2009.

Широкорад А.Б. Тысячелетняя битва за Царьград. Москва: Вече, 2005.

Шкаратан О.И. Многое в истории России задано... // Общественные науки и современность. 1994. № 5.

Шоню П. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург: У-Фактория, 2005.

Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Афоризмы и максимы. Новые афоризмы. Минск: Литература, 1998.

Шпенглер О. Годы решений. Германия и всемирно-историческое развитие. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.

Шпенглер О. Пруссачество и социализм. Москва: Практис, 2002.

Шпенглер О. Закат Европы. Минск: Харвест; Москва: АСТ, 2000.

Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. Москва: Эксмо, 2007.

Экономическая история мира: в 6 т. / под общ. ред. *М.В. Контотова.* Москва: КНОРУС, 2008.

Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. В 2 т. Москва – Санкт-Петербург: Университетская книга, 2001.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства: В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. Изд. 2-е. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

Эпоха крестовых походов / Под ред. *Э. Лависса* и *А. Рамбо.* Санкт-Петербург: ООО «Издательство Полигон»; Москва: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999.

Эриксон Э. Трагедия личности. Москва: Алгоритм, Эксмо, 2008.

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. Москва: Флинта, МПСИ, Прогресс, 2006.

Эриксон Э. Детство и общество. Санкт–Петербург: Летний сад, 2000.

Эриксен Т.Б. Августин. Беспокойное сердце. Москва: Прогресс-Традиция, 2003.

Юзефович Л. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. Санкт–Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 2007.

Юм Д. Сочинения в 2 т. Москва: Мысль, 1996.

Юревич О. Андроник I Комнин. Санкт–Петербург: Евразия, 2004.

Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. Т. 4. № 3–4.

Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций / Междунар. ин-т П. Сорокина – Н. Кондратьева. Москва: ЗАО «Изд-во “Экономика”», 2001.

Якокка Л., Новак В. Карьера менеджера. Минск: Попурри, 2007.

Якокка Л., Клайнфилд С. Карьера менеджера: послесловие. Минск: Попурри, 2007.

Якокка Л., Уитни К. Куда подевались все лидеры? Минск: Попурри, 2008.

Янчевецкий Д.Г. 1900. Русские штурмуют Пекин. Москва: Яуза, Эксмо, 2008.

Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы. Москва: Алгоритм, 2007.

Blackburn S. Oxford Dictionary of Philosophy. Oxford, New York: Oxford University Press, 2005.

Bloch M. Feudal Society. London, 1961.

Brandenburger D. National Bolshevism. Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956. Cambridge: Harvard University Press, 2002.

Chomsky N. Failed States. The Abuse of Power and the Assault on Democracy. London: Penguin Books, 2007.

Chomsky N. Hegemony or Survival. America's Quest for Global Dominance. London: Penguin Books, 2004.

Churchill W.S. A History of the English-Speaking Peoples. 4 v. London: Cassell, 2002.

Churchill W.S. The World Crisis 1911–1918. New York, London, Toronto, Sydney: Free Press, 2005.

Crowley R. Constantinople: The Last Great Siege. 1453. London: Faber and Faber, 2006.

Diehl Ch. Byzantium: Greatness and Decline. New Brunswick, NJ, Rutgers UP, 1957.

Duncan P.J.S. Russian Messianism: Third Rome, Revolution, Communism and After. London: Routledge, 2000.

Ferguson N. Empire. How Britain Made The Modern World. London: Penguin Books, 2004.

Friedman T.L. The World is Flat. The Globalized World in the Twenty-First Century. Updated and expanded. London: Penguin Books, 2006.

Halliday F.E. England: A Concise History. London: Thames and Hudson, 1999.

Harvard Business Review on Doing Business in China. Boston: Harvard Business School Press, 2004.

Herman A. To Rule the Waves. How the British Navy Shaped the Modern World. London: Hodder & Stoughton, 2005.

Hewitt D. Getting Rich First. Life in a Changing China. London: Chatto & Windus, 2007.

Huntington S.P. Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 1968.

Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. London: Simon & Schuster, 2002.

Illustrated Oxford Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2003.

Inalçik H. The Ottoman Empire: The Classical Age 1300–1600. London: Phoenix, 2002.

Ivanov I. The New Russian Identity: Innovation and Continuity in Russian Foreign Policy // The Washington Quarterly. Summer 2001.

Kamen H. Imagining Spain: Historical Myth and National Identity. Yale University Press, 2008.

Kinross P. Atatürk. The Rebirth of a Nation. London: Phoenix, 1998.

Larrain J. Ideology and Cultural Identity: Modernity and the

Third World Presence. Cambridge: Polity Press, 1994.

Landes D.S. The Wealth and Poverty of Nations. Why Some Are So Rich and Some So Poor. New York; London: W.W. Norton & Company, 1999.

Le Baron D., Carpenter D. Mao, Marx & the market: capitalist adventures in Russia and China. New York: John Willey & Sons, 2002.

Lee Kuan Yew. The Singapore Story: 1965–2000. From third world to first. New-York, 2000.

Liebkind K. Minority Identity and Identification Processes: A Social Psychological Study: Maintenance and Reconstruction of Ethno-linguistic Identity in Multiple Group Allegiance. Helsinki: Societas Scientiarum Fennica, 1984.

Longman Dictionary of American English. Essex: Pearson Education Limited 2004.

Maalouf A. The Crusades through Arab Eyes. London: SAQI, 2006.

Mahathir bin Mohamad. The Way Forward. London: Weidenfeld & Nicolson, 1998.

Mansel P. Constantinople. City of the World's Desire, 1453–1924. London: John Murray, 2006.

Norwich J.J. Byzantium: The Early Centures. London: Viking, 1988.

Norwich J.J. Byzantium: The Apogee. London: Viking, 1991.

Norwich J.J. Byzantium: The Decline and Fall. London: Viking, 1995.

Obolensky D. The Byzantine Inheritance of Eastern Europe. London: Variorum Reprints, 1982.

Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe 500–1453. London: Phoenix, 2000.

Obolensky D. Byzantium and the Slavs. Crestwood, New-York: St. Vladimir's Seminary Press, 1994.

Ostrogorsky G. History of the Byzantine State. 2nd ed. New Jersey: Rutgers Univesity Press, New Brunswick, 1969.

Oxford Advanced Learner's Dictionary. 7th edition. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Patten Chris. East & West. London: Pan Books, 1999.

Popper K. The Open Society and Its Enemies. Vol. I: The Spell of Plato. London, New York: Routledge Classics, 2006.

Pryor F. Elizabeth I. Her Life in Letters. University of California Press, 2003.

- Rice D.T.* Art of the Byzantine Era. London: Thames and Hudson, 1997.
- Sanderson S.K.* Social Transformations: a General Theory of Historical Development. Oxford – Cambridge: Blackwell, 1995.
- Shirayev E., Shlapentokh V.* Fears in Post-Communist Society. New York: Basingstoke: Palgrave, 2002.
- Shiller R.J.* Irrational Exuberance. Princeton University Press, 2000.
- Temple R.* The Genius of China. 3000 Years of Science, Discovery & Invention. London: André Deutsch, 2007.
- Treadgold D.W.* The West in Russia and China. Religious and Secular Thought in Modern Times. 2 Vol. Cambridge University Press, 1973.
- Webster's Desk Dictionary. New York: Gramercy Books, 1996.
- Wieseltier L.* Against Identity. New York: W. Drentell, 1996.
- Wittfogel K.A.* Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Haven: Yale University Press, 1957.

Указатель имён

А

Абдул-Хамид II (1842–1918), 34-й султан Османской империи (1876–1909). Ввёл конституцию (1876), но вскоре распустил созданный на её основании парламент и установил деспотический режим «зуюлюм» (тирания). Своей политикой угнетения народов Османской империи (армянские погромы, резня греков на Крите в 90-х гг. XIX в. и др.) заслужил прозвище «кровавого султана». В результате Младотурецкой революции 1908 был вынужден восстановить конституцию 1876. 27 апреля 1909 после подавления младотурками контрреволюционного путча низложен и арестован – 110

Август (Гай Юлий Цезарь Октавиан) (63 до н.э. – 14 н.э.), римский император (с 27 до н.э.). Внучатый племянник Юлия Цезаря, усыновлённый в его завещании. После победы в гражданской войне принял ряд полномочий, фактически закрепивших за ним верховную власть. Сенат преподнёс Окта-

виану титул «Август» (возвеличенный богами). Его власть формально базировалась на традиционных республиканских публично-правовых нормах: он был принцепсом сената, имел империй (то есть военную власть), пожизненную власть народного трибуна, неоднократно избирался консулом, был верховным жрецом (с 12 до н.э.). Несмотря на сохранение республиканских учреждений это был уже особый вид монархии, получивший название принципата. Несмотря на сохранение престижа сената, его политическая роль уменьшилась – 147, 150–152

Августин Аврелий (Блаженный) (354–430), христианский теолог африканского происхождения, виднейший представитель западной патристики («Отец Запада»). Автор многочисленных произведений. В том числе «Исповеди» и «О граде Божием». «Исповедь» – лирическая автобиография, в которой с недостижимым для античной литературы и философии психологическим само-

анализом показана противоречивость становления личности. Автор христианских концепций предопределения и линейного развития истории. Один из предшественников экзистенциализма – 96, 109

Агнесса, см. Анна Ярославна.

Адельгейда, см. Евпраксия.

Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886), русский публицист, поэт, общественный деятель, один из идеологов славянофильского движения – 158, 223, 267, 317, 376

Аксаковы, русский дворянский род – 254

Аларих (ок. 370–410), вождь и первый король (с 395) вестготов, захватил и разграбил Рим (410) – 368

Александр I (1777–1825), российский император (с 1801), в царствование которого к России были присоединены Грузия (1801), Финляндия (1809), Бессарабия (1812), Азербайджан (1813). Возглавил антифранцузскую коалицию европейских держав. 31 марта 1814 вступил в Париж во главе союзных армий. Был одним из руководителей Венского конгресса (1814–1815) и организаторов Священного союза (1815), неизменным участником всех его конгрессов – 195

Александр II (1818–1881), российский император (с 1855). Вошёл в российскую историю как проводник широкомасштабных реформ: отмена крепостного права (1861), земская, судебная, городская, военная и другие реформы – 47, 176, 188, 239, 343

Александр VI (в миру – *Родриго Борджиа*) (ок. 1431–1503), папа римский (с 1492). Стремясь создать в центре Италии сильное государство (в качестве владения семьи Борджиа), поддерживал завоевательные планы своего сына Чезаре. Для обеспечения этих планов широко проводил продажу церковных должностей, сборы крестоносной десятины, конфискацию имущества богатых лиц. Политических противников устранял с помощью яда и кинжала. Отлучил от церкви, а затем способствовал казни Савонаролы (1497), требовавшего низложения преступного и развратного папы – 138

Александр Великий (Македонский) (356–323 до н.э.), царь Македонии (с 336 до н.э.), полководец, создатель крупнейшей мировой державы древности, распавшейся после его смерти – 71, 228, 233

Александр Невский (ок.

1220–1263), русский государственный деятель, полководец, князь новгородский (1236–1251), великий князь владимирский (с 1252). Возглавлял русские войска, отстоявшие северо-западные земли Руси от захвата шведскими и немецкими феодалами. После высадки шведских войск при впадении реки Ижоры в реку Неву с небольшой дружиной, соединившись с ладожанами, 15 июля 1240 внезапно атаковал шведов и полностью разгромил их многочисленное войско, обнаружив в бою исключительное мужество – 150

Александр Попович, ростовский житель, русский былинный богатырь – 135

Алексей Михайлович Тишайший (1629–1676), русский царь (с 1645). Проводил в жизнь идею неограниченной царской власти и её божественного происхождения, успешно боролся с притязаниями патриарха Никона поставить церковную власть выше царской; при нём прекратилась деятельность Земских соборов, уменьшилась роль Боярской думы. Вёл активную внешнюю политику. Наиболее крупным успехом было воссоединение Украины с Россией (1654) и возвращение части исконных

русских земель – Смоленска, Северской земли с Черниговом и Стародубом и др. – 187

Алексей III Ангел (1195–1203), византийский император из династии Ангелов. Сверг и ослепил брата – Исаака II. Лишён власти крестоносцами – 131

Анастасий (ок. 430–518), византийский император (с 491) – 368

Анастасия Ярославна (1020–е–1074/1094), дочь Ярослава Мудрого, супруга короля Венгрии из династии Арпадов Андраша I – 366

Андерсон А. – 98

Андерсон Бенедикт Ричард О’Горман (род. 1936), английский учёный, автор книги о национализме «Воображаемые сообщества», доктор философии – 60, 105–106, 108, 117

Андраш I Арпад (ок. 1016–ок. 1061) король Венгрии (с 1147) – 366

Андрей Палеолог, племянник последнего императора Византии Константина XI, брат жены великого князя московского Ивана III Софии. Продал права на византийское наследство французскому королю Карлу VIII – 148

Андрей Первозванный, сподвижник Иисуса Христа, апостол, брат апостола Петра.

По преданию посетил территорию будущей Руси – 151

Андроник I Комнин (ок. 1123–1185), византийский император (с 1183). В правление Мануила I неоднократно устраивал заговоры против императора. В 1182 захватил власть и правил в качестве регента при Алексее II. Был свергнут и казнён. Прожил бурную, полную приключений жизнь – 130, 180, 183, 367

Анна (1665–1714), королева Англии и Шотландии (с 1702), первый монарх юридически объединённой Великобритании (с 1707) – 349

Анна Ярославна (после 1054 *Агнесса*) (ок. 1024 – ок. 1075), дочь Ярослава Мудрого, супруга (1049–1060) короля Франции Генриха I Капетинга, правительница Франции в малолетство сына – Филиппа I – 366

Апулей Луций (ок. 124–ок. 180), древнеримский писатель африканского происхождения, ритор, философ-платоник – 109

Аркадий (377–408), византийский император (с 395) – 368

Ататюрк Мустафа Кемаль (1881–1938), выдающийся военачальник Османской империи времён Первой Мировой войны, герой битв за Дар-

данеллы, руководитель национально-освободительной революции в Турции (1918–1923), первый президент Турецкой республики – 35, 102, 111, 333, 389

Аттила (ум. 453), предводитель гуннов. Возглавил опустошительные набеги на Восточную Римскую империю (443, 447–448), Галлию (451), Северную Италию (452). При Аттиле гуннский союз племён достиг наивысшего могущества – 368

Б

Багратион Пётр Иванович (1765–1812), князь, генерал от инфантерии (1809). Участвовал в Итальянском и Швейцарском походах А.В. Суворова (1799), войнах против Франции (1805, 1806–1807), русско-шведской войне (1808–1809), русско-турецкой войне (1806–1812). Герой Отечественной войны 1812 года – 109, 111

Бакунин Михаил Александрович (1814–1876), русский мыслитель, революционер, теоретик анархизма, панславист, один из идеологов народничества – 322

Баторий Стефан (1533–1586), польский король (с 1576)

и полководец. Участник Ливонской войны (1558–1583) – 141, 142, 152

Баязид I Молниеносный (Йилдырым) (1354/1360–1403), турецкий султан (1389–1402) из династии Османов. Завоевал обширные территории на Балканах и в Малой Азии. Разбит и взят в плен Тимуром (в 1402) – 180

Бергер Питер Людвиг (род. 1929), американский социолог, лютеранский теолог – 386

Бердяев Николай Александрович (1874–1948), русский религиозный философ – 10, 189, 191, 193, 194, 198, 199, 203, 214, 215, 223, 225, 226, 236, 245, 246, 249, 250, 254, 267, 275, 297, 304, 312, 316, 322, 340, 376, 378

Бердинских Виктор Аркадьевич (род. 1956), доктор исторических наук, историк, писатель – 189

Бёрк Эдмунд (1729–1797), английский парламентарий, политический деятель, публицист – 357

Бибо Иштван (1911–1979), венгерский политический деятель, юрист, политолог – 85

Биллингтон Джеймс Хедли (род. 1929), американский историк, специалист по России, директор библиотеки Конгресса США. Иностраннный член

Российской академии наук, почётным доктор МГУ и Тбилисского государственного университета. Инициатор создания Всемирной цифровой библиотеки – 230

Бисмарк Отто Эдуард Леопольд фон Шёнхаузен (1815–1898), князь, посол в России, первый канцлер Германской империи (Второго рейха), объединитель Германии – 50, 53, 181, 195, 345, 346, 379

Бодуэн де Булонь (ок. 1060–1118), король Иерусалима (1100–1118), младший брат Готфрида Бульонского – 122

Бокль Генри Томас (1821–1862), английский историк, автор «Истории цивилизации в Англии», ставшей в своё время широко известной российским читателям (например, критика взглядов Г.Т. Бокля представлена в романе Л.Н. Толстого «Война и мир»), разделял идеи позитивизма, социологии, географического детерминизма – 58, 101, 348, 350

Боливар Симон (1783–1830), руководитель борьбы за независимость испанских колоний в Южной Америке. Освободил от испанского господства Венесуэлу, территории современных Колумбии, Панамы и Эквадора. В 1819–1830 президент Великой Колумбии,

созданной на территории этих стран. После освобождения Перу стал во главе образованной на территории Верхнего Перу Республики Боливии (1825), названной в его честь. Национальным конгрессом Венесуэлы провозглашён (1913) Освободителем – 50

Бонапарт, см. Наполеон I Бонапарт.

Бонифаций Монферратский (1150–1207), один из предводителей Четвёртого крестового похода (1202–1204), в ходе которого вместо освобождения Святой Земли от мусульман, разгрому подверглась Византийская империя. Официально являлся главнокомандующим крестоносцев – 148

Бонумбре Антонио, епископ Аяччо, папский легат, посланный в качестве сопровождающего будущей супруги Ивана III Софии (Зои) Палеолог в Москву. Целью Бонумбре было склонить Ивана к унии с католической церковью и союзу против турок – 138

Борис Александрович (ум. 1461), великий князь тверской (с 1425). По его повелению (в 1455) был составлен летописный свод, излагающий всемирную историю от «сотворения мира» до падения Константинополя (1453), в центре повест-

ования которого стоит Тверское княжество – 136

Бжезинский Збигнев Казимеж (род. 1928), американский политолог, социолог, политический деятель, идеолог внешней политики США – 333, 354, 357

Бранденбургер Дэвид (*Brandenburger David*) – 61, 62

Бродель Фернан (1902–1985), представитель французской исторической школы «Анналов», занимался комплексным исследованием мировой истории с учётом влияния на исторический процесс экономических и географических факторов – 10, 23, 271, 311, 312, 363, 365

Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944), русский философ, богослов, социолог, экономист – 245, 250–254

Бурбон, см. Людовик XVIII.

В

Вальденберг Владимир Эдуардович (*Евграфович*) (1871–1940), византист, правовед, исследователь русской политической мысли, представитель юридической школы историографии – 164, 166, 167, 172, 190

Вальсамон Феодор (ок.

1140 – после 1199), византийский правовед, патриарх Антиохии – 172

Ван Дейсен Глиндон Гэрлок, американский историк – 64, 66–68, 218

Василий II Болгаробойца (958–1025), император Византии (с 976). Подавил мятежи провинциальной землевладельческой знати во главе с Вардой Склиром (976–979) и Вардой Фокой (987–989). Фоку победил с помощью киевского князя Владимира, женившегося на сестре Василия II Анне. В интересах столичного чиновничества и городских торговых-ремесленных верхов стремился ограничить рост крупного светского землевладения, пытался помешать разорению налогоплательщиков – свободных крестьян. К концу правления отвоевал значительную территорию у арабов и расширил владения империи за счёт армянских и грузинских земель. После длительной войны с Западно-Болгарским царством подчинил его (в 1018) Византии; за жестокость, проявленную в этой войне, был прозван Болгаробойцей – 188

Вацлав Святой (ок. 907–935/936), чешский князь (с 924) из рода Пржемысловичей. Способствовал распространению

христианства в западной (католической) форме. Убит заговорщиками. Провозглашён церковью святым покровителем Чехии – 80

Вебер Макс (1864–1920), немецкий социолог, историк, экономист и юрист, автор концепции «понимающей социологии». Выделил четыре типа социального действия: целерациональное – когда предметы или люди трактуются как средства для достижения собственных рациональных целей; ценностно-рациональное, определяемое осознанной верой в ценность определённого действия независимо от его успеха; аффективное, определяемое эмоциями; традиционное, определяемое традицией или привычкой – 25, 101, 176, 189, 295, 301

Велизарий (ок. 504–565), выдающийся византийский полководец эпохи Юстиниана. Подавил восстание «Ника» в Константинополе (532). Одержал победы над персами, вандалами в Северной Африке, отвоевал у остготов Южную и Северную Италию – 201

Вермид, дружинник-варяг, имя которого сохранилось в договоре, заключённом князем Олегом с Византией (ок. 907) – 120

Вернадский Георгий Владимирович (1888–1973), российско–американский историк, теоретик евразийства – 23, 272, 367

Верт Александр (1901–1969), английский журналист и публицист. В годы Второй Мировой войны – корреспондент ряда английских газет и Би-Би-Си в СССР – 230

Виклиф Джон (ок. 1320–1384), английский теолог, поборник реформирования католической церкви, предтеча английской и европейской Реформации, осуществил перевод Библии на английский язык, оказал влияние на Яна Гуса и Мартина Лютера – 48, 49

Виктор-Эммануил (1820–1878), король Сардинии, первый король объединённой Италии (с 1861) – 50

Вильгельм Завоеватель (ок. 1028–1087), английский король (с 1066), герцог Нормандии (с 1035). Присоединил к своим владениям графство Мэн (1062), часть земель графа Анжуйского. Объявив себя наследником англосаксонского короля Эдуарда Исповедника, во главе войска норманнских, французских и итальянских феодалов высадился в Англии (1066), разбил при Гастингсе (14 октября 1066) войско ан-

лосаксонского короля Гарольда и стал английским королём. Конфисковал земли англосаксонской знати, в своей политике опирался на нормандских рыцарей, мелких и средних местных землевладельцев, перешедших на сторону завоевателей, и церковь. Установил прямую вассальную зависимость всех феодальных землевладельцев от короля, что способствовало укреплению королевской власти. По его приказу была проведена земельная перепись (так называемая «Книга страшного суда»), которая перевела многих свободных крестьян в разряд крепостных (вилланов) – 47, 113

Вильгельм II Добрый (1153–1189), король Сицилийского королевства, правление которого осталось в памяти потомков как золотой век истории Сицилии – 188

Вильгельм III Оранский (1650–1702), правитель Нидерландов, король Англии и Шотландии. Стал королём Англии после Славной революции 1688 года, лишившей трона Якова II Стюарта – 112

Владимир I Святой (ум. 1015), князь Новгородский (с 969/970), великий князь Киевский (с 980), ввёл на Руси в качестве государственной рели-

гии христианство – 126, 146, 150, 151, 172, 174, 175, 190, 275

Владимир II Мономах (1053–1125), великий князь смоленский (с 1078), переяславский (с 1093), великий князь киевский (с 1113). Сын Всеволода I Ярославича и дочери византийского императора Константина IX Мономаха – 122, 123, 132, 134, 135, 150, 152, 366

Водовозов Василий Васильевич (1864–1933), русский публицист, юрист, экономист – 43, 77, 78, 91, 92, 103–108, 110

Вольтер (*Франсуа Мари Аруэ*) (1694–1778), французский писатель, философ-просветитель – 195, 379

Всеволод Мстиславич (ум. 1138), князь новгородский (с 1117), сын Мстислава Владимировича, внук Владимира Мономаха. Изгнан из Новгорода в 1136 году в результате мятежа. Остаток жизни княжил в Пскове – 123

Всеволод Святославич (ум. 1196), князь Курско-Трубчевский. Вместе с братом Игорем ходил в поход на половцев (1185), в котором русские войска потерпели поражение, а князья были взяты в плен – 125–129

Всеволод III Большое Гнездо (1154–1212), великий князь

владимирский (с 1176), сын Юрия Долгорукого. Подчинил Киев, Чернигов, Рязань, Новгород. В его правление Владимиро–Суздальская Русь достигла наивысшего расцвета – 129, 274

Г

Габсбурги (1282–1918), династия, правившая в Австрии (1282–1918), в Чехии и Венгрии (1526–1918) (с 1867 – Австро-Венгрии), в Испании и её владениях (1516–1700). Императоры Священной Римской империи (постоянно – в 1438–1806, кроме 1742–1745) – 44

Гагарин Юрий Алексеевич (1934–1968), лётчик-космонавт СССР, полковник, Герой Советского Союза. 12 апреля 1961 года впервые в истории человечества совершил полёт в космос на космическом корабле «Восток» – 285

Гайдар Егор Тимурович (1956–2009), российский государственный и политический деятель, экономист. Один из идеологов и руководителей экономических реформ начала 1990-х годов в России – 304

Галерий Максимин Валерий (242–311), римский император (с 293), один из правите-

лей Римской империи времён Тетрархии (правления четырёх императоров) – 150

Ганди Мохандас Карамчанд (1869–1948), один из лидеров индийского национально-освободительного движения, его идеолог, учение которого стало программой борьбы за независимость Индии от Великобритании. Глава партии Индийский национальный конгресс – 99, 269

Гарольд II Годвинсон (ум. 1066), последний англосаксонский король Англии (январь – октябрь 1066). Фактический правитель страны с 1053. Погиб в битве с войсками герцога Нормандии Вильгельма при Гастингсе – 366

Гевара де ла Серна Линч Эрнесто (Че Гевара) (1928–1967), латиноамериканский революционер, один из лидеров кубинской революции 1959. Министр промышленности Кубы, Президент национального банка Кубы. Погиб (расстрелян) во время революционной борьбы в Боливии – 25

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831), немецкий философ, один из творцов немецкой классической философии, создавший систематическую теорию диалектики –

52, 289

Генрих I Капетинг (1008–1060), король Франции (с 1031), вторым браком женат на дочери Ярослава Мудрого Анне – 366

Генрих II Плантагенет (1133–1189), первый английский король из династии Плантагенетов (с 1154). Наряду с английскими владениями объединил под своей властью обширные территории во Франции. Начал завоевание Ирландии (1169) – 44

Генрих III Плантагенет (1207–1272), король Англии (с 1216) – 349

Генрих IV (1050–1106), король Германии, император Священной Римской империи, вторым браком женат на внучке Ярослава Мудрого и сестре Владимира Мономаха, Евпраксии (Адельгейде). Боролся с папством за инвеституру – 171, 366

Генрих VIII (1491–1547), второй английский король (с 1509) из династии Тюдоров. Яркий представитель английского абсолютизма. Первый глава независимой от Рима церкви Англии – 49

Георг I Ганновер (1660–1727), курфюрст ганноверский (с 1698) король Великобритании (с 1714). Первый предста-

витель Ганноверской династии. Был чужд культуре и национальным интересам Англии. Не интересовался английской политикой, что помогло стоявшей у власти партии вигов укрепить самостоятельность парламента по отношению к короне – 349

Георг II Ганновер (1683–1760), король Великобритании и Ирландии (с 1727), курфюрст Ганновера, герцог Брауншвейг–Люнебургский. Безопасность Ганновера ставил выше желаний и интересов английского общества. Оставил после себя прочно утвердившуюся в политическом сознании общества мысль, что из сил, направляющих политику страны, королевская власть – самая незначительная – 349

Георг III Ганновер (1738–1820), король Великобритании (с 1760), курфюрст, затем король Ганновера (1760–1815). Опираясь на партию тори в парламенте, пытался отеснить вигов от управления страной и взять руководство политикой в свои руки. Один из вдохновителей английской колониальной политики и борьбы с восставшими колониями Северной Америки. Принимал деятельное участие в борьбе против Великой Французской революции и организации коалиций

против Наполеона. В 1811 впал в помешательство, управление страной перешло в руки регента – 349

Герберштейн Сигизмунд (1486–1566), барон, немецкий дипломат и путешественник. В 1517 прибыл в качестве посла императора Максимилиана I в Москву с целью склонить великого князя Василия III к миру с Польшей для совместной борьбы против Турции. Вторично прибыл в Москву в 1526. Обе его миссии не увенчались успехом. Автор книги «Записки о московитских делах» – 139, 142, 143, 151

Геродот (ок. 490/480 до н.э. – ок. 425 до н.э.), древнегреческий историк («отец истории»). Труд Геродота, условно названный «История», посвящён Греко-персидским войнам (500–449 до н.э.). Главным мотивом «Истории» является идея борьбы греческого мира с миром восточным. Геродот повествует об отдельных походах персидских царей: Кира – в Мидию (550 до н.э.) и на Вавилон (539 до н.э.), Камбиса – в Египет (525 до н.э.), Дария I – в Скифию (512 до н.э.), каждый раз подробно описывая географическое положение страны, явившейся объектом похода персов, нравы и обычаи мест-

ных жителей, их религию, особенности экономической и политической жизни – 341

Гершензон Михаил Осипович (1869–1925), русский литературовед, историк, философ. Главный инициатор создания сборника «Вехи» – 245, 247, 254, 255, 257

Гертруда Польская (ок. 1025–1108), польская принцесса, дочь короля Польши Мешко II, сестра Казимира Восстановителя, супруга сына Ярослава Мудрого великого князя киевского Изяслава I Ярославича – 366

Герцен Александр Иванович (1812–1870), русский революционер, писатель, философ и публицист – 46, 197

Геттнер Герман (1821–1882), немецкий историк литературы и искусствовед – 243

Гердер Иоганн Готфрид (1744–1803), немецкий философ, писатель-просветитель, проповедник. Занимался изучением народного творчества. Высшим идеалом для Гердера была вера в торжество всеобщей, космополитической гуманности. Он был апостолом идеи единства цивилизации, но, вместе с тем, признавая, что между общечеловеческим и народным нет внутреннего противоречия, являлся заступ-

ником национальности, соединение двух этих идей позволяло ему быть одинаково свободным и от поверхностного космополитизма, и от узкого национализма. Труды Гердера по изучению языка и народной поэзии оказали большое влияние на развитие интереса к народности и народной поэзии у разных народов. «Илиада», «Одиссея» и Библия воспринимались Гердером, прежде всего, как выражение народного творчества. В сборник «Голоса народов в песнях» Гердер с одинаковой любовью и тщанием поместил переводы песен татар, гренландцев, испанцев, славян и других народов – 53

Гёте Иоганн Вольфганг (1749–1832), немецкий поэт, мыслитель, естествоиспытатель – 52

Гизо Франсуа Пьер Гийом (1787–1874), французский государственный деятель, историк. Член Академии моральных и политических наук, член Французской академии. Занимал посты министра внутренних дел, народного просвещения, иностранных дел, премьер-министра – 137, 350, 352, 353

Гита Уэссекская (ум. 1098), английская принцесса, дочь последнего англосаксон-

ского короля Англии Гаральда II Годвинсона и Элдгиты Лебединая Шея. В 1074 году вышла замуж за русского князя Владимира Мономаха – 366

Гитлер (Шикльгрубер) Адольф (1889–1945), основатель и центральная фигура немецкого национал-социализма, вождь (фюрер) Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП) (с 1921), рейхсканцлер (с 1933) и фюрер (с 1934) Германии, верховный главнокомандующий вооружёнными силами Германии во Второй Мировой войне – 101, 104, 338, 345

Гийу Андре (род. 1923), французский историк, представитель школы «Анналов» – 23

Глебовна Ольга, жена Всеволода Святославича, князя курского, дочь переяславского и киевского князя Глеба Юрьевича, внучка Юрия Долгорукого – 126

Гобино Жозеф Артюр де (1816–1882), граф, французский филолог, социолог, писатель, дипломат. Один из основателей расовой антропологической школы в социологии. Свою расовую историософию изложил в работе «Опыт о неравенстве человеческих рас». Идеи Гобино долго оставались незамечанными. От забвения

их спасло случайное обстоятельство. В 1880 году Рихард Вагнер познакомился с Гобино, мировоззрение которого оказалось ему близко. Членам байрейтского кружка Вагнера было вменено в обязанность ознакомление с трудами Гобино, идеи которого стали активно популяризоваться в Германии и оказали значительное влияние на Ницше, Чемберлена, Лебона и евгенистическое движение начала XX века – 92–94

Гоббс Томас (1588–1679), английский философ, один из создателей теории государства на основе договора между людьми – 347

Гоголь Николай Васильевич (1809–1852), русский писатель – 258

Горбачёв Михаил Сергеевич (род. 1931), Генеральный секретарь ЦК КПСС (1985–1991), первый и последний президент СССР (1990–1991), глава Горбачёв-фонда, занимающегося исследованием истории перестройки и проблем, актуальных для российской и мировой истории – 335

Горчаков Александр Михайлович (1798–1883), князь, русский дипломат, министр иностранных дел и государственный канцлер России (1856–

Грибоедов Александр Сергеевич (1795–1829), русский писатель и дипломат – 258

Грин Джон Ричард (1837–1883), священник, британский историк, автор популярной «Краткой истории английского народа», выход которой в свет (1874) поставил имя её автора в ряд известнейших историков своего времени – 171

Гумилёв Лев Николаевич (1912–1992), советский и российский учёный, историк, этнограф, доктор исторических и географических наук, переводчик с персидского языка, основоположник пассионарной теории этногенеза, евразиец – 23, 28, 29, 201, 204, 275, 276, 295, 326

Гус Ян (1371–1415), национальный герой чешского народа, проповедник, мыслитель, идеолог чешской Реформации, ректор Карлова университета, сторонник Джона Виклифа. Осуждён собором в Констанце как еретик и сожжён заживо. Гибель Гуса вылилась в гуситское движение и гуситские войны (1419–1437) против католической церкви, феодальных порядков и немецкого влияния в Чехии – 49

Давидсон Аполлон Борисович (род. 1929), доктор исторических наук, специализируется на истории Африки и Британской империи – 228

Давыд Ростиславич (1140–1197), князь, княжил в разных городах, более всего в Смоленске, брат Рюрика Ростиславича – 130, 132, 133

Даль Владимир Иванович (1801–1872), российский лексикограф, писатель, этнограф, врач. Автор «Толкового словаря живого великорусского языка», сборников рассказов и пословиц. Член–корреспондент Петербургской академии наук (1838) по классу естественных наук за собрание коллекций по флоре и фауне Оренбургского края – 109, 111

Даниил, ветхозаветный пророк – 241

Даниил, игумен, первый русский паломник оставивший описание своего «хождения» в Святую Землю (1106–1107 гг.) – 122

Данилевский Николай Яковлевич (1822–1885), русский социолог, культуролог, публицист и естествоиспытатель. Идеолог панславизма, автор концепции культурно-исторических типов, которую

изложил в работе «Россия и Европа» (1871) – 10, 23, 27, 28, 158, 179, 193, 205, 206, 236, 241, 272, 300, 301, 307, 311, 331, 347, 348, 376, 377, 378, 386, 388

Данте Алигьери (1265–1321), итальянский поэт – 94

Дарвин Чарльз Роберт (1809–1882), английский естествоиспытатель, основоположник теории эволюции органического мира – 93, 243, 347, 348

Дарий I (550–486 до н.э.), персидский царь из династии Ахеменидов (522–486 до н.э.), при котором персидское государство достигло наивысшего могущества. В целях упорядочения управления и фискальной системы разделил государство на 20 (кроме собственно Персии) сатрапий, во главе которых ставились персидские вельможи. В целях включения Индийского океана в область персидской торговли Нил и Красное море были соединены каналом. В целях положить конец нашествиям с севера совершил поход на скифов (511). Неудачи в войнах с греками, обременительные приготовления к новому походу привели к волнениям в провинции, восстал Египет (486). Дарий умер, не успев подавить восстания. Как мудрый, справед-

ливый правитель пользовался уважением даже своих врагов. Эсхил, участвовавший в марафонском сражении, хорошо отзывался об этом царе в «Персах». Евреи также сохранили о нём положительные воспоминания: во второй год своего царствования Дарий разрешил возобновить работы по построению второго храма, а в шестой год храм был освящён. Египтяне уважали этого царя наравне со своими фараонами-законодателями – 340, 341

Дахин Владимир Никитович (род. 1946), доктор исторических наук, политолог – 208

Делиус Вальтер, немецкий историк – 138, 141, 151, 153, 187

Денисов Адриан Карпович (1763–1841), казачий атаман, генерал-лейтенант. В 1799 совершил с А.В. Суворовым переход через Альпы. В период Отечественной войны 1812 года успешно сформировал 26 новых казачьих полков – 211

Дефо Даниель (1660–1731), английский писатель и публицист. Родоначальник английского реалистического романа. В публицистике пропагандировал здравомыслие и практицизм, выступал в защиту веротерпимости и свободы слова – 112

Диль Шарль Мишель (1859–1944), французский византист. В 1899–1934 профессор Сорбонны. С 1910 член французской Академии надписей, с 1925 иностранный член-корреспондент Академии наук СССР. Занимался византийской археологией и историей искусства, историей административного аппарата и политической историей. Отказался от характерной для византиноведения XIX в. негативной оценки византийской культуры, пытался выявить позитивное значение византийской цивилизации. Впадая в противоположную крайность, подчас идеализировал искусство, право, государственный строй Византии – 164

Дискин Иосиф Евгеньевич (род. 1948), доктор экономических наук, профессор ГУ ВШЭ – 339, 340

Добронега (Мария) (ум. 1087), сестра Ярослава Мудрого, супруга короля Польши Казимира – 366

Добрыня Рязанич, русский былинный богатырь – 135

Долгорукий Юрий (ум. 1157), князь суздальский, великий князь киевский, шестой сын Владимира Всеволодовича Мономаха. Считается основателем города Москвы – 129

Достоевский Фёдор Михайлович (1821–1881), великий русский прозаик, философ, публицист – 10, 158, 177–179, 195, 197, 198, 204, 212, 213, 219, 220, 223, 224, 230, 236–138, 254, 258, 262, 269, 300, 312, 339, 376, 378

Дрэнпер Джон Вильям (1811–1882), американский физик, химик, физиолог, историк, сторонник географического детерминизма – 96

Дюверже Кристиан (род. 1948), французский писатель, историк, специалист по истории латиноамериканских стран – 97

Дугин Александр Гельевич (род. 1962), публицист, идеолог неоевразийства – 277

Е

Евпраксия (Адельгейда) (ум. 1109), внучка Ярослава Мудрого, дочь Всеволода Ярославича, сестра Владимира Мономаха, вторая супруга императора Священной Римской империи Генриха IV. Бежала от притеснений мужа в Верону под покровительство папы римского (с которым Генрих был в постоянном конфликте из-за борьбы за инвеституру) и обвинила императора в оргиях

и сатанизме. Овдовев, вернулась в Киев и постриглась в монахини – 366

Екатерина II Алексеевна Великая (1729–1796), российская императрица. Провела две войны с Турцией, отмеченные крупными победами Румянцева, Суворова, Потёмкина и Кутузова, утверждением России на Чёрном море – 118, 144, 188, 195, 196, 241, 242, 379

Еллинек Георг (1851–1911), немецкий правовед, представитель юридического позитивизма. Оказал влияние на русскую юридическую науку XX века – 91, 104

Елизавета I (Elizabeth) (1533–1603), английская королева (с 1558), последняя представительница династии Тюдоров. Значительно усилила центральную администрацию, упорядочила финансовое ведомство, окончательно установила протестантизм (в его умеренной англиканской форме). Церковь была полностью подчинена государству и стала важной опорой абсолютизма. Увеличила флот. Во внешней политике придерживалась усиления торговой и колониальной экспансии. Проводила систематическое завоевание Ирландии. Успешно боролась с Испанией за преобладание на море (раз-

гром «Непобедимой армады» в 1588 году) – 141, 153

Елизавета Ярославна (род. 1025), дочь Ярослава Мудрого, супруга норвежского короля Харальда III Сурового – 366

Емельянов Юрий Васильевич (род. 1937), кандидат исторических наук, писатель – 69, 70

Ж

Жевахов Александр (род. 1952), французский историк российско-грузинского происхождения, советник министра обороны и министра внутренних дел Франции, глава Российского морского собрания Франции – 111

Жуаннен Франс – 111

З

Забелин Иван Егорович (1820–1909), русский историк и археолог, член-корреспондент (1884), почётный член (1907) Петербургской академии наук. Из семьи чиновника. В 1837–1859 работал в Оружейной палате. Автор трудов по истории материальной культуры. В 1859–1876 работал в Петербурге в Археологической комис-

сии. В 1879–1888 председатель общества истории и древностей российских при Московском университете. Один из организаторов Исторического музея в Москве, в 1883–1908 фактически его руководитель. Большое внимание уделял изучению истории русского быта – 145, 146

Заславская Татьяна Ивановна (род. 1927), российский социолог, экономист и политолог, доктор экономических наук, академик Российской академии наук – 208, 340, 383, 384

Здравомыслова Ольга Михайловна (род. 1953), доктор философских наук, социолог, исполнительный директор Горбачёв-фонда – 198

Зомбарт Вернер (1863–1941), немецкий философ, экономист, социолог и историк. Основное внимание в своей исследовательской деятельности уделял экономической истории Западной Европы, в особенности возникновению капитализма, проблемам социализма и социальных движений. Пытаясь соединить эмпирическое изучение экономики и теоретическое объяснение общественной жизни, разработал понятие «экономической системы» как некоей целостности, вызывающей к жизни специфические для неё экономиче-

ские институты и представляющей собой выражение «духа» общества. Попытался создать свою теорию первоначального накопления, выдвинув в качестве основного источника накопления капитала аккумуляцию феодальной земельной ренты – 194

Зельдович Яков Борисович (1914–1987), советский физик-теоретик, один из основателей теории горения, детонации и ударных волн, академик Академии наук СССР – 112

Земскова Вера Ивановна, кандидат философских наук, главный библиотекарь Библиотеки Академии наук, Санкт-петербург – 164

Зоя (ок. 978–1050), византийская императрица, супруга Константина IX Мономаха – 188

И

Иван (Иоанн) III Васильевич (1440–1505), великий князь владимирский и московский (с 1462), «всёя Руси» (с 1478). Вторым браком женат на племяннице последнего византийского императора Софье (Зое) Палеолог – 138, 139, 144, 151, 187, 220, 221, 303

Иван (Иоанн) IV Васильевич

вич Грозный (1530–1584), первый русский царь (с 1547), один и образованнейших людей своего времени («мудрости книжной ритор») – 44, 45, 61, 62, 138–141, 143–154, 186, 187, 191, 202, 203, 238, 379

Игорь (погиб в 945), великий князь киевский (с 912). В 941 и 944 совершал походы в Византию, с которой заключил договор. Убит древлянами, восставшими во время сбора дани – 120

Игорь Святославич (1150–1202), князь новгород-северский (с 1178) и черниговский (с 1199). Сын Святослава Ольговича, князя черниговского. Участник борьбы за киевский стол. В 1170-х одержал ряд побед над половцами, но в результате неудачного похода 1185 года попал в плен к хану Кончаку. Этот поход послужил сюжетной основой для «Слова о полку Игореве» – 125, 127–133, 137

Иегова (Яхве), одно из прозвищений личного имени Бога в Ветхом Завете, Бог–Отец – 286

Изабелла Кастильская (1451–1504), королева Кастилии (с 1474). Брак с Фердинандом (1469), ставшим королём Арагона (с 1479), привёл к династической унии Кастилии и

Арагона, фактическому объединению Испании. С помощью союза городов сломила сопротивление феодальной знати, в дальнейшем ограничила городские вольности, заложив основы системы централизованного управления. При ней была завершена Реконкиста (отвоёвана Гранада), снаряжены экспедиции Колумба. Религиозная политика Изабеллы отличалась фанатизмом: учреждение инквизиции (в 1480), изгнание евреев (в 1492), насильственное обращение арабов в христианство – 44, 146, 217

Изгоев (Ланде) Александр Соломонович (1872–1935), русский социолог, публицист – 245, 253–255, 259

Изяслав Ярославич (1024–1078), великий князь киевский, старший сын Ярослава Мудрого. Один из трёх составителей «Правды Ярославичей» – 366

Иларион Русин (ум. ок. 1055), первый русский по происхождению и поставленный в России митрополит Киевский и всея Руси (с 1051). Автор «Слова о законе и благодати» и других произведений. С именем Илариона связано составление церковного устава (номоканона) князя Ярослава, относящееся к последним годам правления этого князя – 173–

Ильин Иван Александрович (1883–1954), русский философ, писатель и публицист – 230, 305, 306

Илья Муромец, один из главных героев русского былинного эпоса, богатырь, герой-воин, народный заступник – 135

Ингегерда (Ирина) (1001–1050), дочь короля Швеции Олафа Шётконунга, жена (с 1019) великого князя киевского Ярослава Мудрого – 366

Иннокентий III (в миру – *Лотарио ди Сеньи*) (ок. 1161–1216), римский папа (с 1198), время понтификата которого – период наивысшего могущества средневекового папства. Временно подчинил своей власти Сицилийское королевство. Принудил королей Англии, Арагона, Португалии, царя Болгарии признать себя вассалами папы. Ликвидировал городскую автономию Рима и восстановил власть папы над всей территорией папского государства. Преследовал ереси. Способствовал организации инквизиции. Надеясь распространить влияние католической церкви в Восточной Европе предлагал Галицкому князю Роману Мстиславичу королевскую корону в обмен на приня-

тие католичества – 131, 170

Иннокентий VIII (в миру – *Джованни Баттиста Чибо*) (ок. 1432–1492), римский папа (с 1484). Проповедывал поход против турок и собирал деньги для этой цели, в то же время получал значительные суммы от турецкого султана Баязида II, платившего папе за содержание под стражей своего брата и соперника. Боролся с гуситами – 138

Иоанн, племянник византийского императора Иоанна II Комнина – 179

Иоанн (Джон) Безземельный (1167–1216), английский король (с 1099) из династии Плантагенетов, брат и преемник Ричарда Львиное Сердце. Под нажимом восставших феодалов подписал Великую Хартию вольностей (1215), ставшую одной из наиболее значимых вех в развитии английского конституционного права. Потерял большую часть английских владений во Франции – 57, 170, 171

Иоанн II Комнин (1087–1143), византийский император (1118–1143). Совершил несколько военных кампаний в Малую Азию, отвоевал Лаодикею, взял Созополь, покорил армянскую Киликию, осаждал Антиохию, удачно боролся с

венграми и печенегам. Потерпел поражение в войне с Венецией, в результате чего был вынужден подтвердить Венеции привелегии, дарованные ей его отцом (императором Алексеем) – 164, 179, 188

Иоанн VI Кантакузин (ок. 1293–1383), император Византийской империи (1341–1354). В борьбе с политическими противниками опирался на турок-османов, которым позволил укрепиться на европейском берегу. Отрёкся от престола и постригся в монахи (1355). Автор «Истории», охватывающей события 1320–1356 гг., одного из лучших исторических поздневизантийских памятников – 180

Иоанн VIII Палеолог (1392–1448), византийский император (с 1421), более двух лет провёл в Италии пытаясь заручиться помощью западноевропейского католического мира против турок, при нём была заключена Флорентийская уния (1439), которая, однако, не возымела никаких ожидавшихся при её подписании положительных для Византийской империи военно-политических последствий – 369

Ирина (ок. 1088–1134), византийская императрица, суп-

руга Иоанна II Комнина – 188

К

Кальвин Жан (1509–1564), деятель Реформации, основатель кальвинизма, богослов. Автор «Наставлений в христианской вере», в которых систематически изложил протестантское вероучение. С 1541 фактический диктатор Женевы (женевский папа), превративший её в один из центров Реформации. Отличался крайней религиозной нетерпимостью – 49

Карамзин Николай Михайлович (1766–1826), русский писатель, историк, почётный член Петербургской академии наук (1818). Основоположник русской сентиментальной литературы («Письма русского путешественника», «Бедная Лиза» и др.). Редактор «Московского журнала» (1791–1792) и «Вестника Европы» (1802–1803). Автор «Истории государства Российского», отразившей уровень передовой исторической науки своего времени – 54, 76, 77, 118, 120, 122, 131, 139, 140, 145–147, 149, 173, 186, 192, 193, 221, 273, 319

Карафеодорис (Каратеодори, Каратеодорис) Александр

(1833–1906), представитель старинного фанариотского рода, османский политический деятель, министр иностранных дел Османской империи – 181

Карл, дружинник-варяг, имя которого сохранилось в договоре, заключённом князем Олегом с Византией (ок. 907) – 120

Карл II Стюарт (1630–1685), английский король (с 1660). Сын казнённого Карла I. После разгрома роялистских армий в гражданской войне был вынужден бежать из Англии, куда вернулся по приглашению парламента в 1660 – 349

Карл V Габсбург (1500–1558), император Священной Римской империи (1519–1556), король Испании (Карлос I) (1516–1556). Вёл успешные войны с Францией за обладание Италией, с Османской империей. Издал направленный против Реформации Вормский эдикт (1521). Одержал победу над объединением немецких протестантов (князей и городов) в 1546–1548. Однако после поражения в борьбе с немецкими князьями -протестантами во главе с Морицем Саксонским (1552) и заключения с ним Аугсбургского религиозного мира 1555 отрёкся от престола – 44, 146

Карл VIII (Любезный) Валуа (1470–1498), король Франции (с 1483). В 1494 перешёл Альпы с многочисленной армией и практически без помех дошёл до Неаполя, благожелательно встреченный угнетаемым населением. Принял титул короля Неаполитанского, Иерусалимского и императора Востока (после заключения договора с племянником последнего императора Византии Андреем Палеологом, передавшим королю свои права). В результате обширной антифранцузской коалиции поход в Италию закончился безрезультатно – 148

Каждан Александр Петрович (1922–1997), историк-византист. Работал в СССР и США. Один из крупнейших специалистов XX века по истории Византии. Редактор фундаментального трёхтомного «Оксфордского словаря Византии» (The Oxford Dictionary of Byzantium) – 15, 17, 164, 168, 169, 182, 184, 378

Казимир I Восстановитель (1015/1016–1058), польский король из династии Пястов. Вступил на престол в условиях упадка центральной власти и широкого антифеодального крестьянского движения. Проводил политику объединения

польских земель. Способствовал укреплению независимой от высшего германского духовенства церковной иерархии в Польше – 366

Камеро (первая половина XII в.), дочь иконийского султана, жена Иоанна, племянника византийского императора Иоанна II Комнина – 179

Каспари Альвин Андреевич (1836–1912), российский издатель, типограф, книготорговец – 171

Кастро Рус Фидель Александро (род. 1926), революционер, лидер Кубинской революции 1959. Руководитель Кубы с 1959 по 2008 – 25

Кван Ю Ли (род. 1923), премьер-министр Сингапура (1959–1990) творец и идеолог сингапурского экономического чуда, автор книги «Сингапурская история: из третьего мира в первый» – 116

Киплинг Джозеф Редъярд (1865–1936), английский писатель, поэт («певец Британской империи»), лауреат Нобелевской премии по литературе (1907). Придерживался консервативных взглядов – 58, 89, 99

Кир II Великий (ум. 530 до н.э.), персидский царь из династии Ахеменидов. В 558 возглавил союз персидских племён, восставших в 553 против

владычества мидян. В 550/549 завоевал Мидию, в 546 – Лидию и греческие города Малой Азии, между 545 и 539 – значительную часть Средней Азии, в 539 – Вавилонию. Вавилон стал одной из царских резиденций. В 530 отправился в поход против массагетских племён Средней Азии, но потерпел поражение и погиб. Образ Кира II нашёл широкое отражение в древневосточной и античной литературе («Киропедия» Ксенофонта и др.) – 71

Кистяковский Богдан Александрович (1868–1920), русский юрист, социолог, один из авторов «Вех» – 246, 260, 261

Кицикис Димитрис (род. 1935), доктор философии (Сорбонна), специалист по международным отношениям и истории Балкан, профессор Оттавского университета, действительный член Канадской академии. Советник президента Турции Тургата Озала по вопросам греко-турецких отношений – 111, 180, 289, 290, 369

Ключевский Василий Осипович (1841–1911), российский историк, член-корреспондент Петербургской академии наук (1889), академик истории и древностей русских (1900), почётный академик по разряду

изящной словесности (с 1908). С 1880-х член Московского археологического общества, общества любителей российской словесности, Московского общества истории и древностей российских (председатель в 1893–1905) – 118, 123, 192, 221, 272–274, 378

Кобенцель Иоанн (Ян), посол императора Священной Римской империи Максимилиана II при Иване IV Грозном – 139

Кобяк, половецкий хан. Неоднократно производил набеги на Русскую землю. Принимал участие в междоусобных войнах русских князей. Разбит и пленён киевским князем Святославом Всеволодовичем (1183) – 128

Ковалевский Максим Максимович (1851–1916), русский историк, юрист, социолог, этнограф. Преподавал в московском университете. Живя за границей, читал лекции в Стокгольме, Оксфорде, парижской русской школе. Депутат первой государственной думы. Председатель петроградского юридического и Вольного экономического обществ, член-корреспондент академии наук, корреспондент французского института по отделению нравственных и политических наук,

член международного института социологии, член британской ассоциации наук – 222

Козлова Н.И. – 381

Колумб Христофор (1451–1506), мореплаватель. Совершил обширные географические открытия, которые сопровождались колонизацией земель, основанием испанских поселений, порабощением и массовым истреблением коренного населения, которое он назвал индейцами. О приоритете Колумба в открытии Америки в научной литературе идёт дискуссия. Установлено, что острова и береговые области северной и северо-восточной Америки посещались норманнами за сотни лет до Колумба; не исключено, что европейцы и жители Африки достигали берегов тропической Америки. Однако только открытия Колумба имели всемирно-историческое значение, поскольку лишь после его плаваний американские земли вошли в сферу географических представлений. Его открытия способствовали пересмотру средневекового мировоззрения и возникновению колониальных империй – 146

Коммин Филипп де (1447–1511), французский государственный деятель, дипломат, ис-

торик, советник французского короля Людовика XI, посол в Венеции. При Карле VIII участвовал в дипломатической подготовке итальянских войн (1494–1559) – 148

Комнины, династия византийских императоров (1081–1185), основанная Алексеем I. Фактически начало династии положил Исаак Комнин, император в 1057–1059. Потомки последнего Комнина – Андроника I – правили в Трапезундской империи, приняв имя «Великие Комнины». Комнины предоставили обширные торговые привилегии на территории Византии итальянским республикам Венеции и Генуе – 17, 180

Константин Павлович (1779–1831), русский великий князь, второй сын императора Павла I. Участник походов А.В. Суворова (1799–1800), Отечественной войны 1812. С 1814 фактический наместник Царства Польского. Тайный отказ Константина Павловича от прав на российский престол создал после смерти Александра I обстановку, использованную декабристами для восстания 14 декабря 1825 – 195

Константин I Великий (Флавий Валерий Аврелий) (ок. 285–337), римский импера-

тор (с 306). Последовательно проводил централизацию государственного аппарата, сохраняя языческие культы, поддерживал христианскую церковь. Почитается православной церковью как Святой Равноапостольный царь Константин. В 324–330 на месте города Византий основал новую столицу Римской империи – Константинополь – 136, 143, 144, 150, 175, 188, 196, 241, 360

Константин VII Багрянородный (905–959), византийский император (номинально с 913, фактически с 944/945) из Македонской династии. Один из образованнейших людей своего времени. Автор сочинений, содержащих важные сведения о русско-византийских отношениях X века и других странах. В работе «О церемониях» описал визит княгини Ольги в Константинополь (957), в произведении «Об управлении империей» (ок. 950) дал краткое описание экономического и политического устройства Руси – 164

Константин IX Мономах (ок. 1000–1055), византийский император (с 1042), тесть сына киевского князя Ярослава Мудрого Всеволода Ярославича, женившегося на дочери Константина Мономаха Ирине

– 150, 164, 188

Константин XI Палеолог (Драгаи) (1405–1453), последний византийский император (с 1449), погиб во время взятия турками Константинополя – 138

Кончак (вторая половина XII века), половецкий хан. Объединил половец и создал сильную военную организацию. Совершил ряд походов в Киевскую и Переяславскую земли. В 1185 нанёс поражение князю Игорю Святославичу Новгород-Северскому и пленил его – 130

Кортес Эрнан (1485–1547), испанский конкистадор, завоеватель Мексики. Родился в небогатой дворянской семье, учился в Саламанкском университете. В 1504–1519 служил чиновником и владел энкомьендами в Вест-Индии (Санто-Доминго, Куба). В 1519–1521 возглавил завоевательный поход в Мексику, в ходе которого было установлено испанское господство в центральной части страны. При завоевании Мексики проявил большие военные и политические способности в сочетании с крайней жестокостью и вероломством в отношении индейцев. В 1522–1528 – губернатор и генерал-капитан Новой Испании (Мек-

сики). В 1540 уехал в Испанию, где и умер – 97

Костомаров Николай Иванович (1817–1885), российский историк, этнограф, писатель, критик, поэт – 151

Кромвель Оливер (1599–1658), выдающийся английский военачальник и государственный деятель, один из лидеров Английской буржуазной революции, вождь индипендентов. Содействовал казни короля и провозглашению республики (1649). Лорд–протектор Англии, Шотландии и Ирландии (с 1653). Протекторат был военным режимом единоличной диктатуры Кромвеля – 322

Кругман Пол Робин (род. 1953), американский экономист и публицист, лауреат Нобелевской премии по экономике (2008) – 355

Ксеркс (Хишаршан) (ум. 465 до н.э.), древнеперсидский царь (486–465 до н.э.) из династии Ахеменидов. Сын Дария I. Подавил восстание египтян (486–484). После начавшегося (в 482) восстания вавилонян разрушил Вавилон, а Вавилонское царство превратил в персидскую сатрапию. В 480 направился в поход против Греции, закончившийся поражениями персидского флота при Саламине (480), Микале (479) и

сухопутной армии персов при Платеях (479). Пытаясь приостановить процесс распада державы Ахеменидов после неудач в греко-персидских войнах, провёл религиозную реформу, сводившуюся к запрещению почитания местных родоплеменных богов и усилению культа общеиранского бога Ахурамазды. Убит в результате дворцового заговора – 198

Кулаковский Юлиан Андреевич (1855–1919), русский филолог-классик, историк Римской и Византийской империй, археолог, переводчик с латыни и древнегреческого, публицист, педагог – 378

Курбский Андрей Михайлович (1528–1583), князь, политический деятель, писатель-публицист. В 40–50-х годах XVI века был одним из самых близких людей Ивана IV. Занимал высшие административные и военные должности, участвовал в Казанских походах (1545–1552). В 1564 бежал в Литву. Возглавил одну из польских армий в войне против России. В 1564–1579 направил Ивану IV три послания, положившие начало известной переписке с царём, в которых обвинял его в жестокости и неоправданных казнях. В 1573 написал «Историю о великом

князе Московском» – политический памфлет, в котором отразилась идеология крупной аристократии, выступавшей против усиления самодержавной власти – 147, 153, 379

Кутузов (Голенищев-Кутузов) Михаил Илларионович (1745–1813), выдающийся русский полководец, генерал-фельдмаршал (с 1812), светлейший князь (с 1812), герой Отечественной войны 1812 года – 61

Л

Лависс Эрнест (1842–1922), французский историк – 196

Лев I (ок. 400–474), византийский император (с 457). Возведён на престол после смерти императора Марциана могущественным патрицием аланом Аспаром, под влиянием которого находился в начале царствования. После убийства Аспара (471) в противовес германским вооружённым силам выдвинул гвардию из исавров. Защищал православие против различных ересей. Предпринял неудачную экспедицию против вандалов Северной Африки – 368

Лев III Исавр (Сириец) (ок.

675–741), византийский император (с 717), родоначальник Исаврийской династии, одарённый военачальник и дипломат, укрепил внешнеполитическое положение империи, отразив натиск арабских завоевателей (в 718 – у Константинополя, в 740 у Акроиноса). Считал себя не только главой государства, но и главой церкви. Инициировал начало эпохи иконоборчества (с 730). В целях государственной централизации издал Эклогу (726) – краткий свод византийского законодательства – 17, 163, 360

Лев VI Мудрый (866–912), византийский император (с 886) из Македонской династии. Укреплял бюрократический аппарат, лишил политического значения синклит. Издал законодательный сборник Василики и свыше 100 новелл (законодательных постановлений, дополняющих римское право); проводил правительственное регулирование ремёсел и торговли. Стремился подчинить церковь: в 886 низложил патриарха Фотия, в 907 – патриарха Николая Мистика, осудившего четвёртый брак императора. Вёл с переменным успехом войны с арабами, потерпел поражение в войне с Болгарией (894–896) – 163, 188

Лев X (в миру – *Джованни Медичи*) (1475–1521), папа римский (с 1513). Сын правителя Флоренции Лоренцо Медичи Великолепного. Чтобы сохранить независимость папского престола, восстановить баланс сил в Европе и ослабить возрастающее влияние Габсбургов подписал с французским королём Франциском I конкордат, позволивший французскому двору проводить назначения на церковные должности (в том числе светских лиц) – 139

Ле Гофф Жак (род. 1924), представитель школы «Анналов», французский историк-медиевист – 23, 118

Лемёрль Поль (1903–1989), профессор Практической школы высших исследований (1947–1968), Сорбонны (1958–1967) и Коллеж де Франс (1967–1973), французский историк-византист – 369, 368

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924), революционер и мыслитель. Организатор Коммунистической партии Советского Союза, основатель Советского социалистического государства – 50, 69, 70, 74, 107, 230, 280, 281, 297, 304

Леонтьев Константин Николаевич (1831–1891), российский дипломат, писатель,

философ, публицист, литературный критик, мыслитель религиозно-консервативного направления. Проповедовал русский византизм, выступал против либерализма, демократизма, эгалитаризма и культурного обезличивания вестернизации, отличался эстетическим, аристократическим, романтическим восприятием мира, придерживался теории культурно-исторических типов и собственной теории жизненного цикла цивилизаций – 10, 21–23, 28, 158, 159, 176, 178, 179, 192, 193, 197–199, 203, 205, 220, 223, 236, 238, 277, 297, 298, 300, 311, 315, 320, 331, 339, 345, 376, 378

Лермонт Томас (ок. 1220–ок. 1290), легендарный шотландский бард и пророк, персонаж кельтского фольклора, возможно реально существовавшая личность. По преданию предок М.Ю. Лермонтова – 109

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841), русский поэт из дворянского рода шотландского происхождения. Предок русских Лермонтовых Георг Лермонт прибыл на русскую службу в XVII веке – 109

Ливен Доминик, профессор русской истории Лондонской школы экономики и политических исследований – 51, 89, 90,

102, 162, 183, 234

Ливий Тит (59 до н.э.–17 н.э.), древнеримский историк. Автор «Римской истории от основания города», в которой была погодно изложена вся история Рима от легендарного основания города до 9 года до н.э. Из 142 книг «Римской истории» сохранилось 35 – 18

Литавин Геннадий Григорьевич (род. 1925), российский историк, специалист в области средневековой истории южных славян, Византии и русско-византийских связей; доктор исторических наук, академик Российской академии наук, член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат Государственной премии России – 182, 184, 378

Лихачёв Дмитрий Сергеевич (1906–1999), советский литературовед и историк культуры, академик Академии наук СССР, иностранный член ряда зарубежных академий, почётный доктор Оксфордского, Эдинбургского и других университетов – 120–125, 135, 136, 138, 143, 171, 173, 174, 191

Локк Джон (1632–1704), английский философ, просветитель и политический мыслитель. Разработал эмпирическую теорию познания и идейно-политическую доктрину либе-

рализма. Идеи Локка сыграли важную роль в истории философской и общественно-политической мысли европейского Просвещения – 337

Ломброзо Чезаре (1835–1909), итальянский судебный психиатр, криминалист, антрополог, родоначальник антропологического направления в криминологии и уголовном праве. Под влиянием учения Дарвина о наследственности и положительной философии Конта с особой прямолинейностью стал проводить новые естественно-научные идеи. Исходя из мысли о подчинённости психических явлений причинам биологическим и физиологическим и положив в основу своих работ экспериментальный метод, в частности широко применяя получавшую тогда обстоятельную разработку антропометрию, обобщил свои выводы в книге «Преступный человек». Наклонность к преступлению, по Ломброзо, является результатом особой природы преступников, выражающейся в целом ряде присущих им психофизических особенностей, отличающих их от прочих людей, объясняющихся наследственностью, атавизмом и вырождением и создающих доступный

внешнему распознаванию тип преступника. Ломброзо обособовывал понятие прирождённого преступника – 94

Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765), русский учёный-естествоиспытатель, энциклопедист, поэт, художник, историк, поборник русского просвещения и развития самостоятельной русской науки – 76, 77, 118, 120, 366

Лукан Марк Анней (39–65), римский эпический поэт, племянник философа-стоика Аннея Луция Сенеки – 109

Людовик XVI Бурбон (1754–1793), король Франции (с 1774). Вступив на престол в условиях острого политического кризиса, стремился его преодолеть устранением ненавистных буржуазии деятелей предыдущего царствования, попытками реформ. Спротивление привилегированных сословий вынудило отказаться от реформ. Дальнейшее нарастание кризиса заставило созвать (май 1789) Генеральные штаты. Однако король пытался помешать превращению Генеральных штатов в Национальное, а затем и в Учредительное собрание; но когда началась Великая Французская революция (14 июля 1789) был принуждён формально признать Учреди-

тельное собрание и утвердить ряд его декретов, в то же время тайно готовя контрреволюционный переворот. Выступление парижского народа (5–6 октября 1789) сорвало эти планы и заставило короля с семьей переехать из Версаля в Париж. В июне 1791 пытался бежать вместе с семьей из страны, но недалеко от границы был опознан, задержан и возвращен пленником в Париж. Присягнул конституции 1791. Свергнут с престола народным восстанием 10 августа 1792. За контрреволюционные действия был судим Конвентом (декабрь 1792 – январь 1793) и большинством голосов осужден на смерть. Гильотинирован – 64

Людовик XVIII Бурбон (1755–1824) король Франции в 1814–1815 и 1815–1824. Во время царствования брата, Людовика XVI, титуловался графом Прованским. В 1791 бежал из Франции. Считался главой французской контрреволюционной эмиграции. После казни Людовика XVI (1793) провозгласил королём своего малолетнего племянника (Людовик XVII), а себя регентом; после смерти Людовика XVII (1795) объявил себя королём Франции. Находился на содержании европейских монархов. Занял

престол после падения Наполеона I (1814). Во время «Ста дней» Наполеона бежал в Бельгию (март 1815), вернулся во Францию в июле 1815 вместе с войсками иностранных государств. Опасаясь революционного взрыва, вынужден был первоначально проводить относительно умеренную политику, распустить (в 1816) ультрароялистскую палату депутатов («бесподобную палату») – 46

Лютер Мартин (1483–1546), теолог, глава Реформации в Германии, основатель немецкого протестантизма, переводчик библии на немецкий язык – 49

М

Maalouf Amin (род. 1949), французский писатель ливанского происхождения, лауреат Гонкуровской премии – 370

Маврикий (ок. 539–602), византийский император (с 582). Вёл неуспешные войны с персами, но помог персидскому царю Хосрою II подавить восстание и за это получил от него персидскую Армению и восточную Месопотамию. В царствование Маврикия началось переселение славян в Визан-

тийскую империю. Убит в результате военного мятежа под предводительством Фоки – 201

Магомет (ок. 570–632), основатель ислама, пророк – 140, 269

Макарова Елена Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Исторического факультета МГУ – 177, 357

Макиавелли Николо (1469–1527), итальянский политический деятель, философ, историк, писатель – 18

Максенций (Максентий) Марк Аврелий Валерий (ок. 278–312), римский император (с 306). Участник гражданской войны за власть с соправителями империи. Потерпел поражение в битве у Мульвийского моста от Константина Великого – 144, 150

Максим Грек (*в миру – Михаил Триволис*) (ок. 1470–1556), знаменитый деятель русского просвещения, афонский монах, прибывший к московскому князю Василию III в качестве переводчика. Автор публицистических текстов, в которых обличал несправедливости русской жизни и проповедовал нестяжательство, за что предстал перед церковным судом и много лет провёл в заточении –

143, 144, 148

Максимилиан I Габсбург (1459–1519), император Священной Римской империи (с 1493). Использовал брачные союзы для обеспечения за своими наследниками испанского, венгерского и чешского престолов. Положил начало реальному объединению австрийских владений Габсбургов, централизации их управления. Завязал дипломатические отношения с Русским государством – 139, 142, 143

Максимилиан II Габсбург (1527–1576), император Священной Римской империи (с 1564), австрийский эрцгерцог. Сын императора Фердинанда I. После раздела земель между членами дома Габсбургов (1564) получил Верхнюю и Нижнюю Австрию и корону Чехии и Венгрии. Всецело завися в финансовых вопросах от австрийских, чешских и венгерских феодалов, вынужден был сделать им значительные уступки; при нём в габсбургских землях широко распространился протестантизм. – 139

Малинова Ольга Юрьевна, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, профессор МГИМО (У) МИД России – 230

Мануил I Комнин (1118/1123–1180), византийский император (с 1143). Принудил Венгрию (1164), Сербию (1172) признать суверенитет Византии. Безуспешно пытался восстановить византийское господство в Италии и Египте. Поддерживал Юрия Долгорукого (женатого вторым браком на дочери Мануила I) в борьбе за киевский престол. Потерпел (1176) поражение от сельджуков при Мириокефале – 182, 367, 368

Мануил II Палеолог (1350–1425), византийский император (с 1391). Вступил на престол в период, когда значительная часть Византии была захвачена турками; фактически был вассалом Баязида I. Призвал на помощь крестоносцев, но несмотря на это потерпел поражение у Никополя (1396). В 1399–1403 в поисках помощи объехал Италию, Францию и Англию. После разгрома турецких войск Тимуром в Анкарской битве (1402) укрепил свои позиции на Пелопоннесе, вернул Византии Фессалоники (1403). В 1424 вновь обязался платить дань туркам. В 1425 отрекся от престола и постригся в монахи (под именем Матфея). Поддерживал гуманистическое движение, известен как

писатель – 369

Маргания Отар Леонтьевич (род. 1959), кандидат экономических наук – 345, 386

Марк Александрийский, патриарх Александрии – 172

Маркс Генрих (Гершель Маркс Леви) (1777–1838), отец Карла Маркса. Происходил из семьи еврейского раввина. Юрист, советник юстиции. Принял протестантизм, считая его более «рациональной» религией, а также для устранения препятствий к юридической деятельности. Занимал должность адвоката при высшем апелляционном суде в Трире; был старшиной трирской корпорации адвокатов. Как юрист пользовался большим авторитетом – 50

Маркс Карл (1818–1883), немецкий философ, экономист, политический журналист и мыслитель, основоположник марксизма. Разработал принципы материалистического понимания истории (исторический материализм), теорию прибавочной стоимости, исследовал развитие капитализма, выдвинул положение о неизбежности его гибели и перехода к коммунизму в результате пролетарской революции – 50, 70, 97, 98, 155, 251, 280, 377

Массена Андре (1758–1817),

маршал Франции – 210

Масси Роберт Кинлох (род. 1929), американский историк, журналист, писатель, лауреат Пулитцеровской премии (1981) за биографию Петра Великого – 189, 190

Медичи Екатерина (1519–1589), королева и регентша Франции, жена Генриха II – 46

Меньшиков Михаил Осипович (1859–1918), публицист, общественный деятель, один из идеологов русского национализма – один из создателей Всероссийского национального союза (1908), собравшего вместе умеренно-правых политиков, придерживавшихся националистических убеждений – 297, 298, 300, 315

Мехмед II Завоеватель (Фатих) (1432–1481), османский султан, захвативший Константинополь (29 мая 1453) – 147, 179, 369

Мизес Людвиг фон (1881–1973), австро-американский экономист, основатель новоавстрийской школы в экономике и один из виднейших её представителей. Ярый критик социализма и апологет либерализма – 337

Мильт Джон Стюарт (1806–1873), английский философ-позитивист, экономист и общественный деятель – 86–88,

90, 91, 96, 101, 104, 108

Миллер Алексей Ильич (род. 1959), доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН – 46, 47, 55, 76, 79, 84, 112, 228, 229

Михаил архангел, небесный архистратиг, предводитель небесного воинства в его борьбе с тёмными силами ада, ангел-хранитель верующих в Христа – 202

Михал-Оглу, османская аристократическая династия греческого происхождения – 180

Михаил VIII Палеолог (1224–1282), основатель династии Палеологов. Никейский император с 1259 (соправитель императора Иоанна IV до 1261), с 1261, после отвоевания у Латинской империи Константинополя, император Византии – 147

Малахов А. – 188

Монтескье Шарль Луи (1689–1755), французский просветитель, правовед, философ. Стремился вскрыть причины возникновения того или иного государственного строя, анализировал различные формы государства. Основные сочинения: «Персидские письма» (1721), «О духе законов» (1748) – 101, 356

Мохнацкий Мауриций (ок. 1804–1834), писатель, участник Польского восстания 1830–1831 гг. Вице-председатель польского Патриотического общества. Автор трудов по истории Польского восстания и эстетике – 48

Мун Сон Мён (род. 1920), основатель «Церкви Объединения» (1954), причисляющей себя к христианству и действующей под разными названиями – 286

Муретов Дмитрий Дмитриевич (вторая половина XIX – первая половина XX вв.), русский правовед, публицист – 104, 105, 108, 109, 114, 295, 301–303, 315

Мусихин Глеб Иванович, кандидат исторических наук, доктор политических наук, профессор ГУ ВШЭ – 345

Мэдисон Грант (1865–1937), американский антрополог, теоретик расизма – 94–95

Мэхэн Альфред Тайер (1840–1914), американский военный морской теоретик и историк, контр-адмирал (1906). Участвовал в Гражданской войне (1861–1865) на стороне северян. В 1886–1888 и 1892–1893 президент военно-морского колледжа в Ньюпорте. В 1893–1895 командовал крейсером. Во время испано-

американской войны 1898 член Морского комитета по стратегии, в 1899 член американской делегации на 1-й Гаагской конференции. Автор многих трудов, насыщенных большим фактическим материалом, в которых обосновывал закономерность войн. Разрабатывал теорию «морской силы», согласно которой главным видом вооружённых сил и средством завоевания мирового господства выступает военно-морской флот – 211

Н

Наполеон I Бонапарт (1769–1821), французский император (1804–1814, март–июнь 1815), основатель династии Бонапартов, выдающийся военачальник – 64–66, 195, 197, 210, 211, 228, 341, 342

Нерон Клавдий Цезарь (37–68), римский император (с 54) из династии Юлиев-Клавдиев – 109

Неру Джавахарлал (1889–1964), один из лидеров национально-освободительного движения Индии. Премьер-министр, министр иностранных дел Индии, писатель – 99, 101

Нессельроде Карл Васильевич (1780–1862), граф, министр

иностранных дел России (1816–1856), канцлер (1845–1856) – 46, 47

Нестор, древнерусский писатель, летописец XI–XII вв., монах Киево-Печёрского монастыря. Один из крупнейших историков Средневековья, считается автором первой редакции «Повести временных лет» – 63, 121, 122

Никифор III Вотаниат (ок. 1010 – после 1081), император в 1078–1081. Из малоазийской землевладельческой знати. С середины XI в. полководец и наместник ряда фем (Солунь, Антиохия, Анатолик и др.). Возглавил мятеж малоазийской знати против императора Михаила VII Дуки. В январе 1078 провозглашенный императором, в марте вступил в Константинополь. Не смог остановить наступление турок-сельджуков, основавших (в 1080) Кониийский султанат. Против Никифора неоднократно вспыхивали феодальные мятежи (возглавлявшиеся Никифором Василакисом, Константином Дукой, Никифором Мелиссином и др.). Низложен поднявшими мятеж Комнинами и пострижен в монахи – 188

Николай Мистик (852–925), патриарх Константинопольский (901–907, 912–925).

Племянник патриарха Фотия. Выступил против четвёртого брака императора Льва VI, которого на рождество 906 года не пустил в церковь. Под давлением императора подписал отказ от константинопольской кафедры. После прихода к власти нового василевса был восстановлен в качестве патриарха – 163

Николай I (1796–1855), российский император (с 1825), Стремился укрепить существовавшую политическую систему, не доверяя чиновничьему аппарату значительно расширил функции Собственной его императорского величества канцелярии, контролировавшей все основные отрасли управления и подменявшей высшие государственные органы. Царствование Николая I – период наивысшего расцвета абсолютной монархии в её военно-бюрократической форме – 157, 196, 209, 210, 314, 316

Николай II (1868–1918), последний российский император (1894–1917) – 189, 190

Нордстрем Кьелл Андерс (род. 1958), доктор философии, шведский экономист, писатель, профессор Стокгольмской Школы Экономики, гуру бизнес-образования, специалист в области стратегического ме-

неджмента, транснациональных корпораций и глобализации, в соавторстве с Йонасом Риддерстрале написал бестселлеры – «Караоке-капитализм: Менеджмент для человечества», «Бизнес в стиле фанк навсегда: Капитализм в удовольствии» – 355

Нотара Лука (ум. 1453), последний мегадук (главнокомандующий флотом) Византийской империи. Выполнял важные дипломатические поручения Иоанна VIII и Константина XI, некоторое время возглавлял византийское правительство. Одновременно вел дела с итальянскими компаниями, был гражданином Венеции и Генуи. Противник церковной унии с Римом – «Лучше увидеть, как в Константинополе царствует тюрбан турок, чем митра латинян» – 369

О

Обама Барак Хусейн (род. 1961), американский политический деятель, 44-й президент США (с 2009) – 355

Оболенский (Obolensky) Дмитрий Дмитриевич (1918–2001), доктор философии (Ph. D.), князь, сэр, историк-византист, профессор рус-

ской и балканской истории, почётный член (впоследствии вице-президент) Британской академии наук. Преподавал в Оксфорде, Гарварде, других высших учебных заведениях – 176, 378

Оккам Вильям (1285–1349), английский философ, логик, монах-францисканец из Оккама. Представитель номинализма XIV века. Именем Оккама назван методологический принцип, получивший название «Бритва Оккама», который заключается в утверждении, что если существует несколько логически непротиворечивых определений или объяснений какого-либо явления, то следует считать верным самое простое из них; «без необходимости не следует утверждать многое», «сущности не следует умножать без необходимости», самым точным определением является самое короткое. Этот принцип формирует основу методологического редукционизма (объяснения сложных явлений посредством выявления закономерностей свойственных явлениям более простым), также называемый принципом бережливости, или законом экономии мышления – 117

Олег (ум. 912), древне-

русский князь. Правил (с 879) в Новгороде и в Киеве (с 882). В 907 совершил поход в Византию, в 907 и 911 заключил с ней договоры – 120

Ольга (христианское имя – Елена) (ок. 890–969), великая княгиня киевская, жена князя Игоря. После убийства мужа древлянами (945) жестоко подавила их восстание. В 945–947 установила размеры даней для древлян и новгородцев, организовала административные центры – погосты. Значительно расширила земские владения Киевского великокняжеского дома. В 955 (или 957) посетила Константинополь; приняла христианство. Правила государством в годы малолетства своего сына Святослава Игоревича и позднее, во время его походов. В 968 руководила защитой Киева от печенегов. Канонизирована русской церковью – 364

Онегин Евгений, герой одноимённого романа в стихах А.С. Пушкина – 198, 258

Орлов Алексей Григорьевич (1737–1807/1808), русский военный и государственный деятель, генерал-аншеф (1769), граф (1762). Не занимая крупных должностей, оказывал большое влияние на государственные дела. В 1768–1769 раз-

работал план экспедиции против Турции в Средиземном море, где с 1769 командовал эскадрой русского флота. За победы у Наварина и в Чесменском бою (1770) получил право присоединить к фамилии наименование Чесменского – 241

Орлов Иван Иванович (1851–1917), земский врач. Заведовал Солнечногорской лечебницей Московского губернского земства. Корреспондент А.П. Чехова – 255

Орхан I (1280–1359), сын Османа I, второй правитель Османского государства (1326–1359) – 180

Осман (1258–1324/1326), первый турецкий султан (с 1281), сын Эртогрула, основатель династии Османов – 179

Османы, династия турецких султанов; основанная Османом I Гази (правил в 1299/1300–1324, по другим данным – 1326). Наиболее известны также Баязид I Йилдырым («Молниеносный»); правил в 1389–1402), Мехмед II Фатих («Завоеватель»; 1444 и 1451–1481), Селим I Явуз («Грозный» или «Жестокий»; 1512–1520), Сулейман I Кануни («Законодатель», в европейской литературе – «Великолепный»; 1520–1566), Селим III (1789–1807), Махмуд II (1808–1839), Абдул-

Хамид II (1876–1909). Последний османский султан Мехмед VI Вахидеддин (1918–1922) бежал из Турции после ликвидации султаната (1 ноября 1922). Халифом Великое национальное собрание Турции избрало принца Османской династии – Абдул-Меджида. С упразднением (3 марта 1924) Халифата все члены династии Османов были изгнаны из страны – 222

П

Павел, апостол, сподвижник Иисуса Христа – 150, 175

Павел I (1754–1801), российский император (с 1796), великий магистр Мальтийского ордена. Продолжая внешнюю политику Екатерины II, принял участие в коалиционных войнах против Франции. Под давлением союзников – австрийцев и англичан – поставил во главе русской армии А.В. Суворова, под командованием которого были совершены героические Итальянский и Швейцарский походы (1799). Однако распри между Павлом I и его союзниками, надежда на то, что завоевания Французской революции будут сведены на нет самим Наполеоном,

привели Павла I к сближению с Францией. Убит заговорщиками – 210, 211, 307

Павел II (*в миру – Пьетро Барбо*) (1417–1471), папа римский (с 1464) – 138

Павлов Иван Петрович (1849–1936), русский физиолог – 111–112

Палеолог Софья (Зоя) (ок. 1455–1503), великая княгиня московская, вторая супруга Ивана III, племянница последнего византийского императора Константина XI Палеолога – 138, 147, 148, 151, 221, 303, 361

Палеологи, династия византийских императоров (1261–1453), основанная Михаилом VIII (никейский император с 1259). Последний император – Константин XI, племянница которого Зоя (Софья) стала супругой великого князя московского Ивана III – 143, 147, 150, 221, 360, 361, 368, 370

Перцов Пётр Петрович (1868–1947), искусствовед, литературный критик, поэт, публицист – 300, 301

Петрарка Франческо (1304–1374), итальянский поэт, гуманист. Латинские произведения Петрарки имеют большое историческое значение, но его мировая слава основана на итальянских стихах – 369, 370

Пётр, апостол, сподвижник

Иисуса Христа – 131, 151, 241

Пётр I Великий (1672–1725), русский царь (с 1682, правил с 1689), первый российский император (с 1721), младший сын Алексея Михайловича. Государственный, военный и культурный деятель России – 11, 56, 61, 131, 136, 137, 139, 145, 149, 154, 158, 159, 188, 202, 203, 206, 207, 222, 223, 244, 258, 270, 306, 308, 311, 313, 317, 333, 389

Пименова Людмила Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Исторического факультета МГУ – 42, 45, 216

Пиндар (ок. 518–442/438 до н.э.), древнегреческий поэт. Автор торжественных хоровых песен (эпиникиев), прославлявших победителей в общегреческих спортивных состязаниях – 98

Платон (428/427 до н.э.–348/347), древнегреческий философ, объективный идеалист – 324

Поло Марко (ок. 1254–1324), итальянский путешественник. В 1271–1275 совершил путешествие в Китай, где прожил около 17 лет. В 1292–1295 морем вернулся в Италию. Написанная с его слов «Книга» (1298) – один из первых источ-

ников знаний европейцев о странах Центральной, Восточной и Южной Азии – 278

Полубенский Александр, князь, корреспондент Ивана Грозного – 150

Поньон Эдмон (1911–2007), французский историк – 364

Поссевино Антоний (1534–1611), секретарь генерала ордена иезуитов, папский дипломат. Выступал посредником в мирных переговорах между Иваном Грозным и польским королём Стефаном Баторием. Возглавил папскую миссию к Ивану IV с целью создания антитурецкой коалиции и унии православной Руси с католической церковью. Миссия не увенчалась успехом – 45, 138, 140, 141, 143, 149, 151–153, 186, 187, 190, 191

Потёмкин Григорий Александрович (1739–1791), русский государственный и военный деятель, дипломат, генерал – фельдмаршал – 241

Pryor Felix, писатель, историк, эксперт по рукописям, специалист по истории шекспировской Англии – 141

Прокопий Кесарийский (ок. 490/507–после 562), византийский писатель; советник полководца Велизария. Участвовал в походах против персов, вандалов и остготов. В официоз-

ных сочинениях – «Войны» и «О постройках» (553–555, описание строительства при Юстиниане I) – прославлял императора Юстиниана I. Вместе с тем написал памфлет, направленный против него и его жены Феодоры («Тайная история», около 550). Сочинения Прокопия – важнейший источник по истории Византии и соседних государств конца V–VI веков, в том числе по истории славянских вторжений на Балканы – 201

Прус, мифический брат императора Августа, от которого выводили свою генеалогию русские цари – 150, 151

Пугачёв Емельян Иванович (ок. 1742–1775), предводитель Крестьянской войны 1773–1775 – 62, 253

Путин Владимир Владимирович (род. 1952), российский политический деятель, второй президент Российской Федерации (2000–2008) – 288, 325, 327

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), русский поэт, драматург и прозаик, реформатор русского литературного языка. Правнук (по материнской линии) абиссинца А.П. Ганнибала, военного деятеля петровской эпохи – 109, 219, 298

Р

Разин Степан (Стенька) Тимофеевич (ок. 1630–1671), предводитель восставших в Крестьянской войне 1670–1671 – 62, 253

Рамбо Альфред (1842–1905), французский историк и государственный деятель. В 1895–1903 сенатор, в 1896–1898 министр народного просвещения. Несколько раз направлялся с дипломатической миссией в Россию. Особое внимание уделял политической истории (главным образом Византии, России, Германии) и истории международных отношений. Стронник сближения Франции с Россией, Рамбо свои основные работы посвятил истории России (написаны с позиций умеренного либерализма) – 196

Рассадина Татьяна Анатольевна, кандидат социологических наук – 382

Rice David Talbot (1903–1972), британский историк искусства, профессор эдинбургского университета. Специализировался на истории Византии – 164, 188

Риддерстрале Йонас, магистр делового администрирования (MBA), доктор философии (Ph.D.), профессор Центра

углублённого изучения лидерства при Стокгольмской Школе Экономики. Советник, преподаватель, консультант ряда международных компаний, соавтор (вместе с Кьеллом Нордстремом) бестселлеров: «Бизнес в стиле фанк навсегда: Капитализм в удовольствие», «Караоке-капитализм: Менеджмент для человечества» – 355

Ричард I Плантагенет (Львиное Сердце) (1157–1199), английский король (с 1189). Большую часть жизни провёл вне Англии. Во время третьего крестового похода (1189–1192) захватил остров Кипр и крепость Акру в Палестине – 24, 44, 322

Ричардсон Сэмюэль (1689–1761), английский писатель. Создатель европейского семейно-бытового романа – 119

Родс Сесиль Джон (1853–1902), английский колониальный деятель, вдохновитель и организатор захвата Британской южно-африканской компанией огромных территорий в Южной и Центральной Африке, часть которых составила колонию, названную в его честь Родезией. Был основателем и совладельцем ряда южноафриканских алмазных и золотодобывающих компаний.

Один из инициаторов Англо-бурской войны – 338

Рожер II (ок. 1095–1154), первый король (с 1130) Сицилийского королевства. Из норманнов; сын графа сицилийского Рожера I, племянник Роберта Гвискара. После длительной борьбы с папством и норманнскими баронами, поддержанными городами, объединил под своей властью владения норманнов в Сицилии и Южной Италии. Папа Иннокентий II был вынужден признать Рожера II королём (1139). Стремясь к господству на Средиземном море, к концу 40-х гг. завоевал Триполи, Тунис; в 1147–1148 захватил у Византии остров Корфу, опустошил Коринф, Фивы. Конституционные основы складывавшегося централизованного феодального государства были определены законодательными актами Рожера II – Сицилийскими ассизами – 188

Розанов Василий Васильевич (1856–1919), русский писатель, публицист и философ – 10, 52, 55, 198, 297

Розбери Арчибальд Филипп Примроз (1847–1929), граф, английский политический деятель, премьер-министр Великобритании – 89

Роман Мстиславич (ум.

1205), князь новгородский, владими́ро-волы́нский, галицкий, великий князь киевский. Один из сильнейших князей Руси своего времени, которому римский папа Иннокентий III предложил королевскую корону при условии принятия католичества, но получил отказ – 131

Роман I Лакапин (ок. 870–948), византийский император (920–944) из армянских крестьян. Дослужился до начальника императорского флота. С 919 регент при несовершеннолетнем императоре Константине VII, за которого в том же году выдал замуж свою дочь. В 920 стал соправителем императора, фактически узурпировав всю власть. Вёл войны с Болгарией; после смерти болгарского царя Симеона (927) распространил византийское влияние на Болгарию и поставил в зависимость сербские земли. Укрепил армию, что способствовало победам Византии в войнах с арабами (в 924 разбит арабский флот и восстановлено византийское господство в Эгейском море, в 934 отвоёвана у арабов Мелитена, в начале 40-х гг. – Мартирополь, Дара, Амида, Нисибис). В 941 отразил нападение киевского князя Игоря на Византию, в 944 заключил

мирный договор с Русью. В конце 944 низложен сыновьями. Умер в ссылке – 164

Романовы, боярский род в России XIV–XVI вв. С 1613 царская, с 1721 императорская династия. Первый царь из рода Романовых – Михаил Фёдорович. Последний – император Николай II – 76

Рулав, дружинник-варяг, имя которого сохранилось в договоре, заключённом князем Олегом с Византией (ок. 907) – 120

Рыбаков Борис Александрович (1908–2001), доктор исторических наук, российский археолог, историк, академик. Специализировался на изучении истории и культуры славян и Древней Руси. Возглавлял Институт археологии Академии наук СССР – 125

Рылёва С.И. – 381

Рюрик, по русским летописным преданиям один из предводителей (вместе с Трувором и Синеусом) варяжских дружин, призванных «из-за моря» новгородскими славянами с целью прекращения междоусобиц в Новгороде, основавших Древнерусское государство. Легендарный основатель династии Рюриковичей – 124, 150, 151

Рюрик Ростиславич (ум.

1212), князь торческий, новгородский, великий князь киевский – 130, 132, 133

Рюриковичи, династия русских князей, в том числе великих князей киевских, владимирских, московских и русских царей (конец IX–XVI вв., последний царь – Фёдор Иванович), считавшихся потомками Рюрика. К Рюриковичам принадлежали также некоторые дворянские роды, потомки удельных князей – 123, 145, 151

С

Саваоф, одно из имён Иеговы (Яхве), Бога в Ветхом Завете, выступающего в качестве «Господа Воинств», карающего Господа, всемогущего Владыки – 202

Савицкий Пётр Николаевич (1895–1968), русский философ, историк, культуролог, один из лидеров евразийства – 217, 233

Савонарола Джироламо (1452–1498), настоятель монастыря доминиканцев во Флоренции. Выступал против тирании Медичи, обличал папство, призывал церковь к аскетизму, осуждал гуманистическую культуру (организовывал

сожжение произведений искусства). После изгнания Медичи из Флоренции (1494) способствовал установлению республиканского строя. В 1497 отлучён от церкви и казнён – 269

Самарины, русский дворянский род – 254

Сатья Саи Баба (род. 1926), индуистский гуру, оратор, автор книг по философии индуизма – 286

Свен Харальдссон (Вилобородый) (ум. 1014), король Дании (с 987) и Англии (с 1013), в которую вторгся и был признан королём – 113

Святослав I (ум. 972), великий князь киевский. Сын княгини Ольги. Совершал походы на Оку, в Поволжье, на Северный Кавказ и Балканы. Воевал с Волжской Болгарией, разгромил Хазарский каганат (965), воевал с Болгарией (967). Вёл русско-византийскую войну 970–971 гг. Укрепил внешнеполитическое положение Киевского государства – 119, 120, 122, 364

Святослав Всеволодович (ум. 1194), киевский князь. Нанёс поражение половецкому хану Кобяку и взял его в плен (1183) – 127–129

Сеймур Джордж Гамильтон, английский дипломат, посланник в Петербурге (1851–

1854) – 196

Сенека Луций Анней Старший (ок. 54 до н.э. – ок. 39 н.э.), древнеримский писатель, отец Аннея Луция Сенеки Младшего – 109

Сенека Луций Анней Младший (ок. 4 до н.э. – 65 н.э.), римский политический деятель, философ-стоик, писатель и поэт. Воспитатель будущего императора Нерона – 109

Сийес Эммануэль Жозеф (1748–1836), аббат, деятель Великой Французской революции, теоретик французского национализма – 47, 64–68, 218

Сикст IV (в миру – Франческо делла Ровере) (1414–1484), римский папа (с 1471). Стремился создать папское государство, управляемое связанными родственными узами с папской семьёй кардиналами. Содействовал развитию искусств. Его именем названа Сикстинская капелла при папских покоях в Ватикане – 138

Сильвестр, игумен – 122

Синан (1489–1588), выходец их христианской семьи, самый знаменитый архитектор Османской империи. Инженер из корпуса янычар. Руководил (с 1538) строительными работами при султанах Сулеймане I: возводил мечети, укрепления,

мосты и другие постройки. В лучших произведениях Синана византийский тип купольной базилики превращается в абсолютно центрические здания, представляющие собой величественные сооружения с грандиозными и цельными по пространственной композиции интерьерами. Построил стамбульские мечети Шахзаде (1548) и Сулеймание (1550–1557), мечеть Селимие в Эдирне (1569–1575) – 180

Синеус, по русским летописным преданиям один из предводителей (вместе с Рюриком и Трувором) варяжских дружин, призванных «из-за моря» новгородскими славянами с целью прекращения междоусобиц в Новгороде, основавших Древнерусское государство – 124

Скворцов Валериан Николаевич (1935–2003), кандидат исторических наук, журналист-международник, специализировался на странах Юго-Восточной Азии. Автор ряда документальных книг (о Вьетнаме, Камбодже, Лаосе) и остросюжетных романов о «агенте по найму» Бэзиле Шемякине. Лауреат премий Союза Журналистов СССР (1979) и журнала «Огонёк» (1986) – 281

Скрынников Руслан Гри-

горьевич (1931–2009), доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, советский и российский историк, специализировавшийся на истории России эпохи Ивана Грозного – 187

Смит Адам (1723–1790), британский экономист и философ, один из крупнейших представителей классической политической экономии – 347, 348

Солиман-шах (Сулейман-шах) (ум. 1227), тюркский вождь, дед основателя династии турецких султанов Османа I, отец Эртогула – 179

Скотт Вальтер (1771–1832), английский писатель, поэт. Создал исторический роман, установил законы нового жанра и блестяще воплотил их на практике. Даже семейно-бытовые конфликты он связал с судьбами нации и государства, с развитием общественной жизни. Творчество Вальтера Скотта оказало огромное влияние на европейскую и американскую литературу – 119

Соловьёв Владимир Сергеевич (1853–1900), русский религиозный философ, поэт, публицист. Проповедовал утопический идеал всемирной теократии. Оказал большое влияние на русский идеализм и символизм – 39, 159, 161, 179, 196,

197, 200, 202, 203, 214, 230, 236, 266–270, 317, 378

Соловьёв Сергей Михайлович (1820–1879), русский историк, автор фундаментальной 29-томной «Истории России с древнейших времён» (1851–1879) – 118, 272, 341

Солженицын Александр Исаевич (1918–2008), русский писатель, публицист, общественный и политический деятель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1970) – 55, 264, 265, 284, 285

Сорос Джордж (род. 1930), американский финансист, филантроп и социальный мыслитель, один из богатейших людей мира, основатель благотворительного фонда «Открытое общество» (1979) с филиалами в десятках стран мира. Развивает социально-политические идеи Карла Поппера – 20, 357

Сорокин Питурич Александрович (1889–1968), российско-американский социолог и культуролог, один из родоначальников теорий социальной стратификации и социальной мобильности – 28, 286, 288, 377, 378, 380, 385

Спенсер Герберт (1820–1903), английский философ и социолог, один из родоначальников позитивизма, основатель органической школы в социо-

логии, идеолог либерализма – 14, 28, 189, 337

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879–1953), один из руководителей КПСС, Советского государства, международного коммунистического и рабочего движения, теоретик и пропагандист марксизма. Один из организаторов антигитлеровской коалиции – 37, 50, 51, 64, 69–75, 104, 107, 108, 109, 114, 187, 189, 196, 230, 280, 283, 297, 304, 342

Стеמיד, дружинник-варяг, имя которого сохранилось в договоре, заключённом князем Олегом с Византией (ок. 907) – 120

Степанов Евгений Иванович (род. 1942), доктор философских наук, руководитель Центра конфликтологии Института социологии Российской академии наук – 381

Стефан (Иштван) I Святой (ок. 970–1038), первый король венгерского королевства (ок. 1001) из династии Арпадов. Осуществил христианизацию Венгрии. Канонизирован католической церковью – 80

Стоддард Лотрон Теодор (1883–1950), американский антрополог, теоретик расизма – 95

Струве Василий Яковлевич (Фридрих Георг Вильгельм)

(1793–1864), выдающийся российский астроном, член Петербургской академии наук (с 1832), первый директор Пулковской обсерватории, дед П.Б. Струве – 109

Струве Пётр Бернгардович (1870–1944), русский политический деятель, экономист, философ, публицист, главный представитель «легального марксизма» (представители которого выступали в легальной прессе). Редактировал журнал «Освобождение» (с 1902), один из лидеров «Союза освобождения» (с 1903). Член ЦК партии кадетов (с 1905). Депутат 2-й Государственной думы (1907), редактор журнала «Русская мысль». В годы Гражданской войны (1918–1920) член «Особого совещания» при генерале А.И. Деникине, член правительства генерала П.Н. Врангеля – 76–78, 109, 111, 114, 245, 254, 257–259, 297, 300–302

Суворов Александр Васильевич (1729–1800), граф Рымникский (1789), князь Италийский (1799), великий русский полководец и военный теоретик, генералиссимус – 61, 109, 241

Сулейман Великолепный (Великий, Законодатель (Кануни)) (1495–1566), турецкий

султан (1520–1566), при котором Османская империя достигла пика своего территориального расширения и могущества – 148, 199

Сулейменов Олжас Омарович (род. 1936), пишущий на русском языке казахский поэт, писатель-литературовед, общественно-политический деятель Казахстана, дипломат. В 1975 году опубликовал книгу «Аз и Я», в которой высказал новый взгляд на роль половецкой степи в отношениях с Киевской Русью – 125

Т

Талейран Шарль Морис (1754–1838), выдающийся французский дипломат, министр иностранных дел при Директории (1797–1799), в период Консульства и империи Наполеона I (1799–1807), при Людовике XVIII (1814–1815) – 218

Тарле Евгений Викторович (1874–1955), советский историк, академик АН СССР, специалист по истории международных отношений – 47, 141, 195, 196, 209, 210, 234, 342

Татьяна, героиня романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» – 198

Тацит Публий Корнелий (ок. 58 – после 117), римский писатель-историк – 43, 223

Теодорих Великий (ок. 454–526), король остготов (с 493), основатель остготского государства в Италии. В 488 вторгся в Италию и после убийства Одоакра захватил власть. Выражая интересы феодализировавшейся остготской знати, сближавшейся с римской аристократией, в государственном управлении, законодательстве сохранил римские институты. Укреплением центральной власти способствовал подъёму земледелия, торговли, науки и искусства – 368

Тихомиров Лев Александрович (1852–1923), русский общественный деятель, публицист, философ – 193, 194

Тойнби Арнольд Джозеф (1889–1975), английский историк, культуролог и социолог. Автор 12-томного «Постижения истории», в котором, под влиянием О. Шпенглера стремился переосмыслить всё общественно-историческое развитие человечества в контексте теории круговорота локальных цивилизаций, исходя из которой не существует единой истории человечества, а есть лишь история отдельных своеобразных и замкнутых цивили-

заций. Каждая цивилизация проходит в своём развитии стадии возникновения, роста, надлома и разложения, после чего гибнет, уступая место другой – 10, 23, 28, 92–95, 161, 162, 167, 271, 277, 183, 311, 322, 323, 365, 377, 378, 386

Тоффлер Элвин (род. 1928), американский социолог, футуролог и публицист, один из авторов концепции «сверхиндустриальной цивилизации» – 328

Травин Дмитрий Яковлевич (род. 1961), кандидат экономических наук, журналист – 345, 386

Treadgold Donald Warren (1922–1994), американский историк, доктор философии, профессор русской истории – 148

Трофимова Роксана Павловна (род. 1946), доктор философских наук, профессор Финансовой академии при Правительстве РФ – 182

Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940), деятель международного коммунистического революционного движения, практик и теоретик марксизма. Один из организаторов Октябрьской революции. Один из организаторов Красной Армии. Один из основателей и идеологов Коминтерна,

член Исполкома Коминтерна. В советском правительстве занимал должности наркома по иностранным делам и наркома по военным и морским делам, председателя Реввоенсовета – 186, 297, 304

Трубецкой Николай Сергеевич (1890–1938), русский лингвист, философ и публицист евразийского направления. Сын князя С.Н. Трубецкого (ректора Московского университета) и племянник князя Е.Н. Трубецкого – 10, 23, 81, 82, 272–274, 278, 306, 376

Трубецкой Евгений Николаевич (1863–1920), князь, русский философ, публицист, общественный деятель. Последователь В.С. Соловьёва – 10, 196, 197, 220, 221, 223, 226–229, 231, 269, 270, 297, 304

Трувор, по русским летописным преданиям один из предводителей (вместе с Рюриком и Синеусом) варяжских дружин, призванных «из-за моря» новгородскими славянами с целью прекращения междоусобиц в Новгороде, основавших Древнерусское государство – 124

Тютчев Фёдор Иванович (1803–1873), русский поэт – 157, 158, 223, 240, 241, 254, 300

У

Уваров Сергей Семёнович (1786–1855), русский государственный деятель, граф (1846), почётный член (1811) и президент (1818–1855) Российской академии наук. Опубликовал ряд работ по древнегреческой литературе и археологии. Попечитель Петербургского учебного округа (1811–1822). Товарищ министра (1832), министр народного просвещения (1833–1849). Выдвинул формулу «православие, самодержавие, народность», которая легла в основу его деятельности по народному образованию – 314, 315

Успенский Фёдор Иванович (1845–1928), русский историк-византист, археолог, академик Петербургской академии наук (с 1900), академик Академии наук СССР (с 1925), основатель и директор Русского археологического института в Константинополе (1894–1914), при котором основал печатный орган – «Известия русского археологического общества в Константинополе». Редактор «Византийского временника» (1915–1928). Автор пятитомной «Истории Византийской империи» – 159, 160, 179, 183, 184, 189

Устрялов Николай Васильевич (1890–1938), русский политический деятель, философ и публицист, член партии кадетов (с 1917), теоретик национал-большевизма, идеолог сменовеховства – 178

Ушаков Фёдор Фёдорович (1744–1817), выдающийся русский флотоводец, адмирал. Участник русско-турецких войн (1768–1774 и 1787–1791 годов). В бою у острова Фидониси (1788), командуя авангардом эскадры, нанёс поражение превосходящим силам турок. Командуя с 1790 Черноморским флотом, одержал блестящие победы над турецким флотом в Керченском морском сражении (1790), у острова Тендра (1790) и у мыса Калиакрия (1791), прибегнув к созданной им новой манёвренной тактике, принципиально отличавшейся от принятой в то время линейной тактики. Во время Средиземноморского похода русского флота 1798–1800 годов проявил себя как крупный флотоводец, искусный политик и дипломат (при создании греческой Республики Семи Островов под протекторатом России и Турции). Показал образцы организации взаимодействия армии и флота при овладении Ионическими

островами и особенно островом Корфу (Керкира), при освобождении от французов Италии, во время блокады Анконы и Генуи, при овладении Неаполем и Римом – 241

Х

Хабермас Юрген (род. 1929), немецкий философ и социолог – 33, 34

Halliday Frank Ernest (1903–1982), британский историк и литератор – 171

Хантингтон (Huntington) Самуэль Филип (1927–2008), американский социолог и политолог. Всемирную известность приобрёл после выхода в свет книги «Столкновение цивилизаций», в которой средствами цивилизационного подхода к истории показал как культура и самоидентификация обществ различных цивилизаций определяют их внешнюю политику. Придал новое звучание теоретическим разработкам О. Шпенглера и А. Тойнби, применив их к анализу социально-политической истории XX века. Книга Хантингтона ознаменовала собой общемировой всплеск интереса к цивилизационной теории – 10, 23, 27, 30, 31, 34, 271, 272, 311, 318, 319,

325, 354, 361, 375, 377, 378, 383, 386–388

Харальд III Суровый (1015–1066), норвежский король (с 1046) – 366

Хилл Наполеон (1883–1970), американский журналист, представитель философии успеха, психолог, автор мирового бестселлера «Думай и богатей» – 108

Хлодвиг I (ок. 466–511), король салических франков (с 481) из рода Меровингов. Завоевал почти всю Галлию, что положило начало Франкскому государству – 368

Хо Ши Мин (настоящее имя – *Нгуен Тат Тхань*). Долгое время имел множество партийных псевдонимов, в том числе *Нгуен Ай Куок (Нгуен-патриот)* (1890–1969), деятель вьетнамского и международного коммунистического движения. Лидер вьетнамского национально-освободительного движения. Председатель ЦК Партии трудящихся Вьетнама, президент Демократической Республики Вьетнам. В мае 1941 по его инициативе была создана Лига борьбы за независимость Вьетнама (Вьет-Минь), объединившая патриотические силы страны. Был избран председателем Вьет-Миня. Председатель ЦК ПТВ,

занимал этот пост до конца жизни. Под руководством ЦК ПТВ во главе с Хо Ши Мином вьетнамский народ развернул борьбу против агрессии США, приведшую к победе Вьетнама – 281

Хомяков Алексей Степанович (1804–1860), русский религиозный философ, писатель, поэт, публицист, один из основоположников славянофильства, член–корреспондент Петербургской академии наук (1856) – 300, 376

Хомяковы, старинный дворянский род – 254

Христос Иисус, основатель христианства – 94, 150, 157, 174, 175, 188, 202, 216, 221, 226, 228, 269,

Хрущёв Никита Сергеевич (1894–1971), советский политический деятель. С марта 1953 секретарь, с сентября 1953 1-й секретарь ЦК КПСС; одновременно в 1958–1964 председатель Совета Министров СССР. – 283

Хубилай (1215–1294), пятый монгольский великий хан (с 1260), внук Чингисхана. В 1279 году завершил завоевание Китая. Предпринял неудачные завоевательные походы против Японии, Вьетнама, Бирмы, Явы – 278

Ф

Фальмерайер Якоб Филипп (1790–1861), немецкий историк и путешественник. Автор теории родства современных греков со славянами – 364

Фарлаф, дружинник-варяг, имя которого сохранилось в договоре, заключённом князем Олегом с Византией (ок. 907) – 120

Федотова Валентина Гавриловна (род. 1941), доктор философских наук. Заведующая сектором социальной философии Института философии Российской академии наук – 381

Феодора (ок. 500–548), византийская императрица, супруга Юстиниана Великого. В молодости была артисткой цирка или гетерой. Женщина выдающейся воли и энергии. Оказывала огромное влияние на императора Юстиниана, активно участвовала в управлении государством и церковной политике, сыграла важную роль в подавлении восстания «Ника», воспрепятствовав бегству Юстиниана I из столицы – 188

Феодора, дочь византийского императора Иоанна VI Кантакузина – 180

Феодосий II (ок. 401–450),

император Византии (с 408). Обнёс Константинополь мощными стенами (413) (Стены Феодосия), издал свод ранневизантийского права – Кодекс Феодосия (438). Открыл Константинопольский университет (425). Созывал вселенские соборы в Эфесе (431 и 449). При его правлении вандалы отвоевали у Византии значительные территории в Северной Африке – 144, 368

Фергюсон Нил (Ferguson Niall) (род. 1964), британский историк, специализирующийся на экономической истории и истории колониализма, профессор Гарвардского университета – 83, 227, 228

Фердинанд Арагонский (1452–1516), король Кастилии (как муж и соправитель Изабеллы Кастильской), Арагона, Сицилии. Объединил на основе династической унии Арагон и Кастилию, что фактически явилось началом единого государства Испании – 44, 146, 217

Фернандес-Арместо Фелипе (род. 1950), британский историк и этнограф – 31, 374

Филипп II Август (1165–1223), король Франции (с 1180). Один из предводителей третьего крестового похода. В целях территориальных приобретений использовал браки; за

расторжение второго брака (1200) был отлучен от церкви папой Иннокентием III. В 1202–1204 отвоевал у английского короля Иоанна Безземельного Нормандию, Мен, Анжу, часть Пуату, затем Турень. По договору 1206 Иоанн Безземельный признал потерю большей части владений Плантагенетов во Франции – 170

Филипп II Габсбург (1527–1598), король Неаполя и Сицилии, король Испании (с 1556), Нидерландов и обладатель всех заморских владений Испании. Король Португалии (с 1580). Лидер Контрреформации, основными задачами которого были укрепление имперского величия Испании и борьба с протестантизмом – 44, 217

Филофей (первая половина XVI века), русский писатель и публицист, монах псковского Елизарова монастыря, автор посланий к великому князю Василию III, царю Ивану IV, великокняжескому дьяку Михаилу Григорьевичу Мисюрю Мунехину (руководителю администрации в Пскове после его присоединения к Русскому государству), в которых нашла последовательное изложение теории «Москва – Третий Рим», утверждавшая идею преемственности ведущей роли Моск-

вы, Российского государства по отношению к павшей Византийской империи в православном христианском мире – 143, 144, 149, 216, 222, 303

Фицджерльд Чарльз Патрик (1902–1992), австралийский историк, специализировавшийся на истории Китая – 335

Флоренский Павел Александрович (1882–1937), русский учёный, религиозный философ, священник. Последователь В.С. Соловьёва. Редактировал журнал «Богословский вестник» – 186, 298, 317

Фома (XV век), инок, автор «Похвального слова» о князе Борисе Александровиче тверском, в котором сравнивал князя со славнейшими византийскими императорами, обосновывал его царский статус – 136

Форсайты, семья Форсайтов – герои монументальной серии произведений английского писателя, лауреата Нобелевской премии по литературе (1932) Джона Голсуорси (1867–1933) «Сага о Форсайтах», отличаются развитым чувством собственности (sense of property) – 350

Фотий (810/827–891/897), византийский церковный и политический деятель, писатель. Патриарх Константинополя (в

858–867 и в 877–886). Выступал с критикой императорского деспотизма, утверждая, что власть патриарха и власть императора равнозначимы. Способствовал распространению влияния византийской церкви на славянские земли (в Болгарии, Моравии, на Руси), что привело его к конфликту с папством. Низложенный (в 886) императором Львом VI, умер в ссылке. В двух проповедях-гомилиях Фотия упоминается поход Руси на Константинополь в 860 году – 163

Франк Семён Людвигович (1877–1950), русский религиозный философ и психолог – 22, 246, 248, 255, 256, 376, 379

Франциск Ассизский (в миру – Джованни Бернардоне) (ок. 1182–1226), итальянский религиозный деятель, святой (канонизирован в 1228). Основатель братства миноритов («меньших братьев»), преобразованного в монашеский орден францисканцев. В качестве странствующего проповедника побывал в Испании, Южной Франции, Египте, Палестине, где под влиянием его проповедей складывались организации последователей. По возвращении с Востока (где он пытался распространять христианство среди мусульман) в 1220 ото-

шёл от руководства орденом францисканцев, противясь его перерождению при содействии папства в обычный монашеский орден – 269

Friedman Thomas Lauren (род. 1953), американский журналист, лауреат нескольких Пулитцеровских премий – 332

Фридрих II Гогенцоллерн Великий (1712–1786), прусский король (с 1740). Великий военачальник, представитель просвещённого абсолютизма. Утвердил Пруссию в качестве могущественного соперника Австрии в борьбе за господство в Германии, выдвинул своё государство в число великих держав, значительно расширил его территорию – 345

Фукуяма Френсис (род. 1952), доктор политических наук (Гарвард), американский философ, политолог, писатель – 328

Ц

Цезарь Гай Юлий (102/100 до н.э. – 44 до н.э.), древнеримский государственный и политический деятель, военачальник, писатель. После победы в гражданской войне стал фактическим правителем Рима. Его власть выражалась в традици-

онных республиканских формах: обладал полномочиями диктатора, консульской властью, постоянной властью трибуна, префекта нравов и другими полномочиями. В 44 г. получил пожизненную цензуру, и все его распоряжения были заранее одобрены сенатом и народным собранием. Ему были декретированы внешние признаки монархической власти: золочёное кресло, почётная колесница, особая одежда и обувь, резиденция на Палатине; в его честь была воздвигнута статуя с надписью «Полубогу», дни его побед объявлялись общественными празднествами и т.д. Убит сторонниками республиканского строя – 43, 113, 223

Цицерон Марк Туллий (106 до н.э. – 43 до н.э.), древнеримский политический деятель, оратор, писатель – 110

Цицианов (Цицишвили) Павел Дмитриевич (1754–1806), князь, русский военный деятель, генерал от инфантерии (1804). Из древнего грузинского княжеского рода Цицишвили. Участник русско-турецкой войны 1787–1791 и подавления Польского восстания 1794. Главноначальствующий в Грузии и астраханский генерал-губернатор (1802). Заключил

дружественные договоры с рядом дагестанских феодалов, покорил Джаро-Белоканскую область (1803), Гянджинское ханство (1804). Путём переговоров преодолел сопротивление грузинской феодальной знати и добился присоединения к России Имеретии и Мегрелии. В 1804–1805 руководил отражением нападения Иранских войск Аббас-мирзы и нанёс им ряд поражений. Присоединил к России Шекинское, Карабахское, Ширванское ханства и Шурагельский султанат (1805). Убит во время переговоров с бакинским ханом – 109, 111

Ч

Чаадаев Пётр Яковлевич (1794–1856), российский мыслитель и публицист. Участник Отечественной войны 1812 года. Широкую известность приобрёл в качестве автора «Философических писем» (1829–1831), в которых в очень жёсткой форме высказал мысли об отлучённости России от всемирной истории, вредном влиянии православия на её историю, бесплодности её культуры. За публикацию первого письма (1836) «высочайшим

повелением» был объявлен сумасшедшим. В «Апологии сумасшедшего» (1837), написанной в ответ на обвинения, выразил веру в историческое будущее России – 161, 206, 236, 311, 378

Чацкий Александр Андреевич, герой стихотворной комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» – 258

Чемберлен Хьюстон Стюарт (1855–1927), английский расовый теоретик – 94

Черчилль (Churchill) Уинстон Леонард Спенсер (1874–1965), выдающийся британский политический деятель, журналист, публицист, историк. Премьер-министр Великобритании (в 1940–1945, 1951–1955). В течение жизни занимал ряд ответственных министерских постов (Министр внутренних дел, Первый лорд Адмиралтейства, Министр вооружений, Канцлер Казначейства, Военный министр, Министр авиации, Министр по делам колоний). Один из инициаторов антигитлеровской коалиции с США и СССР. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1953) – 277, 279, 322

Чехов Антон Павлович (1860–1904), русский писатель – 254, 255, 258

Чингисхан (Тэмуджин, Те-

мучин) (ок. 1155–1227), основатель единого монгольского государства, полководец. С 1206 провозглашён великим ханом над всеми племенами с титулом Чингисхан – 17, 82, 273, 274, 278, 306

Чосер Джеффри (ок. 1340–1400), английский поэт («отец английской поэзии»), участник Столетней войны, дипломат, парламентарий. Вопреки традициям образованного английского общества, говорившего и писавшего на французском языке, с самого начала писал только на английском языке (лондонский диалект) – 49

Чубайс Игорь Борисович (род. 1947), доктор философских наук, публицист – 309, 311–315, 321

Ш

Шекспир Вильям (1564–1616), английский драматург, поэт – 119

Широкопад Александр Борисович (род. 1947), российский военный специалист, писатель, публицист – 222

Шнитценпаумер, австрийский посол при московском дворе – 139

Шопенгауэр Артур (1788–1860), немецкий философ,

предтеча философии жизни, выдвинул ряд концепций глубокой психологии (учение о бессознательном) – 242

Шпенглер Освальд Арнольд Готфрид (1880–1936), немецкий философ, историк, культуролог, представитель философии жизни. Развил учение о культуре как выражении коллективной «души» народа. Представитель цивилизационного подхода к изучению истории и общества – 8, 10, 21–23, 25, 27, 28, 39, 40, 223, 311, 331, 337, 338, 341, 345, 377, 386

Шётконунг Олаф (980–1022), король Швеции (с 995), отец Ингегерды, супруги киевского князя Ярослава Мудрого – 366

Э

Эдуард I Плантагенет (1239–1307), английский король (с 1272). Присоединил к Англии Уэльс, пытался завоевать Шотландию – 115

Эдуард II Плантагенет (1284–1327), английский король, первый обладатель титула принц уэльский – 115

Эвренос-Оглу, османский аристократически род греческого происхождения – 180

Элеонора Аквитанская (ок. 1122–1204), герцогиня Аквитании и Гаскони, графиня де Пуатье, королева Франции, супруга французского короля Людовика VII, королева Англии, супруга английского короля Генриха II, одна из богатейших и влиятельнейших женщин Средневековья – 44

Элиас Норберт (1897–1990), немецкий социолог и философ, один из ведущих представителей исторической социологии и интеграционного подхода в социологии – 28, 380

Энгельс Фридрих (1820–1895), соратник Карла Маркса, один из основоположников марксизма – 70, 196

Энгист – 113

Эриксон Эрик Хомбургер (1902–1994), психолог, автор теории стадий психосоциального развития, считается автором термина «кризис идентичности», специализировался в области изучения идентичности – 8, 30, 31, 115, 117

Эртогрул (1198–1281), тюркский правитель, отец основателя Османской династии – 179

Ю

Юзефович Леонид Абрамович (род. 1947), кандидат исторических наук, писатель – 187

Юлий II (в миру – Джулиано делла Ровере) (1443–1513), римский папа. Добивался территориального расширения Папской области, в связи с чем активно вмешивался в Итальянские войны (1494–1559). Покровительствовал искусству – 138

Юревич Октавиуш (род. 1926), польский историк-византист, профессор Варшавского университета – 180, 183, 367

Юстиниан I Великий (482/483–565), византийский император (с 527). Завоевал Северную Африку, Сицилию, Сардинию, Корсику, Италию, часть Испании. Провёл кодификацию римского права (Кодекс Юстиниана), поощрял строительство (храм Святой Софии в Константинополе, система крепостей по дунайской границе) – 17, 37, 171, 172, 188, 201, 221, 296

Юхан III (1537–1592), первый шведский король (с 1568), политику которого можно назвать в полном смысле европейской: его интересы распространялись на всю систему го-

сударств континента. Однако финансовые возможности Швеции были ограничены, ему недоставало настойчивости и способности к решительным действиям. Среди политических задач Юхана было установление вместе с Польшей контроля над российской торговлей. Известен широкими эстетическими и художественными интересами. Архитектура его эпохи именуется ренессансом Юхана III – 152, 153

Я

Якокка Лидо (Ли) Энтони (род. 1924), американский промышленник и менеджер. Занимал должности президента компании «Ford Motor Company» и председателя правления корпорации «Chrysler». Автор нескольких книг, в том числе бестселлера, ставшего классикой литературы по менеджменту – автобиографии «Карьера менеджера» (1980-е) – 355

Ярослав Мудрый (ок. 978–1054), великий князь киевский (с 1019). Рядом побед над печенегами, литовскими племенами и др. обезопасил южные и западные границы Руси. Поставил первого русского ми-

трополита – Илариона. Установил династические связи со многими странами Европы. При нём составлена «Русская правда». Содействовал просвещению, развитию книгописного дела, церковной и светской архитектуры – 126, 173–175, 366

Ярослав Владимирович Осмомысл (то есть мудрый, имеющий восемь смыслов, умов) (30-е гг. XII века – 1187), князь Галицкий (с 1153), могущество которого отмечено в «Слове о полку Игореве» – 130, 367

Ярослав Всеволодович (1139–1198), князь черниговский – 129

*КОММЕНТАРИИ, СВЕДЕНИЯ ОБ ОБНАРУЖЕННЫХ
ОШИБКАХ, ВОПРОСЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ
ПРИСЫЛАЙТЕ ПО ЭЛЕКТРОННОМУ АДРЕСУ*

*bafing@mail.ru
www.surguladze.net*

Научное издание

Сургуладзе Вахтанг Шотович

ГРАНИ РОССИЙСКОГО САМОСОЗНАНИЯ

*Империя, национальное
сознание, мессианизм
и византизм России*

Корректор: *К.П. Кашуба*

Подписано в печать 25.5.2010

Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.

Печ. л. 30. Уч.-изд. л. 22,93. Тираж 1000 экз. Заказ № 517-10

Отпечатано в ООО «Чебоксарская типография № 1»

428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15

ISBN 978-5-9902169-1-4

9 785990 216914